Studia Slavica et Balcanica Petropolitana

2012
№ 2(12)

Петербургские славянские и балканские исследования

2012
№ 2 (12)

ISSN 1995-848X

СОДЕРЖАНИЕ

Commentarii / Статьи

Смута в России: конфликт и диалог культур. Балтийский мир, Швеция и Русская Смута

Селарт А. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.) 3

Некрашевич-Короткая Ж. В. События и лица российской истории второй половины XVI – первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского 15

Тюменцев И. О. К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 годах 31

Ульяновский В. И. Православный Восток и Московское царство в начале Смуты: духовные миссии / посольства, проблема восприятия власти, символика даров 55

Масненко В. В. Украинский фактор в событиях Московской смуты в начале XVII века 91

Мауль В. Я. Тело Лжедмитрия I в контексте русской и западной культурных традиций 107

Рабинович Я. Н. Первые посольства нового новгородского правительства Делагарди-Одоевского в Москву и Стокгольм в 1611 г. и судьба их участников 121

Толстиков А. В. Петр Петрей в России (1601–1613) 129

Коваленко Г. М. Twórca króla & kungamakaren. Станислав Жолкевский и Якоб Делагарди в России 143

Шамин С. М. Швеция в русских переводах иностранной прессы в XVII в. 159

Формирование средневековой государственности в Центрально-Восточной Европе: состояние исследований и современные концепции

К 1150-летию зарождения российской государственности (862–2012)

Carciumaru R. The Genesis of the Medieval State on the Romanian territory: Moldavia 172

Плетерский А. Становление славянской государственности в Восточных Альпах 189

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А. Ю. Дворниченко, Директор музейного комплекса С.-Петербургского унгиверситета, зав. каф. истории России с древнейших времен до XX в.С.-Петерб. гос. ун-та (Россия)

И. Н. Данилевский, зав. каф. истории идей и методологии исторической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Россия, Москва)

Г. Ф. Матвеев, зав. каф. истории южных и западных славян Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова (Россия)

Л. Штайндорф, декан историч. фак-та ун-та Христиана-Альбрехта г. Киля (Германия)

Р. Жерелик, директор Института истории Вроцлавского ун-та (Польша)

А. Бумблаускас, продекан Вильнюсского ун-та (Литва)

Д. Свак, зав. каф. исторической русистики Будапештского ун-та ЭЛТЭ (Венгрия)

С. Богатырев, Ст. лектор Школы славянских и восточно-европейских исследований Университетского колледжа Лондона (Великобритания), модератор Network Early Slavic Studies.

Н. Будак, проф. Отделения истории философского фак-та Загребского ун-та (Хорватия)

Н. Н. Яковенко зав. кафедрой истории Киево-Могилянской академии (Украина)

И. Граля, профессор Варшавского университета

В. А. Якубский, засл. проф. С.-Петерб. гос. ун-та

Т. Г. Таирова, проф. С.-Петерб. гос. ун-та, директор Центра истории Украины С.-Петербургского гос. университета

Редколлегия:
А. И. Филюшкин
Выпускающий редактор
Д. Е. Алимов
Ответственный секретарь

Выпускающая группа:
С. С. Смирнова, зав. редакцией
А. А. Амосова, секретарь редакции
Н. В. Турыгина, отдел наукометрии
Н. В. Бакланова, корректор
Л. А. Шитова, верстка

Редакторы отделов:
В. В. Василик, редактор отдела истории Балкан
Л. М. Аржакова, редактор отдела историографии
А. И. Груша, собственный корреспондент по Белоруссии, Литве и Польше
А. Н. Блануца, собственный корреспондент по Украине и Белоруссии
М. Ниендорф, собственный корреспондент по странам Балтии
Г. Раванчич, собственный корреспондент по Хорватии
Э. О. Филиппович, собственный корреспондент по Боснии и Герцеговине

Адрес редакции:
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Менделеевская линия, 5,
Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра истории славянских и балканских стран (к. 23).
Телефон (007-812) 3289448
Факс: (007-812) 3236459
E-mail: ist-slavbalkan@yandex.ru
URL: http://history.spbu.ru/ index.php?chpu=studia_slavica_ et_balcanica_petropolitana

Присланные материалы рецензируются и не возвращаются.

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакционного совета и редколлегии.

Научное издание

Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 2 (12).

Обложка и дизайн *С. С. Смирновой*
Корректор *Н. В. Бакланова*
Компьютерная верстка *Л. А. Шитовой*
Подписано в печать 15.12.2012 г.
Формат 70 × 100/16
Усл. печ. л.
Тираж 150 экз.
Заказ 15-12/12

Отпечатано на полиграфической базе исторического факультета СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, 5
Тел. (812) 328-94-48

Измайлов И. Л. Становление Волжской Булгарии: от племени к государству 217

Recensiones / Рецензии

Шагинян А. К. [Андрей Юрьевич Митрофанов. «Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV–XI в.). Москва: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2010. 432 с. (с французским резюме). (Серия «Материалы по истории церкви». Книга 45)] 243

Блануца А. В. [Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст. Київ: Темпора, 2012. xxii + 450 с., іл. ISBN 978-617-569-060-4] 251

Кононенко В. [Пилип Орлик: життя, політика, тексти: Матеріали Міжнародної наукової конференції «Ad fontes» до 300-річчя Бендерської конституції 1710 р. Київ, НаУКМА, 14–16 жовтня 2010 / Нац. ун-т «Києво-Могилян. акад.»; ред.-упор. Н. Яковенко. Київ: Унів. вид. «Пульсари», 2011. 295 с. ISBN 978-617-615-0015] 253

Таирова-Яковлева Т. Г. [Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с. ISBN 978-5-91041-047-7] 258

Список сокращений 264

Смута в России: конфликт и диалог культур. Балтийский мир, Швеция и Русская Смута*

ББК 63.3(0)4эст; 63.3(2)44; УДК 94(474.2)+ 94(47).044

А. Селарт

«РУССКИЕ БОЯРЕ» В ЭСТЛЯНДИИ (конец XVI – начало XVII в.)

В ходе Ливонской войны и в период Смуты Россию покинул целый ряд аристократов и дворян. Большинство из них не были выдающимися публицистами, как Андрей Курбский, или политически активными личностями, как Афанасий Васильевич Шемякин[1], который в 1573 г. поступил на службу к королю Юхану III. При его участии в Швеции

* Раздел подготовлен при поддержке Темплана Санкт-Петербургского государственного университета, Мероприятие 8, Шифр ИАС СПбГУ 5.44.215.2012; Мероприятия 7, Шифр ИАС СПбГУ 5.23.955.2012.

[1] *Ödberg, F.* Tidsbilder ur 1500-talets Svenska häfder. Stockholm, 1896. S. 111–139; *Коваленко Г. М.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликт. М., 2010. С. 43–46.

было составлено на русском языке обращение к русским: уйти от «антихристианского тирана» Ивана Грозного на службу к «подлинно христианскому» королю Швеции[2]. Большинство русских «эмигрантов» составляли рядовые помещики, и в том, что они поступали на службу к шведскому или польскому королю, случай играл, видимо, не менее важную роль, чем сознательное желание сменить государя. Немаловажной была также военная обстановка. Например, как пишет таллиннский хронист Бальтазар Руссов, 14 февраля 1577 г., во время неудачной осады Таллинна, татарский дворянин *Bulaat Murssoy* (Булат Мирза) вместе с семьей и слугами перешел на сторону осажденных[3]. В 1581 г. на службе у победителей остался сдавшийся неприятелю ивангородский воевода Афанасий Бельский[4]. В современных западных источниках обычно называли всех русских дворян обобщенно «боярами», на самом деле, их социальный статус был, как правило, ниже.

В 1561 г. город Таллинн и рыцарство Харюмаа (Гарриен) и Вирляндии покорились шведской короне. В действительности к 1576 г. большая часть Эстонии была постепенно захвачена русскими войсками. Только Таллинн оставался прочным опорным пунктом Швеции, который русским не удалось покорить даже после неоднократных осад. В Ливонии распространялась российская система поместий, о которой сохранились, правда, только фрагментарные источниковые сведения[5]. Вместе со служилыми людьми в Ливонию переселялись и члены их семей. Когда военная удача повернулась не в пользу России, русские помещики — они происходили преимущественно из Новгородской земли — стали покидать захваченную территорию, но не все. Некоторые из них остались, получили от шведского короля феоды и стали, таким образом, частью дворянства Эстляндии. Одновременно они участвовали в последующих русско-шведских войнах. Бальтазар Руссов упоминает в связи с захватом шведами Нарвы в 1581 г., что тут же на приступ ходили и некоторые ракверские и падисские русские, перешедшие на службу к королю шведскому в связи с тем, что их замки оказались в руках короля: «Они обходились со своими земляками и кровными еще хуже и жесточе, чем шведские и немецкие наемники»[6].

Шведские власти раздавали русским дворянам земли во всем государстве. Поэтому нельзя быть уверенным в том, что помещик, получивший владение, например, в Эстляндии, «перебежал» именно здесь, а не, допустим, в Карелии. Во всяком случае, из Финляндии спустя время некоторые русские дворяне вернулись в Россию. После этого шведские власти предпочитали не раздавать «боярам» земли непосредственно в приграничной зоне[7]. Вероятно, этим объясняется и то, что в Эстляндии владения русских находились в западной части страны, на острове Хийумаа и в Ляэнемаа.

[2] Ett ryskt bref af Johan den tredje // Historisk Tidskrift (Stockholm). 1883. D. 3. P. 461–462.

[3] *Russow B*. Chronica der Prouintz Lyfflandt // Scriptores rerum Livonicarum. Bd. 2. Riga; Leipzig, 1848. S. 118.

[4] *Tawaststjerna W*. Kaarle IX:n ja Sigismundin taistelu Viron ja Liivinmaan omistamisesta. Helsinki, 1935. S. 674–675.

[5] *Флоря Б. Н*. К истории русского поместного землевладения в Ливонии // Русский дипломатарий. 1999. Т. 5. С. 114–117; *Selart A*. Pärnu Liivi sõja aegse Vene halduskeskusena // Pärnumaa ajalugu. 2002. Kd. 5. Lk. 21–33; *Пиотух Н. В*. Служилые люди на Ливонской войне // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003. С. 161–183; *Martin J*. Two Pomeshchiki From the Novgorod Lands: Their Fates and Fortunes during the Livonian War // Russian History. 2007. Vol. 34. P. 239–253.

[6] *Russow B*. Chronica… S. 147.

[7] *Melander K. R*. Venäjän pajareille Suomessa 1500 luvulla annettuja läänityksiä // Historiallinen Arkisto. 1914. Vol. 26. S. 1–16.

Объектом настоящего исследования является период, когда русский православный помещик становился шведским (или немецким) лютеранским дворянином. Во время войны, в период владычества России, в Ливонии для поселившихся здесь русских создавалась сеть православных церквей. Храмы располагались, как правило, в замках[8]. На самом деле православного миссионерства в покоренной Ливонии, однако, не происходило, и после военных поражений России и ухода русских православная церковь прекратила здесь свое существование[9]. В конце XVI в. и в XVII в. Шведское королевство являлось моноконфессиональной страной, где единственно дозволенной религией было лютеранство[10] — с небольшими исключениями, как, например, захваченная у России Ингерманландия вместе с городом Нарва[11]. Тем самым поступление на службу к королю означало, более или менее, и автоматическое принятие или признание лютеранства. По всей вероятности, это происходило не под прямым административным принуждением и не являлось формальным актом. Скорее, это было неизбежное и автоматическое следствие участия в дворянской жизни Эстляндии. В этом смысле в 1580–1590 гг. положение бояр Эстляндии отличалось от немного позже перешедших на шведскую службу русских дворян Ингерманландии, которые в течение двух первых поколений заключали браки преимущественно в своей общине и частично сохраняли православие до начала XVIII в.[12]

Однако «религиозное качество» русских дворян Эстляндии XVI в. иногда стояло под вопросом, по меньшей мере, с точки зрения лютеранской церкви. На это указывает, например, уже вышеприведенная цитата из хроники пастора Руссова об их особой жестокости. Одновременно Руссов описывает в своей хронике культурную и религиозную адаптацию русских: они стали одеваться по-немецки, так как находились теперь среди немцев и шведов и вместе с ними ходили в военные походы[13], что противоречило российским (и в религиозном смысле — важнейшим) традициям. Но этим они демонстрировали свою принадлежность к местной дворянской среде. При этом некоторые русские служилые люди татарского происхождения были совсем «недавними» христианами[14].

Вначале перебежчики получали от Шведского государства денежное жалование. В 1582 г. плату получило примерно 40 русских. В 1584 г. король Юхан III назначил

[8] *Selart A*. The Orthodox Monastery in Tartu during the Livonian War // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Past. Special issue on the history of Estonia. 2009. P. 46–55.

[9] *Селарт А*. Миссионерская деятельность Печерского игумена Корнилия во время Ливонской войны (1558–1582) // Археология и история Пскова и Псковской земли (в печати); *Гаврилин А. В., Назарова Е. Л., Селарт А*. Православие на территории Латвии и Эстонии до вхождения региона в состав Российской империи (в печати).

[10] *Buchholz W*. Schweden mit Finnland // Dänemark, Norwegen und Schweden im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Nordische Königreiche und Konfession 1500 bis 1660. Münster, 2003. S. 107–238.

[11] *Isberg A*. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617–1704. Uppsala, 1973; *Lotman P*. Heinrich Stahli pastoraalne tegevus Rootsi Läänemere provintsides 17. sajandi esimesel poolel. Tartu, 2010. Lk. 72–73.

[12] *Арсеньев С. В*. Русские дворянские роды в Швеции // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1905. № 2. С. 5–11; *Lind J. H*. De Ingermanlandske «Ryss-Bajorer». Deres sociale og genealogiske baggrund // Gentes Finlandiae. 1984. Vol. 6. P. 9–21; *Пересветов-Мурат А. И*. Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские baijor'ы // Новгородский исторический сборник. 1999. Т. 7 (17). С. 366–378; ср.: *Селин А. А*. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 213–215.

[13] *Russow B*. Chronica… S. 155.

[14] *Martin J*. Tatars in the Muscowite army during the Livonian War // The Military and Society in Russia 1450–1917. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 365–387; ср.: *Беляков А. В*. Крещение служилых Чингисидов в России XVI–XVII веков // Российская История. 2011. № 1. С. 107–115.

давать «боярам» земли в Швеции, Финляндии, Кексгольмском лене, Эстляндии и Ингерманландии. В Эстонии русским были вначале пожалованы села на острове Хийумаа. В 1589 г. земли на Хийумаа, взятые обратно для государства, были заменены владениями в других местах Эстляндии и Ингерманландии. Когда Ингерманландия 1590 г. отошла к России, в Эстляндии был, соответственно, увеличен объем «боярских» земель[15]. В 1594 г. землевладения русских и татар в Эстонии грамотой закрепил король Сигизмунд III Ваза[16]. В начале XVII в. русским дополнительно раздавались земли в Западной Финляндии[17].

В конце XVI в. в Эстляндию переселились и самые известные в исторической литературе «боярские» фамилии: Барановы, Насакины и Росладины (Разладины). Барановы происходили из детей боярских Обонежской пятины, многие из которых участвовали в войне в Ливонии. Роман Баранов бежал от царской службы уже в конце 1577 г. в Резекне[18]. В 1564 г. у Федора Баранова было поместье в захваченном русскими войсками Харюмаа[19].

В шведской Эстляндии Барановы появляются в источниках в 1580-х гг. Маловероятно, что их переход мог бы состояться раньше[20]. Вероятнее всего, поступление Барановых на службу к королю произошло около 1581 г., когда под командованием Понтуса Делагарди шведские войска вытеснили русских из страны. Предположение, что уже во время русской оккупации их поместья находились в Ляэнемаа и что они просто остались на месте[21], видимо, в данном случае не соответствует действительности, хотя в общем плане такая возможность не исключена. Их было пять братьев[22]: Войн, Федор, Кесарий, Меньшик и Григорий. Последний из них в 1609 г. пал в сражении[23]. Войну (ум. до 1620) шведский король сначала пожаловал земли на острове Хийумаа[24]. Не позднее 1590 г. ему было пожаловано Суур-Кесккюла в Ляэнемаа в приходе Кирбла. У Война были дочери Доротея и София, его сын Афанасий (ум. после 1647) был шведским офицером в Тридцатилетней войне. Брак Афанасия с Маргаретой фон Пален в 1626 г. оказался неудачным, и она ушла от него. Этот брак был аннулирован, в 1642 г. Афанасий женился на Элизабет фон Толль[25].

[15] *Tawaststjerna W*. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota. Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. Helsinki, 1918–1920. S. 668–669, 685–687.

[16] Eesti Ajalooarhiiv [Исторический Архив Эстонии, Тарту] (EAA). Ф. 957 (Saaremaa rüütelkond / Öselsche Ritterschaft). Оп. 2. Д. 19. Л. 1r–1v.

[17] *Tawaststjerna W*. Kaarle IX:n ja Sigismundin taistelu… S. 252.

[18] Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // ПИВЕ. М., Варшава, 1998. С. 57.

[19] *Blumfeldt E*. Om rysk förläningspolitik och bondebeskattning i Estland på 1560- och 1570-talen // Eesti Teadusliku Seltsi Rootsis Aastaraamat. 1970. Vol. 5. P. 69.

[20] Ср.: *Коваленко Г. М*. Русские и шведы… С. 43.

[21] *Jaago K*. Kullamaa kihelkond keskajast XX sajandini // Kullamaa kihelkond. Kultuuriajaloost ja loodusväärtustest. Kullamaa, 2005. Lk. 41; *Hein A*. Koluvere. Tallinn, 2009. Lk. 25.

[22] Der älteste schwedische Kataster Liv- und Estlands. Eine Ergänzung zu den baltischen Güterchroniken. Reval, 1882. S. 18, 21; *Bodisco A. von*. Geschichte des Adelsgeschlechts derer von Baranoff. Ein Beitrag zur Güter- und Familien-Geschichte Estlands. Reval, 1912. S. 15–16, 30–31, 77–78; *Ungern-Sternberg P. von*. Materialien zur Geschichte der Estl. Ritterschaft und ihrer Landgüter // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. 1914. Jg. 1911, 1912 und 1913. S. 443–485, 480; *Tawaststjerna W*. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota… S. 686; Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Estland. Bd. 2. Görlitz, 1930. S. 15–25. — В деталях генеалогии первых эстляндских поколении Барановых мнения исследователей расходятся.

[23] EAA. Ф. 1424 (Perekond Baranoff / Familie Baranoff). Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

[24] Die Revision vom J. 1586 und die Befragung vom J. 1589. Reval, 1915. S. 131.

[25] *Bodisco A. von*. Geschichte des Adelsgeschlechts derer von Baranoff… S. 115.

Федору Баранову также принадлежали земли на о. Хийумаа, позднее в Ляэнемаа в приходе Кулламаа (Охтла), с начала XVII в. и в Финляндии[26]. Владением Кесария (ум. 1628/1648) являлось (по соседству с селом Война) село Вяйке-Кесккюла, которое по его имени стало называться Казари (эст. *Kasari*, нем. *Kasargen*). По названию поместья, в свою очередь, в наши дни носит свое название крупнейшая в Западной Эстонии река Казари. Кесарию принадлежало еще землевладение под замком Колувере (д. Леэвре). Женой Кесария была Барбара фон Рехбиндер, его сына звали Захарий (ум. 1663). У Кесария были еще сыновья Готтхард (ум. после 1685) и Фридрих Йохан (ум. после 1700) и дочь Барбара.

Меньшик Баранов (ум. 1623) владел имением Сууре-Ляхтру, с начала XVII в. ему принадлежали также владения в Финляндии. До 1611 г. он некоторое время находился в плену у русских[27]. По разным источникам, Меньшик похоронен не то в церкви Олевисте в г. Таллинне, не то в церкви Кокемяки близ Турку в Финляндии[28]. Его первые супруги происходили из помещичьих семей фон Рихтеров и фон Будденброков. С третьей супругой Катариной фон Икскуль у него были сын Клаус Йохан (около 1621–1686) и дочь Гертруд (ум. 1694).

Леонтий Насакин[29] вместе с сыновьями Петром (ум. 1636) и Афанасием (ум. 1613) не позднее 1590 г. получил во владение села Кесквере и Патсу в приходе Мартна в Ляэнемаа. В 1586 г. у Афанасия и Петра имелись также земли на о. Хийумаа[30]. Женой Леонтия (ум. ок. 1600) была Марфа[31], его дочь Анна (ум. 1627) вышла замуж за «боярина» Петра Росладина[32]. Петр Насакин получил в 1606/08 г. лен в Финляндии близ Турку[33]. Он был женат на Гертруде фон Унгерн, детей звали Якоб (?, ум. 1657), Фридрих (ум. 1647), Анна (ум. до 1676), Маргарет и Фромхольд (ум. 1684). В 1605 г. в Колувере Петр Насакин убил кортеласом помещика Юргена фон Грюневальда, по случаю чего за него поручились местные русские Григорий Баранов, *Purtei Poutillo*, а также немецкий дворянин Юрген фон Икскуль[34]. *Purtei* может быть идентичен владевшему в 1586 г. землями на Хийумаа «боярину» *Parwoj Putilaw*[35]. В конце XVI в. в Ляэнемаа находились еще татары *Bulgark*, *Zurach* и *Bugdan*[36] *и русские Иван Романов и Daniel Golowitz*[37].

В июне 1582 г. в Нарву пришли бежавшие из России дворяне, три брата: Петр, Василий и Федор Росладины, которые поступили служить в войско Понтуса Делагарди[38].

[26] *Ungern-Sternberg P. von*. Materialien… S. 485.

[27] EAA. Ф. 1424. Оп. 1. Д. 2. Л. 5; Д. 3. Л. 13.

[28] *Bodisco A. von*. Geschichte des Adelsgeschlechts derer von Baranoff… S. 8 vgl. S. 78.

[29] Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Estland. Bd. 2. S. 142–143; Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Livland. Bd. 2. Görlitz, 1936–1943. S. 767–770; ср. разные генеалогические схемы: EAA. Ф. 1674 (Eestimaa Üldkasuliku Ühingu matriklikomisjon / Matrikelkomission des Estländischen Gemeinnützigen Verbandes). Оп. 1. Д. 698a.

[30] Die Revision vom J. 1586… S. 131.

[31] Der älteste schwedische Kataster… S. 21.

[32] *Ungern-Sternberg P. von*. Materialien… S. 480.

[33] Ibid. S. 485.

[34] Das Revaler Geleitsbuch 1515–1626. Bd. 1. Tallinn, 1939. S. 315.

[35] Die Revision vom J. 1586… S. 131; ср.: EAA. Ф. 957. Оп. 2. Д. 19 (Perwoi Putilof).

[36] Der älteste schwedische Kataster… S. 21, 107; EAA. Ф. 957. Оп. 2. Д. 19.

[37] *Almquist J. A*. Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630. D. 2. Stockholm, 1919–1922. S. 590–591, 600, 608.

[38] *Tawaststjerna W*. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota… S. 683–684.

Не позднее 1586 г. Василий Росладин получил от Понтуса Делагарди и короля Юхана земли на о. Хийумаа. На острове Василий самовольно занял и пустоши[39]. Около 1600 г. у Петра Росладина имелись земли в Лихуласком и Колувереском уездах[40], а позже также в Финляндии[41]. В приходе Ристи на Харюмаа получил села, а также каменный дом на Таллиннском Вышгороде, перебежавший в 1581 г. князь Юрий Петрович Андомский. Благодаря княжескому происхождению он удостоился по сравнению с другими соплеменниками более высокого денежного вознаграждения[42].

Реферированные генеалогические данные свидетельствуют о быстром интегрировании «бояр» в местное дворянское общество. Они заключали браки с членами местных дворянских семей, в том числе и с самыми именитыми из них — такими, как фон Икскуль или фон Унгерн. Рожденные от этих браков дети носили, как правило, имена на немецкий лад. Определенным «компромиссным вариантом» могли быть имена, которые подходили как к русскому, так и немецкому контексту, например, Анна, Якоб (Яков), Захариас (Захарий). Однако адаптация вовсе не означала отрицания «русского» происхождения. В доказательство своего дворянского происхождения Барановы в XVII–XVIII вв. неоднократно ссылались на своих прародителей и принадлежавшие им прежние владения в Новгородской земле[43]. Первоначальное недоверие властей в отношении русских и сомнения в их лояльности[44] к началу XVII в. уже, видимо, рассеялись.

Тем самым социальная роль помещика была важнее его этнического и культурного происхождения. Согласно восходящему к Средним векам церковному устройству Ливонии, помещики играли также роль в управлении церквями — соответствующие повинности были связаны не с лицами, а с землевладениями. «Бояре» акцептовали это устройство, хотя на практике встречались трудности, как выявляется из церковных визитаций, совершенных в 1580–1590 гг. таллиннским домпробстом Давидом Дубберхом[45]. Тем не менее, возникновение подобных проблем не стоит связывать непосредственно с русским (православным) происхождением дворян. Противоречия местного немецкого дворянства с церковными властями по экономическим вопросам и по поводу установления более сильного центрального контроля над приходскими церквями также были нередкими, к тому же после длительного периода войн сельские церкви находились в очень плачевном состоянии[46]. В 1601 г. в Кирбла на манеры местного пастора пожаловался весь приход — как немцы и эстонцы, так и русские[47].

[39] Die Revision vom J. 1586… S. 132.

[40] Der älteste schwedische Kataster… S. 18, 107; *Ungern-Sternberg P. von*. Materialien… S. 475.

[41] *Ungern-Sternberg P. von*. Materialien… S. 485.

[42] Die Revision vom J. 1586… S. 122, 130; *Almquist J. A*. Den civila lokalförvaltningen… S. 578.

[43] Eesti Ajaloomuuseum [Исторический музей Эстонии, Таллинн]. Ф. 6 (Peningi mõisa kirjakogu / Briefsammlung des Hofes Penningby). Оп. 1. Д. 1; ЕАА. Ф. 1424. Оп. 1. Д. 6; Д. 144.

[44] *Tawaststjerna W*. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota… S. 684.

[45] *Winkler R*. Der estländische Landkirchenvisitator David Dubberch und seine Zeit (1584–1603). Ein Beitrag zur estländischen Kirchengeschichte. Reval, 1909. S. 25–27.

[46] *Christiani T*. Bischof Dr. Johannes Rudbeckius und die erste estländische Provinzialsynode // Baltische Monatsschrift. 1888. Bd. 34. S. 549–587; *Tarkiainen K*. Christian Agricola und die schwedische Kirchenpolitik in Estland 1583–1586 // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Bd. 4. S. 58–77.

[47] *Winkler R*. Der estländische Landkirchenvisitator… S. 49.

В 1593 г. в приходе Мартна от имени всех русских в ответ на соответствующий вопрос местных немецких дворян Меньшик Баранов сообщил, что они участвуют в содержании церкви и пастората наравне с другими дворянами. Русские дворяне финансировали строительство кладовой пастората. Несколько лет позднее возникли, правда, проблемы с долгами мартнаских русских перед церковью. В 1598/1599 гг. Петр Росладин ответил на требование пастора Бартоломея Корнеруса и местного королевского наместника Герхарда Дёнхофа уплатить задолжавший *Predigergerechtigkeit* (натуральная подать пастору) отказом, сообщив, что наместника он ни во что не ставит и повинуется только королю. Афанасий Баранов предложил пастору вместо подати «15 чертей». По оценке, данной одним лютеранским священником в конце XVI в. Петру Насакину, из-за его грехов гнев Божий мог бы поразить всю Эстляндию, а увещевавшему его пастору он угрожал избиением. А когда пастор увещевал крестьянина, который содержал двух жен, то помещик — «боярин» *Polgat* — посоветовал своему крестьянину треснуть пастора колом по голове, что крестьянин и сделал, но только сшиб шапку с головы пастора. В то же время тот самый Петр Насакин (владелец Кесквере и Сууре-Рыуде) упоминался в 1627 г. как *Kirchenvorsteher* (светский настоятель церкви) мартнаского прихода вместе с помещиком из соседнего села Нийнья Хансом Кёлером[48]. Анна Росладина подарила церкви Мартна серебряный кувшин[49].

Примечателен случай с князем Андомским, которого летом 1588. г. застрелил его крестянин Юрген из д. Кыммасте. Юрген застал князя, когда тот «спал и прелюбодействовал» с его супругой[50]. Надо отметить, что Таллиннский магистрат дал Юргену охрану, хотя, как правило, в случаях умышленного убийства город охрану не давал[51].

Амбивалентное положение первого поколения «бояр» — «официальное» лютеранство *versus* традиции православия — хорошо иллюстрируется крестом в память Василия Росладина, который в 1590 г. во время русско-шведской войны был убит русскими. Памятный известняковый крест установлен в Вирумаа в д. Кырккюла, возле шоссе Таллинн–Нарва. Крест высотой ок. 2,1 м от сегодняшнего уровня земли сильно поврежден, тексты западной, немецкой стороны на нем можно прочитать только на основании рисунков XVIII–XIX вв.[52] Неизвестно, когда именно крест был установлен, но, во всяком случае, он относится к концу XVI в. Крест является своеобразным памятником религиозного диффузионизма. Форма креста принадлежит скорее к западной традиции, на соседних российских территориях такие кресты отсутствуют[53]. Памятный крест примерно такой же высоты сохранился в Таллинне на ул. Марта[54].

[48] *Ungern-Sternberg P. von*. Materialien… S. 480; ср. Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Estland. Bd. 2. S. 142.

[49] EAA. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 698a. Tabelle I.

[50] *Põldvee A*. Pakri rootslaste kaebused Karl XI-le 1684. aastal. Keila, 2001. Lk. 34.

[51] Revaler Geleitsbuch-Bruchstücke 1365–1458. Reval, 1929. S. viii; Das Revaler Geleitsbuch 1515–1626… S. 284.

[52] *Hansen H. J*. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858. S. 54–55; *Brotze J. Ch*. Estonica. Tallinn, 2006. Lk. 476–480.

[53] *Спицын А. А*. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. 1903. Т. 5. Вып. 1. 1903. С. 206, 225–227; *Панченко В. Б*. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. 2009. Т. 5. С. 420–438.

[54] Воздвигнут после 1560 г., высота от постамента 2,2 м.

Но оформление креста чисто православное: на обеих сторонах изображен крест с «Голгофой». Главный текст на «немецкой» стороне гласил *IHS C[H]*, на «русской» — *[ИС] ХСЪ НИКА*. Немецкий текст сообщает: *A[nn]o [15]90 den 4 Februar is[t] der Russe in das swedische Lager gevalen und hatd edle un[d] manha[ft] Wasili Rasla[din] erschlage[n]*. Расшифровка русского текста затруднена, догадка Александра Спицына такова: «Лета 7098, месяца февраля на память Святого Сидора <…> убиен бысть на сем месте раб Божей Василией…»[55] Упоминание святого (день Исидора Пелусиотского 4 февраля) однозначно указывает на православие.

Примечательным свидетельством адаптации «бояр» и связанных с этим трудностей служат сохранившиеся в фонде рода Baranoff в Эстонском историческом архиве в Тарту принадлежавшие Меньшику Баранову документы об имениях и управлении ими. На обороте документов на немецком и шведском языке находятся пометки на русском языке о содержании этих документов, сделанные, по всей вероятности, рукой самого Меньшика Баранова[56]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что хотя Меньшик и владел немецким языком в устной форме, он не был в состоянии самостоятельно читать по-немецки. О том, что Петр Насакин владел языками, говорит тот факт, что он неоднократно упоминается в качестве переводчика[57].

Однако уже следующее поколение «бояр» успешно слилось с местной средой. Российское происхождение осталось лишь особой экзотической чертой. Когда в XVIII в., после присоединения Эстляндии и Лифляндии к Российской империи, Барановы вновь поступили на службу к Российскому государю, они были подлинным прибалтийско-немецким дворянским родом.

Данные о статье:

Работа выполнена при поддержке проекта ETF № 7744. Автор благодарит за важные советы Вальдур Охман, Айн Мяэсалу и Айвар Пыльдвеэ.

Автор: Селарт, Анти, доктор философии, Эстония, Тарту, профессор Тартуского университета (Эстония), anti.selart@ut.ee

Заголовок: «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.)

Резюме: Во время русско-шведских войн в 1580-х – 1590-х гг. немало российских дворян перешли в шведскую службу и получили в Эстляндии имения от шведских властей. В конце XVI в. в Эстляндию переселились и самые известные в исторической литературе эстляндские «боярские» фамилии: Барановы, Насакины и Росладины (Разладины). Генеалогические данные свидетельствуют о быстром интегрировании этих «бояр» в местное, немецкое дворянское общество. Поступление на службу к королю означало, более или менее, и автоматическое принятие лютеранства. Это происходило не под прямым административным принуждением, а как неизбежное и автоматическое следствие участия в дворянской жизни Эстляндии. От эстляндских землевладельцев требовались участие в религиозном дисциплинировании крестьян, материальная поддержка местной церкви и т.н.

[55] *Спицын А. А*. Заметки о каменных крестах… 208; ср.: *Brotze J. Ch*. Estonica. Lk. 479; ; Ohmann V. Kõrkküla ehk vene bojaari Vassili Rosladini kivirist // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. 2012. No. 3. Lk. 53–59.

[56] ЕАА. Ф. 1424. Оп. 1. Д. 1, passim; Д. 4, passim; Д. 5, passim.

[57] *Tawaststjerna W*. Kaarle IX:n ja Sigismundin taistelu… S. 252; *Tarkiainen K*. Venäjäntulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661 // Historiallinen Arkisto. 1969. N. 64. S. 35–36, 92. Ср. Maier I. Wer war der Autor von Alfabetum Rutenorum (Stockholm ohne Jahr)? // Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Vol. 3. Göttingen, Bonn, 2012. S. 333–357.

Тем самым общественная роль помещика была важнее его конкретного этнического и культурного происхождения.

Ключевые слова: Эстляндия, Россия, Швеция, служилые люди, религиозная конверсия

Литература, использованная в статье:

Арсеньев, Сергей Васильевич. Русские дворянские роды в Швеции // Летопись историко-родословного общества в Москве. 1905. № 2. С. 5–11.

Беляков, Андрей Васильевич. Крещение служилых Чингисидов в России XVI–XVII веков // Российская История. 2011. № 1. С. 107–115.

Коваленко, Геннадий Михайлович. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликт. Москва: Ломоносовъ, 2010. 251 с.

Панченко, Виктория Борисовна. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. 2009. Т. 5. С. 420–438.

Пересветов-Мурат, Александр Иванович. Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские baijor'ы // Новгородский исторический сборник. 1999. Т. 7 (17). С. 366–378.

Пиотух, Нина Валериевна. Служилые люди на Ливонской войне // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2003. С. 161–183.

Селарт, Анти. Миссионерская деятельность Печерского игумена Корнилия во время Ливонской войны (1558–1582) // Археология и история Пскова и Псковской земли (в печати).

Селин, Адриан Александрович. Новгородское общество в эпоху Смуты. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2008. 747 с.

Спицын, Александр Андреевич. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. 1903. Т. 5. Вып. 1. 1903. С. 203–234.

Флоря, Борис Николаевич. К истории русского поместного землевладения в Ливонии // Русский дипломатарий. 1999. Т. 5. С. 114–117.

Almquist, Johan Axel. Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630. Vol. 2. Stockholm: Norstedt & söner, 1919–1922. (Meddelanden från Svenska Riksarkivet. Ny följd. Ser. 2. Vol. 6/2). 688 p.

Blumfeldt, Evald. Om rysk förläningspolitik och bondebeskattning i Estland på 1560- och 1570-talen // Eesti Teadusliku Seltsi Rootsis Aastaraamat. 1970. Vol. 5. P. 56–70.

Bodisco, Alexander von. Geschichte des Adelsgeschlechts derer von Baranoff. Ein Beitrag zur Güter- und Familien-Geschichte Estlands. Reval: Revalsche Zeitung, 1912. 128 p.

Brotze, Johann Christoph. Estonica. Tallinn: Estopol, 2006. 619 p.

Buchholz, Werner. Schweden mit Finnland // Dänemark, Norwegen und Schweden im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Nordische Königreiche und Konfession 1500 bis 1660. Münster: Aschendorff, 2003. (Katholisches Leben und Kirchenreform im Zeitalter der Glaubensspaltung. Vol. 62). P. 107–238.

Christiani, Titus. Bischof Dr. Johannes Rudbeckius und die erste estländische Provinzialsynode // Baltische Monatsschrift. 1888. Vol. 34. P. 549–587.

Hansen, Heinrich Johann. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat: Laakmann, 1858. 396 p.

Hein, Ants. Koluvere. Tallinn: Hattorpe, 2009. 175 p.

Isberg, Alvin. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617–1704. Uppsala: Uppsala universitet, 1973. (Acta universitatis upsaliensis. Studia historico-ecclesiastica upsaliensia. Vol. 23). 163 p.

Jaago, Kalev. Kullamaa kihelkond keskajast XX sajandini // Kullamaa kihelkond. Kultuuriajaloost ja loodusväärtustest. Kullamaa: Kullamaa vallavalitsus, 2005. P. 35–63.

Lind, John Howard. De Ingermanlandske «Ryss-Bajorer». Deres sociale og genealogiske baggrund // Gentes Finlandiae. 1984. Vol. 6. P. 7–76.

Lotman, Piret. Heinrich Stahli pastoraalne tegevus Rootsi Läänemere provintsides 17. sajandi esimesel poolel. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. (Dissertationes theologiae Universitatis Tartuensis. Vol. 20). 180 p.

Martin, Janet. Tatars in the Muscowite army during the Livonian War // The Military and Society in Russia 1450–1917. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. (History of Warfare. Vol. 14). P. 365–387.

Martin, Janet. Two *pomeshichiki* from the Novgorod lands: Their fates and fortunes during the Livonian war // Russian History. 2007. Vol. 34. P. 239–253.

Melander, Kurt Reinhold. Venäjän pajareille Suomessa 1500 luvulla annettuja läänityksiä // Historiallinen Arkisto. 1914. Vol. 26. P. 1–16.

Ödberg, Fridolf. Tidsbilder ur 1500-talets Svenska häfder. Stockholm: Fritze, 1896. 139 p.

Põldvee, Aivar. Pakri rootslaste kaebused Karl XI-le 1684. aastal. Keila: Harjumaa Muuseum, 2001. (Harjumaa uurimused. Vol. 4). 184 p.

Selart, Anti. Pärnu Liivi sõja aegse Vene halduskeskusena // Pärnumaa ajalugu. 2002. Vol. 5. P. 21–33.

Selart, Anti. The Orthodox Monastery in Tartu during the Livonian War // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Past. Special issue on the history of Estonia. 2009. P. 46–55.

Tarkiainen, Kari. Christian Agricola und die schwedische Kirchenpolitik in Estland 1583–1586 // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Vol. 4. P. 58–77.

Tarkiainen, Kari. Venäjäntulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661 // Historiallinen Arkisto. 1969. Vol. 64. P. 5–136.

Tawaststjerna, Werner. Kaarle IX:n ja Sigismundin taistelu Viron ja Liivinmaan omistamisesta. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1935. (Historiallisia tutkimuksia. Vol. 19). 270 p.

Tawaststjerna, Werner. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota. Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1918–1920. (Historiallisia tutkimuksia. Vol. 1). 784 p.

Ungern-Sternberg, Paul von. Materialien zur Geschichte der Estl. Ritterschaft und ihrer Landgüter // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. 1914. Jg. 1911, 1912 und 1913. P. 443–485.

Winkler, Rudolf. Der estländische Landkirchenvisitator David Dubberch und seine Zeit (1584–1603). Ein Beitrag zur estländischen Kirchengeschichte. Reval: Mickwitz, 1909. 54 p.

Information about the article:

The paper was written by the support of ETF, project № 7744. The author would like to thank Ain Mäesalu, Valdur Ohmann, and Aivar Põldvee for their help.

Author: Selart, Anti, Ph. D. in History, Estonia, Tartu, Professor of the University of Tartu, anti.selart@ut.ee

Title: The «Russian Boyars» in Estonia (late 16th – early 17th century)

Summary: During the Russo-Swedish wars in the 1580s and 1590s several Russian noblemen entered into the service of the Swedish realm and gained from the Swedish administration manors in Estonia. In the late 16th century in Estonia settled the well-known families of Baltic «Russian boyars»: Baranoff, Nasakin, and Rosladin (Rasladin). The genealogical information confirms that the «boyars» during a short time integrated into the local German noble society. Entering the Swedish service more or less involuntarily necessitated the acceptance of the Lutheranism. It did not happen due to any administrative pressure. Accepting the Lutheranism was an inevitable and automatic effect of taking part in the life on the local nobility. As manorial lords they had to take part in the religious disciplining of peasants, patronize the local church etc. Consequently the social role of a manorial lord proved to be more important than his precise ethnic or cultural origin.

Key words: Estonia, Russia, Sweden, nobility, conversion

References:

Almquist, Johan Axel. *Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523–1630*. Vol. 2. Stockholm: Norstedt & söner, 1919–1922. (Meddelanden från Svenska Riksarkivet. Ny följd. Ser. 2. Vol. 6/2). 688 p.

Arsen'ev, Sergei Vasil'evich. Russkie dvoryanskie rody v Shvecii [Russian Nobles in Sweden], in *Letopis' istoriko-rodoslovnogo obshestva v Moskve*. 1905. Nr. 2. C. 5–11.

Belyakov, Andrei Vasil'evich. Kreshenie sluzhilyh Chingisidov v Rossii XVI–XVII vekov [A Baptism of service Chingizids in Russia in the 16th–17th cent.], in *Rossiiskaya Istoriya*. 2011. Nr. 1. S. 107–115.

Blumfeldt, Evald. Om rysk förläningspolitik och bondebeskattning i Estland på 1560- och 1570-talen, in *Eesti Teadusliku Seltsi Rootsis Aastaraamat*. 1970. Vol. 5. P. 56–70.

Bodisco, Alexander von. *Geschichte des Adelsgeschlechts derer von Baranoff. Ein Beitrag zur Güter- und Familien-Geschichte Estlands*. Reval: Revalsche Zeitung, 1912. 128 p.

Brotze, Johann Christoph. *Estonica*. Tallinn: Estopol, 2006. 619 p.

Buchholz, Werner. Schweden mit Finnland, in *Dänemark, Norwegen und Schweden im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Nordische Königreiche und Konfession 1500 bis 1660*. Münster: Aschendorff, 2003. (Katholisches Leben und Kirchenreform im Zeitalter der Glaubensspaltung. Vol. 62). P. 107–238.

Christiani, Titus. Bischof Dr. Johannes Rudbeckius und die erste estländische Provinzialsynode, in *Baltische Monatsschrift*. 1888. Vol. 34. P. 549–587.

Florya, Boris Nikolaevich. K istorii russkogo pomestnogo zemlevladeniya v Livonii [About the Russian estates in Livonia], in *Russkii diplomatarii*. 1999. T. 5. S. 114–117.

Hansen, Heinrich Johann. *Geschichte der Stadt Narva*. Dorpat: Laakmann, 1858. 396 p.

Hein, Ants. *Koluvere*. Tallinn: Hattorpe, 2009. 175 p.

Isberg, Alvin. *Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617–1704*. Uppsala: Uppsala universitet, 1973. (Acta universitatis upsaliensis. Studia historico-ecclesiastica upsaliensia. Vol. 23). 163 p.

Jaago, Kalev. Kullamaa kihelkond keskajast XX sajandini, in *Kullamaa kihelkond. Kultuuriajaloost ja loodusväärtustest*. Kullamaa: Kullamaa vallavalitsus, 2005. P. 35–63.

Kovalenko, Gennadii Mihailovich. *Russkie i shvedy ot Ryurika do Lenina. Kontakty i konflikt* [*Russians and Swedes from Rurik till Lenin. Contact and conflict*]. Moskva: Lomonosov', 2010. 251 s.

Lind, John Howard. De Ingermanlandske «Ryss-Bajorer». Deres sociale og genealogiske baggrund, in *Gentes Finlandiae*. 1984. Vol. 6. P. 7–76.

Lotman, Piret. *Heinrich Stahli pastoraalne tegevus Rootsi Läänemere provintsides 17. sajandi esimesel poolel*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. (Dissertationes theologiae Universitatis Tartuensis. Vol. 20). 180 p.

Martin, Janet. Tatars in the Muscowite army during the Livonian War, in *The Military and Society in Russia 1450–1917*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. (History of Warfare. Vol. 14). P. 365–387.

Martin, Janet. Two *pomeshichiki* from the Novgorod lands: Their fates and fortunes during the Livonian war, in *Russian History*. 2007. Vol. 34. P. 239–253.

Melander, Kurt Reinhold. Venäjän pajareille Suomessa 1500 luvulla annettuja läänityksiä, in *Historiallinen Arkisto*. 1914. Vol. 26. P. 1–16.

Ödberg, Fridolf. *Tidsbilder ur 1500-talets Svenska häfder*. Stockholm: Fritze, 1896. 139 p.

Panchenko, Viktoriya Borisovna. Kamennye kresty Izhorskogo plato (katalog) [Stone Crosses from th Izborsk plateau (catalogue)], in *Stratum plus*. 2009. T. 5. C. 420–438.

Peresvetov-Murat, Aleksandr Ivanovich. Iz Rostova v Ingermanlandiyu: M. A. Peresvetov i drugie russkie Boyare [From Rostov to Ingermanlandia: M. A. Peresvetov and another Russian Boyars], in *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. 1999. T. 7 (17). C. 366–378.

Piotuh, Nina Valerievna. Sluzhilye lyudi na Livonskoi voine [Service people at the Livonian War], in *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Materialy nauchnyh seminarov za 2001–2002 gg*. Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi ob'edinennyi istoriko-arhitekturnyi i hudozhestvennyi muzei-zapovednik, 2003. S. 161–183.

Põldvee, Aivar. *Pakri rootslaste kaebused Karl XI-le 1684. aastal*. Keila: Harjumaa Muuseum, 2001. (Harjumaa uurimused. Vol. 4). 184 p.

Selart, Anti. Pärnu Liivi sõja aegse Vene halduskeskusena, in *Pärnumaa ajalugu*. 2002. Vol. 5. P. 21–33.

Selart, Anti. The Orthodox Monastery in Tartu during the Livonian War, in *Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. Past. Special issue on the history of Estonia*. 2009. P. 46–55.

Selin, Adrian Aleksandrovich. *Novgorodskoe obshestvo v epohu Smuty* [*Novgorod society during the Time of Troubles*]. Sankt-Peterburg: Russko-Baltiiskii informacionnyi centr «BLIC», 2008. 747 c.

Spicyn, Aleksandr Andreevich. Zametki o kamennyh krestah, preimushestvenno novgorodskih [Notes about stone crosses, primary Novgorodian], in *Zapiski Otdeleniya russkoi i slavyanskoi arheologii Imperatorskogo russkogo arheologicheskogo obshestva*. 1903. T. 5. Vyp. 1. 1903. S. 203–234.

Tarkiainen, Kari. Christian Agricola und die schwedische Kirchenpolitik in Estland 1583–1586, in *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2009. Vol. 4. P. 58–77.

Tarkiainen, Kari. Venäjäntulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661, in *Historiallinen Arkisto*. 1969. Vol. 64. P. 5–136.

Tawaststjerna, Werner. *Kaarle IX:n ja Sigismundin taistelu Viron ja Liivinmaan omistamisesta*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1935. (Historiallisia tutkimuksia. Vol. 19). 270 p.

Tawaststjerna, Werner. *Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota. Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1918–1920. (Historiallisia tutkimuksia. Vol. 1). 784 p.

Ungern-Sternberg, Paul von. Materialien zur Geschichte der Estl. Ritterschaft und ihrer Landgüter, in *Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik*. 1914. Jg. 1911, 1912 und 1913. P. 443–485.

Winkler, Rudolf. *Der estländische Landkirchenvisitator David Dubberch und seine Zeit (1584–1603). Ein Beitrag zur estländischen Kirchengeschichte*. Reval: Mickwitz, 1909. 54 p.

ББК 63.3(Бел), 63.3(Лит), 63.3(2)44; УДК 882.6.09 + 871.09 + 875.09

Ж. В. Некрашевич-Короткая

СОБЫТИЯ И ЛИЦА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. В ПАМЯТНИКАХ ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

События, названные в российской историографии Смутным временем, относятся к началу XVII в. Однако Смута стала следствием глубочайшего политического кризиса в государстве и нравственного кризиса в обществе; истоки этого явления следует искать гораздо ранее, в предшествующих эпохах российской истории. Прекрасно написал об этом С. М. Соловьев, рассуждая о феномене Бориса Годунова, — подобно тому, как во времена Древнего Рима Саллюстий рассуждал о феномене Луция Катилины. Возможность начала Смуты, по мысли русского историка, заключалась в самом характере Бориса Годунова, «но продолжение ее и сильное развитие условливались другими обстоятельствами: болезнь прикинулась и сильно развилась в общественном теле, потому что тело это заключало в себе много дурных соков»[1]. Подобное понимание общественных настроений в Московском княжестве, оценки деятельности важнейших исторических фигур того времени эксплицировались в художественной форме поэтами соседнего государства — Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Зачастую этот материал, представленный в памятниках эпической поэзии, существенно дополняет те сведения, которые содержатся в документальных источниках.

Во второй половине XVI в. военно-политические отношения между Московским княжеством и ВКЛ обострились, и в первую очередь — в связи с притязаниями на область Ливонии (Инфлянт), что привело к затяжной Ливонской войне (1558–1583). Кроме того, после смерти последнего Ягеллона, короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа, вопрос о престолонаследии стал дополнительным стимулом для агрессивной политики Ивана Грозного. В историографии данный период представлен многочисленными письменными свидетельствами на разных языках и из разных источников,

[1] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1989. С. 377.

в том числе из произведений художественной литературы. Пожалуй, менее всего в связи с темой предпосылок и начала русской Смуты были востребованы памятники латиноязычной лиро-эпической поэзии ВКЛ, которые наиболее активно создавались именно в это время (в конце XVI – начале XVII в.) и в которых нашли отражение многие события российской истории. Если же принять во внимание тот факт, что объективность отображения событий является конститутивной жанровой характеристикой эпоса, то представленный материал может быть интересен не только литературоведам, но и историкам в контексте сопоставления с другими (документальными) источниками.

Материалом данного исследования являются памятники эпической поэзии, относящиеся к контексту полилингвистической литературы ВКЛ. Это в первую очередь поэмы, объединенные темой Ливонской войны: «*Panegyricus in excidium Polocense*» Базиля Гиацинта («Панегирик на взятие Полоцка», 1580), «*Hodoeporicon Moschicum… Christophori Radiwilonis*» («Описание московского похода… Христофора Радзивилла», 1582) Франтишка Градовского, а также «*Radivilias sive De vita er rebus... principis Nicolai Radivili*» («Радзивиллиада, или О жизни и подвигах... князя Николая Радзивилла», 1592) Яна Радвана.

Что же касается поэтических произведений, созданных в начале XVII в., то события, происходившие в Московском княжестве, почти не привлекли к себе внимания поэтов-эпиков соседнего государства. Скорее всего, это было связано с эстетической установкой художников: те события, которые разворачивались на «чужой» территории (в Москве), не могли стать основой и даже фрагментом эпического повествования для поэтов ВКЛ. В то же время агрессивная политика Ивана Грозного в отношении восточных (белорусских) регионов этого государства, а также Инфлянт, позволяла авторам расширять повествовательный контекст, вводя в него имена известных деятелей российской истории.

Главной исторической фигурой, привлекающей внимание писателей второй половины XVI в., стал великий князь Иван Васильевич IV (Грозный). Еще при его жизни стали появляться литературные описания преступлений тирана. Так, лютеранский пастор Пауль Одерборн (ок. 1555–1604), живший в 80-е гг. XVI в. в Полоцкой земле, издал в 1585 г. в Виттенберге трактат «*Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita*» («Жизнь великого князя Московского Иоанна Васильевича»). Уже в первых строках автор стремится заинтриговать читателя, привлечь его внимание посредством представления исключительного в своем роде человеческого воплощения зла:

> «Nemo umquam a nulla hominum memoria, ex his qui regia dignitate, vel insigniori libidine, Ioanne Basilide, adversus cives et exteros est usus; <…> Illo enim nemo durius cives oppressit, nemo atrocius et foedius hospites adflixit, nemo arridente fortuna adversus subiectos superbior et immitior fuit, cuius studia plena immanissimae inhumanitatis, truculentiae atque iniustitiae, ita in Sarmatia, in mundo, totaque Europa, atque Germania audiuntur, et damnantur, ut ubique terrarium nemo sit, qui tyranno infernalium tortorum supplicia optare non videatur; a quo Barbara vis, caedes, cruciatus, mors, fames, vastitas et dira malorum omnium incommode generi humano allata sunt»[2].

[2] Наш перевод: «Никто и никогда в памяти людской из числа тех, кто прославились королевским достоинством и титулом высшей власти, не проявлял большей жестокости и безграничного произвола в отношении сограждан и иноземцев. <…> Никто так бессердечно не угнетал граждан, никто так свирепо и мерзко не преследовал чужеземцев; никто, насмехаясь над судьбой, не проявлял себя более высокомерным и беспощадным в отношении своих подданных; настолько чудовищная бесчеловечность, грубость и несправедливость отличали его деяния, что люди в Сарматии, во всем мире, во всей Европе, а также в Германии услышали о них и осудили их; и казалось, что на всей земле не было больше никого, кто не просил бы в мольбах адских пыток для тирана; от него роду человеческому достались варварская сила, убийства, страдания, смерть, голод, опустошение и жуткие несчастья во всевозможных лишениях» (*Oderbornius P.* Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita… Witebergae, 1585. P. 13 n. n.).

Несмотря на то, что книга была опубликована уже после смерти Ивана Грозного, она имела огромный успех. Именно поэтому в 1586 г. Пауль Одерборн снова издал свой трактат, на сей раз в переводе на немецкий язык, имевшем характерное название: «*Wunderbare, erschrekliche, unerhörte Geschichte und warhaffte Historien, nemlich des nechtsgewesenen Grossfürsten in der Moschkaw, Joan. Basilides… Leben*» («Невероятная, ужасающая, неслыханная быль и правдивые истории, а именно жизнь предыдущего великого князя в Московии, Ивана Васильевича»).

Однако если в художественной прозе излагается преимущественно биографический материал и формируется картина событий того времени, то в памятниках эпической поэзии литературно-художественный контекст значительно расширяется за счет исторических параллелей, эмоционально-оценочных отступлений и характеристик, формирующих неофициальный, обывательский — а значит, по большому счету, народный — взгляд на происходящие события. Так, в «Панегирике на взятие Полоцка» Базиля Гиацинта не только сам Иван Грозный, но и его предшественники противопоставляются великим князьям литовским. Обращаясь перед началом битвы с армией Ивана Грозного к своим воинам, король вспоминает о преступлениях «отца тирана», московского князя Василия III, захватившего «*praeclara Smolensci castra Seuerensiaque arua*» («прекрасные укрепления Смоленска и северские земли»)[3]. Его же сын, Иван IV, разграбив Ливонию, «*gaudet adempta // vrbe Poloscorum, Russisque exsultat opibus // latro bonis*» («радуется тому, что отнял город полочан, радуется злодей русским богатствам»)[4]. Вспоминая героические времена князя Витовта, посредством эмоционального обращения короля Стефана Батория к воинам поэт стремится пробудить чувство гнева, желание отомстить ненавистному тирану, который «*praedone saeuior omni*» («хуже любого разбойника»)[5].

Позитивным противовесом московскому князю выступает Стефан Баторий. В передаче его обращения к войску поэт прибегает к типичному для барочной литературы приему — контрасту. Король вспоминает, что когда-то у предков литвинов не было даже мечей, и они, сражаясь обожженными пиками и палками из твердых пород дерева, были способны побеждать «меднодоспешные» отряды. Теперь же, возмущается монарх, «*adsunt hastilia, tela, pharetrae; // Inque hostem nec adhuc patriae prodibitis armis // Arreptis?*» («есть копья, стрелы, колчаны; но вы и дальше не будете выступать против врага с оружием в руках?»)[6]. Эмоциональное напряжение достигает наивысшей точки, когда король заявляет:

Reddere sollicitos si uos haec intima nolunt,
Me mea sollicitant, nec enim quod temnor ab hoste
Ferre queo patiens, ibo atque celerrimus ibo,
Regalique meum caput hoc diademate cinctum
Obiectabo libens morti, si regius iste
Legitimus sit honos, uelut est, uictoria certe
Nostra manet, stabit Rex, corruet ille Tyrannus [7].

[3] *Hyacinthius Vilnensis B*. Panegyricus in excidium Polocense... Patavii, 1580. P. 12 n. n.

[4] *Hyacinthius Vilnensis B*. Panegyricus... P. 12 n. n.

[5] Ibid.

[6] Ibid. P. 13 n. n.

[7] Перевод наш: «Если ваши сокровенные чувства не желают придать вам волнения, то меня они волнуют. Я не могу терпеть того, что враг меня унижает, и я пойду, пойду как можно скорее, я охотно подставлю смерти свое чело, увенчанное короной. Если королевская слава должна быть такой, какая она есть, то, несомненно, победа будет за нами; король выстоит, а тот тиран погибнет!» (Ibid.).

В этом и других фрагментах «Панегирика...» отчетливо сформулирован мотив московской тирании, ставший одним из литературных топосов конца XVI в. и представленный во многих произведениях. Так, в 1573 г. в Вильно был опубликован сборник стихотворений, посвященный трагическим событиям «варфоломеевской ночи» в Париже. В одном из стихотворений есть такие строки: «*Barbara nunc igitur gaude, Moscouia gaude, // Te superat turpi Gallia barbarie*» («Итак, радуйся же теперь, варварская Московия, радуйся: Галлия превзошла тебя в позорном варварстве!»)[8]. Таким образом, Базиль Гиацинт, разоблачая тиранию Ивана Грозного устами Стефана Батория, присоединяет свой голос к современным ему латиноязычным авторам из разных стран.

Поэма «*Hodoeporicon Moschicum… Christophori Radiwilonis*» («Описание московского похода… Христофора Радзивилла», 1582) Франтишка Градовского посвящена описанию смелой военной экспедиции польного гетмана Христофора Радзивилла, который вместе с отрядами смоленского воеводы Филона Кмиты предпринял в 1581 г. рейд к верховьям Волги, пройдя недалеко от Старицы, в которой тогда находился Иван Грозный. Вся поэма наполнена чувствами радости и ликования, стремлением высмеять попавшего впросак врага. Преисполненный чувством гордости за военные успехи соотечественников, автор начинает с риторического вопроса:

Tanta ne vos tenuit rerum fiducia, Mosci,
Vt nostros deinceps impune lacessere fines
Speretis, Litauosque nihil tentare potentes,
Vimque pati vestram secura mente putetis? [9]

В качестве ответа, обращаясь к мотиву изменчивости судьбы (игры Фортуны), Ф. Градовский сообщает о начале военного триумфа Стефана Батория. В связи с этим поэт иронически советует врагу позаботиться о своей обороноспособности:

En rerum fatisque vices, tibi maximus ille
REX Stephanus istas iam nunc deponere cristas
Incepit fere Mosce, tuos cinge aggere muros,
Tela noua, lapsas aeuo circumspice sedes,
Praesidiis oram firma, et munimine vallo,
Multiplica peditum turmas, equitumque cateruas [10].

Войску же ВКЛ, по мнению Ф. Градовского, об этом заботиться не нужно: «*auspice Christo // Qui nostrum sequitur tam iusta in praelia Regem*» («под защитой Христа мы идем за нашим королем на справедливую битву»). Поэт подчеркивает нравственный перевес литвинов — защитников своего Отечества. Неслучайно, по его мнению, за свои преступления ратники Ивана Грозного были лишены покровительства Христа.

[8] Illustrium aliquot Germanorum carminum liber… Vilnae, [1573]. P. 3 n. n.

[9] Наш перевод: «Неужели, московцы, вами овладела такая самоуверенность, что вы надеетесь безнаказанно нападать все время на наши земли и думаете, что литвины совершенно неспособны наносить поражение, что они будут без сопротивления терпеть ваше насилие?» (*Gradovius F.* Hodoeporicon Moschicum illustrissimi principis ac domini, domini Christophori Radiwilonis…Vilnae, 1582. P. 5 n. n.).

[10] Наш перевод: «О изменчивость событий и судеб! Славный король Стефан теперь уже начал сбивать с тебя это оперение, жестокий московец! Окружи валом свои стены, обнови оружие, осмотри кругом разрушенные временем укрепления, укрепи границу войсками и надежным заграждением, увеличь число пехоты и конницы» (Ibid. P. 5 n. n.).

Интересно, что и в «Хронике» М. Стрыйковского, как пишет В. Шевчук, московиты опосредованно уподобляются язычникам, не трактуются как христиане[11]. Можно предположить, что подобные апелляции появились в «Описании московского похода…» (да и вообще в латинской поэзии ВКЛ) не в последнюю очередь как полемическая реакция на теорию «Москва — третий Рим».

Типичное для жанра *hodoeporicon* (описания путешествия) перечисление географических пунктов — это у Ф. Градовского перечисление тех городов и местечек, которые удалось отвоевать у врага. Сами военные успехи литвинов должны выглядеть как подтверждение справедливости их притязаний:

Sussa tibi, Soccolla tibi, Polocia diues,
Vswatum, Velisumque tibi, Lucumque celebre
Ereptum est, Neuela etiam Zauolociaque ingens [12].

«Поэма Ф. Градовского, — пишет С. Ковалев, — насквозь проникнута мотивом отмщения, мотивом справедливого наказания московцев за все нанесенные литвинам обиды»[13]. В самом деле, поэт приводит слова Николая Радзивилла (отца Христофора), с которыми тот обратился к своему войску накануне Ульской битвы (1564): «*Haec est illa dies, mihi voto optata frequenti, // qua gens effudo dabit impia sanguine poenas*» («Это тот самый день, о котором я часто просил в молитвах, чтобы безбожный народ заплатил пролитой кровью»)[14]. Подобным образом, Христофор Радзивилл, обращаясь к союзникам, говорит: «*Nunc tempus <…> tot funera gentis // Lituanae vlcisci, meritasque reposcere poenas*» («Вот и [настало] время отомстить за такую великую погибель литовского народа, воздать заслуженную кару»)[15]. Явный смысловой параллелизм реплик отца и сына символизирует, с одной стороны, преемственность поколений «мстителей», с другой стороны — единодушие в стане войска ВКЛ.

Мотив мести, однако, оттеняется в поэме замечаниями о ее справедливости, о согласии небесных сил на то, чтобы московцы понесли наказание. Еще Николай Радзивилл так вдохновлял свое войско перед боем: «*Nil desperandum Christo duce, et auspice Christo / Eia agite*» («Не теряйте надежды, эй, идите под предводительством Христа и под опекой Христа»)[16]. С целью нравственного оправдания военного рейда Христофора Радзивилла Ф. Градовский описывает небесное знамение, явившееся перед войском Стефана Батория, идущего на Псков. Необычную игру красок и огней вслед за гетманом Радзивиллом берется растолковать некто «другой» (*alius*): он предсказывает, что «*Moschouias noua flamma domos absumet, et hostem // Fatali perdet, terrae Deus arbiter, igni*» («новый огонь поглотит московские дома, и Бог, судья над земными делами, уничтожит врага смертельным огнем»)[17]. То, что «авгур» не наделен никаким именем, кроме как «другой», скорее всего, служит указанием на его небесное происхождение.

[11] *Шевчук В. О.* Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть: У 2 кн. Кн. 1. Київ, 2004. С. 132.

[12] Наш перевод: «У тебя уже отвоеваны Суша, Сокол, святой Полоцк, Усвят, Велиж, знаменитые [Великие] Луки, даже Невель и огромное Заволочье» (*Gradovius F.* Hodoeporicon Moschicum… P. 5 n. n.).

[13] *Кавалеў С. В.* Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу: Манаграфія. Мінск, 2010. С. 223.

[14] *Gradovius F.* Hodoeporicon Moschicum… P. 7 n. n.

[15] Ibid. P. 23.

[16] Ibid. P. 7 n. n.

[17] Ibid. P. 13 n. n.

Таинственный божественный посланник, обращаясь к Николаю Радзивиллу, пророчествует о судьбе его сына:

Hunc iam Moschouios video volitare per agros
Igne, fame, flamma, ferro: radiare secures
Iam video, iam Basilidem sibi quaerere tutas
Aspicio latebras, iam tecta incensa domosque [18].

Все эти пророчества в скором времени сбываются. После нападения отрядов Христофора Радзивилла Иван Грозный не только вынужден был искать убежища: глядя на сполохи пожарищ среди ночи, он плакал и сетовал на свою жестокую судьбу[19].

«Описание московского похода…», насыщенное разнообразными батальными сценами, все же проникнуто искренним стремлением автора к миру. Еще в одном из начальных фрагментов поэмы, где описывается Ульская битва, «*pater Borysthenius*» («отец Днепр») гневно обращается к предводителю московского войска князю Серебряному, предлагая ему остановиться, не преумножать страданий собственного народа и повернуть назад[20]. В финале же, прервав песнь Муз, посвященную войне, поэт сам собирается слагать далее «*encomia pacis*» («хвалебные песни миру»): «*multis pax vna triumphis // Est potior: migrent alium fera bella sub axem*» («один мир лучше многочисленных побед: так пусть же свирепые войны перенесутся на другой край света»)[21]. Автор полагает, что стремление к миру — самый лучший способ выйти из конфликтной ситуации как для московцев, так и для литвинов.

Поэма отличается кольцевой композицией: она начинается с рассуждений об изменчивости судьбы и ими же завершается. Враг, беспощадно разоряющий вначале родной край, теперь, подобно схваченному за хвост дикому зверю, «*serpere discit humi, caudamque remittere supplex*» («учится ползать по земле, умоляя отпустить хвост»): «*Sic variat fortuna suis mutabilis alis*» («Так изменчивая фортуна все переиначивает своими крыльями»)[22]. В результате триумфального рейда отряда Николая Радзивилла по тылам московских войск Иван Грозный вынужден был подписать перемирие. Это, по мнению автора, и есть тот поворот судьбы, который стал результатом справедливого Божьего приговора.

Наиболее богатый и разнообразный материал, касающийся событий и участников Ливонской войны, представлен в героической эпопее «*Radivilias sive De vita er rebus... principis Nicolai Radivili*» («Радзивиллиада, или О жизни и подвигах... князя Николая Радзивилла», 1592) Яна Радвана. Различные события военной истории XVI в. представлены здесь как в ретроспективных обзорах, так и в их непосредственно хроникальном описании. В первой книге, рассказывая об отце Николая Радзивилла, Георгии, поэт упоминает о том, как в 1535 г. войско под его командованием освободило города Стародуб и Гомель. В контексте этих событий в поэме показан «*Ovcina ferox*» («жестокий Овчина»; *Radivilias I, 154* etc.[23]), т. е. Иван Овчина-Оболенский-Телепнев. Именно он

[18] Наш перевод: «Вот я вижу, как он пролетает по московским землям с огнем, голодом, пламенем, железом; вижу, как блестят боевые секиры, вижу, как [Иван] Васильевич ищет себе безопасное убежище, [вижу] подожженные кровли и дома» (Ibid.).

[19] См.: Ibid. P. 28.

[20] Ibid. P. 9.

[21] Ibid. P. 33.

[22] Ibid.

[23] Ссылки на текст поэмы даются по научному переизданию, подготовленному С. Нарбутасом: Radvanas Jonas. Radviliada; compiled, introductory article, commentaries and vocabulary of persons; translated from Latin into Lithuanian by Sigitas Narbutas. Vilnius, 1997.

изображается инициатором нового нападения на ВКЛ. В картине осады Стародуба автор чрезвычайно художественно описывает различные военные методики, в частности, использование взрывчатки для разрушения крепостных стен. Поэт искренне сожалеет о том, что «*in extremos cineres Starodubia praestans // Sedit, et aequa solo fumat, flos ille Seuerum*» («прекрасный Стародуб превратился в сплошное пепелище, исходит дымом, сравнявшись с землей, эта краса северцев»; *Radivilias I, 182–183*). Овчина, потерпевший поражение (его, плененного, выводят из города), удостаивается гневной тирады от автора:

Quis tibi nunc Ovcina videnti talia sensus?
Quidue animi? cum dejectas a culmine moles
Aspiceres, sparsosque ignes, clademque tuorum.
Quo nunc ille furor? quo vani pectoris orsus?
(*Radivilias I, 184–187*)[24].

Эти строки поэмы сопровождает следующая глосса: «*Owcina captus et 60 000 Moschorum capta, aut coesa*» («Овчина захвачен в плен, также 60 000 московцев захвачены либо убиты»). Интересно, что при первом упоминании Овчины Ян Радван сразу же сообщает о том, что он «*furtiuis hymenaeis // Reginae elatus*» («был возвышен благодаря тайной связи с царицей»; *Radivilias I, 154–155*). Скорее всего, уже в первой части поэмы автор готовит почву для полной и беспощадной деэстетизации образа Ивана Грозного во второй части. Действительно, информация о «незаконном браке», которым Иван Овчина-Оболенский сочетался с великой княгиней Еленой Васильевной (Глинской), встречается в исторических источниках. Более того, существует гипотеза о том, что Иван IV появился на свет именно в результате этой внебрачной связи. Возможно, Ян Радван считал эту информацию достоверной, и низкое происхождение Ивана Грозного стало для него дополнительным аргументом, чтобы изобразить его в исключительно негативном ракурсе.

Вторая книга «Радзивиллиады» открывается развернутой характеристикой Ивана Грозного. Автор не скупится на самые уничижительные эпитеты и метафоры для характеристики московского князя, который показан жестоким разрушителем и убийцей не только для соседних народов, но и по отношению к своим собственным подданным. По мысли Яна Радвана, Иван IV «*exuperans omnes infanda mente tyrannos*» («жестокостью души превзошел всех тиранов»; *Radivilias I, 30*). Поэт недвусмысленно показывает непосредственную связь Ивана Грозного с силами зла. Об этом он пишет еще в начале второй книги:

Credibile est Diras, aut si qua nocentior illis,
Gentibus est facies, monstrum genuisse nefandum,
Vberibus Stygiis Diras pauisse nocentes,
Et lac Tartareum Furias admosse recenti,
Sanguineaque siti cor et incendisse medullas
(*Radivilias II, 18–22*)[25].

[24] Наш перевод: «Что же ты чувствуешь теперь, Овчина, видя все это? Что происходит в твоей душе, когда ты смотришь сверху на руины, на горящий огонь и поражение твоих (людей)? Где же нынче (твой) столь великий гнев? Где замыслы пустого сердца?»

[25] Наш перевод: «Похоже, что фурии (ведь едва ли для всех тех народов кто-нибудь был более ненавистен) породили такого ужасного монстра и что эти преступные фурии выкормили его стигийскими сосцами, фурии поили (его) с детства тартарийским молоком, а кровавой жаждой распаляли сердце и душу».

Поэт с ужасающим натурализмом изображает всевозможные способы пыток, применяемые тираном, бесконечные бедствия, причиняемые им как своему, так и соседним народам.

Quid memorem insolitas coedes, et facta tyranni
Effera? Mactatos cives, primosque Senatus,
Obscoenasque dapes, lituos, mensasque cruore
Manantes? Aut quid viduatas civibus urbes,
Et desolatos iteratis coedibus agros.
Mortua quin etiam portis trabibusque praealtis
Corpora conjugibus ferus appendebat in ore,
Exuperans omnes infanda mente tyrannos
(*Radivilias II, 23–30*)[26].

Следует вообще заметить, что Ян Радван весьма точно осведомлен о событиях политической истории пограничного между Московией и ВКЛ региона. Известный литовский литературовед С. Нарбутас, автор нескольких книг, посвященных «Радзивиллиаде», и переводчик поэмы на литовский язык, выявил тесную фактографическую общность «Радзивиллиады» и «Хроники» Мацея Стрыйковского[27]. В первую очередь это касается описания места Ульской битвы 1564 г.[28] В связи с вышеупомянутой битвой называются обычно река Ула либо местечко Чашники, откуда и берут начало два известных в историографии варианта названия данной баталии (Ульская либо Чашницкая битва). Но лишь Мацей Стрыйковский четко указывает: «*Położył się tedy obozem Srebrny dwie mili od Orszej nad rzeką Kropiwną, a Sojski na Czasznickich polach w sielisku Iwańskim Burkołabowim*»[29]. Название «Иванск» встречается в «Радзивиллиаде» дважды: Ян Радван еще в экспозиции поэмы упоминает о триумфальной славе, пролетавшей «*per Evanscia rura*» («по иванским полям»; *Radivilias I, 26*), а затем при непосредственном описании Ульской битвы отмечает: «*Hac pugnata tenus sub Evansci limite bella*» («До нее (т. е. ночи. — *Ж. Н.-К.*) продолжалась битва в районе Иванска»; *Radivilias III, 594*). В этом месте текст оригинала сопровождает глосса: «*In campo Iuanscio nunc ingens aceruus ossium humanorum*» («На иванских полях и теперь [можно найти] огромное количество человеческих костей»).

Если художественная презентация Ивана Грозного отличается стремлением к гипертрофированной деестетизации, то другие московские дворяне изображены в «Радзивиллиаде» совсем иначе. Ян Радван никогда не противопоставляет гетману Радзивиллу воеводу Петра Шуйского, хотя именно последний (а не Иван Грозный) был реальным предводителем московского войска в Ульской битве. Говоря о том, что Петр Шуйский «*illustri ferrugine clarus*» («отличался выдающимся коричневым цветом»; *Radivilias II, 787*), Ян Радван, скорее всего, имеет в виду цвет его волос. Это одновременно средство и сопоставления, и противопоставления с главным героем поэмы — рыжеволосым

[26] Наш перевод: «Что мне припомнить? Неслыханные убийства и ужасные поступки тирана? Замученных граждан и сановников сената? Развратные пиры, трубные звуки и яства, полные крови? Что же еще? Города, лишенные жителей, земли, опустошенные бесконечными убийствами? Ведь он, дикарь, даже мертвые тела развешивал на глазах у супругов на высоких воротах и (потолочных) балках, превосходя испорченностью души всех тиранов».

[27] *Narbutas S.* Tradicija ir originalumas Jono Radvano «Radviliadoje». Vilnius, 1998. P. 27–54.

[28] См.: *Янушкевіч А. М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1158–1570 гг. Мінск, 2007. С. 78–83.

[29] [*Stryjkowski M.*] Która przed tym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Żmodzka i wszystkiej Rusi... Warszawa, 1846. T. II. S. 414.

гетманом Николаем Радзивиллом, известным в истории с прозвищем «Рыжий». Отношение Яна Радвана к Петру Шуйскому неоднозначно: поэт уважает его за военные заслуги, однако с большой долей иронии изображает его бегство после поражения в Ульской битве; яркими красками описывает сцену убийства воеводы одним из полоцких лесорубов, но глубоко лирично, с использованием образов Овидия, изображает его уход из жизни.

С. Нарбутас считает пацифистский настрой определяющей чертой художественной специфики произведения[30]. Так, легендарный певец Мусей, который показан в поэме как воспитатель юного Николая Радзивилла, не забывает пожелать своему ученику: «*Neu sic ventosae scandas fastigia famae, // speratis pacem ut cupias postferre triumphis*» («Не возносись излишне к вершинам ветреной славы, ведь тогда ты начнешь отдавать предпочтение желанным триумфам, а не миру»; *Radivilias I, 360–361*). В конце первой книги поэт декларирует невозможность уподобить своего героя полководцам былых времен, поскольку последние не одерживали «*nullos de pace triumphos*» («никаких побед мирным путем»), а гетману Радзивиллу это удалось: сжалившись над врагом, он убедил ливонцев подчиниться власти Сигизмунда II Августа и таким образом сохранить себе жизнь. В этих эпизодах, конечно же, содержится скрытое антитетичное сопоставление гетмана Радзивилла с князем Иваном Васильевичем. Другую сторону этого сопоставления (т. е. необузданное стремление московского князя к военной агрессии) поэт раскрывает во второй книге. Ян Радван показывает, что накануне Ульской битвы 1564 г. в душе Ивана Грозного «*insania Martis inarsit*» («разгорелось безумие Марса»; *Radivilias II, 744*). Стремление великого князя к войне поэт изображает как настоящую одержимость:

Bella ferox, mera bella, sonat, miscetque penates,
Luctificam exsomnis pugnam, stragesque requirit,
Turbidus, arma super: vultum ferus, asper, anhelans
Sanguineam torquens aciem, mora suscitat iras
(*Radivilias II, 745–748*)[31].

Противопоставлению двух военных предводителей служат и сравнения: если Николай Радзивилл сравнивается с прикаспийским тигром (*Radivilias II, 578*), то Иван Грозный — с разъяренным медведем (*Radivilias II, 354–364*) и умбрийским псом из свиты Дианы (*Radivilias II, 749–759*). Кроме того, если гетман Радзивилл часто изображается поэтом в тяжелых раздумьях о судьбах своего народа, в размышлениях о том, как избежать ненужного кровопролития, то Иван Грозный никогда такими вопросами не озабочен. Так, при виде огромного количества погибших во время захвата Полоцка в 1563 г. московских воинов «*saeuo gliscit violentia Moscho, // Ira, pudorque subit, totoque furentis ab ore // Scintillae absistunt*» («постепенно разгорается бешенство в душе безжалостного московца, (им) овладевает гнев и стыд, а из глаз одержимого (князя) вылетают искры»; *Radivilias II, 542–544*). После этого московский

[30] *Narbutas S.* Jonas Radvanas and his heroic epos Radivilias // Radvanas Jonas. Radviliada. Vilnius, 1997. P. LVI.

[31] Наш перевод: «“Войны! Настоящие войны!” — кричит он в бешенстве и оглашает (криком) чертоги. Лишившись сна, он стремится к приносящим горе битвам и к убийствам. В помешательстве (кричит): “Войны превыше (всего)!” С диким выражением лица, задыхаясь от бешенства, вращает налитыми кровью глазами; задержка (в войне) вызывает гнев».

князь в гневе начинает ругать и избивать своей палкой… святого Николая (речь идет, конечно же, об иконописном лике). Закончив это занятие, Иван обращается к высшим сановникам:

O Moschi semper inertes,
Et maleforte genus! Quis tantum copia fandi
Ventosa in lingua, quoties pugnare necesse,
At Mars in pedibus, fugitis me cuncta vidente?
Et passim caditis plebs immiserabilis ense.
At non in Bacchum segnes, cevereque lumbis,
Cum lyra, vel resonans induxit tibia saltus
(*Radivilias II, 556–562*)[32].

Эти строки в тексте оригинала сопровождаются глоссой «*Moschorum mores*» («Нравы московцев»). Однако в целом Ян Радван (в отличие, скажем, от Франтишка Градовского) не распространяет свою критику на всех подданых Ивана Грозного, на русский народ. Описывая бесконечные разрушения и пожарища, которыми сопровождалось вторжение московских войск в Ливонию, Ян Радван сочувствует как местным жителям, так и воинам — участникам сражения:

Abductosne gemas lugubris terra colonos,
Deletas acies, totis data funera campis?
Agmina bellandum juvenum, et sub Marte cadentum,
Impubesne fleas pueros terrore revictos?
Trux vultus pro vulnere erat, complexibus ipsis
Immoriebantur miseri: sic plurima veris
Dona cadunt, ventis si quando perhorruit aether
(*Radivilias II, 53–59*)[33].

Описание бедствий Ливонии завершается гневным обвинением в адрес московского князя: "*Haec tua sunt damna Ivane o saeuissime regum, // Qui vitio facinus, qui coedem coede piabasi*" (*Radivilias II, 71–72*) («Вот какой ущерб был из-за тебя, Иван, о свирепейший среди царей, // Ты искупал проступок злодеянием, убийство — убийством»).

Автор «Радзивиллиады» совершенно лишен каких бы то ни было иллюзий относительно возможности покаяния со стороны Ивана Грозного. В дополнение к процитированным выше словам о фуриях как кормилицах будущего тирана поэт в финал второй книги (*Radivilias II, 702–723*) вводит подробное описание одной из эриний, Алекто, которая в художественном контексте поэмы служит метафорой дьявольских сил вообще. Подтверждением тому служит сопровождающая эти строки глосса: «*Ivanum Satanas in bellum incitat et descriptio Satanae poetica*» («Сатана подстрекает Ивана к войне; поэтическое описание сатаны»). Упомянутое описание интересно не столько зарисовкой внешности существа из преисподней с традиционным клубком змей на голове и зловонием, которым сопровождается «*dira canis*» («проклятая сучка»), но в первую очередь

[32] Наш перевод: «О московцы, вечно бездеятельные, о трусливый народ! Кто еще обладает таким мастерством болтовни с легкомысленным языком — мол, сколько же еще нужно воевать? Марс (у вас) — в ногах, вы все бежите прямо на моих глазах! Затем вы погибаете от меча, о недостойная сожаления чернь! Но зато вы не ленивы в отношении Вакха и в том, чтобы вилять задом, когда звуки лиры или флейты заводят пляску».

[33] Наш перевод: «Плачь, несчастная земля, о захваченных в плен жителях, о разгромленном войске. Ты стала кладбищем на всем своем протяжении. Оплачь отряды юных воинов, погибших под властью Марса, а также маленьких детей, охваченных страхом. Картина разгрома ужасна; бедные (люди) умирали, обхватив друг друга — так первые дары весны опадают, когда воздух вздымается ветрами».

ее зловещим полетом над землями Московии. Конечный пункт этого «путешествия» вполне определен:

Moschas praeceps enauit ad Arctos,
Et summo Kitai stridens in culmine sedit,
Ter pavidas arces circumvolitavit, et alte
Tecta magisteriis auis importuna venenat.
Exin Moschorum in penetralia celsa tyranni
Intrat, et Ivano quem tum super horrida bella
Pectore fixa graui iamdudum cura premebat,
Vipereis unum vibrat de crinibus anduem
In medium pectus, serpens per membra volutus
Fit torquis rutilans, quem Vlodimirus ab hoste
Detraxit spolium: primos hoc tollere fasces
Omen habent Moschi Reges, hoc sceptra capessunt
(*Radivilias II, 720–731*) [34].

Глосса, сопровождающая эти строки, кратко излагает историю знаменитой шапки Мономаха: «*Torquis Vladimiri Monomachi, quem Graeco provocanti detraxit, duello congressus*» («Венец Владимира Мономаха, который он снял (с головы) приглашенного (им) грека, напав на него с войной»). Таким образом, Ян Радван прибегает к более широким обобщениям: высшая (царская) власть в Московии — тираническая в своей основе, ведь даже знак этой власти был приобретен путем коварства и насилия.

Итак, фурия проникает в души людей (в первую очередь, конечно, Ивана), «*tartareum inspirans sensum mentemque pererrans*» («внушая тартарический ход мыслей, проникая в душу»; *Radivilias II, 732*). Ян Радван утверждает, что именно фурия «нашептала» князю, чтобы он начал уничтожать своих подданых и даже «*armenturque manus in gnati fata parentis*» («взял оружие в отцовскую руку, чтобы убить (своего) сына»; *Radivilias II, 739*). Фурия внушила московскому князю желание «*assidua caleant de caede cruore penates, // mille viis celerum certetur, nec modus adsit*» («чтобы от ежедневных убийств дом был покрыт теплой кровью, чтобы он усердно стремился к тысяче различных преступлений и не знал (в этом) меры»; *Radivilias II, 740–741*).

И все же главным преступлением Ивана Грозного Ян Радван считает стремление к бесконечным захватническим войнам. Поэт-гуманист ужасается при виде многочисленных жертв как с одной, так и с другой стороны. Он искренне оплакивает московских ратников, павших в боях под Чашниками в 1564 г.:

Occidit Osiphus praestans Theodoria proles,
Sternitur et natus Scuntori trux Davides,
Horrendus claua juvenis, curvaque sarissa.
Cui medios inter pugnanti fortiter, ecce
Improvisa venit glans, quam non nunciat ante
Adventum stridor, quam candida pectora rupit.

[34] Наш перевод: «Вот она стремительно прибывает к московским Медведицам, и, стрекоча, садится на маковку Китая (=Китай-города), трижды облетает кругом охваченные страхом крепости и наполняет высокие хоромы смертельным ядом зловещих указаний. Затем она влетает в высокие покои тирана московцев, к Ивану, которого тогда, помимо ужасных войн, уже давно угнетала в душе неизменная забота; выпускает из змеиных щупалец одну змею в самое сердце; змея, извиваясь по членам, становится золотым венцом, который Владимир (= Мономах) стащил с врага как военный трофей: его как знак высшей власти носили московские цари, стремясь приобрести его как царское достоинство». Созвездия Большой и Малой Медведицы служили в латинской поэзии традиционным способом обозначения того региона, который на картах со времен Птолемея обозначался как «Сарматия» и «Скифия».

Vos quoque Palecii Litavis jacuistis in arvis,
Ivanus cum fratre Simone…
Te quoque Romani soboles praeclare Micyta,
Viderunt syluae morientem, glande recepta
Ad terram non sponte ruis, pars magna Senatus,
Alitibus data praeda jaces, miserande Micyta.
Dextera nec tua te Moschum fortissime Cosma,
Nec tua te Selivone feris assuete necandis,
Eripuit letho, nec te praeclare Demetri
(*Radivilias III, 515–522, 527–533*)[35].

Среди погибших упоминаются также братья Сила и Никита (Кунторовы). С горечью, сочувствием и искренним гуманистическим чувством поэт резюмирует: «*vestra parentes // lumina clauserunt nimio desecta dolore, // impubesque genas lacrymis sprasere caducis*» («родители в великой печали не закрыли ваших померкших глаз, а на щеки [ваших] детей не брызнут горькие слезы»; *Radivilias III, 539–541*).

Весьма позитивно изображен в «Радзивиллиаде» Андрей Курбский. Ян Радван подчеркивает благородность его происхождения («*auctorum descendens sanguine prisco // Russigenum*» («происходил из древнего рода праотцов русичей»; *Radivilias III, 729–730*), военный талант, отмечает, что князь заслуженно пользовался любовью народа. В «Радзивиллиаде» (*Radivilias III, 757–781*) присутствует поэтическое изложение письма Николая Радзивилла Андрею Курбскому, где гетман ВКЛ настоятельно рекомендует не служить далее «людоеду», который, по его мнению, вскоре несомненно расправится с талантливым сановником — таковы «*mores tyranni*» («нравы тирана»). Закономерно, что добродетельный (в изображении Яна Радвана) князь Курбский прислушался к совету Николая Радзивилла. Точно так же закономерно, что «многогрешный» Иван Грозный находит себе союзника в лице распутного датского принца Магнуса (в глоссе он иронично назван «ливонским Парисом»), совершившего много такого, «*bono haud cupienda, viro haud toleranda*» («к чему не должен стремиться и чего не должен допускать добродетельный муж»; *Radivilias III, 917*).

Ян Радван стремится подчеркнуть неоднородность (а следовательно — разобщенность) московского войска. Граждан соседнего государства поэт не воспринимает как единый народ: идентификационный термин «*Moschi*» («московцы») в «Радзивиллиаде» следует воспринимать как политоним. Поэт то и дело упоминает названия различных племен (чаще всего — мордву), представители которых входили в состав войска Ивана Грозного. Обещая юному королю Сигизмунду II прославить имя монарха многочисленными победами, Николай Радзивилл в своей речи создает своеобразный реестр этих племен:

Ante tuos oculos victae longo ordine gentes
Incedent, variae linguis, armisque virisque,
Et Casanum genus, et discincti Perreaslavi,
Rezaniique, sagittiferique Moromones, atque

[35] Наш перевод: «Уходит из жизни Иосиф, славный сын Федора (= Иосиф Федорович Быковский), падает на землю и сын Скунтора, свирепый Давид, юноша устрашающей наружности с дубиной и длинной загнутой пикой. Он храбро сражался в центре, но его настигла шальная пуля, и даже свист не предупредил о ее появлении, когда она разорвала прекрасную грудь. Также и вы, Палецкие, лежите на литовских землях, Иван вместе с братом Семеном… Леса увидели также, как умираешь ты, знаменитый сын Романа (= Никита Романович Одоевский): получив пулю, ты падаешь на землю в беспамятстве; ты был одним из первых в Думе, (а теперь) лежишь, сделавшись добычей птиц, о несчастный Никита. Ни твоя десница, о сильнейший среди московцев Козьма, ни твоя, Селивон, привычный к жестоким убийствам, не избавила (вас) от смерти; не (избавила) и тебя, о прекрасный Димитрий".

Rostouii, Tueriique truces, fortesque Sevieri,
Et manus Astrachanum spirantes pectore robur,
Extremique hominum, ad glacialia marmora Ponti
Errantes Duinae: magni populique ducesque
(*Radivilias I, 507–514*)[36].

Примечательно, что традиционный для героического эпоса реестр войск Ян Радван своеобразно организует в композиционном плане. Если реестр войска ВКЛ поэт помещает в последней, четвертой книге «Радзивиллиады», то выше приведенный реестр московского войска — в первой книге. Скорее всего, в самом начале автору важно сформировать у читателя представление о московцах как разобщенном, «рассеянном» народе. Вспомним, что соответствующее этимологическое толкование названия *Russia* встречается в трактате «*Rerum Moscovitarum commentarius*» Сигизмунда Герберштейна: московиты, по мнению австрийского дипломата, «*asserentes Rossejam antiquitus appellatam, quasi gentem dispersam, seu disseminatam: id quod nomen ipsum indicat, Rosseja etenim, Rutenorum linguā, disseminatio, seu dispersio interpretatur*» (заявляют, что Россея — это древнее название, как бы «разбросанный» или «рассеянный» народ; это и есть то, что означает само это название, ведь слово «Россея» с языка русинов переводится как «рассеивание» или «разбрызгивание»)[37]. Но у Яна Радвана представление о «рассеянности» жителей Московии наполнено политическим смыслом.

В то же время Ян Радван стремится подчеркнуть не только сплоченность войска Николая Радзивилла, но и в целом федеративный характер «Речи Посполитой обоих государств»[38], акцентируя специфику патриотизма граждан этого государства. Так, в описании осады Тарваста в июле 1561 г. упоминаются несколько польских шляхтичей из войска Николая Радзивилла: ротмистры Моджевский, Волминский, Клюковский (*Radivilias II, 250–281*). Но поэт не идентифицирует этих героев в их принадлежности к польскому народу: для него гораздо важнее то патриотическое чувство, которое объединило белорусов, литовцев, поляков и другие народы, защищавшие свое Отечество на полях Ливонской войны. Зато оппозиция «литвины» — «московиты» возникает в риторическом восклицании поэта, завершающем описание осады Тарваста: «*Sanguine Moschorum et Litavo ditabere posthac, // O nimium rigidis agitata Livonia fatis!*» («Кровью московцев, а затем и литовской кровью ты обогащаешься, о Ливония, терзаемая жестокой судьбой!»; *Radivilias II, 298–299*).

Как уже было отмечено в начале статьи, собственно события Смутного времени не нашли отражения в памятниках латинской эпики ВКЛ. Единственное исключение составляет героическая поэма «*Carolomachia*» (1606) Христофора Завиши[39], посвя-

[36] Наш перевод: «Перед твоим взором пройдут длинной вереницей побежденные племена, различные языками, оружием и воинством. Тут и племя казанцев, и неудержимые переяславцы, и рязанцы, и стрелоносные муромцы, и ростовцы, и суровые тверцы, и могучие северцы, и отряды астраханцев, дышащих силой, и жители окраинных земель, которые расселились от Двины до холодных вод моря, — великие народы и предводители».

[37] *Herberstein S.* Rerum Moscoviticarum commentarii… Basileae, 1571. P. 5 n. n.

[38] Целесообразность использования этого термина вместо широко известного «Rzeczpospolita obojga narodów» аргументирует в ряде своих работ В. Г. Короткий (см., например: *Короткий В. Г.* Литва, Русь, литвин, русин в памятниках литературы Великого Княжества Литовского XVI–XVII веков // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos. Vilnius 2009. P. 192–195).

[39] Большинство польских и литовских ученых придерживаются мнения, что Лаврентий Боер, профессор поэтики и риторики, приписал свое произведение Христофору Завише. На наш взгляд, аргументация по данному вопросу недостаточно убедительна (см.: *Некрашэвіч-Каротkая Ж. В.* Беларуская лацінамоўная паэма: Позні Рэнесанс і ранняе Барока. Мінск, 2011. С. 144–153.

щенная победе войска под командованием гетмана Яна Кароля Ходкевича над шведским войском Карла IX в 1605 г. под Кирхгольмом (сейчас — Саласпилс в Латвии). Само название поэмы, которое переводится как «Битва двух Карлов», предопределяет использование противопоставления как основного художественного приема. Характеристику главным действующим лицам в этом барочном произведении зачастую дают реки. Так, Двина, отвечая королеве Балте, любующейся шведским войском, выступает со следующей речью:

… certissimus ille triumphi,
Huc sese extreme rem tentaturus agebat,
Externis opibus bene fultus et aere Borissi
Hodoni, infesti Litauis gentique Polonae,
Praestitae opis, fidei, iusti ac tutaminis ergo,
Conanti solium DEMETRIO adire paternum:
Quod felix, sic o Superi vuluistis, adiuit,
Moschouiae, Hodono victo, ditione potitus.
Consortem thalami sibi destinat ille Polonam,
Relligione pia, praestanti corpore nympham,
Illustri genitore satam, de stirpe MNISEKum,
Clara palatino quo SENDOMIRIA gaudet [40].

В процитированном отрывке противопоставление Лжедмитрия (трактуемого как законного престолонаследника) «московскому тирану» Борису Годунову вводится как художественная подсветка для более выразительной презентации основного противопоставления — Яна Кароля Ходкевича (трактуемого как освободителя для многих народов) «шведскому тирану» Карлу IX. Последний, как и царь Борис, обладал большей по сравнению с соперником (гетманом Ходкевичем) армией, но его войско было разбито в 1605 г. под Кирхгольмом. Таким образом, автор «Кароломахии», как и автор «Радзивиллиады» акцентирует нравственный аспект разыгравшихся военных событий. Победа гетмана Радзивилла под Иванском (на Уле) в 1564 г., гетмана Ходкевича под Кирхгольмом в 1605 г., а также войска Лжедмитрия над войском князя Ф. И. Мстиславского под Новгородом Северским в 1604 г. трактуется как победа свободы над тиранией, и такая победа предопределена небесами.

Ключевые исторические фигуры российской истории конца XVI – начала XVII в. упоминаются в поэмах на латинском языке не просто как свидетельство общей эрудиции автора. Поэты ВКЛ часто стремятся дать оценку их личности и результатам их деятельности, что, в свою очередь, формирует своеобразное рецептивное поле — взгляд со стороны ближайшего соседа. Все это повлияло на изменение «горизонта ожиданий» (термин Х. Р. Яусса) читателей не только в ВКЛ и Польской Короне, но и в других странах Европы. Тема московской тирании становится одним из литературных топосов конца XVI в. Отмеченная художественная ситуация свидетельствует о глубоких пере-

[40] Наш перевод: «Он (т. е. Карл IX), рассчитывая на победу, был готов прибегнуть к любым средствам. Он был хорошо обеспечен иностранными деньгами и оружием Бориса Годунова; последний же был врагом литвинам и польскому народу, причем имел превосходство в (военной) силе, был уверен (в победе) и имел надежную защиту. Но когда Димитрий попытался взойти на престол отца, он благополучно взошел — так вы, о боги, захотели, — захватил власть в Московии, победив Годунова. Он избрал себе в спутницы жизни польку, чрезвычайно набожную девицу необыкновенной красоты, дочь благородного отца, из рода Мнишек: ему, воеводе, радуется знаменитый Сандомир» (*Zawisza Ch*. Carolomachia 1432–1443; научное переиздание памятника см.: *Boierus L*. Carolomachia = Laurencijus Bojeris. Karolomachija. Vilnius, 1991).

менах, произошедших в русском обществе. Именно эти перемены, общая деградация духовной атмосферы в Московском государстве, создали благодатную почву для политических интриг, которые в конечном итоге и привели к Смуте.

Данные о статье

Статья подготовлена при содействии Фонда имени Александра фон Гумбольдта (Германия), Фонда поддержки обмена в области образования (Литва), а также Фонда фундаментальных исследований при Национальной Академии наук Беларуси.

Автор: Некрашевич-Короткая, Жанна Вацлавовна, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусской литературы Белорусского государственного университета (Минск), ulad_karotki@mail.ru

Заголовок: События и лица российской истории второй половины XVI – первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского

Резюме: В связи с темой предпосылок русской Смуты рассматриваются памятники латинской эпики Великого княжества Литовского конца XVI – начала XVII в. (поэмы Базыля Гиацинта, Франтишка Градовского, Яна Радвана, Христофора Завиши). В этих произведениях, почти не востребованных в славяноязычных исследованиях предшествующего периода, отражаются важнейшие события российской истории конца XVI в., дается оценка деятельности Ивана Грозного, Андрея Курбского, Петра Шуйского, Бориса Годунова. Наиболее богатый материал, связанный с периодом Ливонской войны, представлен в героической эпопее Яна Радвана «Радзивиллиада» (Вильня, 1592). В названных памятниках красной нитью проходит тема московской тирании: в поэмах XVI в. ее воплощением выступает Иван Грозный, в поэме начала XVII в. («Кароломахия» Христофора Завиши) — Борис Годунов. Отмеченная художественная ситуация свидетельствует о глубоких переменах, произошедших в русском обществе; именно они стали внутренней предпосылкой Смуты.

Ключевые слова: латинская эпическая поэзия, Великое княжество Литовское, Иван IV Васильевич (Иван Грозный)

Литература, использованная в статье:

Кавалеў, Сяргей Валер'евіч. Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. Мінск: Кнігазбор, 2010. 376 с.

Короткий, Владимир Георгиевич. Литва, Русь, литвин, русин в памятниках литературы Великого Княжества Литовского XVI–XVII веков // Bibliotheca archivi lithuanici. № 7: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos; [sudarė Sergejus Temčinas, Galina Miškinienė etc.]. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2009. P. 187–195.

Некрашэвіч-Кароткая, Жанна Вацлаваўна. Беларуская лацінамоўная паэма: Позні Рэнесанс і ранняе Барока. Мінск: БДУ, 2011. 231 с.

Шевчук, Валерій Олександрович. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть: У 2 кн. Кн. 1: Ренессанс. Раннє барокко. Київ: Либідь, 2004. 400 с.

Янушкевіч, Андрэй Мікалаевіч. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск: Медисонт, 2007. 356 с.

Information about the article

This article was prepared with the assistance of the Alexander von Humboldt Foundation (Germany), the Foundation for the Education exchanges support Foundation (Lithuania) and the Foundation for Fundamental Research of the National Academy of Sciences of Belarus.

Author: Nekrashevich-Karotkaja, Zhanna Vatslavauna, Doctor in Philology, Ass. Prof. of Belarusian State University, ulad_karotki@mail.ru

Title: Events and persons of the Russian history of the second half of the 16th – early 17th centuries in the works of Latin epic poetry of Great Duchy of Lithuania

Summary: The works of Latin epic poetry of the Grand Duchy of Lituania of the second half of the 16th – early 17th centuries (the poems of Basilius Hyacinthius, Franciscus Gradovius, Ioannes Radvanus, Christophorus Zawisza) was viewed and analyzed in connection with the subject of premises of the Time Troubles in the Russian history. These poems, which are almost not involved as an object of study in the Slavic language scientific works of the previous period, reveal the most important events of the Russian history of the late 16th century. The Latin authors seek to estimate the activity of Ioann IV (known as Ivan the Terrible), Andrew Kurbskiy, Piotr Shuyskiy, Boris Godunov. The richest information, that is related to the Livonian War, is represented in the heroic epic *Radivilias* of Ioannes Radvanus (Vilna, 1592). In these works permeates the topic Moscow tyranny: in the poems of the 16th century its embodiment performs Ivan the Terrible, in the poem of the early 17th century (*Carolomachia* of Christophorus Zawisza) — Boris Godunov. The represented artistical situation indicates a profound change in Russian public, they were the domestic preconditions of Time Troubles.

Key words: Latine epic poetry, The Grand Duchy of Lithuania, Ivan IV Vasilyevich (Ivan the Terrible).

References

Kavalev, Syargei Valerievich. *Shmatmovnaya paeziya Vyalikaga Knyastva Litovskaga epohi Renesansu* [*Multilingual poetry of the Grand Duchy of Lithuania in the epoch of the Renaissance*]. Minsk: Knigazbor, 2010. 376 s.

Korotkii, Vladimir Georgievich. Litva, Rus', litvin, rusin v pamyatnikah literatury Velikogo Knyazhestva Litovskogo XVI–XVII vekov [Litva, Rus', litwin, rusin in the literature og the Grand Duchy of Lithuania in the 16th – 17th cent.], in *Bibliotheca archivi lithuanici*. 2009. Nr. 7. P. 187–195.

Narbutas, Sigitas. Jonas Radvanas and his heroic epos Radivilias, in *Radvanas Jonas. Radviliada*. Vilnius: Vaga, 1997. P. LII–LVI.

Narbutas, Sigitas. *Tradicija ir originalumas Jono Radvano «Radviliadoje»*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998. 264 p.

Nekrashevich-Karotkaya, Zhanna Vaclavavna. *Belaruskaya lacinamovnaya paema: Pozni Renesans i rannyae Baroka* [*Byelorussian Latin language poetry: Late Renaissance and Early Baroque*]. Minsk: BDU, 2011. 231 s.

Shevchuk, Valerii Oleksandrovich. *Muza Roksolans'ka: Ukrains'ka literatura XVI–XVIII stolit': U 2 kn. Kn. 1: Renessans. Ranni barokko* [*Roksolan Muse: Ukrainian literature in the 16th – 17th cent.: Renaissance and Early Baroque*]. Kiev: Libid', 2004. 400 s.

Yanushkevich, Andrei Mikalaevich. *Vyalikae Knyastva Litovskae i Inflyanckaya vaina 1558–1570 gg.* [*Grand Duchy of Lithiania in the Livonian War 1558–1570*]. Minsk: Medisont, 2007. 356 s.

ББК 63.3(4Пол)51; УДК 94 (438) (470) «1604/05»

И. О. Тюменцев

К ВОПРОСУ О «СКРЫТОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ» РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПРОТИВ РОССИИ В 1604–1605 гг.

Формирование войска Лжедмитрия I и его поход на Северщину специально анализировался в работах Н. И. Костомарова, А. Гиршберга, П. Пирлинга, С. Ф. Платонова, В. И. Ульяновского, Р. Г. Скрынникова, В. Н. Козлякова[1]. Исследователи, сосредоточившись на изучении ключевых моментов первого акта Смуты, не вдавались в выяснение деталей этого похода. Именно поэтому, несмотря на явные продвижения в его изучении, в исследованиях имеется путаница в хронологии, персоналиях, названиях крепостей, приводятся противоречивые данные об изменении состава и численности войска самозванца.

Наибольшую ценность для прояснения деталей похода представляют свидетельства его участников: «Дневник московского пути, которым царевич Московский следовал из Польши в Московию», новости, сообщенные неизвестным иезуитом[2] и Я. Вислоухом, мемуары С. Борши, а также записки Г. Паерле и «Дневник М. Мнишек» А. Рожнятовского[3]. Проверить и уточнить показания мемуаристов позволяют письма участников событий, которые до последнего времени использовались только как иллюстрации к мемуарам.

[1] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Костомаров Н. И. Собр. соч.: В 8 кн. СПб., 1904. Кн. 2; *Hirschberg A.* Dymitr Samozwaniec. Lwow, 1898; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. М., 1912; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995; *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории: В 2 ч. Киев, 1993. Ч. 1; *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; *Козляков В. Н.* Лжедмитрий I. М., 2009. С. 100–106.

[2] В войске самозванца находились глава миссии отец Николай Цыровский и его помощник Андрей Завиша (см.: *Савицкий К.* Дневник / Извлечение и пересказ Я. Велевицкого // Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб., 1871. Стб. 131).

[3] Дневная записка похода Лжедмитрия I // СГГД. СПб., 1819. Ч. 2. С. 167–173; *Доманицкий В.* Новый документ 1604 года о самозванце // Киевская старина. 1899. № 1. С. 11–12; *Борша С.* Поход Московского царя в Москву // РИБ. СПб., 1875. Стб. 365, 367, 369, 378–379; *Рожнятовский А.* Дневник Марины Мнишек / Отв. ред. Д. М. Буланин; пер. с польск., предисл. и коммент. В. Н. Козлякова. СПб., 1996. (Studiorum slavicorum monumenta. Т. 9).

Первостепенное значение для выяснения хронологии похода самозванца на Северщину имеет сохранившийся в архиве Мнишков «Дневник московского пути». Анализ записей свидетельствует, что в действительности это описание пути Ю. Мнишка в Россию и обратно в августе 1604 г. – феврале 1605 г., а не Лжедмитрия I, которого Сендамирский воевода бросил в России на произвол судьбы. В источнике тщательно перечислены все местечки, через которые проходили отряды самозванца, их владельцы и расстояние между ними. Все это, а также содержащаяся в источнике фраза «принесено ко мне письмо из войска Борисова»[4], дает основание предположить, что документ составлялся поденно в походной канцелярии Ю. Мнишка при его непосредственном участии и весьма точно воспроизводит хронологию событий.

Состав войска самозванца. Лжедмитрий I покинул Самбор 15 (25) августа 1604 г. и на третий день похода прибыл в Сокольники, где находился одиннадцать дней[5]. Здесь к нему приехали послы донских казаков, которые привезли плененного на Дону посланника царя Б. Годунова голову из Царева-Борисова, выборного дворянина по Туле Петра Лукьянова (Казаринова) Хрущева[6]. 24 августа (3 сентября) 1604 г. на аудиенции Лжедмитрия I, данной послам донских казаков, первый член Государева двора царя Бориса будто бы признал в самозванце истинного царевича, а послы казаков заявили, что Войско Донское готово ему служить. Канцелярия Ю. Мнишка тут же превратила материалы допроса П. Хрущева в политический памфлет, который распространялся приверженцами самозванца в агитационных целях. В действительности реальной поддержки Войска Донского самозванец в то время не получил.

31 августа (9 сентября) 1604 г. Лжедмитрий I прибыл в Глиняны, где был назначен общий сбор его войска[7]. На организацию и проведение войскового собрания ушло четыре дня. Солдаты избрали «гетманом» Ю. Мнишка, полковниками Адама Жулицкого (гусары и пехота) и Адама Дворжецкого. Роспись войска самозванца не сохранилась, поэтому исследователи обычно использовали отрывочные данные на этот счет, содержащиеся в донесении иезуита и мемуарах С. Борши. Между тем, еще Н. И. Костомаров обратил внимание на описание глинянского смотра войска Лжедмитрия I в рифмованном сочинении Яна Забчика «Марс Московский кровавый», опубликованном в Кракове в 1605 г[8]. Это описание позволяет составить подробную роспись войска самозванца и дать его качественную характеристику.

Согласно данным Я. Забчика, войско было уряжено на три полка. Полк А. Жулицкого состоял из 5 хоругвей общей численностью 800 (780) чел.[9] Гетманский полк Ю. Мнишка возглавлял полковник Станислав Гоголинский. В нем было 8 хоругвей и 3 роты общей

[4] Дневная записка… С. 171.

[5] Дневная записка… С. 167; *Борша С.* Поход Московского царя в Москву… Стб. 364–365. — Во избежание путаницы все даты приведены в юлианском и григорианском календарях (в скобках).

[6] В 1592 г. послан на Дон, чтобы составить реестр вольных казаков, но те ему с Дона «путь указали». В 1602–1603 гг. выборный дворянин по Туле с окладом 500 чет. В начале 1604 г. служил в Васильсурске. Летом того же года вызван в Москву и направлен царем Борисом на Дон к казакам с жалованием и просьбой к самозванцу не приставать. Был схвачен казаками на Кругу и отведен к самозванцу. В Боярском списке 1606/7 гг. не упоминается (БС. М., 1979. Ч. 1. С. 224; СГГД. Ч. 2. С. 167–178. № 81).

[7] Дневная записка… С. 167; *Борша С.* Поход Московского царя в Москву… Стб. 364–365.

[8] *Zabczyk J.* Mars Moskiewski krwawy // Вержбовский Ф. Смутное время в современной ему польской литературе. Варшава, 1900. Ч. 1. С. 21–23.

[9] В скобках приведена цифра реальной численности подразделений, выявленная в результате проверки подсчетов Я. Забчика.

численностью 1400 (1270) чел. Полк А. Дворжецкого состоял из 4 хоругвей общей численностью 400 чел. (без казачьей хоругви Ошанского). Если учесть, что хоругви в войске самозванца состояли из 100–200 чел., то общую численность этого полка можно определить как 500–600 чел. Всего, по данным Я. Забчика, в войске самозванца служило 2600 чел., что подтверждают показания неизвестного иезуита и С. Борши, указавших общую численность войска самозванца около 3 тыс. чел.[10] В этом войске, по свидетельству Я. Забчика, служили 580 гусар, 1050 пятигорцев, 200 гайдуков, 620–720 казаков и 400 пехоты. Причем, казаки были украинскими, а не запорожскими или донскими[11]. Как видно из приведенных данных, результаты агитационной деятельности самозванца, Ю. Мнишка и его друзей были весьма скромными. Собранное ими войско было слишком малочисленным, чтобы встретиться в поле с царской армией, и не было пригодно для взятия крепостей.

Поход в Киев. Войско самозванца покинуло Гиляны 3 (13) сентября 1604 г., разбившись на несколько отрядов. Содержащиеся в переписке краковского кастеляна Януша Острожского, исполнявшего вместо отца обязанности воеводы Киевского, угрозы остановить силой отряды самозванца и свидетельства участников похода, что они эти угрозы считали вполне реальными, дали основание исследователям полагать, что Я. Острожский действительно старался не допустить отряды самозванца к российской границе[12]. Если это так, то непонятно, как совершенно справедливо отметил Б. Н. Флоря, почему кастелян краковский проявлял необычайную сдержанность, и угрозы, по большому счету, остались лишь словами?[13]

Польский историк Иероним Граля обнаружил прямые указания источников, что между Ю. Мнишком и Я. Острожским было достигнуто устное соглашение: Я. Острожский не мешает Ю. Мнишку собрать войско и уйти в Россию, Ю. Мнишек в свою очередь не позволяет своим воинам грабить местечки и села, через которые они проходили[14]. Остается неясным, когда это соглашение было достигнуто. Тот факт, что, уходя из Гилян, Ю. Мнишек разбил своих солдат на отдельные отряды со своим маршрутом и не явился в Киев со всем войском, а главное, что все плавательные средства на Днепре в намеченном для переправы войска месте оказались угнанными по приказу Я. Острожского, наводит на мысль, что компромисс был достигнут после пребывания Лжедмитрия в Киеве.

Посещение Лжедмитрием I, Ю. Мнишком и их сторонниками Киева 7 (17) – 9 (19) октября 1604 г. явилось первым появлением самозванца перед народом в качестве «царевича Дмитрия» и оказалось на редкость удачным. Самозванец явился в город «людно, конно и оружно» во главе отряда из гусар, казаков и пехоты[15]. Киевляне встречали «царевича» с ликованием. В течение трех дней «царевич» побывал на аудиенции у бургомистра, католического епископа Кшиштофа Казимерского[16]. Во встре-

[10] *Доманицкий В.* Новый документ… С. 11.

[11] Там же. С. 11–12.

[12] *Hirschberg A.* Dymitr Samozwaniec… S. 71; *Maciszewski J.* Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 58; *Czerska D.* Dymitr Samozwaniec. Wroclaw, 1995. S. 55.

[13] *Florja B.* Dymitr Samozwaniec a magnateria polsko-litewska // Odrodzenie i reformacja w Polsce. Warszawa, 1979. S. 88–89.

[14] *Grala H.* Киевские пожалования самозванцев 1604 и 1608 гг. // Russia Mediaevalis. 1997. Vol. 9. № 1. S. 119–120.

[15] List L. Sapiehi do K. Radziwiłła 10.11.1604 // Archiwum domu Radziwiłłów. Kraków, 1885. S. 233.

[16] Дневная записка… С. 167–173; *Доманицкий В.* Новый документ… С. 11; Киевский летописец первой четверти XVII в. / Публ. В. И. Ульяновского и Н. М. Яковенко // Український історичний журнал. 1989. № 5. С. 109–110.

чах самозванца помимо Ю. Мнишка принимали участие кн. Адам Вишневецкий, кн. Роман Ружинский, Николай Струсь, Михаил Ратомский, что создало иллюзию более широкой поддержки дела самозванца на Украине, чем это было на самом деле[17]. В последующих событиях под знаменем самозванца служили только М. Ратомский и кн. А. Вишневецкий[18].

10 (20) октября 1604 г. войско Лжедмитрия I собралось в Остере для переправы через Днепр. Здесь обнаружилось, что все плавательные средства по приказу Я. Острожского угнаны. Выручили «царевича» киевляне, которые в течение трех дней собрали необходимые плоты и лодки и за свой счет переправили войско на левый берег Днепра[19]. Действия киевлян, по всей видимости, и вынудили Я. Острожского пойти на компромисс с Ю. Мнишком. После переправы за Днепр никаких препятствий со стороны каштеляна краковского войско самозванца уже не встретило. Благодарный Лжедмитрий I дал киевским мещанам жалованную грамоту на беспошлинную торговлю в России[20].

Взятие Моравска и Чернигова. Анализируя маршрут вторжения войска Ю. Мнишка в Россию, Р. Г. Скрынников обратил внимание на то, что сандомирский воевода, располагая небольшим войском, не решился нанести удар по столице Северщины — Путивлю — и разом овладеть краем[21]. Он пошел окружным путем через Чернигов. 17 (27) октября 1604 г. войско Лжедмитрия I пересекло российскую границу и направилось к недавно построенной русской крепости Моравску[22]. К тому времени общая численность казаков, по данным участника похода самозванца С. Борши, достигла нескольких тысяч человек. Они были уряжены на три полка во главе с «полковниками» Белешко, Кучком и Швейковским[23]. Иезуит подтвердил показание С. Борши, отметив, что казачье войско самозванца насчитывало около трех тысяч человек[24]. В. И. Ульяновский счел их запорожцами[25], однако С. Борша, на которого ссылается исследователь, говорит о «казацких полках», а не о запорожцах. Иезуит прямо говорит, что казачьи полки были набраны из жителей «тех сел и деревень, через которые мы проходили». Неслучайно прихода запорожцев в войске самозванца «ждали» и в Моравске, и в Чернигове[26].

Лжедмитрий I направил Белешко во главе двухтысячного авангардного войска к Моравску[27]. Гарнизон Моравска возглавлял воевода дворянин московский Борис Вла-

[17] Archiwum domu Radziwillow. Krakow, 1885. T. 8. S. 233.

[18] *Борша С.* Поход Московского царя в Москву… С. 371.

[19] Дневная записка… С. 167–173; *Доманицкий В.* Новый документ… С. 11.

[20] *Grala H.* Киевские пожалования... С. 121–123.

[21] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России… С. 71, 73.

[22] В. И. Ульяновский, ссылаясь на донесение неизвестного иезуита, приводит другую дату — 13 (23) октября 1604 г., но это противоречит ранее принятой исследователем хронологии Дневной записки пути самозванца (см.: *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты… С. 85, 87).

[23] *Доманицкий* В. Новый документ… С. 12; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия с Сендамирским воеводой Юрием Мнишек и другими лицами из рыцарства 1604 г. // РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 367–369; *Посевино А.* Повествование о достопамятном завоевании отцовской империи Дмитрием, великим князем Московским в 1605 г. // ЧОИДР. 1847/48. Книга 5. Отд. 3. С. 15.

[24] *Доманицкий В.* Новый документ… С. 11.

[25] *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты… С. 86.

[26] *Доманицкий В.* Новый документ… С. 11.

[27] Там же. С. 12; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 367–369; *Паерле Г.* Записки о путешествии из Кракова в Москву и обратно, с 19 марта 1606 г. по 15 декабря 1608 г. / Пер. с нем., предисл., прим. Н. Г. Устрялова // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 156. — В. Ульяновский и В. Козляков ошибочно считают Монастырский острог и Моравск разными крепостями (см.: *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты… С. 87; *Козляков В.* Лжедмитрий I. М., 2009. С. 102).

димирович Лодыгин[28]. Н. И. Костомаров, опираясь на поздние списки частных разрядных книг, полагал, что головой с ним служил выборный дворянин брянчанин Елизарей Семенович Безобразов[29]. Р. Г. Скрынников и В. И. Ульяновский установили, что накануне вторжения Е. И. Безобразов был заменен на выборного дворянина брянчанина Михаила Федоровича Толочанова[30]. Исследователи не обратили внимания на данные боярского списка 1602/3 г. и разрядной росписи 1604 г., согласно которым в Моравске при воеводе служили не один, а два головы: вместе с Е. И. Безобразовым — выборный дворянин брянчанин Матвей Владимирович Безобразов, а с М. Ф. Толочановым — выборный дворянин брянчанин Алексей Федоров сын Зиновьев[31], что полностью соответствует общей численности гарнизона крепости — около 700 воинов по подсчетам иноземцев. Гарнизон располагался в недавно построенной из дубового частокола крепости, оснащенной 7 пушками и 20 пищалями затинными[32]. Моравчане имели реальные шансы надолго сковать рать самозванца, в которой преобладала конница, было очень мало пехоты и артиллерии. Вместо этого служилые люди 18 (28) октября 1604 г. подняли восстание.

Строительство крепостей в то время было трудным делом и влекло значительные лишения и издержки для служилых людей. Голод 1601–1603 гг. наверняка накалил ситуацию в гарнизоне Моравска до предела. Прелестные письма самозванца и появление у стен крепости передовых отрядов из его войска довершили дело. Моравчане поднялись «за истинного царевича», связали воевод и 19 (29) октября 1604 г. выдали их самозванцу. «Царевич» будто бы милостиво их принял и после присяги простил[33]. Однако анализ биографий трех моравских воевод обнаруживает, что служебная карьера Б. В. Лодыгина и А. Ф. Зиновьева обрывается на моравских событиях[34], тогда как М. Ф. Толочанов сделал блестящую карьеру на службе у самозванца, став стряпчим с ключом. После гибели самозванца он был возвращен в прежнее звание и убит во время восстания И. И. Болотникова[35]. Сделанное наблюдение подтверждает гипотезу В. И. Ульяновского, что М. Ф. Толочанов являлся главным организатором восстания в Моравске и был за это награжден[36]. Связанными к «царевичу» привели лишь Б. В. Лодыгина и А. Ф. Зиновьева, которые попали в опалу и вернуться на службу уже не смогли. 21 октября (1 ноября) 1604 г. гарнизон и жители Моравска встретил самозванца хлебом-солью[37].

Четыре дня спустя 24 октября (4 ноября) 1604 г. авангард войска самозванца подошел к Чернигову[38], который считался главным военно-стратегическим пунктом Северщины. Неслучайно в разрядных росписях он писался первым среди северских

[28] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 132, 211, 239. — В некоторых списках разрядных книг Лодыгин назван Лодыженским, но в то время среди выборных дворян Лодыженских Борисов не было.

[29] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 132, 211, 239; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 103.

[30] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России… С. 71; *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты… С. 87.

[31] БС. Ч. 1. С. 232; РК 1604 г. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 168.

[32] *Доманицкий В.* Новый документ... С. 11–12.

[33] Дневная записка… С. 169.

[34] *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. XVII в. М., 2004. Т. 1. С. 483; Т. 2. С. 669.

[35] Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601–1608 / Сб. док. Под ред. Н. М. Рогожина и др. М., 2003. С. 153.

[36] БС. Ч. 1. С. 232; Народное движение... С. 153; *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты… С. 87.

[37] Дневная записка… С. 169.

[38] Там же.

городов и сюда назначались сразу два воеводы и дьяк. В 1604 г. здесь служили дворяне московские князья Иван Андреевич Татев, Петр Михайлович Шаховский Кила и дьяк Василий Федоров[39]. Незадолго до вторжения войска Лжедмитрия I московские власти начали строительство каменного города в Чернигове взамен обветшавшего деревянного и прислали сюда голов: выборных дворян по Дмитрову — Никифора Семеновича Воронцова-Вельяминова и по Мещевску — Кузму Петрова сына Совина[40]. В боярском списке 1602/3 г. отмечено, что во время строительства Черниговской крепости сюда были направлены выборные дворяне брянчане Алексей Федоров Зиновьев, Лазарь Семенов и Роман Гаврилов Безобразовы, князь Афанасий Васильев Мещерский, Артемий Иванов Мясоедов, Иов Иванов Потресов, Андрей Иванов Слизнев, Михаил Федоров Толочанов, Афанасий и Игнатий Андреевы Тютчевы[41]. В 1604 г. А. Ф. Зиновьев и М. Ф. Толочанов были отправлены в Моравск, а на их место из этой крепости прибыли «на службу с городом вместе» выборные дворяне брянчане Матвей Владимиров Безобразов и Елизарей Семенов Лиховидов-Безобразов[42]. А. И. Слизнев со своей сотней буквально накануне вторжения самозванца был переведен в Новгород Северский[43]. Наличие такого количества воевод, дьяка и голов дает основание предположить, что на строительстве были сосредоточены значительные воинские силы, костяк которых, судя по помете, составляли примерно 10 дворянских сотен городовых детей боярских брянчан и 300 московских стрельцов. Строящаяся каменная крепость была оснащена 27 пушками и множеством затинных пищалей[44]. Иначе говоря, Чернигов обладал еще большим потенциалом для сопротивления войску Лжедмитрия I, нежели Моравск. К тому же воеводы наверняка знали, что к ним на усиление спешит отряд правительственных войск, возглавляемый боярином князем Никитой Романовичем Трубецким, окольничим Петром Федоровичем Басмановым и дьяком Нечаем Перфильевым[45].

Воеводы, как следует из рассказов С. Борши и Г. Паерле, черпавшего сведения из рассказов Я. Бучинского, вместе с 300 московскими стрельцами пытались оборонять недостроенную крепость, открыв огонь по казакам из 20 крепостных орудий, остальные — брянчане, оторванные надолго от своих семей и поместий, местные служилые люди и жители, измученные тяготами и лишениями строительства крепости, — восстали и пытались захватить крепость у приверженцев законной власти, но были от нее отброшены с большими потерями.

Тогда они соединились с казаками самозванца и вновь атаковали крепость. На этот раз стрельцы открыли ворота и пустили черниговцев и казаков в город. Несмотря на то,

[39] БС. Ч. 1. С. 170, 185; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 2. С. 657. — В некоторых разрядных книгах в качестве Черниговского воеводы вместо П. М. Шаховского назван кн. Г. С. Коркодинов, однако, как следует из других записей к моменту вторжения, он был переведен в Смоленск (*Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 116, 132, 194, 211, 231). В 1602 г. в Чернигове упоминаются головы выб. дв. из Брянска — Л. С. и Р. Г. Безобразовы (БС. Ч. 1. С. 232).

[40] РК 1604 г. С. 167–168; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 191. — В. Н. Козляков ошибочно считает, что миссия строить каменный город была поручена Н. Р. Трубецкому и П. Ф. Басманову (см.: *Козляков В. Н.* Лжедмитрий I. С. 109).

[41] БС. Ч. 1. С. 232.

[42] РК 1604 г. С. 168.

[43] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2.

[44] *Доманицкий В.* Новый документ… С. 11–12.

[45] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2, 27, 70, 113; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975. С. 407.

что черниговцы помогли захватить крепость, казаки повели себя в нем как во вражеском городе и ограбили жителей. Самозванцу пришлось вмешаться, чтобы остановить грабеж и в какой-то мере восстановить справедливость[46]. Отказавшийся целовать крест Лжедмитрию I Н. С. Воронцов-Вельяминов был казнен[47]. Князья И. А. Татев и П. М. Шаховский сочли за благо принести присягу «царевичу» и вошли в «воровскую думу». Неизвестна дальнейшая служба голов М. В. и Р. Г. Безобразовых, кн. А. В. Мещерского, А. И. Мясоедова, И. И. Потресова, И. А. Тютчева. Их места в перечне выборных дворян брянчан заняли другие люди. Продолжили служить только Е. С. Лиховидов-Безобразов и С. Г. Безобразов[48]. А. А. Тютчев сделал карьеру в повстанческом движении и в 1610 г. служил воеводой Почепа у Лжедмитрия II[49].

В Чернигове войско самозванца находилось 9 дней до 3 (13) ноября 1604 г.[50] Мемуаристы указали, что на допросе черниговские воеводы будто бы сообщили, что Борис Годунов еще не собрал достаточно войска, полагая, что самозванец застрянет под Моравском и Черниговом[51], поэтому солдаты в это время «отдыхали»[52]. В действительности в Чернигове наемное войско самозванца потребовало у Лжедмитрия I денег. Г. Отрепьева и Ю. Мнишка спасло то, что в городе была захвачена казна в 10 тыс. злотых, видимо, выделенная московскими властями на строительство каменной крепости. Эти деньги пошли солдатам «на отдых»[53].

Находясь в Чернигове, неизвестный иезуит сделал вставку в свое письмо от 31 октября (10 ноября) 1604 г., в которой с ликованием сообщил адресату о появлении у самозванца 2 (12) ноября 1604 г. «9 тыс. конницы или донских казаков» и 4 тыс. запорожцев[54]. По данным автора Дневной записки, 4 тыс. запорожцев явились в стан самозванца лишь два месяца спустя — 22 декабря (1 января) 1604 г.[55] После этого общее количество «запорожцев» в войске Лжедмитрия I достигло 8 тыс. чел.[56] Это наблюдение наводит на мысль, что иезуит имел в виду украинских казаков Белешко и других атаманов в войске самозванца, общая численность которых к 2 (12) ноября 1604 г. достигла 4 тыс. чел.

В Дневной записке, мемуарах С. Борши и Г. Паерле ничего не сообщается о прибытии 9-тысячного войска донских казаков ни 2 (12) ноября 1604 г., ни позднее, хотя эти авторы не преминули бы отметить столь значительные пополнения. В те времена вольные донские, волжские и яицкие казаки, как известно, обычно передвигались по рекам в стругах. Яркий пример тому — поход в 1606 г. Лжепетра. Упомянутые же иезуитом «донские» казаки служили на конях! В Добрынинском сражении 21 (31) января 1605 г. принимало участие, наряду с 4 тыс. запорожцев, лишь несколько сот вольных казаков!

[46] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 368–369; *Паерле Г.* Записки… С. 156.

[47] *Доманицкий В.* Новый документ… С. 11; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 368–371. — Н. С. Воронцов в 1588–1598 гг. был выборным дворянином по Дмитрову с окладом 600 четей (БС. Ч. 1. С. 144, 187).

[48] Народное движение… С. 152–153.

[49] АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 339. № 280.

[50] Дневная записка… С. 169.

[51] *Доманицкий В.* Новый документ… С. 12.

[52] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 371; *Паерле Г.* Записки… С. 157.

[53] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 370–371.

[54] *Доманицкий В.* Новый документ... С. 12; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 367–369.

[55] Дневная записка… С. 171.

[56] *Рожнятовский А.* Дневник Марины Мнишек… С. 29.

В то время современники «донскими» казаками часто называли часть служилых казаков северских, украинных, полевых, рязанских городов.

Но в октябре – начале ноября 1604 г. подавляющее большинство служилых людей Юга России, включая казаков, сохраняло верность Борису Годунову. Неслучайно в Новогороде Северском сидели в осаде белевские и трубчевские казаки и комарицкие мужики. В гарнизонах Моравска и Чернигова вместе взятых явно не было 9 тыс. служилых людей. Эти воины появились под знаменами самозванца в результате показачивания населения Северщины, о чем прямо говорит в своем письме иезуит, и, видимо, это те самые беглые холопы, о которых говорит А. Палицын в своем Сказании[57].

Таким образом, уже в Чернигове в войске самозванца стали преобладать русские ратники, и оно стало превращаться во внушительную силу — примерно 15–16 тыс. чел. Если при появлении в Чернигове Ю. Мнишек, по меткому наблюдению Р. Г. Скрынникова, не решался связывать войско осадой Новгорода Северского и 2–3 (12–13) ноября 1604 г. хотел прорываться через Северщину в Белгород — крепость Польской украины — для получения помощи с Дона, Волги и Днепра[58], а его воины жадно ловили слухи о скором прибытии к ним на помощь новых отрядов наемников во главе с панами Галецким, Струсем (1 тыс. конных), кн. Р. Рожинским (несколько сот конных), донских и 1 тыс. запорожских казаков[59], то быстрый рост войска заставил их изменить планы и попытать счастья у Новгорода Северского.

Оборона Новгорода Северского. Новгород Северский обладал прекрасно расположенной деревянной крепостью и посадом. Местный гарнизон, судя по тому, что его возглавляли воевода выборный дворянин вереитин князь Григорией Иванович Гагарин[60] и осадный голова выборный дворянин серпеянин Елизарий Данилович Бартенев[61], явно уступал по численности ратным силам Моравска и тем более Чернигова. Он, по данным Р. Г. Скрынникова, насчитывал не более трехсот человек[62]. Но «по вестям, в прибавку» в город обычно вводился еще один отряд правительственных войск с воеводой и головой. Прибылой воевода ведал посадом, а местный воевода и головы — крепостью[63].

В конце 1604 г. прибылым воеводой являлся недавно возвращенный из сибирской ссылки князь Яков Петрович Барятинский[64], а головой — ранее неоднократно присылавшийся в Новгород Северский на усиление голова выборный дворянин вязьмитин Андрей Матвеев Воейков[65]. Помимо этого, как видно из разрядов, в город планировалось ввести дополнительные воинские силы во главе с воеводами окольничим Алексеем Романовичем Плещеевым и дворянином московским князем Федором Андреевичем Звенигородским[66]. События в Чернигове внесли коррективы в эти планы. Направленный

[57] *Доманицкий В.* Новый документ... С. 12; *Палицын. А.* Сказание. М.; Л., 1955. С. 108.

[58] *Доманицкий В.* Новый документ... С. 12; *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России… С. 73.

[59] *Доманицкий В.* Новый документ... С. 12.

[60] БС. Ч. 1. С. 238, 322; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 1. С. 299.

[61] БС. Ч. 1. С. 234; см.: *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 1. С. 93. — В некоторых разрядных записях воеводами Новгорода Северского, наряду с указанными выше, названы Алексей Романович Плещеев и князь Федор Андреевич Звенигородский, но эти воеводы были присланы после осады взамен прежних воевод (см.: *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 40, 70, 76, 192; АМГ. С. 66. № 42).

[62] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России… С. 73.

[63] РК 1598–1638 гг. С. 129, 146.

[64] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2. 182, 191–192; БС. Ч. 1. С. 111, 186, 224, 252.

[65] РК 1598–1638 гг. С. 129, 146; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 2–3.

[66] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 182, 192.

в этот город крупный отряд правительственных войск, возглавляемый боярином князем Никитой Романовичем Трубецким, окольничим Петром Федоровичем Басмановым и дьяком Нечаем Перфильевым[67], «в Чернигов до Ростригина приходу не поспел»[68]. Узнав в 15 верстах от города о взятии его самозванцем, воеводы ушли в Новгород Северский[69].

В своей брошюре Р. Г. Скрынников указал, что после получения пополнений гарнизон Новгорода Северского состоял примерно из 150 дворян, 450 стрельцов, 53 пушкарей и затинщиков, 350 казаков и 500 даточных людей[70]. Анализ «Книги пожалований на оборону Новгорода Северского» и разрядных записей свидетельствует, что историк, черпая информацию из этих источников[71], не учел, что в основном это только награжденные воины гарнизона, а были ничем не отличившиеся сотни погибших и не менее 80 изменников[72].

Среди награжденных воинов новгород-северского гарнизона, помимо воеводы Г. И. Гагарина, были выборный дворянин вязмитин Андрей Дмитриевич Бунаков[73], дворянские головы Назарий Степанович Хлопов[74], Волтазар Елизарьев и 105 сынов боярских, стрелецкие сотники Иван и Гаврила Дуровы и 42 жилецких стрельца, 53 пушкаря и затинщика, 104 казака, 3 чернеца, 4 попа, 1 дьякон, 1 пономарь и 2 бортника — всего 323 чел.[75] Наличие среди пожалованных 2 дворянских голов и 2 стрелецких сотников дает основание предположить, что значительная часть детей боярских и жилецких стрельцов, возможно, и казаков, подобно второму воеводе Е. Д. Бартеневу, остались без наград.

За оборону Новгорода Северского царь наградил и воинов «прибылых» отрядов кн. Н. Р. Трубецкого, П. Ф. Басманова, кн. Я. П. Борятинского, дьяка Нечая Перфильева[76]. В «Книге пожалований» упоминаются: голова выборный дворянин рязанец Иван Петров сын Биркин[77], брянчане головы Андрей Иванович Слизнев и Нечай Небольсин и 60 детей боярских, голова московских стрельцов Ратман Дуров, сотники Андрей Кляусов, Андрей Ртищев, Курдюк Фтырев, Борис Угримов[78] и 450 московских стрельцов[79], брянчане стрелецкие сотники Иван Безобразов, Софрон Тютчев, Иван Андреев сын Панютин, Глеб Алымов, голова Данил Яблочков и 72 белевских казака, 74 трубчевских казака и 101 казак из Кром — всего 813 чел.[80] В разрядных книгах упоминаются еще 500 даточных из Комарицкой волости[81]. Помимо этого, необходимо учитывать сотни

[67] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие… С. 407.
[68] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2, 27, 70, 113.
[69] Там же. С. 191.
[70] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России… С. 73–74.
[71] АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 66–77. № 42; *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2.
[72] Дневная записка… С. 170.
[73] В 1601–1602 гг. голова в Ливнах, его оклад 450 четей. В 1603 г. голова в Рыльске. В 1604 г. был послан патриархом из Москвы изобличать самозванца. В 1605 г. голова в Новгороде Северском, награжден за службу. В БС 1606/7 гг. его нет (ДАИ. Т. 1. СПБ., 1846 С. 258; БС. Ч. 1. С. 206; АМГ. Т. 1. С. 66; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 1. С. 185).
[74] *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 2. С. 568.
[75] АМГ. Т. 1. С. 66–77. № 42.
[76] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие… С. 407.
[77] БС. Ч. 1. С. 143, 208, 284; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 1. С. 135.
[78] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2.
[79] БС. Ч. 2. С. 33.
[80] АМГ. Т. 1. С. 66–77. № 42.
[81] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2.

погибших ратников и 80 «московитян», бежавших из Новгорода Северского 27 ноября (7 декабря) 1604 г.[82] П. Ф. Басманов, как видно из приведенных цифр, располагал достаточными силами для того, чтобы предотвратить восстание горожан и остановить продвижение войска самозванца в глубь Северщины.

Подходя к Новгороду Северскому, Ю. Мнишек и Лжедмитрий I попытались опять прибегнуть к моравскому и черниговскому сценариям. Они вновь выслали к городу казаков, среди которых был приятель самозванца Я. Бучинский, чтобы лаской и угрозами спровоцировать восстание горожан. Их ждало разочарование. Окольничий П. Ф. Басманов, реально командовавший войском при престарелом боярине Н. Р. Трубецком, учел печальный опыт Моравска и Чернигова. Вопреки разрядной росписи, он не стал оставлять воеводу и ратников на посаде и силой принудил местных жителей сжечь свои дома и сесть в осаду в крепости[83]. Казаков П. Ф. Басманов встретил площадной бранью и приказал отогнать их от крепостных стен орудийными залпами[84]. Посланные самозванцем 11 (21) ноября 1604 г. следом за казаками М. Доморацкий, С. Борша, М. Ратомский, а также служилые люди Моравска, тоже были отогнаны от крепости выстрелами и площадной бранью[85]. Волей-неволей «царевичу» пришлось стать станом в Спасском монастыре и приступить к осаде крепости[86].

Генеральный штурм, предпринятый Ю. Мнишком 14 (24) ноября 1604 г., закончился провалом и большими потерями, так как воинам самозванца не удалось с помощью примета зажечь деревянные стены острога[87]. Тогда Ю. Мнишек стал засылать в Новгород Северский лазутчиков с известиями о переходе на сторону самозванца Северских городов и добился некоторого успеха. 27 ноября (7 декабря) Новгород Северский покинуло 80 чел.[88] Р.Г. Скрынников полагает, что это участники неудавшегося мятежа[89]. Скорее всего, это были рыльские казаки и комарицкие мужики, узнавшие о присяге жителей своих городов самозванцу и не пожелавшие дальше воевать за Бориса Годунова.

Тем временем Ю. Мнишек устами самозванца приказал привести осадные пушки и поставить их на заранее возведенные шанцы. 1 (11) декабря 1604 г. приверженцы самозванца начали многодневный артобстрел[90]. Ядра насквозь пробивали стены деревянной крепости и буквально выкашивали ее защитников. В первый день обстрела их полегло до 60 чел. 4 (14) декабря 1604 г. в стычке погибло еще 100 чел.[91] К исходу недели, 8 (18) декабря 1604 г., деревянные укрепления крепости были разбиты до земляного вала. Стремясь выиграть время, П. Ф. Басманов 8 (18) декабря 1604 г. заключил с Ю. Мнишком и самозванцем двухнедельное перемирие для переговоров о сдаче и тут же его нарушил, организовав 14 (24) декабря 1604 г. прорыв в город пополнения из 100 ратников. На следующий день была предпринята еще одна попытка получить 100 чел. пополнения, но она была пресечена Ю. Мнишком[92].

[82] Дневная записка… С. 170.
[83] *Костомаров Н. И.* Смутное время… С. 105–106; *Козляков В. Н.* Лжедмитрий I. С. 110.
[84] *Паерле Г.* Записки… С. 157–158.
[85] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 371–372.
[86] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2.
[87] Дневная записка… С. 169–170; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 372–373.
[88] Дневная записка… С. 170.
[89] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России... С. 80.
[90] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 376.
[91] Дневная записка… С. 171; *Паерле Г.* Записки... С. 160.
[92] Дневная записка… С. 171.

Впервые с начала кампании Лжедмитрий I и Ю. Мнишек столкнулись с необходимостью длительной осады крепости на Северщине с 11 (21) ноября 1604 г. по 2 (12) января 1605 г.[93] Они явно утратили фактор внезапности и упускали драгоценное время для захвата Северщины, тогда как московские власти явно готовились нанести решающий удар по самозванцу. Ю. Мнишек и наемники стали понимать, что время легкой прогулки в Россию закончилось и нужно убираться в Речь Посполитую по добру, по здорову[94]. После генерального штурма Новгорода Северского обстановка в стане самозванца накалилась до предела. Самозванец винил наемников в неумении брать крепости. Наемники требовали денег за службу и раны, а их у самозванца не было. Очевидцы заметили, что «царевич» находился в отчаянии, но счастье вновь ему улыбнулось. 18 (28) ноября 1604 г. Лжедмитрий I узнал, что на его сторону перешла столица края — Путивль.

Восстание в Путивле, Рыльске и Комарицкой волости. Путивль — единственный город на Северщине, который имел каменную крепость и обширный посад. Местную власть возглавляли дворянин московский князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский[95] и головы выборные дворяне вязьмитин Третьяк Семенов Якушкин и алексинец Федор Иванов Челюсткин[96]. Гарнизон крепости составляли около 100 детей боярских, 500 самопальников, 100 стрельцов и 1000 служилых путивльских казаков. Помимо этого в мае 1604 г. «по крымским вестям» сюда был направлен Иван Михайлович Плещеев «охотчих казаков прибирать»[97]. Царь Борис, также как в Чернигове и Новгороде Северском, счел необходимым укрепить местный гарнизон, прислав окольничего Михаила Михайловича Кривого-Салтыкова и дьяка Богдана Сутупова с ратными людьми, и поручил им возглавить оборону города[98]. Судя по тому, что путивляне во время восстания пленили около 200 московских стрельцов с головой и сотниками, можно предположить, что этот отряд, как и «черниговский», насчитывал не одну сотню человек[99].

Разряды свидетельствуют, что назначение М. М. Салтыкова явилось четвертой заменой воеводы в городе. В короткий срок друг друга сменили дворяне московские князья Р. И. Гагарин, Г. К. Волконский, В. И. Клобуков-Мосальский, В. М. Рубец-Мосальский и, наконец, окольничий М. М. Кривой Салтыков. Число голов было сокращено с трех до двух. Единственным человеком, все это время служившим в администрации города, оставался голова Т. Якушкин[100]. Чехарда с воеводскими назначениями явно дестабилизировала управление городом накануне решающих событий.

Р. Г. Скрынников обратил внимание на то, что в отличие от других городов и крепостей Северщины Путивль имел многочисленный посад, который, по его предположению, и сыграл решающую роль в ноябрьских событиях в Путивле[101]. В одной из поздних частных разрядных книг отмечалось, что путивляне подняли восстание,

[93] Там же. С. 169–172.
[94] *Паерле Г.* Записки… С. 159.
[95] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 70.
[96] РК 1598–1638 гг. С. 146, 168.
[97] РК 1598–1638 гг. С. 162.
[98] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие… С. 503; *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 70, 76.
[99] Дневная записка… С. 170.
[100] РК 1598–1638 гг. С. 147, 168.
[101] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России... С. 75.

получив прелестные письма самозванца[102]. Эта версия событий прочно вошла в литературу[103]. Однако анализ событий в Моравске, Чернигове, Новгороде Северском и других городах свидетельствует, что факт появления прелестных писем сам по себе отнюдь необязательно провоцировал восстание против властей. Выступления служилых людей и посадских обычно происходили тогда, когда к городу или крепости подходили повстанческие отряды, то есть, когда горожане и гарнизон уже не могли больше выжидать и оказывались перед выбором, чью сторону принять. С. Борша, посланный самозванцем в Путивль наладить управление городом сразу после присяги путивлян самозванцу, подтверждает эту гипотезу. Он свидетельствует, что решающую роль сыграл отряд «царских алебардников» — видимо, стрельцов, приехавших к Путивлю за продовольствием около 17 (27) ноября 1604 г. Будучи схвачены путивлянами, стрельцы смогли убедить их, что посланы из-под Новгорода Северского истинным царевичем Дмитрием. Далее события, как установил Р. Г. Скрынников, развивались по Моравскому и Черниговскому сценариям. Путивляне вместе с приверженцами самозванца двинулись в крепость. Их возглавил верстанный в конце XVI в. в дети боярские служилый казачий атаман Ю. Беззубцев, который с этого момента вплоть до окончания смуты стал признанным вождем служилых людей Северщины[104].

Путивльские воеводы и московские стрельцы, застигнутые врасплох, не смогли организовать оборону крепости и были пленниками доставлены в стан Лжедмитрия I у Новгорода Северского[105], но отнюдь не все. Современники — шведский агент П. Петрей, голландец И. Масса, автор «Сказания еже содеяся в царственном городе Москве» и составитель «Нового летописца» — указали, что в решающий момент оказавшийся на вторых ролях воевода кн. В. М. Рубец-Мосальский и дьяк Богдан Сутупов предали царя Бориса и не только помогли восставшим захватить город, но и отдали самозванцу казну, которая предназначалась для раздачи жалования служилым людям на Северщине[106]. Эти деньги позволили Лжедмитрию I удовлетворить требования наемников о жаловании и предотвратить давно назревавший солдатский мятеж[107].

Лжедмитрий I пожаловал кн. В. М. Мосальского в «бояре и дворецкие», а Б. И. Сутупова — в думные дьяки. Оба сделали блестящую карьеру при самозванце[108]. М. М. Салтыков, Т. С. Якушкин и Ф. И. Челюсткин остались верны Борису Годунову, и именно их пленниками привезли к самозванцу[109]. Во время личной встречи с самозванцем М. М. Салтыков и, видимо, Ф. И. Челюсткин принесли присягу самозванцу. Окольничий был «пущен» в воровскую думу, но все время оставался там в тени[110]. Ф. И. Челюсткин, по всей видимости, попал в опалу, так как в царствование самозванца служеб-

[102] Дневная записка… С. 170.

[103] *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России… С. 75.

[104] Там же.

[105] Дневная записка… С. 170.

[106] *Петрей П.* Реляция. О России начала XVII в. М., 1976. С. 87; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937; *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2; РК 1598–1638 гг. С. 178; Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 62.

[107] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 373–374; *Паерле Г.* Записки… С. 159.

[108] Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 524; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие… С. 503.

[109] Дневная записка… С. 170.

[110] *Бутурлин Д.* История смутного времени в начале XVII в.: В 3 т. Т. 1. С. 94–96. Приложение № 10; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. С. 301–302.

ных назначений не получил и смог продолжить свою карьеру только при В. Шуйском и М. Ф. Романове[111]. Голова Т. С. Якушкин после путивльских событий выбыл со службы[112]. Вероятно, он и был тем самым «головой» стрелецким, который вместе с двумя сотниками 200 московских стрельцов оказывал сопротивление путивлянам уже после сдачи в плен воевод[113].

Вслед за Путивлем крест целовали служилые люди Рыльска и 24 ноября (4 декабря) 1604 г. прислали своих послов в стан самозванца у Новгорода Северского, а 30 ноября (10 декабря) привезли пятерых пленных воевод. В то время администрацию Рыльска возглавлял осадный голова выборный дворянин боровитин Алексей Федоров Загряжский[114]. «По вестям», в 1602–1603 гг. на усиление гарнизона обычно направляли двух голов со служилыми людьми[115]. Кто из выборных дворян был отправлен в Рыльск в 1604 г. — неизвестно, но факт пленения пятерых воевод подтверждает, что гарнизон крепости был усилен. Вероятно, четвертым «воеводой» был голова, командовавший отрядом из 306 московских стрельцов[116], и пятым — присланный в мае 1604 г. «охотчих казаков прибирать» в Рыльск Иван Федоров Наумов-Хрулев[117]. Судя по всему, служилые казаки, составлявшие основную массу ратных людей в гарнизоне Рыльска[118], сыграли основную роль в восстании в пользу самозванца.

Переходу на сторону самозванца населения Комарицкой волости, видимо, в немалой степени способствовал тот факт, что наиболее преданные Борису Годунову воины из этих местностей оказались в осаде в Новгороде Северском. Восставшие связали двух воевод и 24 ноября (4 декабря) 1604 г. доставили их в стан самозванца[119]. Видимо, одним из них являлся осадный голова И. А. Нармацкой[120]. Р. Г. Скрынников полагал, что это бывший думный дьяк Иван Алексеевич Нармацкий, которому царь Борис доверил управление дворцовой волостью[121]. На самом деле это был совсем другой человек — выборный дворянин дорогобужанин Иван Агишевич Нармацкий[122].

Вторым «воеводой», скорее всего, был голова отряда, присланного на усиление гарнизона крепости. Кто это был — остается неизвестным. 30 ноября (10) декабря 1604 г. комаричи привезли к самозванцу еще двух воевод, имена которых автор Поденной записки не назвал[123]. Современники писали, что самозванец будто бы простил воевод после принесения ими присяги. Однако достоверность этого известия вызывает сомнения, так как И. А. Нармацкий, как и воеводы других городов, со службы выбыл.

---

[111] БС. Ч. 1. С. 230; РК 1598–1638 гг. С. 168, 267, 278, 288, 294; *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 109, 190, 259, 263–264; Народное движение… С. 146; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 9. Л. 132–140 и др.; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. С. 719.

[112] *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. С. 719.

[113] Дневная записка… С. 170.

[114] РК 1598–1638 гг. С. 168.

[115] Там же. С. 130, 146.

[116] БС. Ч. 2. С. 67.

[117] РК 1598–1638 гг. С. 162.

[118] ДАИ. М., 1846. Т. 1. № 70, 80, 107. — В 1571 г. путивльским воеводами было приказано набрать 1000 казаков для службы в Путивле и Ряжске (*Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России... С. 139).

[119] Дневная записка… С. 170; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 376.

[120] РК 1598–1638 гг. С. 146.

[121] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 189; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 353–354.

[122] БС. Ч. 1. С. 245; РК 1598–1638. С. 146.

[123] Дневная записка… С. 170; *Паерле Г.* Записки… С. 159.

Анализируя события на Северщине в октябре–ноябре 1604 г., Р. Г. Скрынников пришел к заключению, что после восстаний в Путивле, Рыльске, Комарицкой волости Лжедмитрий I стал хозяином Северщины. Этот вывод не соответствует действительности. Даже в период наибольших успехов самозванца царю Борису сохраняла верность значительная часть населения Северской земли: Новгород Северский, Почеп, Стародуб Северский, Трубчевск, Брянск. В Почепе сидели дворянин московский князь Федор Семенович Друцкий и голова выборный дворянин мещанин Игнатий Петрович Совин[124] с гарнизоном, усиленным 115 московских стрельцов[125]. В Стародубе Северском распоряжались дворянин московский Михаил Федоров Аксаков и выборный дворянин алексинец Григорий Михайлов Кологривов[126]. Вверенный им гарнизон был усилен 240 московскими стрельцами[127]. В Трубчевске, по-видимому, с 1602 г. сидел осадный голова выборный дворянин ржевитин Григорий Захарьевич Хлопов[128], местные казаки героически сражались в Новгороде Северском. В Брянске воеводствовали князь Иван Григорьевич Звенигородский и голова выборный дворянин вязьмитин Семен (Семой) Семенович Якушкин, да «по черниговским вестям» переброшенный из Курска голова выборный дворянин вереитин Дмитрий Юрьев Пушечников с ратными людьми[129].

Восстания в Курске, Кромах и Околенской волости. 30 ноября (10 декабря) 1604 г. одновременно с доставкой к нему рыльских и комарицких воевод Лжедмитрий I получил известие о восстании в Курске. Здесь воеводствовали дворянин московский князь Григорий Борисович Долгорукий-Роща и голова выборный дворянин калужанин Яков Семенович Змеев[130]. Успеху повстанцев, по всей видимости, способствовал тот факт, что местный гарнизон был сильно ослаблен после переброски «по черниговским вестям» из Курска в Брянск головы Д. Ю. Пушечникова с ратными людьми[131]. Авторы Нового летописца отметили, что воеводы пленниками были доставлены в стан самозванца у Новгорода Северского[132]. Однако в Поденной записке о доставке курских воевод ничего не сообщается. Возможно, они и были двумя неизвестными воеводами, доставленными мужиками Комарицкой волости одновременно с вестью о присяге Курска самозванцу. Лжедмитрий I назначил обоих воеводами в Рыльск[133].

Гарнизон в Кромах возглавлял голова воротынец Иван Афанасьевич Матов[134]. Его старший брат Утеш Афанасьевич Матов был внесен в список выборных дворян воротынцев только в 1603 г.[135] И. А. Матов, по всей видимости, стал выборным дворяни-

[124] РК 1598–1638. С. 145, 168.

[125] БС. Ч. 2. С. 33, 67.

[126] В источнике отчество не указано. В Смуту известны два Григория Кологривовых Михайлович и Александрович. Поскольку только Михайлович в 1603 г. был пожалован в выборные дворяне, следовательно, он и был осадным головой в Стародубе Северском. В 1606–1607 гг. Михайлович верно служил В. Шуйскому у большого наряду, Александрович — изменил (см.: РК 1598–1638. С. 168; БС. Ч. 1. С. 230; Народное движение… С. 53, 147, 383).

[127] БС. Ч. 2. С. 33.

[128] БС. Ч. 1. С. 202.

[129] РК 1598–1638. С. 146, 168.

[130] Там же. С. 109, 148, 172.

[131] Там же. С. 146, 168.

[132] Новый летописец. С. 62.

[133] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба... С. 188.

[134] Его сын воротынский помещик Д. И. Матов в своей челобитной называет дядей выборного дворянина воротынца Утеша Афанасьевича Матова (БС. Ч. 2. С. 86; Народное движение... С. 336–337; РК 1598–1638 гг. С. 131, 149, 173).

[135] БС. Ч. 1. С. 233.

ном в связи с походом против самозванца. Его служебная карьера в качестве головы прервалась, не успев начаться. Р. Г. Скрынников полагает, что И. А. Матову помогали городовые приказчики Осип Виденьев и Иван Грудицын, но они служили с ним в 1603 г., а в 1604 г. — не упоминаются[136]. Данные о гарнизоне Кром не сохранились, но он, как установил Р. Г. Скрынников, был настолько ослаблен, что И. Матов отправил в войско своих четырех холопов[137]. Оставшиеся ратники не смогли противостоять восстанию жителей волости. Весть о взятии Кром достигла стана самозванца 3 (13) декабря 1604 г.[138]

В декабре 1604 г. восставшие «мужики» Околенской волости, объединившись с кромчанами, попытались захватить Орел и Карачев. Орловскую администрацию представляли голова сын боярский суздалец Петр Булгаков Крюков и губной староста Иван Булгаков[139], карачевскую — Михаил (Мешок) Васильев Зыбин[140]. О гарнизоне Орла известно, что в нем служили 129 детей боярских и 287 казаков[141], которые жили в Казачей слободе[142]. О гарнизоне Карачева известно только то, что среди ратников были казаки[143]. Этих сил было явно недостаточно, чтобы отбить нападение повстанцев.

Орел и Карачев явно ждала бы судьба Кром, если бы не своевременно оказанная помощь. В Орел был срочно направлен из Белгорода правительственный отряд с головами выборными дворянами вязмитином Григорием Ивановым Микулиным[144] и туленином Ермолаем (Истомой) Ивановым Михневым[145] с детьми боярскими из Козельска, Белева и Мещевска. В Карачев был введен отряд дворянина московского Алексея Романовича Плещеева. Его состав — «жильцы, да конюхи, да псари» — говорит о том, что пополнение собиралось наспех из тех, кто попал под руку[146]. Тем не менее, совместными усилиями гарнизон Орла и «прибылые» отряды отразили нападение повстанцев и удержали за собой Орел и Карачев.

Падение Курска и Кром, бои у Орла и Карачева означали, что пламя антигодуновского восстания вышло за пределы Северщины и охватило новые территории страны: Украинные и Польские (Полевые) города.

Сражение у Новгорода Северского. Получив известие о появлении Лжедмитрия I у Моравска, Борис Годунов распорядился к 28 октября 1604 г. собрать войско, уряженное на три полка, сначала в Калуге, а затем в Брянске. Воеводами большого полка по первоначальной росписи были назначены боярин князь Дмитрий Иванович Шуйский[147] и князь Михаил Федорович Кашин[148], в передовом полку — окольничий

[136] БС. Ч. 2. С. 86; РК 1598–1638 гг. С. 149.

[137] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба... С. 189.

[138] Дневная записка… С. 170.

[139] БС. Ч. 2. С. 86; Народное движение... С. 101; РК 1598–1638 гг. С. 149, 173; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 1. С. 629.

[140] РК 1598–1638 гг. С. 173.

[141] Упоминается служилый выезжий казак Савенков Федор Авилов сын (см.: Российская крепость на южных рубежах. Елец, 2001. С. 180–181. № 156).

[142] Российская крепость на южных рубежах. Елец, 2001. С. 108–109. № 89.

[143] В 1607 г. уп. карачевский казак Васька Данилов (Народное движение… С. 103).

[144] *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия Т. 2. Ч. 1. С. 735.

[145] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 232, 238; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 1. С. 755.

[146] БС. Ч. 2. С. 16–19; *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 232.

[147] *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 2. С. 681.

[148] Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 565.

Иван Иванович Годунов[149] и дворянин московский князь Лука Осипович Щербатый[150], в сторожевом полку — боярин Михаил Глебович Салтыков[151] и дворянин московский князь Федор Андреевич Звенигородский[152]. Одновременно царь приказал усилить гарнизоны главных городов Северщины правительственными отрядами, которые возглавляли московские думные чины, бояре и окольничие[153]. Служилые люди, лишь недавно отпущенные из войск, собранных весной–летом 1604 г. для похода царя Бориса Годунова на Крым, с большой неохотой покидали свои семьи и хозяйство, поэтому сбор войска сильно затянулся, и властям трижды пришлось переносить сроки начала похода.

Фатальные неудачи подтолкнули Бориса Годунова к принятию нового решения. Он приказал развернуть правительственное войско в Брянске на пять полков во главе с воеводами из первостатейной знати: в большом — воеводы бояре князья Федор Иванович Мстиславский и Андрей Андреевич Телятевский, в полку правой руки — боярин князь Дмитрий Иванович Шуйский и дворянин московский Михаил Федорович Кашин, в передовом полку — бояре князь Василий Васильевич Голицын и Михаил Глебович Салтыков, в сторожевом полку — окольничий Иван Иванович Годунов и дворянин московский Михаил Самсонович Туренин, в полку левой руки — окольничий Василий Петрович Морозов и дворянин московский Лука Осипович Щербатый[154]. Роспись русского войска 1604 г. показывает, что власти предпринимали беспрецедентные усилия по мобилизации ратных сил, выбирая подчистую все возможные резервы. Но это затягивало сбор войска и в дальнейшем сказалось на его боеспособности. Несмотря на резкие приказы царя и боярской думы, навстречу врагу правительственное войско смогло выступить только 12 (22) ноября 1604 г. «на Дмитриев день», двигалось медленно, с длительными остановками[155]. 15 (25) декабря 1604 г. Ю. Мнишек получил письмо с известиями о приближении годуновского войска к Новгороду Северскому. 18 (28) и 19 (29) декабря 1604 г. в стан самозванца явились трое детей боярских, которые также сообщили руководителям повстанческого лагеря о настроениях в правительственном войске.

Московским властям, по подсчетам Р. Г. Скрынникова, удалось мобилизовать 25,3 тыс. служилых людей, которые, по его мнению, вместе с холопами составляли 40–60 тыс. чел.[156] Историк не учел, что в Росписи русского войска 1604 г. боевые холопы были уже учтены. К тому же далеко не все перечисленные в документе отряды успели прибыть на поле битвы[157]. Видимо, следует согласиться с подсчетами Е. А. Разина, который пришел к выводу, что правительственное войско насчитывало 20–25 тыс. рат-

[149] Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 322.

[150] БС. Ч. 1. С. 122, 255. — В Энциклопедии (*Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 2. С. 688) этот факт отсутствует.

[151] *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 1. С. 481.

[152] БС. Ч. 1. С. 185, 256; *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Т. 2. Ч. 1. С. 481; *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 114. 192.

[153] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 2, 27, 70, 113.

[154] Там же. С. 1–2.

[155] Там же. С. 1; *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. / Пер. с нем. Е. И. Бобровой; ред. С. А. Акулянц. М.; Л., 1961. С. 101.

[156] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба… С. 194.

[157] *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. А. Берелович, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 162.

ников[158]. Еще 15–22 тыс., упомянутых Ж. Маржаретом и А. Рожнятовским, видимо, составляли посошные люди[159].

Войско самозванца, по самым оптимистическим подсчетам, едва достигало 10–15 тыс. чел. и явно по всем параметрам уступало противнику. Столкнувшись с большим правительственным войском, Ю. Мнишек прекрасно понимал, что у него нет шансов его разгромить в полевом сражении и победоносно закончить кампанию, но, уступая Лжедмитрию I и наемным солдатам, повел войско самозванца навстречу врагу, оставив в тылу Новгород Северский с его непокорным гарнизоном. Часть казаков была оставлена для продолжения осады крепости и обеспечения тыла войска самозванца[160].

Ход сражения у Новгорода Северского довольно точно описали участники событий — служившие в русской правительственной армии французский капитан Жак Маржарет, немец Конрад Буссов и воевавшие под знаменами Лжедмитрия I С. Борша и Я. Бучинский в пересказе Г. Паерле. Их показания поддаются взаимной проверке. Они сообщили, что 20 (30) декабря 1604 г. оба войска выстроились друг против друга в долине реки Урзуй в 8 км от Новгорода Северского и провели разведку боем[161]. Одновременно П. Ф. Басманов, нарушив перемирие, атаковал «вылазными отрядами казаков»[162]. Затем Ю. Мнишек именем самозванца предложил начать переговоры и тем самым усыпил бдительность кн. Ф. И. Мстиславского и царских воевод[163].

Наутро 21 (31) декабря 1604 г. вместо того, чтобы совместно с гарнизоном Новгорода Северского атаковать противника и, используя свое численное превосходство, разгромить врага, кн. Ф. И. Мстиславский приказал занять боевые порядки и стал ждать подкреплений и продолжения переговоров. Пассивностью противника воспользовались дмитриевцы. Рота Неборского (200 пятигорцев) атаковала ратниками передового полка, но была отброшена. На помощь Неборскому пришли роты Крушины (200 пятигорцев) и Былиньского (150 конных), которой в то время уже командовал М. Доморацкий. Затем в бой вступил А. Дворжецкий (200 пятигорцев). Совместными усилиями они смешали передовой полк годуновцев. Тогда в бой вступила главная ударная сила дмитриевцев — роты польских гусар С. Мнишка (150 гусар), Я. Фредры (150 гусар) и Щуки[164] (130 гусар). Их поддержала «царская рота» Лоховского (200 гусар). Пятигорцы и гусары лихой атакой опрокинули правый фланг передового полка кн. В. В. Голицына на полк правой руки правительственного войска. Возглавляемый бездарным кн. Д. И. Шуйским полк правой руки побежал, оголив фланг и тыл Большого полка. Воины правого крыла большого полка также начали отходить, пытаясь прикрыть оголившийся фланг. В этот момент гусары нанесли фланговый удар по отступающим воинам большого полка и прорвались в самый центр к войсковому знамени, которое захватили. Князь Ф. И. Мстиславский был сбит и получил несколько ударов саблей. Если бы к нему

[158] *Разин Е. А.* История военного искусства. СПб., 1994. Т. 3. С. 66.

[159] *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи… С. 162; *Рожнятовский А.* Дневник Марины Мнишек. С. 28.

[160] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 378; *Паерле Г.* Записки... С. 160; *Буссов К.* Московская хроника… С. 101.

[161] Дневная записка… С. 171.

[162] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 378; *Паерле Г.* Записки… С. 160.

[163] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 377–378.

[164] Сам Щука к тому времени уже уехал в Речь Посполитую (см.: Дневная записка… С. 171). Кто командовал ротой — неизвестно.

тотчас не пришли на помощь стрельцы, то он неминуемо бы погиб или попал в плен. В результате контратаки теперь уже гусары попали в ловушку и были вынуждены прорываться к своим. В плен попал ротмистр Мацей Доморацкий и несколько товарищей[165].

Лишившееся своего главнокомандующего правительственное войско не смогло развить наметившийся успех. Войско действовало как заведенный механизм. Вслед за полком правой руки поле боя оставил большой полк, а за ним полк левой руки, который устоял на своих позициях и отбил все атаки противника. Правительственное войско отошло на 15 км и стало лагерем в лесу. Поле боя осталось в руках дмитриевцев, поэтому формально они могли праздновать победу. Тем более что на следующий день к «царевичу» пришло 4 тыс. запорожцев[166]. Однако, как справедливо заметил Р. Г. Скрынников, ни одна из сторон не достигла решающего успеха. Обе армии разошлись с относительно небольшими потерями: было убито 120 иноземцев и 4 тыс. русских[167]. Причем, как установил Р. Г. Скрынников, в это число входили как годуновцы, так и дмитриевцы[168].

Беда московской рати заключалась в том, что она уже около 10 лет не воевала и не имела практического опыта современной европейской войны. Многие воины, особенно на юге страны, совсем недавно были поверстаны в службу из недорослей, захребетников, посадских, крестьян, гулящих людей. Офицерский корпус оказался не готов руководить крупными войсковыми соединениями. Неслучайно, по данным повстанческой разведки, в царском войске ждали ценных указаний из Москвы вместо того, чтобы действовать решительно. Не следует забывать и особенностей менталитела русских людей того времени. Поднять оружие против «прирожденного» государя считалось большим грехом. Удача была явно на стороне самозванца, а это воспринималось как благоволение к нему Бога и подтверждение его царственного происхождения. Пропаганда «дмитриевцев» явно овладевала умами русских людей. Неслучайно во время сражения, как заметил опытный воин Ж. Маржарет, оружие валилось у них из рук[169].

Победа у Новгорода Северского оказалась для Лжедмитрия I «пирровой», так же как летом 1609 г. для кн. М. В. Скопина-Шуйского победа у Твери. Наемники после каждого серьезного сражения неизменно требовали денег. Так было после первых залпов по казакам в Чернигове, так было после неудачного штурма Новгорода Северского. Тогда самозванца выручили трофеи: 10 тыс. руб., захваченных в Чернигове, и казна, привезенная из Путивля Б. И. Сутуповым. После сражения 21 (31) декабря 1604 г. наемники, как и прежде, потребовали у самозванца денег, в противном случае пригрозили его бросить и вернуться в Речь Посполитую. На этот раз у Лжедмитрия I денег действительно не было. Он не нашел ничего лучше, как тайно заплатить роте Я. Фредры, наиболее отличившейся в недавнем сражении. Это была роковая ошибка. Тайное тут же стало явным. 1 (11) января 1605 г. солдаты взбунтовались, ограбили царевича и заявили, что уходят в Речь Посполитую. Один из них выкрикнул «Ей, ей сидеть тебе на колу!»[170]

[165] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 378–380; *Zabczyk J.* Mars Moskiewski krwawy... С. 21–23; *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи… С. 162.

[166] Дневная записка… С. 171; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 378–380.

[167] Дневная записка… С. 171; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 380; *Паерле Г.* Записки... С. 162.

[168] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба… С. 195.

[169] *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи… С. 162.

[170] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 381–383.

2 (12) января 1605 г. войско самозванца сняло осаду Новгорода Северского, сожгло лагерь и отправилось Путивль. Неожиданно выяснилось, что Ю. Мнишек нездоров, что его срочно вызывают на сейм и, что вообще король поддался дипломатическому нажиму и потребовал от солдат немедленно вернуться на родину под угрозой тюрьмы и конфискации имущества[171]. 4 (14) января 1605 г. Ю. Мнишек и Лжедмитрий I разъехались. Миновав Путивль, Сендомирский и его солдаты пересекли границу и через владения Вишневецких добрались до Киева, а затем Самбора. Автор дневника отметил, что на обратном пути им пришлось довольно туго, так как население не желало снабжать продуктами мародеров[172].

По данным П. Пирлинга, с Ю. Мнишком в Речь Посполитую ушли 800 солдат[173]. Иезуитам удалось уговорить 400 солдат вернуться к самозванцу через три дня после ухода Сендомирского воеводы. После этого, как отметил С. Борша, общая численность наемников в стане самозванца составила 1,5 тыс. чел.[174] Ставший полным хозяином в своем стане «царевич» увел свое войско в Севск — административный центр дворцовой Комарицкой волости, чтобы здесь накопить силы для дальнейшей борьбы за престол.

Отступление войска самозванца от Новгорода Северского позволило царским воеводам на Северщине и московским властям обратить поражение в победу. В Москву был отправлен А. В. Воейков с сеунчем — вестью, что самозванец снял осаду и отступил. Борис Годунов тотчас пожаловал его в думные дворяне и ясельничие[175]. В Стародуб Северский, куда из под Новгорода Северского отступила правительственное войско[176], выехал с золотыми чашник Никита Дмитриевич Вельяминов-Обиняков. Он должен был от имени Бориса Годунова кн. Ф. И. Мстиславского «о здоровье спрашивать», дать ему царского доктора и наградить золотыми воевод и всех отличившихся воинов[177]. В Новгород Северский с золотыми отправился стольник Юрий Еншеевич Сулешов, золотые были розданы героям обороны города[178]. Ликования и поток наград по поводу полных провалов, сплошных поражений и неудач создавали у современников ощущение пира во время чумы и подрывали без того уже изрядно пошатнувшийся авторитет земской династии и московских властей.

Покинувшее поле боя у Новгорода Северского правительственное войско отошло в Стародуб Северский, отряды самозванца — в Севск. В течение месяца противники накапливали силы для нового решительного сражения. Осыпанный милостями кн. Ф. И. Мстиславский залечивал раны и ждал обещанного царем «прибылого» войска боярина князя Василия Ивановича Шуйского. Перед Лжедмитрием I после «пирровой победы» у Новгорода Северского стояла более сложная задача: не только восполнить уход наемников, но и постараться довести численность своего войска до такого размера, когда оно будет в состоянии противостоять правительственному войску. Месторасположение волости наводит на мысль, что помощь самозванец ждал прежде всего от вольных казаков Днепра, Дона, Волги, Терека и Яика.

[171] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия…. Стб. 382–383; *Паерле Г.* Записки… С. 162–163.
[172] Дневная записка… С. 172–173.
[173] *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 167.
[174] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 383; *Паерле Г.* Записки... С. 400.
[175] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 3.
[176] Новый летописец. С. 62.
[177] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 3, 71, 192.
[178] Там же; АМГ. Т. 1. С. 66–77. № 42.

Сражение при Добрыничах. Прибыв в Комарицкую волость, Лжедмитрий I первым делом взялся за реорганизацию войска. Вместо уехавшего Ю. Мнишка новым «гетманом» был назначен полковник А. Дворжецкий. Наемников пришлось свести в один полк, который, по всей видимости, возглавил староста Остерский М. Ратомский, который вместе с одним из Тышкевичей стал играть видную роль в наемном войске[179]. Информатор Г. Паерле Я. Бучинский сообщил, будто в Севске у самозванца осталось всего 400 иноземных солдат[180]. Он явно стремился оправдать малым числом «рыцарей» разгром войска самозванца в сражении при Добрыничах. В действительности 400 наемников ушли от Ю. Мнишка по пути в Речь Посполитую и присоединились к никуда не уходившим от самозванца иноземным солдатам: ротам Билинского, Бялоскорского и Крушины. Из вернувшихся были сформированы новые хоругви во главе с *ротмистрами*: С. Боршей, Вербицким, Яном Микулинским, Тышкевичем — всего 7 рот, 1500 чел.[181]

В источниках имеются прямые указания, что уход наемников с лихвой компенсировало появление 22 декабря (1 января) 1605 г. под знаменами самозванца запорожцев. Их войско пришло на Северщину в обход Украины «по Крымской дороге», из владений Вишневецких по Суле, Пслу и Ворскле, то есть со стороны Дикого поля[182]. Общая численность запорожцев, по свидетельству С. Борши и Г. Паерле, составляла 12 тыс. запорожских казаков[183]. В дневнике Ю. Мнишка приводится более реальная цифра прибывших — 4 тыс. запорожских казаков[184]. Она близка к численности отрядов старшины Скалозуба, который, получив деньги от Бориса Годунова, ходил в поход за зипунами на Черное море. Последующие обвинения самозванцем запорожцев в их подкупе Борисом Годуновым дают основание предположить, что это была та самая лучшая часть запорожского войска, вернувшаяся из похода и теперь решившая искать счастье на службе у самозванца. Вместе с «запорожскими» казаками Белешко они представляли внушительную силу — 8 тыс. чел.

Помимо наемников и казаков, по данным информатора Г. Паерле Я. Бучинского, под знаменами самозванца служило всего 2 тыс. московитян во главе с воеводой Татевым. При этом отряды вольных донских казаков как самостоятельная воинская сила не упоминаются. Известно, что в то время вольные казаки передвигались по Дону, по Волге и Северскому Донцу в стругах и воевали в пешем строю. Указание Г. Паерле, что из 12 тыс. запорожцев 8 тыс. служили на конях, а 4 тыс. — пешими[185], наводит на мысль, что Г. Паерле и С. Борша, скорее всего, называли запорожцами всех вольных и служилых казаков самозванца.

Участник событий Ж. Маржарет отметил, что самозванец собрал все силы, какие смог — как русских казаков, так и поляков, и «доброе число крестьян, которые приучались к оружию»[186].

Сделанные наблюдения дают основание предположить, что самозванцу удалось собрать под свои знамена около 15,5 тыс. воинов.

[179] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 387; *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 4 кн. и 12 т. М., 1989. Т. 11. Примеч. 276.

[180] *Паерле Г.* Записки... С. 164.

[181] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… С. 386; *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи… С. 136.

[182] Четыре сказания о Лжедмитрии, извлеченные из рукописей Императорской публичной библиотеки. СПб., 1863. С. 93–94; Archiwum domu Radziwiłłow. Kraków, 1885. T. 2. S. 233.

[183] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… С. 383; *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрие Самозванце. М., 1859. Ч. 1. С. 162; Ч. 2. С. 14; *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. СПб., 1897. Т. 2. С. 179–180.

[184] СГГиД. Ч. 2. С. 171. № 80.

[185] *Паерле Г.* Записки… С. 162, 164.

[186] *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи… С. 192.

В январе 1605 г. в правительственное войско в Стародубе Северском прибыл боярин В. И. Шуйский со «стольниками, стряпчими и большими московскими дворянами»[187]. Удрученный неудачами царь Б. Годунов, в полном соответствии с логикой гражданской войны, бросил в бой в качестве рядовых офицерский корпус армейских ветеранов (дворян московских) и молодежь (стольники и стряпчие). Исходя из общей численности дворян московских, стольников и стряпчих в то время, можно предположить, что отряд состоял из нескольких сот человек. Ж. Маржарет отметил, что подходили и другие резервы, которые не успели к сражению у Новгорода Северского, поэтому царская армия «крепла с каждым днем». Одновременно часть войска была направлена к Кромам и Орлу[188]. Исходя из этого, утверждения информатора Г. Паерле, что правительственное войско за месяц достигло 130 тыс. чел., и С. Борши, что прибывшие резервы составляли 30 тыс. воинов[189], представляются сильно преувеличеными.

Боярин В. И. Шуйский был назначен вторым воеводой Большого полка вместо родственника царя кн. А. А. Телятевского. Со второй половины XVI в. сложилась практика, когда вторые воеводы реально руководили войском при знатном первом воеводе, исполнявшем парадные функции. Ситуация в правительственном войске сразу же начала меняться в лучшую сторону. Возглавлявший правительственную следственную комиссию в Угличе В. В. Шуйский смог убедить воинов правительственного войска, что они действительно воюют с самозванцем. Обильные пожалования служилых людей позволили второму воеводе навести порядок в войске и изрядно укрепить боевой дух воинов[190]. Наконец, впервые с начала сражения правительственное войско попыталось перехватить инициативу, предприняв наступление на Севск, где засел самозванец.

Накануне сражения у Добрыничей 20 (30) января 1605 г. разведывательный отряд казаков-повстанцев в одной из близлежащих к Севску деревень обнаружил и атаковал воинов передового полка правительственного войска. Информатор Г. Паерле сообщил, что казаки, поддержанные прибывшей к ним на помощь ротой наемников, будто бы одержали полную победу и уничтожили 1,2 тыс. воинов противника[191]. Ж. Маржарет в своем сочинении опроверг это утверждение, отметив, что нападение завершилось безрезультатно. Ночью «дмитриевцы» попытались зажечь Добрыничи, где расквартировались на ночь многие воины правительственного войска, но и этот замысел оказался сорванным[192].

21 (31) января 1605 г. между правительственным и повстанческим войсками произошло генеральное сражение. Сначала одетое в белые рубахи поверх одежды войско самозванца обрушилось на сторожевой полк правительственной армии и отбросило его к главным силам. Затем Лжедмитрий I выстроил перед основными силами противника два конных полка и оставил в тылу полк пехоты и артиллерии. Возомнившие себя великими воинами самозванец и его гетман, вместо того, чтобы руководить сражением, лично возглавили атаку конного полка наемников и московитян на правый фланг правительственного войска, пытаясь в точности повторить маневр, принесший им победу в сражении у Новгорода Северского. Они не взяли в расчет, что царские воеводы сделали выводы из поражения у Новгорода Северского. Полк правой руки отступил и навел

[187] *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 197; Новый летописец. С. 62.
[188] *Маржарет. Ж.* Состояние Российской империи… С. 162.
[189] *Паерле Г.* Записки... С. 163; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 386.
[190] ААЭ.СПб., 1836. Т. 2. С. 77; *Белокуров С. А.* Разрядные записи… С. 3.
[191] *Паерле Г.* Записки... С. 163.
[192] *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи… С. 162.

атакующих на артиллерию и стрельцов. Первый залп пуль и картечи нанес мало вреда атакующим, и они получили возможность вплотную приблизиться к позициям стрельцов и пушкарей. Дым от залпов застелил поле боя, и ветер погнал его на позиции полка конных запорожцев. Не зная, что происходит на поле боя, казаки вовремя не ударили на левый фланг правительственного войска и не поддержали лихую атаку самозванца и его полка. Второй и последующие залпы пуль и картечи, сделанные практически в упор, буквально скосили атакующих и заставили обратиться в бегство.

Лжедмитрий I бежал в первых рядах. Полк конных запорожцев, увидев бегство наемников и самозванца, также бросился бежать. Правительственное войско всеми силами обрушилось на пехотинцев и пушкарей самозванца. Они почти полностью легли на поле сражения, позволив самозванцу избежать плена и уйти от преследования[193]. Г. Паерле со слов информатора указал, что «дмитриевцы» потеряли 3 тыс. воинов[194]. Участник сражения Ж. Маржарет говорит, что самозванец потерял почти всю свою пехоту, 13 пушек и 5–6 тыс. убитыми[195].

Самозванец и наемники обвинили в поражении запорожцев. Они, будто бы будучи подкупленными Б. Годуновым, в решающий момент предали «царевича» и его воинов[196]. Понесшие большие потери при отступлении запорожцы, в свою очередь, решили расправиться с залгавшимся Лжедмитрием I и отомстить за напрасную гибель товарищей. В страхе за свою жизнь, «царевич» с немногими людьми бежал из Севска в Рыльск, затем в Путивль. Запорожцы бросились за ним в Рыльск, а затем в Путивль, но были отогнаны от этих городов картечью. Раздосадованные неудачей, они ушли из пределов России[197]. В последствии Лжедмитрий I смог собрать лишь 500 «запорожцев», которые не играли существенной роли в новом повстанческом войске[198]. В авантюре Лжедмитрия I Запорожское войско больше не участвовало.

Брошенные самозванцем на поле боя наемники также собрались уходить в Речь Посполитую. «Царевич» отправил к ним Е. Бялоцерковского и С. Боршу, которые уговорили «почти всех» прийти в Путивль. Впоследствии оказалось, что в распоряжении «царевича» в Путивле было всего 500 иноземных солдат[199].

Подводя итог анализу похода Лжедмитрия I и Ю. Мнишка на Северщину, Р. Г. Скрынников пришел к выводу, что «интервенция», затеянная польскими магнатами при поддержке короля, дала толчок к гражданской войне и буквально сразу как фактор стала играть ограниченную роль, а после ухода Ю. Мнишка резко пошла на убыль[200]. Вывод историка нуждается в уточнении. Первоначальная поддержка, оказанная самозванцу королем Сигизмундом III и литовским канцлером Львом Сапегой, после решительного противодействия Я. Замойского и сейма Речи Посполитой превратилась в попустительство. Поход Ю. Мнишка, как совершенно справедливо считает Р. Г. Скрынников, несмотря на все контакты самозванца и поднятую шумиху вокруг его подготовки, в конечном счете оказался частным предприятием. Подобно испанцам Кортесу и Писсаро, Ю. Мнишек

[193] *Паерле Г.* Записки... С. 165; *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 387–388; *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи… С. 163.

[194] *Паерле Г.* Записки... С. 165.

[195] *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи… С. 163.

[196] *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. С. 169–170.

[197] Сказание о Гришке Отрепьеве // РИБ. СПБ., 1909. Т. 13. Стб. 726.

[198] *Паэрле Г.* Записки... С. 166; Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 726.

[199] *Борша С.* Поход Московского царя Дмитрия… Стб. 389–390.

[200] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба… С. 203.

набрал рыцарей удачи и осуществил вторжение в соседнюю — как им казалось, «варварскую» — страну в надежде на быстрое обогащение. Применять к этой авантюре понятие «интервенция» из лексики новейшей истории, на наш взгляд, некорректно.

Вопреки сложившимся в литературе представлениям, отнюдь не вся Северщина поддержала самозванца. Местная земщина раскололась. Служилые люди южных городов и крепостей активно включились в движение в поддержку самозванца, северных же — стояли за Годуновых, и здесь базировалось правительственное войско. Поражение при Добрыничах поставило нарождающийся центр повстанческого движения на Северщине на грань полного разгрома. Местных сил явно было недостаточно для продолжения борьбы.

Данные о статье:

Автор: Тюменцев, Игорь Олегович, доктор исторических наук, директор Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», rector@vags.ru

Заголовок: К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 гг.

Резюме: Статья посвящена изучению начального периода движения Лжедмитрия I. Автор рассмотрел существующие в русской дореволюционной, советской и польской историографии взгляды на проблему движения Лжедмитрия I.

Историк построил работу преимущественно на источниках, «написанных по горячим следам» — записки и дневники очевидцев-современников событий. Он исследовал состав войска самозванца и армии Бориса Годунова, противостоявших друг другу, детали основных этапов похода Лжедмитрия I до поражения под Добрыничами. Автор считает, что движение самозванца изначально не являлось «скрытой» интервенцией Речи Посполитой против России. Иноземные солдаты спровоцировали открытый вооруженный конфликт между верхами и низами служилого сословия. Вольное казачество, вопреки сложившимся представлениям, отнюдь не являлось авангардом повстанческого движения.

Ключевые слова: Смута, иноземное вторжение, самозванчество, кризис служилого сословия, вольное и служилое казачество

Литература, использованная в статье:

Czerska, Danuta. Dymitr Samozwaniec. Wroclaw: Wydawnictwo Ossolineum, 1995. 260 s.

Maciszewski, Jarema. Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 329 s.

Florja, Boris. Dymitr Samozwaniec a magnateria polsko-litewska // Odrodzenie i reformacja w Polsce. Vol. 24. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 88–89.

Grala, Hieronim. Киевские пожалования самозванцев 1604 и 1608 гг. // Russia Mediaevalis. 1997. Vol. 9. Nr. 1. S. 115–128.

Богуславский, Владимир Вольфович. Славянская энциклопедия. XVII в.: В 2 т. Москва: ОЛМА ПРЕСС, 2004. 3200 с.

Бутурлин, Дмитрий Петрович. История смутного времени в начале XVII в.: В 3 т. Санкт-Петербург: Тип. А. Смирдина, 1839. Т. 1. С. 94–96.

Веселовский, Степан Борисович. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. Москва: АН СССР, Отд-е Истории, Архив АН, 1975. 606 с.

Козляков, Вячеслав Николаевич. Лжедмитрий I. Москва: Молодая гвардия, 2009. 253 с.

Костомаров, Николай Иванович. Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Собр. соч.: В 8 кн. Санкт-Петербург: О-во для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Лит. фонд»), 1904. Кн. 2. С. 103–106.

Пирлинг, Павел Осипович. Дмитрий Самозванец. Москва: Сфинкс, 1912. 512 с.

Платонов, Сергей Федорович. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Москва: Памятники исторической мысли, 1995. 481 с.

Разин, Евгений Александрович. История военного искусства. Санкт-Петербург: Омега-Полигон, 1994. Т. 3. С. 66.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. 220 с.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. 327 с.

Ульяновский, Василий Иринархович. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории: В 2 ч. Киев: УМК ВО, 1999. С. 85–87.

Information about the article:

Author: Tyumentsev, Igor' Olegovich, Doctor in History, Director of Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, rector@vags.ru

Title: Developing the question of «covert intervention» of Rzeczpospolita against Russia between 1604 and 1605

Summary: The article covers the study of the movement of the first False Dmitriy. The author treated several opinions on the problem of the movement of the first False Dmitriy that exist in pre-revolution Russia and Soviet historiography, as well as Polish historiography. The author historian has based his work mostly on the primary sources of contemporary witnesses of the time — their notes and their journals. He studied the composition of the impostor's army, as well as the army of Boris Godunov which opposed each other. He also studied the main details of the False Dmitriy's march up until his army's defeat at the Battle of Dobrynichi. The author's opinion is that the impostor's movement was not a covert intervention of Rzeczpospolita against Russia from the very beginning. The foreign army forces had provoked an open military conflict between the upper and the lower military classes. Despite the formed opinions, the Free Cossacks never were the beginning of the rebel movement.

Key words: Time of Troubles, foreign invasion, imposture, the crisis of the military classes, free and service class Cossacks

References:

Czerska, Danuta. *Dymitr Samozwaniec.* Wroclaw: Wydawnictwo Ossolineum, 1995. 260 s.

Maciszewski, Jarema. *Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 329 s.

Florja, Boris. Dymitr Samozwaniec a magnateria polsko-litewska, in *Odrodzenie i reformacja w Polsce.* Vol. 24. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. S. 88–89.

Grala, Hieronim. Kievskie pozhalovaniya samozvancev 1604 i 1608 gg., in *Russia Mediaevalis*. 1997. Vol. 9. Nr. 1. S. 115–128.

Boguslavskij, Vladimir Vol'fovich. *Slavyanskaya jenciklopediya. XVII v.* [*Slavic encyclopedia. 17th century*]: V 2 t. Moskva: OLMA PRESS, 2004. 3200 c.

Buturlin, Dmitrij Petrovich. *Istoriya smutnogo vremeni v nachale XVII v.* [*The History of the Time of Troubles in the beginning of the 17th century*]: V 3 t. Sankt-Peterburg: Tip. A. Smirdina, 1839. T. 1. S. 94–96.

Veselovskij, Stepan Borisovich. *D'yaki i pod'yachie XVI–XVII vv.* Moskva: AN SSSR, Otd-e Istorii, Arhiv AN, 1975. 606 s.

Kozlyakov, Vyacheslav Nikolaevich. *Lzhedmitrij I* [*False Dmiriy I*]. Moskva: Molodaya gvardiya, 2009. 253 s.

Kostomarov, Nikolaj Ivanovich. Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII st. [The Time of Troubles in Muscovy in the beginning of the 17th century], in *Sobr. soch.*: V 8 kn. Sankt-Peterburg: O-vo dlya posobiya nuzhdayushhimsya literatoram i uchenym («Lit. fond»), 1904. Kn. 2. S. 103–106.

Pirling, Pavel Osipovich. *Dmitrij Samozvanec* [*Dmitry the Pretender*]. Moskva: Sfinks, 1912. 512 s.

Platonov, Sergej Fedorovich. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve v XVI–XVII vv.: Opyt izucheniya obshhestvennogo stroya i soslovnyh otnoshenij v Smutnoe vremya* [*Essays on the history of the Time of Troubles in the Moscow State in 16th–17th centuries: The experience of studying social structure and class relations in the Time of Troubles*]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 1995. 481 s.

Razin, Evgenij Aleksandrovich. *Istoriya voennogo iskusstva* [*The History of the art of war*]. Sankt-Peterburg: Omega-Poligon, 1994. T. 3. S. 66.

Skrynnikov, Ruslan Grigor'yevich. *Samozvancy v Rossii v nachale XVII v.: Grigorij Otrep'yev* [*Impostors in Russia at the beginning of the 17th century: Grigory Otrep'yev*]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1987. 220 s.

Skrynnikov, Ruslan Grigor'yevich. *Social'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII v.* [*Social and political struggle in the Russian state at the beginning of the 17th century*]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1985. 327 s.

Ul'yanovskij, Vasilij Irinarhovich. *Rossiya v nachale Smuty: Ocherki social'no-politicheskoj istorii* [*Russia at the beginning of the Times of Troubles: Essays on Social and Political History*]: V 2 ch. Kiev: UMK VO, 1999. S. 85–87.

ББК 63.3(2)45; УДК 94(47).045

В. И. Ульяновский

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК И МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО В НАЧАЛЕ СМУТЫ: ДУХОВНЫЕ МИССИИ/ПОСОЛЬСТВА, ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ВЛАСТИ, СИМВОЛИКА ДАРОВ

Отношения Российского государства с Православным Востоком, в частности — с древнейшими Патриархатами и Афоном, давно являются предметом научных исследований. В общей хронологии этих отношений традиционно обходится молчанием Смутное время начала XVII в., которое считается своеобразной «мертвой зоной», прервавшей многие устоявшиеся связи, в том числе с Вселенским Православием.

Однако такое общее заключение далеко не оправдано. В настоящем исследовании мы остановимся на анализе документации о приезде посланцев восточных Патриархов, Афона и Балкан в Россию на начальном этапе Смуты — конце царствования Годуновых и правлении Лжедмитрия I. Даже для этого, казалось бы, весьма непродолжительного времени можно говорить о непрерывности связей Московского царства с Вселенским Православием и о традиционных формах проявления и содержании этих связей.

В источниковедческой парадигме вся информация по указанному сюжету имеет кажущуюся одностороннюю форму: это документация Посольского приказа с изложением всей переписки, допросных речей, описаний приемов и даров приезжавших посольств. Казалось бы, она действительно отражает одну сторону «видения» процессов — российскую администрацию и бюрократическую машину. Однако на самом деле информация материалов «греческих дел» Посольского приказа многовекторна: она содержит послания восточных иерархов и светских правителей, прямую речь посланников, перекрестные допросы приезжих греков, доклады разведывательного характера, даже доносы членов делегаций друг на друга[1].

Все это позволяет считать, что накопленная дьяками Посольского приказа информация при условии ее вдумчивого анализа позволяет раскрыть процессы комплексно,

[1] См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел. М., 2001.

представив адекватно все стороны этого «общения». Очень важно при этом постоянно учитывать степень информированности представителей Православного Востока о событиях в Московском царстве и их реакцию на все перипетии политической жизни страны, что, по нашему мнению, является неким ключом для дешифровки и текстов посланий греческих иерархов, и характера поведения посланников, и символики их даров, и особенностей их приема при царском дворе.

Наше исследование начинается с 1603 г., когда после спада голода и эпидемий иностранные посольства вновь стали пропускать через русско-литовскую границу, а это хронологически также совпадает с преддверием Смуты — появлением слухов о «царевиче Дмитрии» и самой идеи о возможности «возврата» династии Рюриковичей, а также с усилением разнообразных форм деятельности Бориса Годунова с целью упрочения своей личной власти, власти своей династии и привлечения на свою сторону всех сил, в том числе церковных деятелей Православного Востока.

Документы свидетельствуют, что с 1603 г. греки имели уже обширную информацию о приключениях Лжедмитрия I и реакции Бориса Годунова на его появление. Конечно, почти всю информацию они «ловили» на территории Речи Посполитой (особенно в Остроге и Киеве), через которую проезжали в Москву, но затем, все, почерпнутое в Украине и в России, все слухи и противоречивые сведения с греками попадали на Православный Восток, к престолам Патриархов. Российские власти также активно использовали этот дополнительный источник информации: все, кто приносил подробные сведения и новости, пропускались в Москву очень быстро, иные же задерживались на границе, пока не предлагали какие-либо ценные сведения.

Первым фиксирует информацию о Самозванце датируемый сентябрем 1603 г. допрос посланца Иерусалимского Патриарха Софрония (что крайне важно, поскольку Софронию принадлежит специальное послание к «царевичу Дмитрию Ивановичу» 1605 г.) архимандрита Феофана, который прибыл в Москву с Христианопольским митрополитом Симеоном из Константинополя (Спасопреображенского монастыря), епископом Мольским Каллистом (монастырь архидиакона Стефана) и келарем афонского Симеона Столпника монастыря Геннадием[2]. По дороге в Москву Феофан со спутниками (келарем Иоакимом и дьяконами Феодосием и Никодимом) останавливались в Остроге, жили у князя Василия Острожского четыре недели и были свидетелями, когда «через город», не заезжая в замок («князь Адам у князя Василья Острожского не бывал»), проехал кн. Адам-Василий Вишневецкий с Лжедмитрием I («тот вор, что называетца царевичем») из своей резиденции Брагина в Вишневец, откуда должен был везти его ко двору короля («а из Вишневца де князю Адаму с ним ехать х королю»).

Относительно пребывания Самозванца при Вишневецком греки слышали от местных лиц («сказывали нам литовские люди в разговоре»)[3]. Если об этом узнали иерусалимские греки, то такую информацию им предоставили острожские греки (довольно значительный конклав интеллектуалов и духовных лиц), владевшие русским языком

[2] В связи с излагаемым здесь и далее материалом, нельзя не отметить странность указания С. Ю. Житинева, будто после известия о затребовании Борисом Годуновым и привоза в Москву модели Гроба Господня в 1594 г. (?, ее привез в 1603 г. Феофан), далее и за всю Смуту о связях с Иерусалимским Патриархатом «у нас сведений не имеется» (см.: *Житинев С. Ю.* Русские православные паломники в Иерусалиме в X–XVII веках // Православный Палестинский сборник М., 2007. Вып. 105. С. 100–108).

[3] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.). Вып. 1: Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.) / Публ. Н. В. Рождественского // ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. 4, 36.

и связями при дворе Василия-Константина (Феофан указывал на свой источник — узнал «от литовских людей»).

Останавливался ли кортеж Вишневецкого в родовом замке киевского воеводы (мы предполагали, что Вишневецкий специально заехал в Острог, дабы еще раз попробовать привлечь «к делу» Острожского[4]) или действительно проследовал дальше «к королю» без остановок — точно неизвестно. Однако «знание» всех о том, что с Вишневецким ехал «московский царевич», указывает на нарочитое распространение данной информации — и не только при дворе князя, но и в городе Остроге в целом. Кроме того, Феофан узнал «от литовских людей» (т. е., тех же придворных князя), что король пребывает в Кракове, к войне не готовится, войско не собирает. Передал он также известие о Критском архиепископе Афанасии, который остался при дворе Острожского, став его духовным отцом, и «князь де Василей архиепискупа жалует»[5]. То есть, архимандрит имел разговор и с Афанасием, получив от него ценные сведения, поскольку княжеский духовник был посвящен в особые дела Острожских.

По приезде в Москву Феофан с остальными членами посольства и названными иерархами был помещен на «Рязанского архиепископа дворе» (т. е., на подворье бывшего епископа Ериссо, грека Игнатия), их возили на санях «Еласонского архиепископа» (т. е., грека же Арсения, архиепископа Архангельского собора Московского Кремля)[6], а значит и Арсений, и Игнатий находились в общении с приехавшими. На Крещенье 6 января 1604 г. все греки участвовали в водосвятии с Московским Патриархом и царской семьей, получили милостыню за упокой царицы-инокини Александры (в миру — Ирины Годуновой, жены царя Федора Ивановича) и за здравие царевны Ксении (на ее именины). 7 февраля греки были удостоены приема у Патриарха Иова (хотя и формального), Феофан при этом удостоился особой акции: с ним «приказал патриарх… к патриарху Ерусалимскому Софронию челобитье». Затем их удостоили специального царского приема, и все приехавшие греки были отпущены с дарами обратно в марте 1604 г. Царь Борис приказал по дороге в Смоленске устроить им торжественный прием у архиепископа[7].

Несомненный интерес составляют два документа, связанные с этим посольством — послание Патриарха Софрония к Борису Годунову и ответная грамота последнего. В послании от 6 сентября 1602 г. Софроний приводил установленный ряд эпитетов-определений для царя: «Благочестивый, православный, христолюбивый, тихомирный, богопоставленный, богославимый, богоизбранный»[8].

Этот набор определений, отличавшийся не только указанием на благочестие и православность царя, имел еще и указание на особое Божье благоволение и даже прославление царя самим Господом. Для молитвенного состояния Годунова того времени, для его многократно демонстрируемого и реально проявляемого благочестия эти определения много значили. Кроме того, Патриарх призывал «благодать и милость, мир и благосло-

[4] Проблема отношений Самозванца с отцом и сыном Острожскими и прочими выдающимися деятелями Речи Посполитой подробно освещена нами: *Ульяновский В. И.* 1) Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 1. Киев, 1993. С. 64–105; 2) Смутное время. М., 2006. С. 299–312.

[5] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 4.

[6] Там же. С. 8, 10.

[7] Там же. С. 12–18, 22–24.

[8] Там же. С. 11.

вение… и просвещение о Бозе Вседержителе и Господе нашем Иисусе Христе, и вся благая и спасение от святого и Живодарованного Гроба».

Все эти патриаршие пожелания и благословения не могли не восприниматься Борисом Федоровичем в мистически-духовном значении. В письме Софроний сообщал, как у Гроба Господня благодарит Бога, «что тебя сподобил и вознес на се царствие, держати тут христоименуемых людей», призывая Господа оберегать и максимально продолжить время правления Годунова и его рода. Пожелания Патриарха были довольно обычны по сути, но оригинальны (если сравнивать с предыдущим посланием к царю Федору Ивановичу) по формулировкам: «Чтобы все сильные и борящие нашу веру покорились под твои ноги, на хвалу и утверждение всех православных христиан, и на обновление Святого Живоносного Гроба, и да сподобишься небесного царствия»[9].

Подчеркнем, что в отличие от послания царю Федору, в 1602 г. Софроний уже не давал наставлений, не указывал на потребность благостного жития, нищелюбия и милостыни бедным. Теперь он только просил, жалуясь на особую сложность и тяжесть положения Иерусалимской Церкви, поскольку «везде войны» и ниоткуда помощи уже нет, а «арапский род» все более угнетает христиан, терпящих нужду, голод и скорби. В качестве примера Софроний приводил историю Лавры Св. Саввы Освященного: монахи не смогли прокормить окружающих их арабов, вынуждены были заложить вход в обитель кирпичом («запечатать») и уйти в иерусалимский Архангельский монастырь. Патриархат же имеет долг в 10 тыс. золотых, все голодают и терпят лишения во имя Христа, как прежние мученики, которые страдали 1–3 дня, «а мы во вся дни мучимся для святых мест». Софроний указывал, что уже не один раз посылал к царю за милостыней, но посланные лица не возвращались. Все идет к тому, что Святым Гробом завладеют «агаряне» и посмеются над святыней.

Как видим, основной текст грамоты был многословным «плачем» с молитвенно поднятыми руками. Патриарх живописал страдания и лишения Иерусалимской Церкви при самом Гробе Господнем. И только в конце текста, когда Софроний начал личностные сравнения, он сделал намек на наставление. Патриарх взывал к Годунову стать «вторым императором Константином», который «отмел сребролюбие» и вложил немалые средства в «сооружение» Гроба Господня. Именно этим примером Константина и его жертвенности Патриарх пытался «наставить» Бориса Федоровича на путь его личного спасения, ибо, по словам Софрония, за помощь Иерусалимской Церкви царь получит «семдесят седмицею в вышнем Иерусалиме во веки, и наследишь царствие небесное». Также он просил помощь и Лавре Саввы Освященного: выступить вторым Юстинианом, «соорудившим» эту святыню, за что воздастся царю Борису с лихвой[10]. В подтверждение сему Патриарх свидетельствовал о горении пред престолом Гроба Господня пяти неугасимых лампад в память о царях Иване и Федоре и во имя «богохранимого твоего царствия». Это послание заканчивалось прозаической просьбой денег на покупку виноградника и оливковой рощи[11].

Для адекватной оценки обращений Софрония к царю Борису Годунову, а затем к его противнику — Лжедмитрию I, как нам представляется, следует проанализировать и ответную грамоту самого Годунова, которая датируется мартом 1604 г. Обращаясь

[9] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. С. 290–293.
[10] Там же. С. 280–282.
[11] Там же. С. 290–293; оригинал послания см.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 7.

к «великого града Иерусалима предстоятелю, Живоносного Гроба Господа нашего Иисуса Христа и святого Его Воскресения, святейшему патриарху Софронию, отцу нашему, пастырю и учителю православных велении»[12], Годунов демонстрировал обычную в таких случаях форму «сыновнего» послушания.

Но эта форма в самом послании обратилась в слезную молитву пред Гробом Господним. Сначала царь Борис прибег к утешению Софрония в скорбях и некоему «наставлению» о долготерпении во славу Божию:

> «…слышав ваши скорби и утесненье от ыноверных, яко агнцем посреди волков пребывающим, желехом немало, что ваше святейшество и все православные хрестьяне в ваших странах пребываете от огарян в таком великом гонение и утеснение. Тебе же, отцу нашему, пастырю и учителю православных велении, во всех сих приключившихся скорбех подобает быти, яко непобедимому страстотерпцу, крепце и мужественнее, и всех православных хрестьян в таком утесненье утверждати, и утешати, и надежи не отпадати, а молити Всещедраго и Премилостиваго Человеколюбца Бога Господа нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь, хрестьянского рода Заступницу, и всех святых, еже бы скорби вашей на радость преложитися и от насилья безбожных свобоженом быти»[13].

Это царское «наставление» о долготерпении и непрестанных молитвах как бы указывало на то, что кому много дано в духовном смысле, с того и больший спрос, и испытание. Глава Иерусалимской Церкви должен быть образцом терпеливого принятия страданий пред Гробом Господним, ибо и сам Он неимоверно страдал во искупление грехов всех христиан. Царь и Патриарх как бы поменялись ролями: теперь Патриарх стенал и плакал о горькой доле, а царь его утешал и наставлял. Далее Годунов деловито перечислял всех прежде посланных Софронием за подаянием лиц, которые его получили в немалом количестве: Кесарийский митрополит Герман, архимандрит Дамаскин, келарь Пахомий повезли обильную милостыню — 60 сороков соболей, 12 тыс. белок, три разукрашенные ризы с епитрахилями, три стихаря диаконских и пр.

С этим же царским посланием архимандрит Феофан повез также значительные подаяния. И вот в этом месте о своих дарах Годунов начинал молитвенное «рыдание». Он писал о посланном напрестольном Евангелии

> «…к живоносному Гробу Господа нашего Иисуса Христа и святого Его Воскресение», которое молил «пад на землю со слезами… на престол в церковь Воскресенья Господа нашего Иисуса Христа; и ты, отец наш святейшии патриарх Софроней, то Евангелие приими со тщанием и положи на престоле в церкви Воскресенья Господа нашего Иисуса Христа»[14].

Эта молитва с плачем была совершенно осознанным, не тривиальным и шаблонным, но истинно молитвенным жестом Годунова, как и все его многочисленные молитвы-жесты того времени, о чем мы уже неоднократно писали. Царь Борис этим вновь обращал взор Патриарха не на «внешнее» (то есть, «агарян»), а на несоизмеримую ни с чем духовную ценность Гроба Господня и места Воскресения Его. Этот пассаж грамоты Годунова — самый сильный, эмоционально насыщенный текст документа, по сути, составляющий основной смысл грамоты царя — как мыслимой молитвы пред Гробом Господним.

Перечисление всех остальных даров от самого царя Бориса, царицы Марьи и их детей Федора и Ксении шли «через запятую». Грамота заканчивалась традиционной просьбой

[12] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 19–20.
[13] Там же. С. 20.
[14] Там же. С. 20.

о молитве, но в свете предыдущего «плача», эта просьба звучала неформально: «дабы Господь… подаровал нам душевное спасение и телесное здравие, и послал бы нам милосердие Свое, помощь и одоление на вся враги наша видимые и невидимые, и устроил бы Господь Бог государство наше мирно ото всех недругов, якож весть святая Его воля»[15].

Эту грамоту Бориса Годунова и его дары, включительно с Евангелием, архимандрит Феофан привез в Иерусалим уже в 1605 г. Софроний должен был исполнить пожелания царя и относительно Евангелия, и относительно сугубых молитв за его здравие и победу над врагами. Тем не менее, именно в это время он обращается с посланием к главному противнику Бориса Федоровича — Самозванцу, еще не восшедшему на престол (см. далее).

Как уже указывалось, с Феофаном царь послал ко Гробу Господню большое напрестольное Евангелие в серебряном окладе со вкладной записью: «Многогрешного Бориса сына Федора… в святую церковь Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на святой престол над божественным Его Гробом иже есть во Святом Граде». Тут же была сделана приписка на греческом, что Евангелие принесено из Москвы в 1605 г. иеромонахом Феофаном, принявшим его «из рук царя Бориса»[16]. Евангелие было написано по-гречески; известно, что переписал его по специальному царскому заказу келарь иерусалимского монастыря Саввы Освященного Дамаскин (получил 20 руб. за работу, а также 40 соболей и еще 30 руб. лично, на монастырь же Саввы Освященного — 1 тыс. золотых угорских и «царскую жаловальную грамоту»; вскоре он был отпущен с Феофаном обратно в Иерусалим)[17].

Для акции вручения Евангелия Борис Годунов специально призывал на прием Феофана и Дамаскина: не только в письме к Софронию, но и его посланцам царь приказывал положить Евангелие «на престол в церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа», вместе со священной книгой посылались церковные сосуды, рипиды, два пояса со стрихарем, личный дар царя Патриарху Софронию — соболья шуба; от царицы Марьи посылались сулок, ширинка и 300 угорских золотых; от царевича Федора — 200 (в другом месте 2000, что менее вероятно — дар царевича не мог быть больше царского) угорских золотых. Годунов просил все это (и прежние дары в 1000 угорских золотых, 60 сороков соболей, 12 тыс. белок) принять и молить

> «Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа у Жывоноснаго Гроба, чтоб Господь Бог, по Своему неизреченному милосердию и человеколюбию и для его молитв, подаровал нам душевное спасение и телесное здравие, и послал бы нам милость Свою, помощь и одоление на вси враги видимыя и невидимыя… Софроней бы патриарх молил Господа Бога и Пречистую Богородицу и всех святых богоугодивших, чтоб Господь для ради молитв его отпустил нам грехи и подаровал душевное спасение и телесное здравье; а мы, великий государь, и сын наш царевич князь Федор учнем вперед к Софронью патриарху наше жалованье держати наипаче прежнего».

При этом царь особо приказал поклониться Патриарху Софронию до земли[18]. Этот факт (о сакральных дарах и просьбах молитв) важен и показателем в контексте общей

[15] Там же. С. 21.

[16] *Успенский Ф. И.* Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1896 г. // Известия Императорской Академии наук. Сер. 5. 1897. Май. Т. 6. № 5. С. 473–474.

[17] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 18–19, 21–22; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 70.

[18] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 18–19.

церковной молитвы Бориса Годунова, осуществляемой им в 1604–1605 гг. посредством многих даров на монастыри и храмы, которую (молитву) мы определили евангельскими словами «Да мимо идет чаша сия»[19]. Особую значимость имел «сакральный жест» возложения напрестольного Евангелия в храме Воскресения Господня над Его Гробом. С этим Евангелием молитва Годунова должна была находиться в самом сердце Святой Земли, в месте Воскресения Господня. По-видимому, для царя Бориса это имело очень важное, непреходящее мистическое значение: он желал сугубой личной молитвы в самом святом для христиан месте.

Отдельно стоит остановиться на вопросе о реликвиях и святынях, привезенных с Востока указанными духовными лицами, а также на «ответных» сакральных дарах. Больше всего святынь привез из Иерусалима архимандрит Феофан. Главная святыня — «от Живоносново Гроба Господня камень мармур белой» — его вынул от Гроба предыдущий Патриарх Герман и «надписал на том камени царские имена блаженные памяти… Ивана Васильевича… и блаженные памяти… Федора Ивановича… и твое… Бориса Федоровича имя», а Софроний написал «свои имена». Учитывая проект Годунова о создании копии Гроба Господня, этот дар настоящей реликвии Гроба был для него особенно важен и духовно ценен, поскольку был не только символом погребения и страстей, но символом Воскресения, реально (а не только духовно) принесенный в Москву[20].

Исследования показывают, что в религиозном сознании православных обеих частей Руси независимо от существования реальных описаний святынь Иерусалима (записок Василия Познякова в Московии и кн. Николая Радзивилла в ВКЛ) превалировал образ «мыслимого Иерусалима», известный по Библии и духовной литературе[21]. Годунов же имел намерение «соединить» оба образа: зримый и мыслимый Иерусалим в его святая святых — Гробе Господнем. Именно Феофан привез Годунову и саму меру Гроба Господня «8 поясков», а также 4 свечи при Гробе зажигавшихся («свечи Святого Духа»). Кроме этого, Феофан привез многочисленные мощи святых: св. апостола Варнавы, св. целителя Пантелеймона, св. мученицы Феклы, св. мученика Меркурия, священномученика Анфима, св. мученика Прокопия. Вещественные реликвии состояли из святой воды р. Иордан, частицы жезла Моисея «древо черно», а также иконы Св. Анны с Богородицей и Христом «обложен серебром»[22]. Отметим, что несколько ранее из Иерусалима архимандрит монастыря Саввы Освященного Григорий привез Борису Годунову замечательный дар-святыню: древнюю икону Богоматери в серебренном окладе, которая, как указывала традиция, принадлежала самой равноапостольной императрице Елене, а также мощи апостола и евангелиста Луки — создателя первых Богородичных икон[23]. Христианопольский митрополит Семион преподнес мощи 40 севастийских мучеников[24].

[19] Подробнее см.: *Ульяновский В. И.* Смутное время. М., 2006. С. 11–54.

[20] *Баталов А. Л.* Гроб Господень в сакральном пространстве русского храма XVI–XVII веков // Восточнохристианские реликвии / Сост. А. М. Лидов. М., 2003. С. 513–523.

[21] *Лескинен М. В.* Ландшафт Святой Земли в описании христианских паломников конца XVI века // Ландшафты культуры: Славянский мир. М., 2007; Новые Иерусалимы: Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы научного симпозиума / Сост. А. М. Лидов. М., 2006.

[22] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 3, 10. — Н. Ф. Каптерев считал, что икону Богородицы, принадлежавшую имп. Елене, привезли в Москву в 1603 г. (см.: *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 101).

[23] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным... С. 280–283.

[24] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 10.

Все эти реликвии и святыни были поднесены в дар самому царю и должны были попасть в главное хранилище российской святости — Архангельский собор Московского Кремля. На приеме же у Патриарха Иова греки также поднесли московскому первосвятителю святыни, о которых сказано общо: «мощи, и змирно, и свечи Гроба Господня». Такое неравномерное распределение сакральных даров не было чем-то необычным: «наиправославнейшую» державу перед Христианским Востоком представлял по традиции царь, а не глава Русской Церкви, это были отношения не Патриархатов, но поклон Восточных Патриархов царскому престолу, поскольку все посланцы шли исключительно за царской милостыней, но не для общения с московскими духовными властями, в котором (общении) обе стороны не очень нуждались (по крайней мере, Иов нигде не выступал инициатором встреч с посланниками даже иерархического достоинства).

Обратные дары царя Бориса состояли, кроме материального жалования, в иконах русского письма, при этом «ранг» и количество икон соответствовали иерархическому сану посланца; с другой стороны, они разделялись на общехристианские образы и сюжеты и чисто русские. Христианопольский митрополит Семион получил иконы Св. Троицы (возможно, по Рублевскому образцу), Преображения Господня, образ Христа «седяй одесную Отца», поясного Спаса, Богородицы с Младенцем, архангела Михаила — все они отражали общий христианский «код» почитания святости триединого Божества, Богоматери и начальника небесного воинства арх. Михаила. Из русских святых Семиону были вручены иконы митр. Алексия, «ярославских чюдотворцев» (князья Федор, Давид и Константин; погребены в храме Входа Господня в Иерусалим Спасо-Преображенского монастыря), Всеволода Псковского и сюжетная икона «Сергиево видение».

Итак, «русскую святость» представляли четыре князя, притом все провинциальные, не московские, знаменитый московский и всея Руси митрополит, а также самый популярный в России святой монах, притом в одном из чудес, когда ему было предначертано будущее. Случаен ли этот «набор» икон? Он как бы указывал на особую святость всех правителей-Рюриковичей, на помощника в объединении княжеств вокруг Москвы в образе митрополита Алексия и на «святую Русь» в образе Сергия, которому дано «чудесное видение». Мослинский епископ Каллист получил те же общехристианские иконы и образ митр. Алексия в качестве русской святыни. Все то же получил и иерусалимский архимандрит Феофан. Остальные члены духовных миссий получали меньшее количество икон, но среди них также были несколько образов митр. Алексия и трех ярославских чудотворцев, а также по одной иконе Никиты Переяславского (столпник и чудотворец XII в.) и Евфимия Суздальского (чудотворец XIV – нач. XV в.)[25].

Таким образом, московские власти особо выделяли среди русских святых митр. Алексия и трех ярославских князей-чудотворцев; три монаха (Сергий, Никита и Евфимий) получили «индивидуализированное», «единичное» значение. Никто из этих святых не был известен как в Иерусалимском Патриархате, так и в других Церквях Востока. Но все эти иконы были византийско-русского письма, поэтому, несомненно, указывали на «русскую святость», особенно же икона «Сергиево видение».

Такая парадигма была заложена изначально: из Востока привозили общехристианские реликвии и святыни, а из Московского царства могли посылаться в качестве сакраль-

[25] Там же. С. 17.

ных даров лишь священные книги, церковные сосуды, облачения и иконы. Однако все эти дары с обеих сторон, независимо от их «ценности» и «качества», обеспечивали мистическое общение «святости» на всем географическом пространстве существования Православия, они преодолевали государственные границы, особенности быта и прочие «разности» в культуре (в широком смысле слова), «национально-территориальные» проявления религиозности. Православный Восток свидетельствовал святость Христова учения и самой Церкви, а Московское царство указывало на свидетельство самого Христа о чистоте русского православия, что проявлялось в прославлении Божьим промыслом русских святых. Кроме того, речь шла и о Божественном прославлении русских икон, которые творили многочисленные чудеса: Смоленский архиепископ Феодосий, которому велено было принять и одарить иерусалимское посольство на обратном пути, каждому греку преподнес в подарок копию чудотворного образа Смоленской Богоматери[26]. Вместе с тем, постоянное перенесение «материальной святыни» с Востока на Русь превращало Московское царство в сокровищницу христианских реликвий, соразмерную в сакрально-духовном смысле «третьему Риму».

Феофан с членами миссии возвращался в Иерусалим через Речь Посполитую, в частности через Острог, когда Самозванец начал свой поход за «отвоевание отеческого престола». По-видимому, Феофан (в числе прочих) должен был привезти Патриарху Софронию вести о «священной войне» царевича. Письмо Патриарха к претенденту на московский престол указывает, что он, во-первых, был убежден в победе Лжедмитрия I, а во-вторых, однозначно доверял своему источнику сведений о царевиче и его «правом деле».

19 октября 1603 г. к русской границе возле Чернигова прибыли греческие и сербские священники во главе с Тырновским митрополитом Дионисием. Это был широко известный и на Востоке, и на Западе Дионисий Ралли, причислявший себя к роду Палеологов, знаменитый своими многими авантюрными деяниями, служивший «двум господам» (Папскому престолу и императору Рудольфу — с одной стороны; Константинопольскому Патриарху и православному кн. Василию-Константину Острожскому — с другой; его многочисленные авантюрные акции вплоть до подделок Патриарших посланий и печатей, тайный перевод среднего сына Острожского в католицизм, идея основания Острожского Патриархата со своей персоной во главе и пр. деяния заслуживают отдельного изложения). История его допросов и свидетельств весьма показательна для греческих посольств, а для самого Дионисия является нормой его поведенческой модели и изворотливости. При всем этом, данное православное посольство греческо-балканского состава везло к царю Борису Годунову послание, как ни странно, от императора Священной Римской империи Рудольфа[27].

По традиции, на границе Дионисий был подробно расспрашиваем о событиях в Речи Посполитой. Митрополит сначала пытался изображать мало знающего человека: ехал через Краков, откуда 8 сентября через Лоев, Острог и Брагин прибыл к границе, но при этом «про вора про Гришку ростригу не слыхал». Это не могло не насторожить допрашивающих: ведь Самозванец был в Остроге, его принимали Вишневецкие в Брагине; как мог Дионисий ничего не слышать? Остальные члены посольства все же подтвердили

[26] Там же С. 28.

[27] *Üebersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des 15 Jahrhunderts. Wien; Leipzig, 1906. T. 1. S. 574–576.

слова митрополита: по-видимому, они получили от него необходимый инструктаж. Дионисия со свитой задержали на границе[28].

Прошел месяц, а его все не пропускали. И тогда Дионисию пришлось представить некую, специально собранную информацию. При этом он решил использовать авторитет императора. 20 ноября митрополит заявил, что представляет не Церковь, а императора, который послал его для «великого тайного дела», и он везет секретную грамоту. Опытный политик попробовал «застращать» русские власти: он сообщил, что в императорском послании речь идет о тайных связях Бориса Годунова с крымским ханом и содержится требование разъяснений по этому поводу — «Станет ль то дело, как ты (Б. Годунов. — *В. У.*) писал к крымскому царю?».

В затруднительный для Годунова момент публичного появления Самозванца и повышенного интереса к нему европейских правителей и дипломатов, в первую очередь польского короля и иезуитов, размолвка с императором была крайне невыгодна. Дионисий рассчитывал, что это «строгое заявление» подействует, и его немедленно пропустят в Москву. Черниговский воевода отправил донесение в Москву, но сам продолжал допрос и требовал информацию о Самозванце. Дионисию пришлось опять выкладывать некие сведения, хотя и совершенно мифические — он действовал в привычной для него манере создания фальсификатов. Тырновский митрополит сообщил, будто «Гришку король и паны поймали, и сидит окован и книги де еретические у него выняли». По-видимому, Дионисий думал, что такая «приятная» для русских властей информация об аресте беглеца и доказательстве его «чернокнижия» (о чем говорилось и в официальных грамотах Годунова и Патриарха Иова) станет для посольства пропуском в Москву. Он ошибся в своих расчетах: не учел, что черниговский воевода уже располагал весьма точными оперативными сведениями о деяниях Самозванца и его поддержке Адамом Вишневецким. Дионисия вновь не пропустили и еще месяц продержали на границе.

И вот 20 декабря митрополит совершает новую попытку «пробить» российские власти: он послал на русскую заставу старца Ксенофонта со сведениями о Самозванце (важно, что их сообщал не лично Дионисий, который всегда мог если не опротестовать, то уточнить приведенную Ксенофонтом информацию). Старец сообщил, что во время обеда 18 декабря у любецкого подстаросты Томаша Цебровского тот заявил, будто король очень зол на Адама Вишневецкого за то, что «князь у себя держал по ся места вора, который называется царевичем, а хочет де король того вора с Рады послать к тебе государю, сковав». Кроме того, король велел немедленно отправить «за пороги» всех казаков, чтобы они «не учинили раздор» с Московским царством и не пристали к Самозванцу. А кто не покорится королевскому указу, тех приказано было вешать[29].

С одной стороны, показания Ксенофонта противоречили предыдущим сведениям Дионисия: Самозванец не был скован, а вольготно проживал у Вишневецкого, и под его знамена начали собираться запорожцы. С другой — король Сигизмунд III, как и в показаниях Дионисия, был на стороне Годунова и против нарушения мира. Тайный униат, «папист» и имевший тесные связи с прелатами при дворе протектора иезуитов

[28] Смутное время Московского государства (1604–1613)… С. 28–29.

[29] Подробнее см.: Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 61–62; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 74; *Шереметев С. Д.* Дела греческие // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 176–187.

Сигизмунда III продолжал линию его «обеления» в глазах российских властей. Но во всем этом была некая «формальная истина»: Сигизмунд III под давлением Замойского и сенаторов (и в первую очередь Острожских) издал универсал, в котором запрещал своим подданным наниматься к Самозванцу и участвовать в его походе. Король лишь тайно поддерживал авантюру и реально никого из сторонников Лжедмитрия I не наказывал. Кроме того, Дионисий опять напирал на важное «государево дело», заявляя, что «приехал не для своих потреб, яко потребы царю нашему (так в тексте. — *В. У.*) Борису Федоровичу», которому нужно передать очень важную информацию и получить его ответ. Но вместо быстрого пропуска его задерживают, он совсем истратился («все истеряли, испроели»), поэтому Дионисий уже собрался возвращаться, в последний раз предупредив, что имеет «исправы велики царски суть от великого кесаря до нашего православного царя»[30]. Следует отметить называние московского царя «нашим» — по-видимому, имелось ввиду его всеправославное значение.

Но и выше приведенные речи Ксенофонта не вызвали доверия: в Москве располагали более точными сведениями о явных и тайных протекторах Лжедмитрия I, как и о его непосредственных действиях. Тем временем в феврале 1604 г. на границе к Дионисию присоединились и другие посольства: Синайского св. Екатерины монастыря архимандрит Иоасаф со спутниками; афонского Ксенофонтова монастыря архимандрит Иаков (привез мощи св. Димитрия Селунского) и неназванного афонского же монастыря архимандрит Хрисанф; греческого Архангельского монастыря старец Филофей; сербского Струмицкого (Св. Николая[31], по другой версии — фрушкогорского монастыря Крушедол[32]) монастыря дьякон Авксентий, вскоре же прибыл Ахридонский/Хридонский архиепископ Афанасий[33].

Черниговские воеводы докладывали в Москву, что все они прибыли за милостыней, и только Дионисий с цесарской грамотой «о великом деле», о котором ничего не пожелал им четко сказать. Наконец, 8 февраля 1604 г. царь Борис приказал греков пропустить в Москву, при этом только Дионисию велено было объяснить задержку «моровым поветрием» в Литве, дабы «он бы в том не оскорблялся»[34]. Однако указ запоздал: когда он в марте пришел в Чернигов, все духовные лица от границы из Любеча уехали «в свою землю до масленицы» (фактически же греки пребывали во владениях кн. В.-К. К. Острожского)[35].

Дионисий оказался в Киеве при киевском воеводе, вышеназванном кн. В.-К. К. Острожском, откуда и писал в начале апреля черниговским воеводам и царю. По царскому приказу к нему в Киев специально посылали, приглашая прибыть к царю в столицу; соответствующая грамота «о управном деле» была послана и киевскому воеводе кн. В.-К. К. Острожскому («в греченинове в Муратове долгу свояка его Федьки Иванова» —

[30] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 30–31.

[31] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным… С. 11. Н. М. Дылевский также считает, что дьякон Авксентий представлял Никольский Струмицкий монастырь (см.: *Дылевский Н. М.* Рыльский монастырь и Россия – Украина в XVI–XVII веках. София, 1974. С. 4 (неверная датировка посольства октябрем 1605 г.: с июня 1605 г. русским царем уже был «Димитрий Иоаннович»)).

[32] *Наумов Е. П.* К истории связей России с южнославянскими народами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 100.

[33] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 31.

[34] Там же. С. 31–32.

[35] Там же. С. 33.

возможно, это указывает на формальное дело князя о собственности своего подданного, которым он воспользовался для разведки ситуации в Москве и слухов о Самозванце)[36]. Поскольку черниговские воеводы не доложили царю о результатах поездки в Киев «ко князю Василью Острожскому о управном деле» и о том, что они узнали в Киеве о Дионисии («сын боярской ис Киева приехал, и что вам сказал про Терновского митрополита, и вы о том к нам к Москве не отписывали»), то получили строгий царский выговор[37].

11 мая 1604 г. Дионисий прибыл в Чернигов. За ним последовали и остальные делегации, ожидавшие на границе: Меглинский епископ Иосиф, архим. Синайской горы монастыря св. Екатерины Иоасаф, из афонских монастырей Св. Саввы сербского архимандрит Логин[38], Успения Богородицы игумен Кирилл, Всемилостивого Спаса строитель Юрий, сербского Струмицкого монастыря диакон Авксентий. В расспросе архимандрит Логин сообщил, что с ним шел иеромонах Максим, но он заболел и остался в Остроге — это было явным свидетельством того, что все греческие делегации заезжали в Острог, останавливались там и пользовались милостыней князя В.-К. К. Острожского, пока их не пропустят в Московское царство. Здесь же они получали самую разнообразную информацию о событиях как в Речи Посполитой, так и в Московском царстве. Дионисий же, кроме того, посылал своих доверенных лиц («сына боярского своего Дима да келаря Ксенофонта») в Брагин к Вишневецким[39], по-видимому, для сбора информации о Самозванце.

Заметим, кстати, что все названные делегации, кроме самого Дионисия, были пропущены к Москве без царского указу, что вызвало новое недовольство Бориса Годунова, который специальной грамотой от 15 июня 1604 г. вычитывал черниговских воевод кн. И. А. Татева и кн. П. М. Шаховского с дьяком В. Федоровым: «вперед бы есте так не дуровали, греческих старцов без нашего указу никого к Москве не пропущали, и о всяких вестех к нам отписывали, а запросто наших дел не ставили», «только учнете так вперед дуровати, и вам от нас быти в опале», за это «дурованье» воеводы должны были из своего кармана оплатить «прогоны» к Москве трех подвод со старцами[40].

Лишь в конце мая 1604 г. посольство Дионисия прибыло в столицу, проведя на границе почти полгода. Интересно, что при этом встречающему дворянину Михаилу Молчанову было велено готовиться к претензии Дионисия, что в предыдущие его приезды при Федоре Ивановиче его за городом встречали посланцы Патриарха Иова, а теперь не встречают: было велено ответить, что во всем виноваты черниговские воеводы, которые наперед Иову не сообщили. Дионисия, как и остальных греков, приказано было поместить на подворье Рязанского архиепископа с «крепким береженьем», чтобы «к ним на двор гречане и иные иноземцы не приходили нихто и ни о чем не розговаривали, и з двора старцов и мирян гречан… отпущати не велети»[41]. Однако поскольку на Рязанском

[36] Там же. С. 35.

[37] Там же. С. 53.

[38] В историографии приводится информация о Логине — игумене монастыря Благовещения в Папраче возле Сараева, который в 1607 г. смог получить грамоту для обители от Василия Шуйского (см.: *Наумов Е. П.* К истории связей России с южнославянскими народами… С. 100).

[39] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 49.

[40] Там же. С. 53.

[41] Там же. С. 51.

подворье как раз были греки во главе с Игнатием, то размещение Дионисия переменили, поселив на дворе опального князя Бориса Черкасского.

Прием у царя, тем не менее, откладывался. Российские власти решили все разузнать (получить новую информацию) о самом Дионисии. 24 июня его торжественно привезли в Кремль (в сопровождении ехало 10 сотников и 10 конюхов), провели мимо паперти Благовещенского собора. В Золотой палате явив, наконец, послание имп. Рудольфа, Дионисий поднес царю икону Богородицы в серебряном окладе «письмо и оклад греческой», серебренную позолоченную панагию с мощами св. апостола Тимофея и мощи св. мученика архидиакона Стефана, а царевичу Федору он вручил икону Симеона Сербского в серебренном окладе («письмо и оклад греческой») и мощи архидиакона Стефана. Царь и царевич прикладывались к мощам и приняли благословение от митрополита[42]. Дионисий сообщил, что хотел бы говорить «о ваших царских о великих о тайных делех», прося назначить для этого доверенных лиц. Он был удостоен особого царского расположения: посажен в лавке слева, «выше окольничего места»[43].

26 июня Дионисий был расспрашиваем в Казенной палате доверенными боярами (Ф. И. Мстиславским, Д. И. Шуйским, С. В. и С. Н. Годуновыми) и посольским дьяком А. Власьевым. Однако он заявил, что дал клятву императору «тайные дела» поведать лично царю Борису. Дионисий добился своего: 1 июля он получил личную царскую аудиенцию, о которой ничего неизвестно, зафиксирована на бумаге лишь челобитная о милостыне для православных святынь Балкан и Востока. Вскоре Дионисий с членами посольства был отпущен в обратный путь[44].

Можно лишь догадываться, какую информацию привез из Москвы Дионисий и что он сообщил нунцию и королю, а также императору и церковному священноначалию Православного Востока. Как и прежде, Дионисий служил нескольким господам, благодаря чему везде имел поддержку. Не вполне ясна и суть его «тайного дела» в Москве. А. Н. Муравьев был категоричен: «Нет сомнения, что дело шло о лже-Димитрие», и если бы эта часть документа с его речью сохранилась, «новый бы пролился свет на лице лже-Димитрия и яснее бы обнаружились козни иезуитов, обличенные, быть может, царем Рудольфом»[45].

Эта версия вряд ли реальна: Дионисию самому пришлось измышлять некие «сведения» о Самозванце; да и мелковато это дело было для тайной императорской миссии. По-видимому, большую вероятность имеет версия о предлагавшейся антитурецкой лиге и ее тайному заключению[46]. Ведь неслучайно Дионисий проговорился о крымском хане и возможном тайном союзе с ним Годунова. В то время для Рудольфа антитурецкая лига была вопросом номер один, а Самозванец для него существовал лишь эфемерно: ведь и сам Годунов обратился к Рудольфу с разоблачением «расстриги» только через год (послание с Генрихом фон Логау). Однако для Годунова вопрос об антитурецкой лиге совсем не стоял, он действительно хотел иметь мир с мусульманским Востоком,

[42] Там же. С. 54–55.

[43] Там же. С. 56.

[44] Там же. С. 61–62; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 74; *Шереметев С. Д.* Дела греческие... С. 176–187; *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным... С. 313–316.

[45] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным... С. 317.

[46] *Наумов Е. П.* К истории связей России. С. 100.

и в первую очередь с Крымским ханством — непосредственной угрозой для южных окраин Московского царства.

Остальные посольства от разных монастырей, прибывшие в Москву одновременно с Дионисием, приезжали исключительно за царской милостыней. При этом синайский архим. Иоасаф привез на благословение царю мощи св. апостола и евангелиста Луки и миро от него, а также мощи св. великомученика Георгия, мощи св. Иоанна Златоуста, мощи св. Марии Магдалины, мощи св. Дорофея (или Ферапонта), мощи св. мученика Прокопия, мощи св. мученика Вакха и частицу посоха Моисея — все это, как свидетельствует одно из описаний авторства посольских дьяков, было вмонтировано в серебренную позолоченную с каменьями панагию. Иоасаф вручил также два «ветреника» (опахала) с подписью имени царя Бориса Федоровича. При этом Иоасаф представил грамоты Ивана Грозного и Федора Ивановича для подтверждения. Кроме того, он передал царю также послания от Александрийского Патриарха Кирилла (Лукариса), Иерусалимского Патриарха Софрония, Синайского архиепископа Лаврентия и молдавского воеводы Иеремии Могилы[47]. А афонский архим. Логин привез царю мощи св. мученика Андрея Стратилата[48]. Все они были удостоены общего царского приема после Дионисия, их дары приняты, и царь с царевичем прикладывались к принесенным в дар мощам и принимали благословение[49].

Принесенные синайским архим. Иоасафом грамоты восточных иерархов имели особую цену. Кирилл Лукарис (грамота от 27 декабря 1603 г.) сообщал о кончине Мелетия Пигаса и своем восшествии на патриарший престол, сетовал на трудности и утеснения от мусульман, уповал на Бога и московского царя, прося помощи для Синайской обители, задолжавшей арабам[50]. В грамоте Софрония также речь шла о долге синаитов в 4 тыс. золотых, которые взяты под залог церковных сосудов и риз; он желал царю здравия и победы над врагами (к ним в то время уже относился и Самозванец, которому позже Софроний будет желать того же)[51].

Самым оригинальным по форме и содержанию оказалось послание Синайского архиепископа Лаврентия (от 26 декабря 1603 г.). Владыка уверял Бориса Годунова, что ежедневно во время службы в соборе Св. Екатерины звучит молитва о его здравии и благоденствии Московского царства. А далее шли весьма символичные сравнения: чтобы Господь подал царю помощь как Моисею для победы над Амаликом, как Давиду над Голиафом, как имп. Константину над Максентием; и эта помощь царю Борису «на видимых и невидимых» врагов благословлялась в «похвалу и пользу всему православию».

Все это лишь для греков звучало некой литературной формой, но для «русского уха и глаза» имело очень важное символическое значение, а в случае с началом противостояния Годунова и Самозванца эта символика превращалась в реальность. Далее архиепископ заострял внимание на том, что священные сосуды заложены «жидам и туркам», что было неприемлемо для православного сознания, поэтому Лаврентий без сомнения просил уплатить весь долг в 4 тыс. золотых для выкупа церковных сосудов. Он напоми-

[47] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 56–61.
[48] Там же. С. 54, 57 (есть разница в описании мощей).
[49] Там же. С. 56.
[50] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным… С. 308–309.
[51] Там же. С. 309–310.

нал о большой милостыне синаитам от царя Федора Ивановича, «а потом от державной твоей десницы»; и вот теперь вновь архиепископ посылает старцев — «да воспримут святую твою милостыню, по обычаю». Наконец, он призывал в помощь царю Борису молитвы Неопалимой купины, Богородицы, пророков Моисея, Аарона, Ильи и Елисея, а также великомученицы Екатерины[52].

Это весьма индивидуализированное и привязанное к библейским сюжетам, а также синайским святыням послание Лаврентия становится более понятным, если вспомнить о самой личности архиепископа: он получил в управление синайские святыни в 1593 г., самовольно в Каире без разрешения Александрийского Патриарха освятил метохию и стал там совершать богослужения в патриаршем облачении и с митрой (как Патриархи), которую не снимал (вопреки уставу) даже при освящении святых даров; никто не смог его смирить, и только Кирилл Лукарис в 1620 г. добился осуждения и низложения Лаврентия[53]. Все это объясняет оригинальность его личности и, соответственно, послания. Кроме того, ведь именно Лаврентий выпросил грамоты от Софрония и Кирилла к Годунову для подтверждения своей просьбы. Он также выхлопотал и послание к Годунову Иеремии Могилы (от 12 июня 1604 г.), в котором напоминались главные качества правителя: милость, милосердие, щедрость, умножение достояния Церкви и славы Господней, что должно было выразиться в щедром подаянии для синаитов[54].

27 октября 1603 г. к русской границе прибыло посольство от Константинопольского Патриарха Рафаила во главе с епископом Амиклонским Феодосием. В составе посольства ехал и «литовской человек из Острога Ратка». К ним присоединился архиепископ Афанасий из Хридонского/Ахридонского монастыря Богородицы, а также архимандрит из Афона Хрисанф. Однако черниговские воеводы повелели всех их «поворотить назад в Литву со всем с тем, с чем хто ни приехал»[55].

20 декабря Феодосий со спутниками вновь прибыли на русскую заставу. Он обратился к воеводе с письмом, которое просил передать в столицу. Здесь указывалось, что иерусалимский архим. Феофан по дороге домой рассказал Константинопольскому Патриарху о щедрости царя Бориса и его разрешении приезжать за милостыней, соответственно, Рафаил сразу вырядил посольство. По дороге Феодосий терпел «великие обиды» от турок, татар и казаков, еле добрался до Любеча и за два месяца сидения там совсем обнищал, теперь он просил о помощи. Кроме того, епископ заявлял: «маем подарки спасенья, мощи и образ святый, и грамота отца патриярха, которые потребно суть поручити православному царю»[56].

Долго Феодосия не пропускали в Москву, как и все духовные посольства с Востока. Наконец 26 апреля 1604 г. была издана царская грамота о пропуске посланца Вселенского Патриарха в столицу[57]. Однако не все было так просто. В Чернигове его допрашивали воеводы. В частности, Феодосий должен был подробно изложить, куда делись несколько члены его посольства и какова ситуация в Литве. Лишь после этого

[52] Там же. С. 310–312.

[53] *Каптерев Н. Ф.* Русская благотворительность Синайской обители в XVI, XVII и XVIII столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Октябрь–ноябрь. С. 394.

[54] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным... С. 312–313.

[55] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 29.

[56] Там же. С. 30.

[57] Там же. С. 34.

2 мая 1604 г. его со спутниками отпустили к Москве[58]. О себе Феодосий поведал, что из Царьграда выехал еще 16 мая 1603 г., задержался сначала в Молдавии, затем два месяца его привечал в Остроге кн. Василий Острожский. Когда же епископа не пропустили в Чернигов, он вернулся в Киев и 10 недель жил в Киево-Печерском монастыре, и вот почти через год он все же добрался до Москвы[59].

Прежде чем дать ему официальный прием, посольские дьяки выяснили, что Рафаил действительно недавно (9 марта 1603 г.) стал Патриархом Константинопольским. Царский прием для Феодосия был устроен 6 мая[60]. Архиепископ, обращаясь к царю, именовал Рафаила «всесвятейшим государем нашим, вселенским патриархом»[61]. От имени Патриарха он желал не только здоровья царю и наследнику, но «одоление над бесермены и руку вашу (Господь дабы. — *В. У.*) возвысил надо всеми иноплеменники». Эти «бесермени» и самого Патриарха держат в неволе, в том числе финансовой, а посему Феодосий просил помощи, дабы освободиться хотя бы от долгов турецким властям[62].

Феодосий имел грамоты от Патриарха Рафаила к царю Борису и Патриарху Иову. Обращаясь к царю «архиепископ Костянтинаграда, Нового Рима вселенский патриарх» также желал царю и его семье здравия, процветания и побед над всеми врагами, оповещал о драгоценном даре реликвария с подписями мощей и, конечно, просил милостыни. Кроме того, Рафаил сообщал и о своем поставлении, канонической православности, соблюдении традиций патриаршего правления. Он печаловался о том, что турки отобрали патриаршую церковь Всеблаженной Богоматери, назначив взамен убогий храм св. Георгия на Фанаре — самом бедном районе Константинополя. Патриарх констатировал блаженство покойного Федора Ивановича: «от многих уверились… что блаженный, приснопамятный прежний царь Феодор составил душе своей спасение, творя милостыню и помощь Великой Церкви». Это уверение о том, что Федор получил от Господа вечный покой, подвигло Рафаила к уверению царя Бориса в том, что если и он будет помогать «Великой Церкви», то также получит достойное воздаяние от Бога[63]. К просьбе Патриарха была присоединена и грамота от Иеремии Могилы о том же[64].

Кроме того, Феодосий привез послания Рафаила также к архиепископам Арсению Елассонскому и Игнатию Рязанскому[65]. Соответственно, возвращаясь к престолу Вселенского Патриарха, он должен был привезти ответы обоих иерархов-греков, а также устную информацию от них и обо всем лично виденном и слышанном как в Москве, так и в Речи Посполитой. Таким образом, Патриарх Рафаил также был хорошо проинформирован о ситуации в Москве, Самозванце и разных версиях его происхождения, протекторах и начале борьбы за престол.

Подчеркнем, что Феодосий также вез от Рафаила сакральные дары царю Борису: иконы Иисуса Христа с Богородицей (в другом месте описана как Деисус: Христос с Богородицей и Иоанном Предтечей по бокам), икона Распятия, архангелы Михаил и Гавриил; остальные иконы имели вкладные мощи конкретных святых: образ Марии

[58] Там же. С. 36.
[59] Там же. С. 41.
[60] Там же. С. 41–42.
[61] Там же. С. 42–43.
[62] Там же. С. 43.
[63] Там же. С. 43–44; *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным... С. 321–322.
[64] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. С. 322–323.
[65] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 34, 41.

Магдалины с мощами, икона бессребреников Козьмы и Дамиана с их мощами, образ первомученика архидиакона Стефана с мощами, образ Григория Армянского с мощами, икона Сильвестра и Климента Пап Римских с их мощами, образ Патриарха Александрийского Иоанна Милостивого с мощами, икона Варвары великомученицы и Феодора Тирона с их мощами.

Но самое важное заключалось в том, что «все те образы на одной цке, а те образы Леонтья царя греческого»[66]. Эта информация вряд ли верна: Леонтий (византийский император в 695–698 гг.) захватил престол методом переворота (свергнул Юстиниана II), правил довольно бесславно, был смещен с престола и казнен Юстинианом II. Таким образом, Леонтий не был знаковой личностью и вряд ли был особо религиозным. В другом варианте записи подъячих Посольского приказа приведена информация, что это был реликварий Льва Премудрого и даже его «писма»[67]. Лев VI Мудрый, или Премудрый (866–912 гг., император в 886–912 гг.), получил этот титул за свою ученость (был учеником знаменитого Патриарха Фотия), являясь автором нескольких трактатов, церковных стихир (из них наиболее известна тринитарная стихира «Придите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся»), речей, он же завершил создание кодекса законов «Базилики». Образ Льва представлен в великолепной мозаике Софии Константинопольской припадающим к престолу Господню. И хотя он был отлучен за четвертый брак (в результате которого родился Константин Багрянородный), но его слава, в том числе в Церкви, осталась значимой. Именно поэтому и его санктуарий/реликварий, конечно, имел немалую ценность как по своей древности и мастерскому исполнению, так и по важным реликвиям, помещенным в нем. Для самого Патриарха Рафаила это была большая ценность и в духовном, и в материальном отношении, которую он решил пожертвовать «наиправославнейшему» царю московскому. Владыка писал: «Сие есть икона древнейшая и честнейшая, какая здесь обретается… подобной иконы в сих временах не обретается… она будет тебе в охранение, покров и помощь, и в заступление царствию твоему»[68]. На Руси же Лев Премудрый был известен как император, при котором князь Олег ходил на Царьград и прибил щит к его воротам, а затем заключил со Львом мирный договор 911 г. Таким образом, этот дар имел несколько символических значений[69].

Сыну же царя Патриарх прислал частицу мощей мученицы Гликерии[70]. Все эти дары из Константинополя, особенно реликварий имп. Льва, несли в себе глубокую символику и мистический духовный заряд, который так культивировал в последние годы своего царствования Борис Годунов. Рафаил отдавал ему наиценнейшее достояние Константинопольской Церкви. И это, опять-таки, способствовало превращению Москвы в новый центр православной святости, в духовный «третий Рим» и «второй Иерусалим», где важными святынями были представлены два главных престола Вселенского Православия — Иерусалим и Константинополь.

[66] Там же. С. 33–34.

[67] Там же. С. 41.

[68] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным… С. 319–320.

[69] См.: *Рогов А. И.* Культурные связи России с балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 122; *Постникова-Лосева М. М.* Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника XIV–XVIII вв. в музеях Москвы и Ленинграда // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975.

[70] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 41.

Отметим также, что вслед за Феодосием Патриарх Рафаил послал в Московию с мощами св. Иакова Персиянина архим. Митрофана (прибыл к русской границе 13 апреля). К нему по дороге присоединился строитель сербского Введения Богородицы монастыря Христофор с мощами св. Козьмы и Дамиана[71]. Оба они ехали за милостыней, и оба же пополняли «сокровищницу святости» Московского царства. А по возвращении они дополнили информацию о событиях в Московском царстве, получаемую Патриархом Рафаилом.

19 декабря 1603 г. к русской заставе прибыл из Мстиславля Пелагонский митрополит Иеремия в сопровождении двух «племянников», служебников и нанятого в Перемышле возницы. Иеремия пытался разжалобить русские власти рассказом о том, что в Семиградье его полонили крымские татары (шла война императора с султаном), в это время погиб молдавский воевода Иеремия Могила, его сын (Петр, будущий Киевский митрополит, святой) попал в плен; митрополита «отгромил» один из военачальников императора — Юрий Бастагатман. После этого он еле добрался до «Литвы», был во Львове и Остроге, затем через Могилев и Мстислав пошел к российской границе.

Наконец, Иеремия поведал, что был в Москве 18 лет тому назад при царе Федоре[72]. Вскоре к Иеремии на пограничной заставе присоединились и другие посольства: келарь афонского Пантелеймонова монастыря Серафим с племянником Арсения Елассонского Христофором, молдавский архим. Ефросин и др. Всех их пропустили в Смоленск и там задержали до царского указу. Серафима сразу завернули, поскольку в 1601 и 1603 гг. он уже приезжал за милостыней и дважды получил ее (с ним же отправили «в литву» еще несколько греческих старцев, просившихся принять их на жительство в Московское царство), а Иеремию с Христофором пропустили (хотя Христофор также в 1598/1599 гг. бывал уже в Москве и получил милостыню, но его пропускали именно к «дяде» Арсению)[73].

25 апреля 1604 г. митрополит Иеремия выехал из Смоленска в Москву. «Греченин» Христофор «Дмитреев сын Аркадонской», как уже указывалось, был племянником Арсения Елассонского; он вез облачения («24 портища золотых и серебряных всякими цветы»), имел золотой перстень и яхонты; о себе же сказал, что служил у молдавского воеводы Николая, сына Михая Витязула (Михаила Храброго) — был «голова» над 700 конными и 300 пешими воинами[74]. Оба грека в расспросе сообщили, что император продолжает войну с султаном, и польский король также готовит армию — «а того не ведают, куды итить»; в Речи Посполитой умерли один из князей Вишневецких[75] и сын В.-К. К. Острожского Александр (1603).

Первоначально все шло хорошо, однако вскоре в свите Пелагонского митрополита Иеремии российские службы вскрыли тайных «польских» агентов в лице греков Константина и Кунала. Они представились племянниками митрополита, знали русский язык и в Посольском приказе обвинили черниговского воеводу кн. М. Ф. Кашина в присвоении их драгоценного креста (золотого в 80 червонных, с 12 изумрудами и 3 яхонтами,

[71] Там же. С. 57.
[72] Там же. С. 37.
[73] Там же. С. 38.
[74] Там же. С. 46.
[75] См.: *Czamańska I.* Wiśniowieccy. Monografia rodu. Poznań, 2007.

ценой в 400 руб.), когда они в прошлом году были в России с архиепископом Нектарием[76]. Посольство Иеремии было задержано в Москве на три месяца. Расследование показало, что названные лица были слугами некоего польского шляхтича Каменицкого, свояка кн. Адама Вишневецкого — протектора Самозванца[77].

Интересно, что выдали Константина и Кунала греки же, члены посольства келарь афонского Пантелеймонова монастыря Серафим и «гречанин» Христофор. Именно они донесли, что эти люди не племянники митрополита, «а взял их митрополит с собою для толмачества, для руского языку, что он по руски не умеет». После таких показаний и самому Иеремии пришлось письменно засвидетельствовать, что они

> «…у него толмачи, а не племянники, а назвались де они ему племянниками ложно, а взял их с собою в литовском городе Остроге для толмачества, да и для того, что было ему не с кем ехати; и они, Костка да Куналко хотели его, митрополита, ограбя и изстеряв, из государевы земли побежати назад в Литву»[78]. Иеремия же подтвердил: «он деи их знает, что они слуги пана Каменецкого, а Вишневецкого деи за Каменецким сестра»[79].

Вопрос о «пане Каменецком» остался не решенным в историографии, поскольку нет сведений о нем в генеалогии Вишневецких. Возможно, под титулом «каменецкий» скрывается не фамилия, а должность каменец-подольского воеводы Иеремии Язловецкого, который был зятем Януша Острожского, первым мужем его дочери Элеоноры, племянницы кн. В.-К. К. Острожского. В таком случае речь шла не об агентах Вишневецких, а об агентах Острожских, что не менее интересно. Серафим добавлял, что архиепископа Нектария братья в Остроге «ограбили и государьскоя жалованья у него отнели; и архиепикуп деи… в одной рубашке от них убежал в свою землю, потому что деи хотели убит до смерти». Вот после этого дела они и «стали служить у пана Коменитцкого в подкаморниках», женой которого будто бы является сестра Вишневецких[80].

Эта информация настораживает: в столице наиправославнейшего магната Речи Посполитой безнаказанно грабят православного греческого архиепископа? Если Нектарию и пришлось уплатить по счетам, то братья должны были иметь особый вес перед киевским воеводой кн. Василием-Константином Острожским, а не перед Вишневецкими. Это опять возвращает нас к вопросу: кому же служили Костка и Куналка, для кого собирали информацию в Московском царстве? Христофор также видел братьев в Яссах, а затем в Остроге, указав, что «по языку и по грамоте» они-таки «греченя». Этим заинтересовались и московские дьяки Посольского приказа, распорядившись от имени царя, чтобы был сделан тщательный обыск вещей братьев — «нет ли от кого из Литвы у них каких посыльных грамоток», а если что найдется — немедленно прислать смоленским воеводам[81].

Идентификацию «злоумышленников» произвел келарь Серафим. Именно он назвал их слугами пана Каменицкого, указав, что и в 1603 г. они приезжали с Ахридонским архиепископом Нектарием, также ложно назывались его племянниками и были посажены в Чернигове «за приставы». Христофор же показал, будто Костка «звал ево втайне

[76] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 65–66.
[77] Там же. С. 36–39, 46–48, 62–73.
[78] Там же. С. 63
[79] Там же. С. 64.
[80] Там же. С. 68.
[81] Там же. С. 69.

бежать опять назад в Литву, обобрав митрополита» Иеремию[82]. Сами же арестованные заявили, что они двоюродные братья, родом из г. Верье — недалеко от Солуня «за Царемгородом», племянники местного митрополита Иоасафа; три года тому назад с товарами ехали в Молдавию, были ограблены запорожскими казаками, пристали к свите Ахридонского митрополита Нектария и с ним попали в Чернигов; Нектарий ложно представился послом киевского воеводы кн. В.-К. К. Острожского, взял у них ссуду в 105 червонных золотых; однако русские власти «проведали, что он не посол», и царь на него «опалу наложил»; митрополит покаялся, получил 20 руб., соболя и был возвращен в Литву; арест братьев 1603 г. в Чернигове произошел из-за «разбранки» с Нектарием (он был их должник), который сдал их воеводе, но по царскому указу их отпустили за рубеж. Дальше они в Остроге стребовали с Нектария свой долг, получив пожалованные царем соболя. Относительно «пана Каменицкого» братья сообщили, что у него не бывали «и не служивали, только деи про него слыхали, что он в Литве есть: им деи, государь, как у него быть? он деи лютор, а не греченя»[83].

Это заявление еще раз возвращает нас к Иерониму Язловецкому — стороннику кальвинистов, а значит — к «острожской линии» тайной службы братьев. Неслучайно сами они указывали, что после возвращения в Литву 8 недель жили в Остроге, где и встретили митрополита Иеремию, который взял их с собой в качестве переводчиков, пообещав похлопотать перед русскими властями об отобранном кресте, «и они деи с ним для тово и пошли». Иеремия же сам назвал их племянниками «потому что он стар, а они молоды». Арестанты донесли и на самого митрополита: «по русски де… говорити сам умеет, а того… они не ведают, для чего митрополит руской язык таит», если бы он сам не именовал их племянниками — «им было как ему племянники самим называтьца… и к тебе государю писатьца ложно?». О планах убийства митрополита они и не помышляли — «то на них митрополит затеял» по наущению келаря Серафима, который есть самозванец, письма у него от архимандрита Пантелеймонова монастыря нет, он вор, в литовских городах ложно представлялся архимандритом и людей благословлял[84]. После таких свидетельств Иеремии вновь пришлось оправдываться. Очень важно было доказать, что он не сведущ русскому языку, иначе его обвинили бы в шпионаже и сурово наказали. Митрополиту пришлось признать, что назвал братьев своими племянниками сам, взял их в Остроге 11 ноября 1603 г. — «сказались мне они, что греческие земли люди», очень нужны были как толмачи и слуги в поездке; теперь же они решили его ограбить и убить («истерять»)[85].

В конце концов, после всех расследований 8 мая 1604 г. была выдана царская грамота черниговским воеводам, которые должны были объявить Костке и Куналке (назван Степанком): «приезжали они… в Чернигов воровским обычаем, лазучеством и вестей проведывати, и за такое воровство не токмо опалы, достойны были казни», но царь их пожаловал — «опалу и казнь им отдал», велел выдать по 5 руб. и отпустить в Литву[86]. Одновременно был допрашиваем кн. Михаил Кашин о кресте: он заявил, что крест не ценный, был выкуплен за 15 руб. и ныне у его жены. Это объяснение не вполне удо-

[82] Там же. С. 62–63.
[83] Там же. С. 66.
[84] Там же. С. 66–67, 70.
[85] Там же. С. 67.
[86] Там же. С. 69.

влетворило, поскольку князь назвал единственного свидетеля — своего слугу Афоньку, который в Чернигове «умре». Посему был вытребован для осмотра и оценки сам крест, впрочем, чем кончилось это дело — в документах не зафиксировано[87].

Иеремия привез царю мощи св. Иоанна Златоуста[88]. После трудного пути и разорения от разных нападавших лиц он больше ничего не имел. А скандал с «племянниками» напрочь уничтожил доверие и благоволение к нему царской администрации. Естественно, что Иеремия после всех перипетий и опалы от Бориса Годунова был весьма заинтересован слухами о царевиче Дмитрии и готовящемся походе на Москву. Эту информацию он должен был привезти на Восток.

Но первым обратился к «царевичу» со специальным посланием все же Патриарх Иерусалимский. Послание Софрония к царевичу Дмитрию Ивановичу датируется началом лета 1605 г., когда Самозванец только начал поход на Москву. Патриарх «забыл» о царе Борисе, он выражал сожаление о смерти царя Федора (Ивановича — «брата» претендента), словесно ликовал по поводу спасения царевича Дмитрия и высказывал пожелание поскорее заполучить престол отца без войны и кровопролития. Насколько в этих пожеланиях проявилась информация о «реальности спасения царевича», которая могла поступить как слух, принесенный греками из Москвы или как «официальная» версия, распространявшаяся в Речи Посполитой и по всей Европе?

В обоих случаях данную версию должны были принести члены церковных делегаций из Москвы или Речи Посполитой. Греки из Москвы (архим. Феофан) тоже должны были привезти и все собранные слухи, и официальную информацию от Годунова с Иовом относительно монаха Гришки Отрепьева. Софроний однозначно опирался на вариант истинности сына Ивана Васильевича. Почему? Ведь уверенности в успехе Лжедмитрия I еще не было. Почему Иерусалимский Патриарх так поспешил?

Этим вопросом задался еще А. Н. Муравьев. Он предложил версию, которую затем подхватила российская историография: «патриарх не подозревал, какой закоснелый враг православия таился в мнимо обретенном царевиче»[89]. Заметим: А. Н. Муравьев не писал о неведении Софрония относительно происхождения Самозванца, об отсутствии у него необходимой информации от Годунова и Патриарха Иова, он указывал лишь на будущее: на дела Лжедмитрия I, направленные против православия, на его связи с иезуитами и пр. Н. Ф. Каптерев несколько модернизировал идею своего предшественника. Он писал: «Когда в Польше появился Лже-Дмитрий, то Софроний, конечно, не подозревавший в нем самозванца, поспешил особою грамотою приветствовать его и выразить пожелание ему благополучно и успешно утвердиться на престоле своего отца… не забыв милостыней Святого Гроба»[90]. Ученый развил еще одну идею: Софроний понял значение России как единственной благотворительницы православных святынь, поэтому старался войти в «близкие сношения» не только с царями Федором и Борисом, но и с Самозванцем[91]. Оба названных автора анализировали только текст грамоты, совсем не обращая внимания на вопрос о реальном уровне информированности и источниках сведений Софрония относительно ситуации в Московском царстве и Речи Посполи-

[87] Там же. С. 71–73.
[88] Там же. С. 46.
[89] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным… С. 325.
[90] *Каптерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством… С. 24.
[91] Там же. С. 25–26.

той, о Самозванце — его самопозиционировании и официальной версии российских властей. А эти вопросы являются ключевыми для общей и частной оценки послания Иерусалимского Патриарха к Лжедмитрию I.

В наше время, когда, казалось бы, возможности и методы научного анализа усовершенствовались, И. А. Воробьева объяснила все просто: «Он (Софроний. — *В. У.*) так хотел добиться покровительства любого московского властителя, что еще в Польше приветствовал Лжедмитрия в надежде приобрести его особое расположение, когда ему удастся взойти на московский престол. Но надежды Софрония не оправдались, в смутное время контакты с Иерусалимским патриархом, как и вообще с Востоком, прекратились… до 1619 г.»[92] Эта упрощенная интерпретация не выдерживает критики даже с позиции А. Н. Муравьева, и тем более Н. Ф. Каптерева. Текст грамоты нужно рассмотреть и проанализировать подробнее, и не только сам по себе, но в свете всего выше изложенного[93].

Обращаясь к царевичу, Патриарх по греческой традиции одарял его множеством символических эпитетов: «благочестивейший, преславнейший, высочайший, православнейший, богохранимый, святейший царевич и великий князь Дмитрий Иванович… по духу же сын возлюбленный нашего смирения». В этих пышных определениях, которые могли много значить для религиозного сознания русского, для греков, как мы уже видели, не было ничего необычного: в таком стиле они писали не только православным правителям, в том числе предшествующим московским, но даже турецким султанам (конечно, с иным набором определений). Для примера сравним приведенный набор эпитетов-определений с обращением Патриарха Мелетия Пигаса к царю Федору Ивановичу в послании 1597 г., когда Мелетий одновременно был Александрийским Патриархом и местоблюстителем Константинопольского престола: «Ты являешься в наши дни как бы новым Константином, в ревности по вере воздвигшим царства и престолы достойные царства», «Ты же православнейший и благочестивейший царь, за которого мы день и ночь молим… готовы даже пролить кровь и положить душу, который один на земле — наш щит, наша слава, похвала, утешение, помощь»[94].

В послании же 1593 г. с просьбой о пожертвованиях Львовскому православному братству Мелетий писал: «Всецарь Бог поставил тебя общим глазом вселенной, как бы солнцем мысленным, которое не лучами света озаряет вселенную, а оживляет и согревает ее пламенем человеческого промышления»[95]. В другом послании того же года относительно утверждения новооснованного Московского Патриархата Мелетий провозглашал: «Из того, что ты делаешь в своем царстве, мы познали в тебе некий особенный образ Бога, царствующий на земле, живо отражающий подлинную красоту первообраза… ты истинными лучами божественных даров озаряешь всю подсолнечную… ты написан в книге живых не чернилами, но перстом Всевышнего Бога»[96].

В грамотах Софрония присутствует та же система. Его обращение к царю Федору и Борису Годунову мы цитировали выше, здесь приведем иные определения того же

[92] *Воробьева И. А.* Россия и Иерусалимский Патриархат в XVII – первой половине XIX века // Страны Ближнего Востока: Актуальные проблемы современности и истории. М., 1998. С. 187.

[93] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 77–80.

[94] *Малышевский И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской Церкви. Киев, 1872. Т.2. Приложения № XI–XII. С. 17–21.

[95] Там же. № VII. С. 13015.

[96] Там же. № IV. С. 7–9.

Софрония в отношении Бориса Федоровича из грамоты в поддержку просьб синаитов: «высочайший, православный, державный, Богом исправленный, тишайший и Богом венчанный светлейший царь государь»[97].

Как видим, сравнения и даже любопытное уподобление «особенному образу» Бога, наполняют греческие тексты весьма щедро, но их не стоит воспринимать «прямо», заниматься дешифровкой сакральных символов и смыслов — таков общий стиль греческих посланий[98]. Нельзя не отметить все же, что, по наблюдению Х. Мальтезу, в конце XVI – середине XVII в. в греческом обществе развивались «прорусские» настроения: Московское царство воспринималось как потенциальная опора в освобождении от мусульман, а русские цари считались продолжателями византийских императоров, что подчеркивалось посылкой в Россию драгоценных реликвий[99]. Но можно ли в приведенных эпитетах видеть эти «прорусские настроения» Иерусалимского Патриарха?

Однако для Самозванца, его православного окружения и российского духовенства такое обращение означало полное благословение личности и борьбы за власть царевича Дмитрия предстоятелем Гроба Господня в самом Святом Граде. Более того, Патриарх писал, что

> «…приветствует и благословляет высочайшее величие царственности твоей и молит Господа Бога и святой и Живоприемный Гроб Христов, да вознесет царственность твою от славы в славу, от величия в величие, и да здравствует царственность твоя душевно и телесно, и победы тебе на врагов твоих и всего, что есть благого и спасительного… Уповаю на Господа Бога и святой и Живоприемный гроб Христа и Богородицы, что Он спасет и сохранит и соблюдет величие царственности твоей на многие круги лет, и что дарует тебе вскоре Бог престол отца твоего»[100].

Эти слова для Лжедмитрия I и его окружения однозначно свидетельствовали о молитве Патриарха возле Гроба Господня о победе над Годуновыми и скорейшем овладении «отеческим» престолом. Благословение Софрония на «священную войну» против узурпатора отцова царства прочитывалось в этих словах недвусмысленно. Однако при этом «враг» нигде не назывался, его имя не произносилось, он напрямую не отождествлялся с благодетелем Иерусалимской Патриархии и Гроба Господня Борисом Годуновым и его семьей, молитвы за которых должны были еще звучать в храме Воскресения, а посланное царем Борисом Евангелие еще оставалось на престоле Гроба Господня. Враг Самозванца не был врагом иерусалимской святыни. Патриарх ясно понимал эту двойственность ситуации, и он не только не называл, но и не проклинал «врагов» Лжедмитрия I, как ранее не делал этого по отношению к нему самому, хотя и имел сведения об анафематствовании «расстриги» Российской Церковью.

[97] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 59.

[98] См.: *Фонкич Б. Л.* Формуляр грамот Константинопольского Патриархата XVI–XVII вв. (по материалам московских архивов) // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. М., 2004. С. 23–27.

[99] *Мальтезу Х.* Греки и Москва — имперский город // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-исторические исследования центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 300–307; *Maltezou Ch.* Les Grecs devant Moscou — ville Imperiale // Исследования по славяно-византийскому средневековью. София, 1998. С. 68–74; *Чеснокова Н. П.* 1) Пути освобождения греческого народа в представлениях поствизантийских и русских авторов // Византия и Запад (350-летие схизмы христианской церкви. 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). М., 2004. С. 170–174; 2) Русский царь — Новый Константин // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи. М., 2004. С. 107–111.

[100] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 77.

Интересно, что после всех этих приветствий и пожеланий Патриарх представлял некую «историю династии» и своих переживаний о ее судьбе. В первую очередь он констатировал скорбь о смерти «брата твоего» Федора, «сотворив великий плач и великое рыдание». Дальше Софроний целиком выпускал период царствования Бориса Годунова. Его как бы не было, не было и всей истории Московского царства до самого появления спасшегося царевича. Годунов и царство были представлены весьма ощутимо материально и зримо духовно в Иерусалиме и в самом храме Воскресения, но Патриарх обошел их. И это было сделано не случайно, а вполне осознанно. Софроний не хотел писать о благодеяниях и молитвенных жестах у Гроба Господня «врага» Самозванца.

Это молчание о Годунове указывает на достаточно широкую осведомленность Иерусалимского Патриарха о ситуации в России, о борьбе за престол, о начале собственно Смуты. Указывает молчание и на саму суть отношений Софрония к происходящему: как бы ни был щедр Годунов — он не являлся не только представителем, но и наследником династии Рюриковичей, а весть о появлении «прямого наследника» возрождала саму идею «великой и святой Руси», идею «богоизбранности царской династии» и самого православного Русского государства.

С «возрождением» старой династии русских правителей, возрождался древний порядок, который непрерывно существовал через непрерывный по крови ряд московских правителей. Неслучайно Софроний не начинал «историю» с Ивана Васильевича и скорби по его кончине — главная скорбь началась с концом династии, т. е. со смерти Федора Ивановича. Династический принцип, воспринятый в идеальной схеме от Византии и ее императорской власти (хотя фактически борьба за престол в Византии была намного кровавей, жестче и со сменой «пурпуроносной крови»), в схеме прямой передачи духовной власти от апостолов всем сущим епископам Православной Церкви — все эти установки действовали и в некоторой степени обусловливали обращение Софрония к Самозванцу еще на стадии его борьбы за престол отца.

В этом смысле весьма логично звучало утверждение Софрония, что появление спасенного «сына по плоти блаженного и приснопамятного царя Иоанна Васильевича всея великия России» вызвало «радость, веселье и восторг» по всей Палестине: и малые дети, и взрослые мужи с женами, и старцы воздают благодарственную молитву, совершают литии и бдения, узнав «что обрелся ты, почитаемый, как сокровище и жемчуг многоценный». Священство всех уровней и православный народ Палестины беспрестанно молят, «чтобы ты унаследовал престол отца твоего… да придет вновь на место свое праотеческое царство и родословие и царствует во веки веков»[101].

Эти последние слова о царстве и родословии еще раз указывают на превалирование идеи о непрерывности династии, о предписании такой непрерывности самим Богом, о библейских основах непрерывной генеалогии власти, которая (непрерывность династической власти) благословенна, которая обеспечивает порядок жизни, которая означает стабильность и которая должна быть до скончания веков. Все это, по нашему мнению, позволяет отойти от прямолинейной оценки поисков лишь материальной выгоды Софронием и ведет исследователя к более глубоким ментальным установкам понимания Патриархом и христианством вообще богоустановленности светской власти, ее кровного родства с правителями древних, библейских времен, важности непрерыв-

[101] Там же. С. 78.

ности христианских династий в каждой христианской стране, и тем более — в самом могущественном православном царстве.

Вместе с тем, первосвятитель у Гроба Господня не мог прямо призывать к физической войне за возвращение престола «отцов». Поэтому он молил о бескровной победе: «Бог же мира, испытующий сердца и утробы, возводящий и низводящий, возвышающий и смиряющий, любящий правду, ибо Он Сам силен, да даст престол отца твоего царственности твоей без войн и кровопролития». Вряд ли это была попытка некоей «защиты» Годуновых, тем более Патриарх не мог думать, что царь Борис по собственной воле передаст престол «истинному наследнику». Кровопролитие и внутренняя война в Московском царстве только ослабляла его перед внешними врагами, и в первую очередь — врагами христиан. Софроний понимал это как никто, для него, Святой Земли и всех православных кроме торжества старой династии очень важно было удержать «наиправославнейшее царство» от внутренней войны и ослабления. Однако все это не зависело от Иерусалимского патриарха, поэтому он и мог только молиться за мирное разрешение ситуации.

Вторичное обращение Софрония к «истории династии» и «крови» было связано с традицией отца и брата царевича в особой опеке над Гробом Господним, и эту «линию родства» он призывал также непрерывно продолжать. В связи с этим Патриарх писал, что когда по воле Божией и с помощью «святого Живоприемного Гроба Господа нашего Иисуса Христа» царевич станет «преемником праотеческого своего престола», то по примеру «отца» и «брата» не должен забывать о щедрой милостыне для Гроба Господня, Гефсимании «и прочих святых богопроходных мест». Напоминая, что Федор Иванович в свое время избавил от долгов сначала Александрийскую, а затем Константинопольскую Патриархии, Софроний надеялся, что и восшедший на отеческий престол царевич поможет Иерусалимской Патриархии выплатить долги. Конкретно Патриарх просил помощи в погашении долга в 5000 золотых флоринов с большими процентами (14 за 10), поскольку эти проценты быстро растут.

Вторая просьба была еще более прагматичной: Софроний просил помочь вернуть двух арабских скакунов (оцененных в сумму больше тысячи золотых флоринов), которые были отобраны в Брагине у монаха Симеона кн. Адамом Вишневецким. В старом переводе грамоты указывалось, будто это был дар кн. Василия Острожского, что вызывало удивление: могущественный князь сам мог вернуть свой дар, кроме того, Острожский всегда посылал на Восток сакральные дары и деньги, но никогда не дарил лошадей. Новый перевод разрешает недоразумение: монах Симеон взял лошадей у купца по имени Василий в счет средств, которые купец «занял у Св. Гроба». Вишневецкий же, не зная о принадлежности лошадей Св. Гробу, забрал их себе, «нанеся ущерб св. Гробу Христа и нам»[102].

Вопрос о лошадях в патриаршем послании выглядел довольно странно, но именно этот сюжет указывает на хорошую информированность Софрония: в то время Адам Вишневецкий был одним из протекторов Самозванца, находился среди его наемников, и Лжедмитрий I мог на него повлиять личным увещеванием. Патриарх писал, что посылает для решения этого дела архимандрита и патриаршего наместника («наместника святейшаго престола святаго града Иерусалима») Дамаскина, святогробского келаря Симеона

[102] Там же. С. 78–79.

и архидиакона Иоасафа. Как представляется, именно вопрос с лошадьми стал поводом и побудителем обращения Софрония непосредственно к Самозванцу с посланием.

Вернуть дорогих арабских скакунов в сложившейся ситуации можно было только через Лжедмитрия I, который, наследуя «отца» и «брата», не мог отказать Иерусалимскому Патриарху именно из-за традиций династии, тогда как Адам Вишневецкий никаких связей с Иерусалимом не поддерживал, и повлиять на него Патриарх не мог. Это было невозможно сделать даже через кн. В.-К. К. Острожского, поскольку его отношения с Вишневецкими в это время были довольно напряженными[103].

Возможно, в прагматическом значении Софроний имел целью это конкретное задание, зная, что его послание останется в лагере Самозванца в Речи Посполитой и не дойдет до Годунова даже в случае победы последнего. Это было не совсем верное представление о возможностях использования патриаршего послания с целью пропаганды моления Иерусалимского первоиерарха за победу Лжедмитрия I над Годуновым. Хотя, с другой стороны, ни одна из грамот Софрония не использовалась с идеологическими целями, не цитировалась, не муссировались многочисленные определения и эпитеты с сакральным смыслом. То есть, практика показывала, что и царевич должен был воспринять послание Софрония только как личное. Поскольку же мы не знаем, как развивались события дальше, то и не можем судить об этом. Некое представление об оценке данного послания Самозванцем дает сам факт его сохранения Лжедмитрием I и помещения в государственный архив Посольского приказа.

Правда, в патриаршем послании указывалось, что если «услышит Господь Бог моления и прошения и молитвы наши и сподобит тебя вскоре воссесть на престол отца твоего», то патриаршие посланцы последуют в Москву за традиционной царской милостыней. Как видим, Софроний намекал, что победа царевичу будет дарована, в том числе и благодаря его личным молитвам у Гроба Господня. В связи с этим Патриарх просил принять посланцев «как бы нас лично», одарить милостыней «как тебя просветит Дух Святой», обещая царевичу «от Бога достойную награду сторицею и… жизнь вечную в царствии небесном помощью и милостью св. Гроба»[104].

Заканчивая послание, Софроний намекал на особую силу молитв при Гробе Господнем, которые могут помочь Самозванцу в борьбе за престол. Патриарх сообщал, что после получения сведений о появлении царевича (это указывает на их источник из Речи Посполитой, притом не острожской ориентации) возле Гроба Господня были зажжены три неугасимые лампады, которые горят в молитве за успех царевича и поминание его «отцов и праотцев и сродников твоих, и брата твоего», во упокой почивших династов и во здравие царевича во всех литургиях поется молитва «вместе с первыми христолюбивыми царями».

Конечные фразы послания были, как всегда в таких случаях, символичны:

> «Да … укрепит, и сохранит, и соблюдет и возведет царственность твою Господь Бог вскоре на престол твой… Да соделает тебя Господь Бог крепким и сильным и грозным врагам твоим, да наступишь на аспида и василиска и попрешь льва и змия, да станут все царства вселенной… как пауки под ногами твоими! … да никогда не преткнешься о камень».

[103] См.: *Litwin H.* 1) Fakcje magnackie na Kijowszczyźnie 1569–1648 // Władza i przestrzeń. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII w. Białystok, 2003. S. 49–51, 53; 2) Równi do równych: Kijowska reprezentacja sejmowa 1569–1648. Warszawa, 2009. S. 42–44, 74–75, 145–149; *Czamańska I.* Wiśniowieccy. Monografia rodu. Poznań, 2007.

[104] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 79.

На обороте грамоты в адресном предназначении царевич вновь награждался всяческими властительными и сакральными определениями:

> «Благочестивейшему, преславнейшему, высочайшему, святейшему, православнейшему, богохранимому царевичу и великому князю великой России и Москвы Димитрию Ивановичу, возлюбленному сыну нашего смирения, почтительно и благоговейно передать в собственные его руки»[105].

Оригинальный греческий текст был написан на большом листе бумаги (44×57 см), однако сохранился не вполне удовлетворительно (особенно нижний край)[106]. По свидетельству издателей, писец был мало знаком с греческой грамматикой, поэтому дешифровка и перевод его текста были очень затруднены[107]. Грамота Софрония, как свидетельствуют пометы на ее обороте[108], была доставлена в Москву архимандритом Дамаскиным и переведена на русский язык 12 ноября 1605 г.[109], то есть со значительным опозданием, уже после воцарения Дмитрия Ивановича. В связи с этим пожелание победы в борьбе за престол и особые молитвы Иерусалимского Патриарха не могли остаться без ответа и посылки Лжедмитрием I милостыни ко Гробу Господню, хотя документально это пока что не подтверждено.

Интерпретируя рассматриваемое послание, митр. Макарий (Булгаков) писал, что «святитель Божий, конечно, не знал, что он обращался к самозванцу и отступнику от православия»[110]. В свете изложенных выше источников информации, постоянных связей Софрония с Годуновым, который по всей Европе разослал сообщения о монахе-беглеце Гришке Отрепьеве, такое предположение сомнительно. Вместе с тем, не стоит объяснять обращение Патриарха к Самозванцу одной лишь материальной выгодой. Борис Годунов присылал немалые пожертвования ко Святому Гробу, за что его благодарил тот же Софроний[111].

Посланцы Патриарха с его грамотами должны были привезти из Москвы официальную информацию от Годунова о монахе-беглеце и его проклятии. Арсений Елассонский и Игнатий также могли поведать о монахе, которого видели при дворе Патриарха Иова. Посланцы Софрония имели негативную информацию и от Острожского. Конечно, слышали они и противоположную версию. Так почему же Софроний избрал не сведения Годунова, Иова и Острожского, даже не сообщения двух греческих иерархов в Москве, а московскую молву и рассказы сторонников Лжедмитрия I в Речи Посполитой?

По-видимому, источник, который представил информацию о «спасшемся царевиче Дмитрии», внушал Патриарху большее доверие, поскольку его автор имел непосред-

[105] Там же. С. 79.

[106] РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Ед. 8.

[107] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 72–73.

[108] *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным… С. 325–328; *Фонкич Б. Л.* Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 143–147.

[109] Смутное время Московского государства (1604–1613 гг.)… С. 80; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 75.

[110] *Макарий (Булгаков)*, митр. История Русской Церкви. Т. 10. Кн. 1. СПб., 1881. С. 236.

[111] Житинев С. Ю. пишет о даре в 5564 угорских золотых, приеме у Софрония посланцев царя и получении модели Гроба Господня, а также о том, что это последнее посольство в Иерусалим до конца Смуты (см.: *Житинев С. Ю.* 1) Русские православные паломники в Иерусалиме в X–XVI вв. // Православный Палестинский сборник. М., 2007. Вып. 105. С. 100–108; 2) История русского православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007; ср.: *Августин (Никитин)*, архим. Русские паломники у христианских святынь Египта. М., СПб., 2003).

ственное отношение к Софронию. Этот источник изначально находился при дворе Вишневецкого и Самозванца в Брагине. Считаем, что им был келарь-монах Симеон, который был участником истории с арабскими скакунами, сообщивший обо всем этом Софронию и указавший на путь решения проблемы через царевича. Следовательно, именно он должен был предоставить всю информацию о Дмитрии Ивановиче, распространяемую им самим, Вишневецким и собиравшимися для похода на Москву сторонниками Самозванца.

Приблизительно в то же время, когда в Москву ехало иерусалимское посольство (в описи архива Посольского приказа значится «113 год», т. е. в конце июня, после вступления Самозванца в Москву, и до 1 сентября 1605 г. – начала 7114 г.), к царю Дмитрию в Москву прибыли за милостыней митрополит Радонежский Иеремия и епископ Святой горы Афон Харлампий. Интересно, что с ними для найма на царскую службу приехали знатные греки Андрей Раль (Ралли) и его племянник Мануил Кантакузин-Палеолог[112]. Оба они находились в родстве и, по-видимому, тесных связях с Дионисием Ралли (Палеологом). Это важное обстоятельство требует акцентации, поскольку имеет многослойный подтекст: связи не только с Православным Востоком, но и с Римом и униатами; претензии на императорское прошлое рода Палеологов; интересы греков в России. К сожалению, судьба этих двух греков и самого посольства не задокументирована. Краткие сведения имеются о прибытии в Москву в 1605 г. к царю Дмитрию посланцев афонского Ватопедского монастыря, среди которых будто бы был и проживавший в то время на Афоне знаменитый основатель Манявского скита Иов Княгинецкий (подобную миссию путешествия в Россию он выполнял уже в 1600 г.)[113].

Связи с царем Дмитрием Ивановичем поддерживал также Константинопольский Патриархат[114]. Об этом свидетельствует послание митрополита Мир Ликийских, патриаршего экзарха Матвея от 6 мая 1606 г. к Львовскому ставропигиальному братству. Матвей писал, что Патриарший престол знает о трудностях, переживаемых православными в «Малой Руси», их притеснениях католиками, и рекомендует просить помощи у московского царя[115]. По-видимому, и сам Матвей, и Вселенский Патриарх (Рафаил) имели непосредственные связи с Москвой и знали, что новый царь продолжает линию своих «предков» и предшественников относительно благотворительности православным святыням вне России. В 1606 г., как намекается в послании, готовилось новое патриаршее посольство в Москву[116].

[112] Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 331.

[113] См.: *Голубев С. Т.* Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. Киев, 1883. Приложения. С. 227; *Харлампович К. В.* Малорусское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 14.

[114] Ср.: *Асташин В. В.* 1) Константинопольский патриархат в международных отношениях первой трети XVII в. // Материалы научной сессии Волгоградского гос. ун-та. Вып. 3: История. Волгоград, 2001. С. 18–21; 2) Константинопольский патриархат в международных отношениях первой трети XVII в. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2001. 25 с. — Автор при заявленной хронологической широте работы почему-то ограничился анализом деятельности исключительно Кирилла Лукариса, проигнорировав все другие более ранние материалы.

[115] ЦГИА Украины в г. Львове. Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 340. Л. 1–4; *Крыловский А. С.* Львовское ставропигиальное братство: Опыт церковно-исторического исследования. Киев, 1904. Приложения. С. 27 (греческий текст); *Свенцицкий И. С.* Опись музея Старопигийского института во Львове. Львов, 1908. С. 113.

[116] *Александренко В. Н.* Материалы по смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. 1911. Т. 14. С. 267.

* * *

Естественно, в Москве все эти делегации получали от правительства Бориса Годунова официальную негативную информацию о Самозванце, в частности — грамоты Патриарха Иова о монахе-беглеце и еретике Гришке Отрепьеве. Но при этом и сами члены посольств, и Восточные Патриархи ограничивались молитвами за здравие и процветание царя Бориса и его семейства, но не проклинали Гришку Отрепьева, как того требовал в своих посланиях Иов. То есть, грамоты-анафематизмы Московского Патриарха и царя не действовали, или точнее — оказались не действенными для Вселенского Православия. Это нужно особо подчеркнуть: Самозванец был анафематствован только в Московском царстве. Сказалась ли в этом греческая дипломатическая предусмотрительность, опыт общения с турецкими властями, нежелание вмешиваться во внутренние дела Московского царства или что-либо иное — однозначно сказать трудно.

Но именно эта политика — молитвы за действующего главу государства и молчание по поводу его конкретных (названных поименно) врагов и противников — обеспечила непрерывность отношений с Российским государством и после краха Годуновых, при царе Дмитрии Ивановиче, а затем после его смерти с новым правительством Василия Шуйского (мы кардинально не соглашаемся с приведенной в начале работы господствующей версией об отсутствии связей с Православным Востоком во все время Смуты[117]).

Вновь подчеркнем, что было бы большим упрощением видеть в подобных посольствах только стремление получить материальную милостыню. Каждый раз Патриархи посылали свое благословение и какую-либо реликвию (несомненно, такого рода дары привозились и Борису Годунову, и Лжедмитрию I, однако во время разграбления царской казны сначала русскими, затем поляками, многие вещи из драгоценных металлов и камней бесследно пропали)[118]. Благодаря этому не прерывалась мистическая связь с Русской Церковью и могущественным традиционно православным государством. Для Патриархов это имело важное значение, при этом личности правителя государства и предстоятеля Московской Патриархии не играли особой роли, если они не выдвигали еретических идей, не выступали против православия — иными словами, не нарушали принятых канонических норм Православной Церкви, ее вероисповедной и обрядовой сфер. Ни Лжедмитрий I, ни Патриарх Игнатий, также как Борис Годунов и Патриарх Иов ничего в православии не нарушали и не изменяли. Для Вселенского Патриархата важно было также и то, что бывший епископ его юрисдикции, грек по происхождению, с которым Патриарх Рафаил еще в 1604 г. имел переписку, стал новым Московским Патриархом.

[117] К сожалению, это мнение присутствует даже в публикациях выдающегося специалиста Б. Н. Флори, утверждающего, что последним свидетельством связей с Константинопольским Патриархатом до Смуты являлось посольство А. Нащокина и А. Иванова. «Начавшиеся таким образом связи прервались с наступлением Смуты. Годы Смуты были тяжелым временем не только для русских людей, но и для православного населения Османской империи» (*Флоря Б. Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 8–42).

[118] См.: Посольские дары русским царям. М., 2005; *Пятницкий Ю. А.* Московский Кремль и греко-русские связи XVI–XVII веков // Государственные музеи Московского Кремля Материалы и исследования. Т. 11: Русская художественная культура XV–XVI вв. М., 1998. С. 23–37; Byzance et les reliques du Christ / Ed. Par J. Durand et B. Flusin. Paris, 2004 (рассмотрены реликвии Христа в России в XVI–XVII вв.).

Таким образом, признание Константинопольским, Иерусалимским и Александрийским (об Антиохийском мы не располагаем никакими сведениями на этот счет[119]) Патриархами и подчиненным им епископатом представителей новой династии (Годуновы) и новой власти (Самозванца) в Московском царстве базировалось на сохранении этой властью традиционного православного сакрума и обрядов Церкви, ее открытости для общения с православной ойкуменой в целом.

Все приведенное свидетельствует о двух уровнях общения Восточных Патриархатов, т. е. Вселенского Православия с Московским царством в начале Смуты: личные контакты через посольства и грамоты; мистическая связь через дары реликвий и святынь, а также молитвы за здравие и процветание Бориса Годунова и «царя Дмитрия Ивановича». Эти контакты были двусторонними. А их во всех отношениях (включительно с литургически-мистическим и сакрально-символическим — при коронации и миропомазании) воплощали в «непосредственном режиме» представители восточных Патриархатов, постоянно проживающие в Москве в качестве действующих епископов и даже второго Патриарха Московского — Арсений Елассонский и Игнатий. Именно в отношениях России начала Смуты через ее главных репрезентантов — царей Бориса Годунова и Лжедмитрия I — с престолами Восточных Патриархатов переплелось краткое историческое время, циклическое литургическо-молитвенное время и длительное время эсхатологии[120].

Данные о статье:

Автор: Ульяновский Василий Иринархович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина, WUljanovskij@mail.univ.kiev.ua

Заголовок: Православный Восток и Московское царство в начале Смуты: духовные миссии/посольства, проблема восприятия власти, символика даров

Резюме: В статье рассматривается вопрос о характере взаимоотношений Восточных Патриархатов с Московским царством в начале Смуты — в последние годы правления Бориса Годунова и царствование Лжедмитрия I. Автор анализирует документацию всех посольств от Иерусалимского, Константинопольского и Александрийского Патриархов, из Афона и балканских стран, демонстрируя двусторонность представленной в документации Посольского приказа информации. Предлагается рассматривать эти посольства и в целом связи не только как постоянные просьбы о милостыне для восточных православных святынь и посылки даров из России, но как важную форму духовных и мистических связей Восточных и Русской Церквей. В связи с этим анализируется не только информация политического и идеологического содержания, отразившаяся в документах, но специально рассматривается терминология, молитвенные формулы и обращения, благословляющие формулировки и пр. Специальному рассмотрению подвержены сакральные дары и жесты, имеющие также двусторонний характер (святыни приносились с Востока, но также посылались из России на Восток), в частности через эти дары рассматривается «код» религиозности общехристианского, конкретного восточного Патриархата и специально русского значения. Подробно анализируются все посольские

[119] См.: *Панченко К. А.* 1) Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI – нач. XIX в.). М., 1998; 2) Россия и Антиохийский Патриархат: начало диалога (середина XVI – первая половина XVII в.) // Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 203–221. — Автор указывает, что после посольства Трифона Коробейникова 1594 г. контакты с Антиохийским престолом были прерваны почти на 40 лет и возобновились уже в 30-е гг. XVII в.

[120] См.: *Шмитт Ж.-К.* Понятие сакрального и его применение в истории средневекового христианства // Мировое дерево. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. М., 1996. Вып. 4. С. 75–83.

речи и послания православных иерархов, как и ответные грамоты и речи московских царей. Автор, вопреки утвердившемуся мнению, доказывает, что на первом этапе Смуты связи с Христианским Востоком не прерывались и осуществлялись в регулярном режиме.

Ключевые слова: Россия, Смута, Православный Восток, Патриархат.

Литература, использованная в статье:

Августин, (Никитин), архимандрит. Русские паломники у христианских святынь Египта. Санкт-Петербург: Изд. Дом «Нева»; Москва: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2003. 304 с.

Александренко, Василий Никифорович. Материалы по смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. 1911. Т. 14. С. 185–453.

Асташин, Вадим Владимирович. Константинопольский патриархат в международных отношениях первой трети XVII в. // Материалы научной сессии Волгоградского гос. ун-та. Вып. 3: История. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2001. С. 18–21.

Асташин, Вадим Владимирович. Константинопольский патриархат в международных отношениях первой трети XVII в. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2001. 25 с.

Бантыш-Каменский, Николай Николаевич. Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел. Москва: Хронограф, 2001. 416 с.

Баталов, Андрей Леонидович. Гроб Господень в сакральном пространстве русского храма XVI–XVII веков // Восточнохристианские реликвии / Сост. А. М. Лидов. Москва: Прогресс-Традиция, 2003. С. 513–523.

Воробьева, Ирина Александровна. Россия и Иерусалимский Патриархат в XVII – первой половине XIX века // Страны Ближнего Востока: Актуальные проблемы современности и истории. Москва: Наука, 1998. С. 180–187.

Голубев, Степан Тимофеевич. Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. Киев: Тип. Корчака, 1883. 559 с.

Дылевский, Николай Михайлович. Рыльский монастырь и Россия – Украина в XVI–XVII веках. София: Болгарская АН, 1974. 176 с.

Житинев, Сергей Юрьевич. История русского православного паломничества в X–XVII веках. Москва: Индрик, 2007. 480 с.

Житинев, Сергей Юрьевич. Русские православные паломники в Иерусалиме в X–XVII веках // Православный Палестинский сборник. Москва, 2007. Вып. 105. С. 100–108.

Каптерев, Николай Федорович. Русская благотворительность Синайской обители в XVI, XVII и XVIII столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Октябрь–ноябрь. С. 363–414.

Каптерев Николай Федорович. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский сборник. Т. 15. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1895. С. 3–115.

Каптерев, Николай Федорович. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад.: Кн. Магазин М. С. Елова, 1914. 592 с.

Крыловский, Амвросий Сергеевич. Львовское ставропигиальное братство: Опыт церковно-исторического исследования. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1904. 230 с.

Лескинен, Мария Войттовна. Ландшафт Святой Земли в описании христианских паломников конца XVI века // Ландшафты культуры: Славянский мир. Москва: Пресс-Традиция, 2007. С. 72–92.

Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т. 10. Кн. 1. Санкт-Петербург: Тип. Фишера, 1881. 453 с.

Малышевский, Иван Игнатьевич. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской Церкви. Киев: Тип. КПЛ, 1872. Т. 1. 685 с.; Т. 2. 299 с.

Мальтезу, Хориса. Греки и Москва — имперский город // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-исторические исследования центров идеологии и культуры до XVII в. Москва: Ин-т всеобщей истории, 1997. С. 300–307.

Муравьев, Андрей Николаевич. Сношения России с Востоком по делам церковным. Санкт-Петербург: Тип. III Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1858. 371 с.

Наумов, Евгений Павлович. К истории связей России с южнославянскими народами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. Москва: Наука, 1990. С. 94–113.

Панченко, Константин. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI – нач. XIX в.). Москва: Изд. Центр ИСАА при МГУ, 1998. 160 с.

Панченко, Константин. Россия и Антиохийский Патриархат: Начало диалога (середина XVI – первая половина XVII в.) // Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. Москва, 2004. С. 203–221.

Постникова-Лосева, Марина Михайловна. Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника XIV–XVIII вв. в музеях Москвы и Ленинграда // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. Москва: Наука, 1975. С. 187–197.

Пятницкий, Юрий. Московский Кремль и греко-русские связи XVI–XVII веков // Государственные музеи Московского Кремля Материалы и исследования. Т. 11: Русская художественная культура XV–XVI вв. Москва, 1998. С. 23–37.

Рогов, Александр Иванович. Культурные связи России с балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. Москва: Наука, 1990. С. 114–137.

Свенцицкий, Илларион. Опись музея Старопигийского института во Львове. Львов: Тип. Ставропигийного ин-та, 1908. 236 с.

Ульяновский, Василий Иринархович. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 1. Киев: Изд-во Мин. образования Украины, 1993. 368 с.

Ульяновский, Василий Иринархович. Смутное время. Москва: Изд-во «Европа», 2006. 456 с.

Успенский, Федор Иванович. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1896 г. // Известия Императорской Академии наук. Серия 5. 1897. Май. Т. 6. № 5. С. 473–474.

Флоря, Борис Николаевич. К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. Москва: Наука, 1990. С. 8–42.

Фонкич, Борис Львович. Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 143–147.

Фонкич, Борис Львович. Формуляр грамот Константинопольского Патриархата XVI–XVII вв. (по материалам московских архивов) // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Москва: ИВИ, 2004. С. 23–27.

Харлампович, Константин Васильевич. Малорусское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1914. Т. 1. 838 с.

Чеснокова, Надежда Петровна. Пути освобождения греческого народа в представлениях поствизантийских и русских авторов // Византия и Запад (350-летие схизмы христианской церкви. 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Москва: Ин-т всеобщей истории, 2004. С. 170–174.

Чеснокова, Надежда Петровна. Русский царь — Новый Константин // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи. Москва: Ин-т славяноведения, 2004. С. 107–111.

Шереметев, Сергей Дмитриевич. Дела греческие // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Санкт-Петербург: Тип. СПб. Ун-та, 1911. С. 176–187.

Шмитт, Жан-Клод. Понятие сакрального и его применение в истории средневекового христианства // Мировое дерево. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Москва, 1996. Вып. 4. С. 75–83.

Czamańska, Ilona. Wiśniowieccy. Monografia rodu. Poznań: Wydawn. Poznańskie, 2007. 552 s.

Litwin, Henryk. Fakcje magnackie na Kijowszczyźnie 1569–1648 // Władza i przestrzeń. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII w. Białystok: Wyd. Uniwersyt., 2003. S. 49–53.

Litwin, Henryk. Równi do równych: Kijowska reprezentacja sejmowa 1569–1648. Warszawa: Wyd. Uniwersyt., 2009. S. 42–44, 74–75, 145–149.

Maltezou, Chorisa. Les Grecs devant Moscou — ville Imperiale // Исследования по славяно-византийскому средневековью. София: Studia slavico-byzantina, 1998. С. 68–74.

Üebersberger, Hans. Österreich und Russland seit dem Ende des 15 Jahrhunderts. Wien; Leipzig, 1906. T. 1. 576 s.

Information about the article:

Author: Ulyanovskyi Vasil Irinarhovich, Doctor in History, Professor of the Historical Department of Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine, WUljanovskij@mail.univ.kiev.ua

Title: The Orthodox East and the Muscovy at the beginning of the Troubles: the spiritual mission / embassy, the problem is the perception of power, the symbolism of the gifts

Summary: This paper examines the nature of the relationship with the Eastern Patriarchates of Moscow at the beginning of the kingdom of the Troubles — in the last years of the reign of Boris Godunov and False Dmitry I. The author analyzes the records of all the embassies from Jerusalem, Constantinople and the Patriarchate of Alexandria, of Mount Athos and the Balkan countries, showing the two-sidedness in the documentation provided by the Ambassadors of the order information. It is proposed to address these embassies, and the whole context, not only as a permanent request for alms for the Eastern Orthodox shrines and sending gifts from Russia, but as an important form of spiritual and mystical ties of Oriental and Russian Churches. In this regard, not only analyzes the information of political and ideological content, reflected in the documents, but specially treated terminology, formulas and prayer treatment, bless wording, etc. Special consideration subject to the sacred gifts and gestures, which are also bilateral (shrines were brought from the East but also sent from Russia to the east), in particular in terms of these gifts is considered the «code» common Christian religion, a specific Eastern Patriarchate and the Russian special significance. Analyzed in detail all the ambassadorial speeches and messages of Orthodox hierarchs, as well as the response letters and speeches of the Moscow tsars. The author, contrary to affirmed the opinion, proves that the first phase of the Troubles due to the Christian East is not interrupted and carried on a regular basis.

Key words: Russia, the Troubles, the Orthodox East, the Patriarchate

References:

Aleksandrenko, Vasilij Nikiforovich. Materialy po smutnomu vremeni na Rusi XVII v. [Materials on the Time of Troubles in Russia in 17th century], in *Starina i novizna*. 1911. T. 14. S. 185–453.

Astashin, Vadim Vladimirovich. Konstantinopol'skij patriarhat v mezhdunarodnyh otnoshenijah pervoj treti XVII v. [Patriarchy of Constantinople in international relations in the first third of the 17th century], in *Materialy nauchnoj sessii Volgogradskogo gos. un-ta. Vyp. 3: Istorija*. Volgograd: Volgogradskij gos. un-t, 2001. S. 18–21.

Astashin, Vadim Vladimirovich. *Konstantinopol'skij patriarhat v mezhdunarodnyh otnoshenijah pervoj treti XVII v.* [*Patriarchy of Constantinople in international relations in the first third of the 17th century*]. Volgograd: Volgogradskij gos. un-t, 2001. 25 s.

Avgustin, (Nikitin), arhimandrit. *Russkie palomniki u hristianskih svjatyn' Egipta* [*Russian pilgrims in the Christian holy sites of Egypt*]. Sankt-Peterburg: Izd. Dom «Neva»; Moskva: OLMA-PRESS Grand, 2003. 304 s.

Bantysh-Kamenskij, Nikolaj Nikolaevich. *Reestry grecheskim delam Moskovskogo arhiva Kollegii inostrannyh del* [*The Greek affairs registers of the Moscow archive of Ministry of Foreign Affairs*]. Moskva: Hronograf, 2001. 416 s.

Batalov, Andrej Leonidovich. Grob Gospoden' v sakral'nom prostranstve russkogo hrama XVI–XVII vekov [Holy Sepulchre in the Sacred Space of the Russian church of 16th–17th centuries], in Lidov, Alexej Michajlovich (ed.). *Vostochnohristianskie relikvii*. Moskva: Progress-Tradicija, 2003. S. 513–523.

Chesnokova, Nadezhda Petrovna. Puti osvobozhdenija grecheskogo naroda v predstavlenijah postvizantijskih i russkih avtorov [Different ways of liberation of the Greek people in representations of post-Byzantine and Russian authors], in *Vizantija i Zapad (350-letie shizmy hristianskoj cerkvi. 800-letie zahvata Konstantinopolja krestonoscami)*. Moskva: In-t vseobwej istorii, 2004. S. 170–174.

Chesnokova, Nadezhda Petrovna. Russkij car' — Novyj Konstantin [Russian Tsar — New Constantine], in *Reprezentacija verhovnoj vlasti v srednevekovom obwestve (Central'naja, Vostochnaja i Jugo-Vostochnaja Evropa). Slavjane i ih sosedi*. Moskva: In-t slavjanovedenija, 2004. S. 107–111.

Czamańska, Ilona. Wiśniowieccy. *Monografia rodu*. Poznań: Wydawn. Poznańskie, 2007. 552 s.

Dylevskij, Nikolaj Mihajlovich. *Ryl'skij monastyr' i Rossija – Ukraina v XVI–XVII vekah* [*Rila Monastery and Russia – Ukraine in 16th–17th century*]. Sofija: Bolgarskaja AN, 1974. 176 s.

Florja, Boris Nikolaevich. K istorii ustanovlenija politicheskih svjazej mezhdu russkim pravitel'stvom i vysshim grecheskim duhovenstvom (na primere Konstantinopol'skoj patriarhii) [Of the history of the establishment of political relations between the Russian government and higher Greek clergy (based on the example of the Patriarchy of Constantinople)], in *Svjazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova. Pervaja polovina XVII v.* Moskva: Nauka, 1990. S. 8–42.

Fonkich, Boris L'vovich. Formuljar gramot Konstantinopol'skogo Patriarhata XVI–XVII vv. (po materialam moskovskih arhivov) [Form charters of the Patriarchy of Constantinople in the 16th–17th centuries (based on the Moscow archives)], in *Vtorye chtenija pamjati professora Nikolaja Fedorovicha Kaptereva*. Moskva: IVI, 2004. S. 23–27.

Fonkich, Boris L'vovich. Iz istorii grechesko-ukrainsko-russkih kul'turnyh svjazej v pervoj polovine XVII v. [From the history of the cultural relations between Greece, Ukraine and Russia in the first half of the 17th century], in *Vizantijskij vremennik*. 1991. T. 52. S. 143–147.

Golubev, Stepan Timofeevich. *Petr Mogila i ego spodvizhniki* [Petro Mohyla and his fellow campaigners]. T. 1. Kiev: Tip. Korchaka, 1883. 559 s.

Harlampovich, Konstantin Vasil'evich. *Malorusskoe vlijanie na velikorusskuju cerkovnuju zhizn'* [The Little Russia influence on the Great Russia's church life]. Kazan': Tip. Kazanskogo un-ta, 1914. T. 1. 838 s.

Kapterev, Nikolaj Fedorovich. *Harakter otnoshenij Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletijah* [The nature of relations between Russia and the Orthodox East in the 16th and 17th centuries]. Sergiev Posad.: Kn. Magazin M. S. Elova, 1914. 592 s.

Kapterev, Nikolaj Fedorovich. Russkaja blagotvoritel'nost' Sinajskoj obiteli v XVI, XVII i XVIII stoletijah [Russian charity of the Sinai monastery in 16th, 17th and 18th centuries], in *Chtenija v Obwestve ljubitelej duhovnogo prosvewenija*. 1881. Oktjabr'–nojabr'. S. 363–414.

Kapterev, Nikolaj Fedorovich. Snoshenija Ierusalimskih patriarhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do konca XVIII stoletija [Relations between the Patriarchs of Jerusalem and the Russian government from the middle of the 16th century and up to the end of 18th century], in *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik*. T. 15. Vol. 1. Sankt-Peterburg, 1895. S. 3–115.

Krylovskij, Amvrosij Sergeevich. *L'vovskoe stavropigial'noe bratstvo: Opyt cerkovno-istoricheskogo issledovanija* [*Lviv stavropegic fraternity: The experience of the church-historical research*]. Kiev: Tip. Un-ta sv. Vladimira, 1904. 230 s.

Leskinen, Marija Vojttovna. Landshaft Svjatoj Zemli v opisanii hristianskih palomnikov konca XVI veka [The landscape of the Holy Land in the description of Christian pilgrims end of the 16th century], in *Landshafty kul'tury: Slavjanskij mir*. Moskva: Press-Tradicija, 2007. S. 72–92.

Litwin, Henryk. Fakcje magnackie na Kijowszczyźnie 1569–1648, in *Władza i przestrzeń. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII w*. Białystok: Wyd. Uniwersyt., 2003. S. 49–53.

Litwin, Henryk. *Równi do równych: Kijowska reprezentacja sejmowa 1569–1648*. Warszawa: Wyd. Uniwersyt., 2009. S. 42–44, 74–75, 145–149.

Makarij (Bulgakov), mitropolit. *Istorija Russkoj Cerkvi* [The History of the Russian Church]. T. 10. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Tip. Fishera, 1881. 453 s.

Mal'tezu, Horisa. Greki i Moskva — imperskij gorod [The Greek and Moscow — the imperial city], in *Rim, Konstantinopol', Moskva: sravnitel'no-istoricheskie issledovanija centrov ideologii i kul'tury do XVII v*. Moskva: In-t vseobwej istorii, 1997. S. 300–307.

Maltezou, Chorisa. Les Grecs devant Moscou — ville Imperiale, in *Issledovaniya po slavyano-vizantijskomu srednevekoviu.* Sofia: Studia slavico-byzantina, 1998. S. 68–74.

Malyshevskij, Ivan Ignat'evich. *Aleksandrijskij patriarh Meletij Pigas i ego uchastie v delah Russkoj Cerkvi* [The Patriarch of Alexandria Meletios Pegasias and his participation in the affairs of the Russian Church]. Kiev: Tip. KPL, 1872. T. 1. 685 s.; T. 2. 299 s.

Murav'ev Andrej Nikolaevich. *Snoshenija Rossii s Vostokom po delam cerkovnym* [*The interaction between Russia and the East in the church affairs*]. Sankt-Peterburg: Tip. III Otdelenija sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1858. 371 s.

Naumov Eugenij Pavlovich. K istorii svjazej Rossii s juzhnoslavjanskimi narodami v pervoj polovine XVII v. [On the history of relations between Russia and South Slavic peoples in the first half of the 17th century], in *Svjazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova. Pervaja polovina XVII v.* Moskva: Nauka, 1990. S. 94–113.

Panchenko, Konstantin. *Osmanskaja imperija i sud'by pravoslavija na Arabskom Vostoke (XVI – nach. XIX v.)* [*The Ottoman Empire and the fate of the Orthodoxy in the Arab East (16th – beginning of the 17th centuries*]. Moskva: Izd. Centr ISAA pri MGU, 1998. 160 s.

Panchenko, Konstantin. Rossija i Antiohijskij Patriarhat: Nachalo dialoga (seredina XVI – pervaja polovina XVII v.) [Russia and the Patriarchy of Antioch: the beginning of the dialogue (mid 16th – first half of the 17th century)], in *Rossija i Hristianskij Vostok*. 2004. Vol. 2–3. S. 203–221.

Pjatnickij, Jurij. Moskovskij Kreml' i greko-russkie svjazi XVI–XVII vekov [Moscow Kremlin and the ties between Greece and Russia in 16th–17th centuries], in *Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja Materialy i issledovanija – of the material and studies of the State Museum of Moscow Kremlin*. 1998. T. 11: Russkaja hudozhestvennaja kul'tura XV–XVI vv. S. 23–37.

Postnikova-Loseva, Marina Mihajlovna. Serebrjanye izdelija juvelirov Serbii i Dubrovnika XIV–XVIII vv. v muzejah Moskvy i Leningrada [Silver jewelry of Serbian and Dubrovnik jewelers of 16th–17th centuries from the museums of Moscow and St. Petersburg], in *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svjazi*. Moskva: Nauka, 1975. S. 187–197.

Rogov, Aleksandr Ivanovich. Kul'turnye svjazi Rossii s balkanskimi stranami v pervoj polovine XVII v. [Cultural ties between Russia and the Balkan countries in the first half of the 17th century], in *Svjazi Rossii s narodami Balkanskogo poluostrova. Pervaja polovina XVII v*. Moskva: Nauka, 1990. S. 114–137.

Sheremetev, Sergej Dmitrievich. Dela grecheskie, in *Sergeju Fedorovichu Platonovu ucheniki, druz'ja i pochitateli*. Sankt-Peterburg: Tip. SPb. Un-ta, 1911. S. 176–187.

Shmitt, Zhan-Klod. Ponjatie sakral'nogo i ego primenenie v istorii srednevekovogo hristianstva [The concept of the sacred and its application in the history of medieval Christianity], in *Mirovoe derevo. Mezhdunarodnyj zhurnal po teorii i istorii mirovoj kul'tury*. Moskva, 1996. Vol. 4. S. 75–83.

Svencickij, Illarion. *Opis' muzeja Staropigijskogo instituta vo L'vove* [*The inventory of the museum of Staropigiysk Institute in Lviv*]. L'vov: Tip. Stavropigijnogo in-ta, 1908. 236 s.

Üebersberger, Hans. *Österreich und Russland seit dem Ende des 15 Jahrhunderts*. Wien; Leipzig, 1906. T. 1. 576 s.

Ul'janovskij, Vasilij Irinarhovich. *Rossija v nachale Smuty: Ocherki social'no-politicheskoj istorii i istochnikovedenija* [*Russia at the beginning of the Time of Troubles: Essays on the socio-political history and chronology*]. Ch. 1. Kiev: Izd-vo Min. obrazovanija Ukrainy, 1993. 368 s.

Ul'janovskij, Vasilij Irinarhovich. *Smutnoe vremja* [*Time of Troubles*]. Moskva: Izd-vo «Evropa», 2006. 456 s.

Uspenskij, Fedor Ivanovich. Otchet o dejatel'nosti Russkogo arheologicheskogo instituta v Konstantinopole v 1896 g. [Report on the activities of the Russian Archaeological Institute in Constantinople in 1896], in *Izvestija Imperatorskoj Akademii nauk*. 1897. Serija 5. T. 6. № 5. S. 473–474.

Vorob'eva, Irina Alexandrovna. Rossija i Ierusalimskij Patriarhat v XVII – pervoj polovine XIX veka [Russia and the Patriarchy of Jerusalem in the 17th – the first half of 19th centuries], in *Strany Blizhnego Vostoka: Aktual'nye problemy sovremennosti i istorii* [*Countries of the Middle East: The Actual Problems of modern times and history*]. Moskva: Nauka, 1998. S. 180–187.

Zhitinev, Sergej Jur'evich. *Istorija russkogo pravoslavnogo palomnichestva v X–XVII vekah* [*The history of Russian Orthodox pilgrimage in 10th – 17th centuries*]. Moskva: Indrik, 2007. 480 s.

Zhitinev, Sergej Jur'evich. Russkie pravoslavnye palomniki v Ierusalime v X–XVII vekah [Russian Orthodox pilgrims in Jerusalem in the 10th–17th centuries], in *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik*. Moskva, 2007. Vol. 105. S. 100–108.

ББК 63.3 (2) 44 + 63.3 (4 укр) 45; УДК 94(470) «16» : 94(477) «16»

В. В. Масненко

УКРАИНСКИЙ ФАКТОР В СОБЫТИЯХ МОСКОВСКОЙ СМУТЫ В НАЧАЛЕ XVII в.[1]

Существуют достаточно развитые русская (С. Соловьев, В. Ключевский, С. Платонов, П. Любомиров, Б. Флоря, Р. Скрынников, Г. Абрамович), украинская (Н. Костомаров, М. Грушевский, В. Доманицкий, Д. Яворницкий, Ю. Крохмалюк, В. Ульяновский, П. Сас), белорусская (В. Верас, А. Тарас), польская (К. Валишевский, В. Собеский, А. Гиршберг, Г. Виснер, К. Тишковский, А. Андрушевич, М. Нагельский, В. Чаплинский, М. Франц, А. Маевский) историографические традиции освещения проблемы украинской составляющей Смуты в Московском государстве в начале XVII в. Указанные авторы предлагали различные подходы в освещении темы, которые заслуживают отдельного историографического исследования.

В нашей статье предлагается рассмотреть наиболее существенные аспекты активного участия выходцев из украинских земель в событиях Смутного времени в Московском царстве. Учитывая большой объем информации, в рамках статьи ограничимся только их классификацией и определением общих тенденций и перспектив в исследовании данной темы.

Военно-политический аспект проблемы наиболее полно раскрыт в историографии. Как известно, контингенты выходцев из Украины составляли значительную часть войск Лжедмитрия I, Болотникова, Лжедмитрия II, Яна Петра Сапеги, короля Сигизмунда III Вазы, гетманов Станислава Жолкевского, Яна Кароля Ходкевича, королевича Владислава и др.

[1] Как название «украинский», так и этноним «украинцы» относительно явлений начала XVII в. применяются с достаточной мерой условности, поскольку они, за отдельными исключениями, практически не встречаются в источниках того времени. Используя эти понятия при освещении нашей темы, мы не переносим на них современных этнополитических представлений и смыслов. Однако при этом следует учитывать, что общественная артикуляция этнических и национальных процессов (ее отображение в письменных источниках), как правило, имела пролонгированный характер и не успевала за их развитием. В реальности к началу раннемодерного времени на украинских землях формировалась общность, которая осознавала себя как целостность, отличительную от других народов, в том числе и от близких по конфессиональным характеристикам.

Как правило, рассматривалась прежде всего роль украинского казачества, в особенности — запорожского. По нашему мнению, украинское военное присутствие было более масштабным. Прежде всего речь идет о «руських» (украинских и литовско-белорусских) представителях служилой элиты Речи Посполитой. Как показывает анализ источников, именно они составляли значительную часть «полских и литовских людей», вторгшихся в пределы России. Н. Яковенко даже считает, что войны с Россией в начале XVII в. «вовлекли в походы на московскую территорию чуть ли не всю шляхту Украины-Руси»[2]. Так, типичными представителями этой сословной группы можно считать «литовских языков», захваченных в плен в январе 1612 г. Ими оказались «Микитка Павлов из Быхова города» и «Якушка Петров из Чернобыля города»[3].

В «Записи гетмана Жолкевского, данной князю Елецкому и Григорью Валуеву» указывается на различные воинские контингенты, которые пребывали под его командованием летом 1610 р. после взятия Москвы: «…Я Гетман в полковников и ротмистров, в Полских и в Литовских, и в Черкас и в гайдуков, и за всех служилых Польских и Литовских людей, и за Немец и иных земель»[4]. Можно согласиться с выводами современного белорусского историка Виктора Вераса о том, что поляки не составляли большинства в этом войске[5].

К названой категории необходимо отнести и различного рода наемников, авантюристов и пр. Активное участие в военных действиях сыграли служилые люди из мятежной Северщины («северских городов»), украинцы по этническому происхождению.

Несомненно, особенная роль в событиях Смуты принадлежит украинскому казачеству, как запорожскому, так и городовому (в источниках — запорожские казаки, запороги, казаки, черкасы, запорожские черкасы). О численности и мере участия различных групп казаков в событиях Смутного времени нет единого мнения. Так, еще Д. Яворницкий считал, что «главнейшую роль играли собственно так называемые украинские или черкасские казаки и второстепенную собственно запорожские или низовые казаки»[6].

Участие украинских казаков в походе Лжедмитрия I достаточно полно отражено в источниках и исследовано в научной литературе (хоть и тут остаются неясности и спорные моменты). Так, Р. Скрынников полагал, что на первом этапе в войске самозванца было 2 тыс. реестровых казаков во главе с атаманом И. Куцко, к которым по пути следования присоединилось около тысячи украинцев, объявивших себя казаками[7]. Позже, уже на московской территории, под Новгород-Северский в ноябре–декабре 1604 г. в лагерь самозванца прибыл довольно крупный отряд собственно запорожских казаков. Численность этого отряда, по различным источникам, колебалась от 4 тыс.[8] до 12 тыс. С последней цифрой был согласен и Яворницкий. Однако тут он давал некое уточнение: из 12 тыс. малороссийских казаков было 8 тыс. конников и 4 тыс. пехо-

[2] *Яковенко Н.* Латина на службі києво-руської історії («Camoenae Borysthenides», 1620 р.) // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 280.

[3] Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля – 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского, И. С. Рябинина. М., 1915. С. 47.

[4] Записки гетмана Станислава Жолкевского о Московской войне / Пер. с пол., предисл. и примеч. П. А. Муханова. 2-е изд. СПб., 1871. Приложение № 24. С. 61–62.

[5] *Верас В.* У истоков исторической правды // http://veras.jivebelarus.net/sodyerzhaniye/sobytiya-smutnoho-vryemyeni-v-rossii (дата последнего посещения — 31 августа 2012 г.).

[6] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків: У 3 т. Київ, 1990. Т. 2. С. 137.

[7] *Скрынников Р. Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 217.

[8] *Доманицкий В.* Новый документ 1604 г. о Самозванце // Киевская старина. 1899. Кн. 1. С. 12.

тинцев с 12 исправными пушками; «между малороссийскими казаками немало было и собственно запорожских или низовых»[9].

Официальная реляция про неудачный для Лжедмитрия бой в январе 1605 г. под Добрыничами Комаринской волости оповещала: «…вора Гришку Отрепьева и Литовских и Полских и Руских воров и Черкас побили на голову; а убито Польских и Литовских и Запороских Черкас и Руских воров тысящь с 15 и болши»[10]. В ходе боя именно казацкая пехота, несмотря на то, что была почти полностью уничтожена, своим ружейным и пушечным огнем сдержала натиск московского войска и дала Самозванцу возможность уйти. По мнению Скрынникова, после этой неудачи запорожцы в своей массе покинули пределы России, и в наступлении Лжедмитрия на Москву приняли участие только 500 украинских казаков[11].

После гибели Лжедмитрия I запорожские казаки оставались в пределах Московского государства. В частности, они присоединились к войску Лжепетра и приняли участие в походе на Путивль, в ходе которого был взят город Цареборисов. Позже они вместе с отрядом Лжепетра были в «тульском сидении» Болотникова. После разгрома последнего около 3 тыс. запорожцев перешли на сторону Лжедмитрия II.

В войсках Лжедмитрия II было уже значительно больше служилых людей из украинских земель — как шляхтичей, так и казаков. Н. Мархоцкий, рассказывая о походе второго самозванца, говорил: «…Дмитрий набрел на Виляреского, который шел к нему с Киевской Украйны. Его послал князь Роман Рожинский с тысячью украинцев»[12].

В описании Авраамия Палицына войск Лжедмитрия, осаждавших Троицко-Сергиевский монастырь, представлены украинские контингенты:

> «…с Сапегою — польские и литовские люди, наемники подольские, гусары русские, прусские, жемоцкие, мазовецкие, а с Лисовским — дворяне и дети боярские из многих разных городов, татар много, и казаки запорожские, казаки донские, волжские, северские, астраханские»13.

Однако, как отмечает И. Тюменцев, у наемной части войска Лжедмитрия II не было единого командования. Хотя гетман Р. Рожинский и считался верховным главнокомандующим, из-за личной неприязни к Я. Сапеге он реально руководил только полками, сформированными из шляхтичей Киевского и Брацлавского воеводств (собственно из «руською» шляхты). Полки запорожцев подчинялись Рожинскому, а полк А. Лисовского — Сапеге[14].

Правда, С. Платонов считал, что запорожцы также были достаточно непостоянным контингентом в войсках второго Лжедмитрия. Толпы запорожских казаков присоединились к самозванцу под Карачевом в октябре 1607 г. Но они «не ужились с “царем”, у которого не было чем их кормить и чем платить им: как они только поняли, что предприятие не сулит верного успеха, и увидели скудость и беспорядок в “царской” рати, они ее покинули, вероятно, сочтя себя обиженными при дележе добычи под Козельском»[15].

[9] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. С. 138.

[10] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.

[11] *Скрынников Р. Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». С. 218.

[12] *Мархоцкий Н.* История Московской войны / Пер. Е. Куксиной. М., 2000. С. 29.

[13] Сказание Авраамия Палицына // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 418.

[14] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 309–310.

[15] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1995. С. 230.

По-видимому, военная удача и настроения запорожцев действительно были достаточно изменчивы. В апреле 1608 г. они снова бились против ратников Шуйского в войсках Р. Рожинского. Последний отдал приказ запорожцам изрубить 200 немцев во главе с Ламсдорфом, несмотря на то, что те добровольно перешли на сторону Самозванца[16].

В 1609 г. отряд запорожцев во главе с полковником Кернозицким был отправлен Лжедмитрием в военную экспедицию на Новгород.

В войсках Сигизмунда III под Смоленском также был представлен значительный украинский казацкий контингент. При этом С. Жолкевский называл явно завышенную цифру в «30 тыс. запорожских казаков»[17]. Большинство исследователей сходятся на том, что в осаде Смоленска приняли участие около 10 тыс. «черкасов» под началом Олевченка, которые размещались отдельным лагерем около Духовского монастыря. Взгляды историков о результативности участия казаков в этой военной операции расходятся. Яворницкий считал, что большой пользы от них король не дождался, поскольку казаки мало занимались осадой, а больше времени промышляли грабежами в окрестных селах и городах. Тем не менее, черкасы участвовали во взятии городов северской Украины — Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгород-Северского, Мосальска, Белой, приводя их жителей к присяге королевичу Владиславу.

В 1611 г. казаки по приказу А. Гонсевского воевали против П. Ляпунова и Д. Пожарского под Пронском и Зарайском, но потерпели поражение.

В начале 1612 г. зафиксировано присутствие черкас, из которых состоял один из отрядов Ходкевича, в Антониеве Николаевском, в 3 верстах от Краснохолма, к северу от Бежецка (зона польских войск вне Москвы)[18]. Узнав о весеннем наступлении сил земского ополчения, они спешно отступили. Летом 1612 г. в составе сил того же гетмана Ходкевича, который пытался пробиться к Москве, было 8 тыс. казаков из общего числа контингента в 12 тыс. человек[19]. «Черкасы» также были в составе польского гарнизона в Московском кремле, перенося все тяготы его осады.

Важно отметить, что различные воинские команды, прежде всего украинские казаки, воевали не только на стороне противников земской власти. Например, они входили и в состав Первого ополчения 1611 г. Так, А. Станиславский называет казаков отряда братьев Просовецких. Все же в ополчении их было гораздо меньше, чем в лагере Лжедмитрия II, поскольку большая часть черкас к тому времени перешла на службу к Сигизмунду III[20]. 11 мая 1611 г. воеводы ополчения взяли с суздальского Покровского монастыря 40 руб. «атаманам, и казакам, и черкасам в жалование». Предводители отрядов украинских казаков (сотники) были среди тех, кто подписал приговор от 30 июня 1611 г. — важный правовой документ Первого ополчения.

Запорожские казаки, недовольные жалованием и статусом в самозванческих формированиях, действовали и самостоятельно, на «свой страх и риск». Так, в сентябре 1612 г. черкасы, отделившись от Ходкевича, захватили Вологду[21]. При этом в поморских городах

[16] *Новицкий И. П.* Князья Ружинские (Памяти М. А. Максимовича) // Киевская старина. 1882. Т. 2. № 4. С. 76.

[17] Записки гетмана Станислава Жолкевского о Московской войне / Пер. с польск., предисл. и примеч. П. А. Муханова. 2-е изд. СПб., 1871. С. 33.

[18] *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 99–100.

[19] *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1904. С. 608.

[20] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 35.

[21] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. М., 1989. С. 665.

распространялись непроверенные слухи о том, что «вологодское разорение» — дело рук стрельцов, направленных земской властью. Сольвычегодский воевода Г. Гагарин специально посылал «подлинно проведать, какие люди приходили к Вологде», и сообщил об этом Д. Трубецкому и Д. Пожарскому. В ответной грамоте было отписано, что князьям известно про вологодские события, «приходили на Вологду вопчие наши неприятели и поругатели крестьянской вере полские и литовские люди и черкасы изгоном из литовских же полков из Можайского и из Вяземского уезда»[22]. Против них был направлен многочисленный отряд во главе с воеводой князем Федором Елецким. Литва и черкасы, не вступая в бой, «прошли назад резвым же делом, к Можайску и к Вязьме».

После избрания нового московского царя Михаила Романова началась стабилизация в отношениях между различными социальными группами русского общества. Новая власть становилась все более легитимной. В этих условиях существенным фактором нестабильности оставались именно украинские воинские контингенты. Как образно выразился Н. Костомаров, «по московской Руси бродило множество черкас (малороссов), они были чужие Московскому государству и по сердцу, и по преданиям, и готовились терзать его»[23]. Характерно, что их активность наблюдалась на довольно обширной территории. Изначально черкасы присоединились к И. Заруцкому. После расправы с ним продолжали опустошать Московию в составе отрядов различных атаманов — Захара Заруцкого, Баловня, А. Лисовского.

Так, отдельные отряды украинских казаков действовали в 1613–1614 гг. на севере, доходя до Архангельска, Холмогор, Олонца[24].

В 1613 г. украинские казаки также воевали и на Северщине. Отправившись из Киева «малороссийския киевския страны», П. Сагайдачный с «воинством своим» прошел по маршруту Путивль — Болхов — Белев — Лихвин — Перемышль — Калуга «и много зла сотвори и православных христиан крови пролия»[25]. При приближении московских войск казаки отошли к Вязьме и Дорогобужу, позже, оставив эти города, начали неудачную осаду Белой. Через Курский уезд войска Сагайдачного вернулись в Киев.

Нидерландские посланники указывали о рейде по московским землям в ноябре 1615 г. А. Лисовского, который, «побывав несколько времени около Торжка, между Москвой и Осташковом, отправился в Ростов, сжег город и пустился далее мимо Ярославля через Волгу до Данилова <…> с Данилова, поворотив на юго-восток через Рязань, он воротился в Польшу»[26].

Наиболее массовое участие украинского казачества в польско-московской войне 1617–1618 гг., во время похода королевича Владислава, довольно обстоятельно освещены в новейшей монографии П. Саса[27] и в ряде научно-популярных

[22] Грамота Трубецкого и Пожарского в Соль-Вычегодскую 11 ноября 1612 г. // Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 237.

[23] *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. С. 628.

[24] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. VII. Козацькі часи — до року 1625. Київ, 1995. С. 337.

[25] *Л-ский А. [Лазаревский А.]* Еще известие о московском походе Сагайдачного // Киевская старина, 1886. Т. 14. № 1. С. 201.

[26] Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным штатам // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н. М. Рогожин, сост. Г. И. Герасимова. М., 1991. С. 228.

[27] *Сас П. М.* Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. Біла Церква, 2010. 512 с.

изданий[28]. Тут лишь отметим, что сама кампания началась отвлекающими действиями запорожцев на южных рубежах Московского государства. В январе 1617 г. 12-тысячный отряд во главе с кн. Ю. Вишневецким штурмовал Путивль[29], а в феврале запорожцы захватили Оскол и пытались с ходу занять Воронеж. К московскому походу Владислава «зазывались» и локальные отряды запорожцев, в частности находящиеся на территории Белоруссии.

Однако наибольшее воздействие на ход военной операции оказало казацкое войско под предводительством запорожского гетмана П. Конашевича-Сагайдачного, которое в июне 1618 г. начало свой московский поход от берегов р. Рось. Этот контингент первоначально насчитывал 20 тыс. казаков. Несмотря на ощутимые потери во время боев, общая его численность не уменьшалась. Более того, как считает П. Сас, даже немного выросла и превышала 20 тыс. Такая положительная динамика объясняется постоянным подходом новых казацких подкреплений с территории Украины[30]. В ходе своего продвижения к Москве украинские казаки овладели Ливнами, Ельцом, Данковым, Лебедяном, Скопином, Сапожком, Ряжском, Шацком, Касимовым, Романовым и др. укрепленными городами. Защитники Пронска, Михайлова, Переяслав-Рязанского, Зарайска, Серпухова, Каширы, Калуги отразили попытки штурма запорожцев и выстояли, хоть и понесли ощутимые потери. При этом российские источники изобилуют информацией о крайней жестокости казацкого войска относительно местного православного населения.

Украинское казачество воевало на стороне Речи Посполитой до Деулинского перемирия. И даже после его подписания еще некоторое время продолжались отдельные выступления, особенно в северных районах. 20 декабря 1618 г. отряд украинских и русских казаков во главе с «черкашенином» Василием Москвитиным неудачно штурмовал Вологду. Отступив от крепости, казаки заняли Спасо-Прилуцкий монастырь. В следующем, 1619 г., отряд полковника Якуша (Якова) Шиша разорил Каргопольский уезд[31].

Таким образом, более чем 15 лет служилые люди с украинских земель и запорожцы принимали активное участие в политических событиях и боевых действиях на территории Московского царства. Это было наиболее длительное и наиболее массовое их пребывание в пространстве новой для них социальной и культурной реальности.

Мотивация таких действий не была лишь меркантильной, связанной с получением военной добычи и реализацией казацкого промысла. Тут уместно вспомнить идею Н. Костомарова об особом отношении украинского казачества к самозванству: «Украинские удальцы постоянно искали личности, около которой могли собраться; давать приют самозванцам и вообще помогать смелым искателям приключений у казаков сделалось как бы обычаем»[32].

[28] *Гуржій О. І., Корнієнко В. В.* Гетьман Петро Конашевич-Сагайдачний. Київ, 2004. 192 с.; *Брехуненко В.* Війни українських козаків з Росією до часів Богдана Хмельницького. Київ, 2007. 64 с.; *Комарницький С. І.* Герой Кафи, Москви і Хотина. (До 390-річчя Хотинської війни 1621 року). Чернівці, 2011. 144 с.

[29] Документи російських архівів з історії України. Т. 1. Документи до історії козацтва 1613–1620 рр. / Упор. Л. Войтович, Л. Заборовський, Я. Ісаєвич, Ф. Сисин, А. Турилов, Б. Флоря. Львів, 1998. С. 72. № 15.

[30] *Сас П. М.* Запорожці у польсько-московській війні… С. 361.

[31] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. … С. 196–197.

[32] *Костомаров Н. И.* Названый Дмитрий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 4-е изд. СПб., 1896. Т. 1. С. 603–604.

Более глубокое понимание сути московской политики украинских казаков находим у современных историков В. Брехуненко и С. Лепявко. Они констатируют отличие комплекса мотивов активности украинского казачества от других казацких формирований. Участие в Смуте воспринималось ими через призму тактики легитимации своих претензий к Варшаве благодаря участию в ее военных кампаниях против Москвы. Московское государство они воспринимали как удобный объект легального в глазах Польши использования своей воинской силы[33].

В действиях тех же запорожцев присутствовал и сословный интерес — выторговать у властей Речи Посполитой определенные уступки в деле сохранения своих «прав и вольностей», и национально-конфессиональный — защитить Православную церковь.

Среди видных военных и политических деятелей Смутного времени различной ориентации, как указывают отдельные исследователи, были русины (украинцы) за происхождением. К ним можно отнести Ивана Мартыновича Заруцкого. Существует информация о том, что он был родом из Тернополя, после татарского плена попал к донским казакам, а оттуда уже — в Россию.

Обращалось внимание и на русинские корни гетмана Станислава Жолкевского, которые, несмотря на полученное им польское воспитание, содействовали его желанию «прекратить вековую распрю» России с Речью Посполитой. Отсюда — его активное участие в заключении договора об унии этих государств под скипетром Владислава.

Особенные отношения с украинским казачеством сложились у князей Рожинских (Ружинских). Представитель это рода — Роман, сын гетмана Кирилла Рожинского, прибыв к Лжедмитрию II, произвел переворот, сместив с поста главнокомандующего Меховецкого, и стал гетманом войск самозванца. После распада Тушинского лагеря он решил присоединиться к армии короля Сигизмунда III. Н. Яковенко обоснованно ставит под сомнение традиционный взгляд на него как на конвертита-католика. Можно прислушаться к ее мнению о том, что князь до конца своей жизни оставался униатом, или даже ортодоксальным православным[34].

Некоторые украинские историки считают украинским по происхождению, но уже полностью полонизованным и покатоличенным на рубеже XVI и XVII вв. род Сапег, представители которого — Лев Иванович и Ян Петр — сыграли не последнюю роль в событиях московской войны[35]. Существует более распространенное мнение — о белорусских корнях указанного рода.

На завершающем этапе Смуты наиболее яркой личностью, представляющей украинскую сторону, несомненно, был гетман Петр Конашевич-Сагайдачный. Под его командованием был и не менее известный полковник Михайло Дорошенко.

Украинская составляющая позволяет рассмотреть в несколько ином свете и церковно-конфессиональный аспект Смуты.

Тут несложно увидеть явное несовпадение официальной риторики (практически всех участников конфликта) и реальной конфессиональной характеристики противостоящих

[33] *Брехуненко В., Леп'явко С.* Українське козацтво і Московія в XVI – першій половині XVII століття // Переяславська рада 1654 року (Історіографія та дослідження). Київ, 2003. С. 724.

[34] *Яковенко Н.* Релігійні конверсії: Спроба погляду зсередини // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 17–18.

[35] *Мицик Ю.* Вступ // Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії / Упор. та пер. з пол. о Юрія Мицика. 2 вид., доопрац. Київ, 2009. С. 8.

сторон. Дискурс официальной Москвы неизменно был выдержан в духе последовательной борьбы за православную веру, поскольку

> «…всякие люди, соединясь, целовали промеж себе животворящий крест Господень на том, что всем нам вкупе единодушно за дом Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев Московских и за истинную нашу православную христианскую веру и за Московское государство помереть и против свирепонравных врагов наших Польских и Литовских людей с единомышленники их еретики и богоотступники <…> стать и с ними битись до смерти»[36].

Таким образом, Московское государство мыслилось единственным защитником православия. Отсюда же исходила идея «отступления» представителей противоборствующей стороны от «истинной» христианской веры. Типичные определения, данные Авраамием Палицыным: «Богоотступники же, литовские люди и русские изменники», «окаянные лютеране и русские изменники», «еретическое же исчадие и изменники русские» (и персонально — «богоборцы Сапега и Лисовский»), которые противопоставлялись «всему христолюбивому воинству, и всем православным христианам». В грамотах патриарха Гермогена украинские казаки характеризовались не иначе как «губителями христианскими», «отступившими от Бога и от православной веры»[37]. В грамотах царя Михаила Федоровича, направленных в 1618 г., присутствует стабильная формула обвинения противников «…крестьянская кровь от литовских людей и от черкас проливаетца и святые Божии церкви от них оскверняютца и разоряютца…»[38]

Результативность такой риторики, по нашему мнению, нивелировалась тем, что в ее основе лежала политическая лояльность, а не чисто конфессиональное мышление. Более того, негативные характеристики не были константными, они довольно просто превращались в свою противоположность, стоило какому-либо персонажу перейти с «воровской» стороны на «истинно» христианскую. В свою очередь, самозванцы также заботились о «духовной» легитимации своей власти: Лжедмитрий I через особу патриарха Игнатия, Лжедмитрий II — через «нареченного патриарха» Филарета.

Кроме того, следует учитывать, что Православная церковь в период Смуты оказалась в состоянии глубокого кризиса, вызванного нарушением симфонии между «Царством» и «Священством». Одним из внешних проявлений этого кризиса, как точно подметил В. Лурье, было то, что большинство архиереев Московской церкви, в отличие от Иова и Гермогена, безотказно принимали сторону преобладающей светской политической силы, даже силы католической[39]. Лидером беспринципного епископского большинства часто называют Филарета Романова. Иллюстрацией такой соглашательской политики, к примеру, могут служить многочисленные письма российских архиереев (к примеру, архимандрита Ярославского Спасского монастыря Феофила) к Яну Сапеге с прошениями о различных милостях[40]. Естественно, что современники не испытывали особенного доверия к таким архиереям.

[36] Акты времени междуцарствия… С. 45–46.

[37] Восстание И. Болотникова. Документы и материалы / Сост. А. И. Копанев и А. Г. Маньков. М., 1959. С. 196–197.

[38] Документи російських архівів з історії України. Т. 1. Документи до історії козацтва 1613–1620 рр. Львів, 1998. С. 139, 154.

[39] *Лурье В. М.* Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. М., 2009. С. 147.

[40] Письма Смутного времени / Тексты подготовлены к публикации Б. Н. Морозовым // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 447.

Со своей стороны, одним из основных мотивов обоснования активности Сигизмунда III в московских делах было распространение католической веры и искоренение «греческих суеверий»[41]. В инструкции посольству к папе Павлу V основной целью короля в московской войне было определено — «утвердить христианство против варварства и саму Московию обратить от раскола к этому святому апостольскому престолу»[42]. Ясно, что такие заявления в условиях военного противостояния не могли получить какого-нибудь практического осуществления. Более того, официальная Речь Посполитая в контактах с различными политическими группами московской стороны демонстрировала конфессиональную толерантность, пытаясь тем самым привлечь к себе больше сторонников[43].

В реальности воинские контингенты Речи Посполитой на московской территории и формирования самозванцев были поликонфессиональными, включали католиков, униатов, православных, протестантов.

Присутствие в них большого числа православных украинцев вызывало вполне объяснимые сомнения в жестком конфессиональном антагонизме, содействовало сглаживанию восприятия противников как «латинян» или «еретиков». Верующие восточного обряда из Украины (православные, возможно и униаты) удовлетворяли свои религиозные потребности в русских церквях: участвовали в богослужениях, отправлении треб. Так, киевский купец Богдан (Божко) Балыка, оказавшись в составе осажденного гарнизона Московского кремля в 1612 г., вместе с товарищами принял участие в службе в соборной церкви Пресвятой Богородицы[44]. Остается открытым вопрос о практике допущения украинцев к исповеди и причастию. Поскольку, как увидим далее, официальная оценка их соответствия «истиной вере» оказалась далеко не толерантной.

Достаточно сложной для научной интерпретации оказалась проблема единоверия противоборствующих сторон. События Смуты показали, что православные черкасы не ощущали каких-либо моральных препятствий (в том числе и религиозных) в «разорении единоверного Московского государства». Для историографии XIX в. были характерны попытки «сгладить» этот неудобный сюжет. Так, в свое время М. Максимович предложил полностью фантастическую гипотезу о причинах отказа Сагайдачного от штурма Москвы в канун праздника Покрова. Будто у этого грозного гетмана, великого защитника православия, внезапно возникли душевные переживания, рожденные осознанием пагубности попытки «крушить единоверную ему Русскую столицу для того, чтоб отдать ее в руки иноверца». Более того, такие мысли пришли в голову гетману под воздействием колокольного звона московских церквей, созывающих православных к утренней службе на праздник Покрова[45]. Н. Костомаров также бездоказательно убеждал читателя, что в вопросе веры малороссийские казаки чувствовали свое единение с Московским государством и становились в ряды его защитников[46].

[41] Акты времени междуцарствия… С. 150.

[42] Там же. С. 188.

[43] Еще Н. Костомаров обращал внимание на то, что в договоре 17 августа 1610 г. поляки не могли выторговать даже одного костела для приезжих в Москве (см.: *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. С. 468).

[44] [*Антонович В. Б.*] Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г.: Из летописного сборника Ильи Кощаковского // Киевская старина. 1882. Т. 3. № 7. С. 103.

[45] *Максимович М. А.* Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 362.

[46] *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. С. 645.

Д. Яворницкий уже отмечал амбивалентность в действиях украинского казачества: «Действуя с невероятным ожесточением против своих же собратий, людей православной веры на севере России, запорожские и украинские казаки в то же время весьма энергично отстаивали православную веру на юге…»[47] Действительно, именно в это время запорожское казачество включается в активную борьбу по защите православия в Речи Посполитой. Убедительное объяснение этому парадоксу предлагает С. Плохий. Он считает, что казачеству в то время не хватало ощущения, что оно относится к более широкой конфессиональной общности, которая объединяла бы в одну религиозную общину не только православных Речи Посполитой, но и православных жителей Московии и османских владений[48].

Аналогичную позицию занимает и Т. Опарина, которая также склоняется к выводу, что защитники православия в Речи Посполитой так и не стали защитниками веры в России. Постоянное участие того же Сагайдачного в военных кампаниях в Московском государстве «свидетельствует о дистанции двух ветвей православия, о признании различий между ними»[49]. Более того, эта исследовательница высказала предположение, что в русском обществе того времени ходили суждения о вероисповедании православных «черкас» как «неверцев», наряду с католиками, протестантами, униатами[50]. Поэтому утверждение Р. Скрынникова об увеличении симпатий православных казаков к России после Брестской унии 1596 г.[51] требует существенного уточнения и коррекции.

Можно согласиться и с теми исследователями, которые говорят об эффекте т. н. «жолнерской веры» (важной части воинской субкультуры Центральной и Восточной Европы) в казацкой среде, когда эти профессиональные воины ограничивались очень поверхностными религиозными навыками, а «мотив профессиональной самоидентификации доминировал над этнической или конфессиональной тождественностью»[52]. Исходя из этого императива, в войне с православными украинские казаки не видели конфессионального конфликта[53].

Зато эскалация православной «исключительности» с московской стороны в противостоянии «латинянам» (католикам и «испорченным ересью» православным Речи Посполитой) усиливала конфессиональную составляющую военного противоборства, превращала династическую войну в религиозную. Именно во время Смуты в русском религиозном сознании фиксируется внимание на отдельных святынях, прежде всего на Троицко-Сергиевской лавре. Неслучайно, как замечает А. Сулима Каминский, осада армией Владислава этого монастыря — одной из наиболее почитаемой в Московии святыни — не только резко уменьшила шансы королевича на успех (занятие московского трона), но и придала последующим польско-российским войнам религиозную окраску[54].

[47] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. С. 141.

[48] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранномодерній Україні. Пер. з анг. Київ, 2005. С. 353.

[49] *Опарина Т.* Украинские казаки в России: Единоверцы или иноверцы? (Микита Маркушевский против Леонтия Плещеева) // Соціум. Альманах соціальної історії. 2003. Вип. 3. С. 43.

[50] *Опарина Т.* Украинские казаки в России… С. 31.

[51] *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 230.

[52] *Яковенко Н.* Скільки облич у війни: Хмельниччина очима сучасників // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 206–208.

[53] *Опарина Т.* Украинские казаки в России… С. 23.

[54] *Камінський Сулима, А.* Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. Пер. с пол. Я. Стріха. Київ, 2011. С. 109.

Наблюдалась парадоксальная, с конфессиональной точки зрения, ситуация: массово распространялись обращения московских властей к татарам (мусульманам) с призывами бороться за нашу «общую веру» против «польских и литовских людей» (католиков и православных). Из грамоты Василия Шуйского к Свияжским татарам, чувашам и черемисам:

> «И как к вам ся наша грамота придет и вы б князи и мурзы и татарове служилые и ясачные чюваша и черемиса и вперед по тому ж, памятуя Бога и свою правду, на чом нам шертовали, нам служили и прямили и по воровской смуте разорять себя не давали и наше к себе жалованье и свою к нам прежнюю службу памятовали, как нам служили»[55].

Выходило, что «свои» мусульмане оказались ближе, нежели единоверные казаки из Речи Посполитой.

В конце концов эскалация конфессионального противоборства завершилась принятием на Московском соборе 1620 г. «Указа, како изыскивати и о самех белорусцех», который свидетельствовал об официальном непризнании православных Речи Посполитой единоверцами, со всеми вытекающими из этого последствиями (перекрещивание и пр.). Более того, эта религиозная исключительность, по сути, переросла в религиозное превосходство, в убеждение, что за рубежами Московского царства не может существовать не только православия, но и христианства[56].

Конфессиональный аспект также изобилует дискуссионными сюжетами, к числу которых следует отнести утверждение о «покаянии» П. Сагайдачного, предупреждение М. Смотрицкого в «Треносе» 1610 г. о недопустимости противостояния православных с православными и пр.

Представляется возможным выделить и культурно-идентифицирующий аспект Смуты. Как правило, исследователи практически не акцентировали внимание на ее этнических характеристиках. Исключением из этой историографической ситуации можно считать взгляды Л. Гумилева, который считал, что «схватка за власть между представителями разных субэтносов севера и юга страны, находящейся в акматической фазе этногенеза, и вызвала первую русскую Смуту»[57]. Среди активных участников противоборства им упомянуты севрюки (потомки северян). На самом деле это субэтнос украинского, а не русского этноса. Неслучайно и сам Гумилев, рассматривая севрюков как сторонников Лжедмитрия I, считал, что в их восстании выявилась этническая противоположность великороссам. По нашему мнению, в условиях такого масштабного конфликта наблюдалась трансформация общественного статуса этничности. Уступая сословному и религиозному самоопределению, этническая идентификация все же перестает быть приватной и начинает приобретать некую общественную артикуляцию.

В свое время М. Грушевский обращал внимание на значение событий Смуты для социально-сословной идентификации украинского казачества[58].

Если провести социально-психологический срез, то несложно заметить, что активное участие в событиях Смуты усиливало дилемму «свой–чужой». Так, еще Д. Яворницкий объяснял вражду, которую высказывали украинские казаки в отношении великороссов,

[55] Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Сост. А. М. Гнеушев. М., 1914. С. 38. № 34.

[56] *Плохій С.* Наливайкова віра… С. 376.

[57] *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб., 2002. С. 234.

[58] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси… С. 322.

именно идентификационной составляющей: «Различие в исторической судьбе, различие в культуре, языке, костюме, общественном строе, отчасти в обрядностях веры сделали южноруссов, в особенности запорожских казаков, во многом несхожими с великороссами. И по внешним приемам, и по внутренним воззрениям южноруссы скорее имели сходство с поляками, чем с великоруссами»[59].

В. Брехуненко и С. Лепявко считают неизменными отправные позиции казацких подходов к отношениям с Москвой — осознание казаками своей принадлежности к украинскому миру и к социально-политической системе Речи Посполитой[60]. Встреча и активное взаимодействие Московской и Западной Руси (Украины и Белоруссии) сопровождалась более четкой идентификацией представителей последней как самобытных этнических и этнокультурных общностей. На важность явления взаимного познания «Иного» во время длительных военных конфликтов указывали и современники. Так, А. Гваньини в «московской книге» своей Хроники, опираясь на собственные наблюдения, констатировал:

> «Раньше москва думала, что мы не христиане, имела очень ошибочные представления о нашей Речи Посполитой, про могущество, про мужество, про правление, про права, про вольности. Теперь же с помощью чудесного Божьего провидения в том крае понемногу, хоть и помалу, хоть и с далека, лучше познают они нас, а мы их»[61].

Геополитический аспект, очевидно, наименее осмыслен в историографии. Он состоит прежде всего в том, что территория и население Украины в событиях Смутного времени могут быть позиционированы относительно России как часть Европы. Эта ситуация формировалась более открытым характером социума, соответствующей политической системой и традиционными культурными, интеллектуальными, экономическими и иными связями. Научный смысл вопроса состоит, однако, в том, насколько результативной была эта «цивилизационная встреча». Реакция доминирующей части московской элиты была далеко не комплиментарной (рассмотренные источники пока не позволяют судить об отношении простого русского человека). Очевидно, что милитаризованный образ «единоверных братьев» оказался отнюдь не привлекательным. В период Смуты, как считал еще Н. Костомаров, Московская Русь, более чем когда-либо прежде, столкнулась с Западной Европой, но «ничего не переняла, не усвоила и не развратилась от их влияния»[62]. Современные исследователи не так категоричны в ответе на поставленный вопрос. Так, А. Станиславский отмечает, что русские казаки заимствовали у своих украинских товарищей обычай кормлений — приставств, который в России в начале XVII в. распространился даже шире, чем в Речи Посполитой[63].

В этом контексте также интересно рассмотреть попытку династической унии Москвы с Речью Посполитой под властью Владислава (т. н. договоры 4 (14) февраля и 17 (27) августа 1610 г.). Эту акцию можно рассматривать как логическое продолжение проекта о федеративном объединении двух государств, с которым выступал Л. Сапега на переговорах в Москве еще осенью 1600 г. Хоть указанная идея не стала реально-

[59] *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. С. 141.

[60] *Брехуненко В., Леп'явко С.* Українське козацтво і Московія в XVI – першій половині XVII століття. С. 744.

[61] *Гваньїні О.* Хроніка європейської Сарматії / Упор. та пер. з пол. о Юрія Мицика. 2 вид., доопрац. Київ, 2009. С. 677–678.

[62] Документи російських архівів з історії України. Т. 1. Документи до історії козацтва 1613–1620 рр. / Упор. Л. Войтович, Л. Заборовський, Я. Ісаєвич, Ф. Сисин, А. Турилов, Б. Флоря. Львів, 1998. С. 638.

[63] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. … С. 244.

стью, она имеет определенный научный интерес, поскольку показывает наличие некой исторической альтернативы дальнейшего развития России. Для ее определения мог бы пригодиться украинский и белорусский опыт существования в условиях политической системы Речи Посполитой. Вопрос о возможных перспективах польско-российской федерации обстоятельно рассмотрен Б. Н. Флорей[64].

Отдельные моменты геополитического аспекта касаются анализа вопроса о том, насколько самостоятельным субъектом в событиях Смуты выступала украинская сторона и насколько указанные события могут быть вписаны в контекст борьбы различных частей бывшей Киевской Руси за доминирование. Интересно, что ответ на них пытался дать еще представитель украинской романической историографии М. Максимович. В своей более ранней работе он утверждал: «Борьба Западной или Литовской Руси с Восточной или Московской Русью была уже окончанием древней удельной борьбы: и нашествие Сагайдачного было последним ее отзывом»[65]. Таким образом, выходило, что украинское казачество абсолютно самостоятельно и сознательно вело войну с Москвой, завершая прежнее противостояние вокруг киевского наследства.

Однако в своей статье о Сагайдачном, опубликованной через семь лет, историк радикально изменил свои оценки. Теперь он убеждал читателей в том, что «нашествия западной Руси на Восточную, со времен Батория, были уже принадлежностью роковой борьбы Польши с Москвой, а не прежнею самопроизвольною усобицею разрозненных частей Русского мира»[66]. Последняя мысль более адекватно отражает суть событий.

Изоляционистская политика Москвы после Смуты на определенное время закрывала украинский сегмент европеизации. После Смуты в официальных документах Московского государства — царских грамотах — украинское казачество (черкасы), наряду с поляками, причислялись к «искони вечным врагам» России[67]. Украинская составляющая европеизации России будет снова востребована лишь во время царствования Петра I.

Таким образом, различные сословия и политические силы Украины, принимая участие в событиях Смутного времени в России в начале XVII в., преследовали свои цели. Они могли не совпадать с намерениями властей Речи Посполитой и самозванцев, но не могли существенно изменить ход исторических событий. В этом смысле «украинский фактор» выглядел как второстепенный для Московского государства (впрочем, как и любой внешний фактор, поскольку рассмотренный кризис был прежде всего внутренним). Однако без него Смута не приобрела бы таких масштабов и продолжительности. Наблюдалась тенденция к возрастанию значения украинского фактора. Это в частности выразилось в том, что на завершающем этапе Смуты именно запорожцы П. Сагайдачного были основной военной силой в польско-московской войне.

Более того, события Смутного времени имели большое значение для процессов на самих украинских землях, проявляясь в социальной, становой, религиозной, культурной и национальной сферах. Непосредственное воздействие имел военно-политический аспект, однако церковно-конфессиональный, культурно-идентифицирующий и геопо-

[64] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 249–285.

[65] *Максимович М. А.* Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 343–344.

[66] *Максимович М. А.* Сказание о гетмане Петре Сагайдачном… С. 361.

[67] *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 153.

литический аспекты указанной проблемы выглядят более глобальными и исторически значимыми. Именно они определили последующее развитие всего восточноевропейского региона.

Данные о статье

Автор: Масненко, Виталий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Черкасский национальный университет им. Богдана Хмельницкого, Украина, masnenko@ukr.net

Заголовок: Украинский фактор в событиях Московской смуты в начале XVII в.

Резюме: В статье обращается внимание на военный, церковно-конфессиональный, культурно-идентифицирующий и геополитический аспекты украинского участия в русской Смуте. «Руська» (украинская и литовско-белорусская) шляхта и запорожское казачество в составе войск Лжедмитрия I, Сигизмунда III, Станислава Жолкевского, Яна Кароля Ходкевича, Лжедмитрия II. Присутствие православных сглаживало восприятие противника как «латинян» или «еретиков». Взаимодействие Московской и Западной Руси (Украины и Белоруссии) содействовало более четкой идентификации представителей последней как самобытных этнических общностей. Территория и население Украины в событиях Смутного времени представляли часть Европы. Изоляционистская политика Москвы после Смуты на определенное время закрыла этот канал европеизации.

Ключевые слова: Смута, Московское государство, украинский фактор, «литовские люди» и «черкасы», православные и «латиняне»

Литература, использованная в статье

Брехуненко, Віктор; Леп'явко, Сергій. Українське козацтво і Московія в XVI – першій половині XVII століття // Переяславська рада 1654 року (Історіографія та дослідження). Київ: Смолоскип, 2003. С. 701–746.

Брехуненко, Віктор. Війни українських козаків з Росією до часів Богдана Хмельницького. Київ, 2007. 64 с.

Грушевський, Михайло Сергійович. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. VII. Козацькі часи — до року 1625. Київ: Наукова думка, 1995. 628 с.

Гумилев, Лев Николаевич. От Руси до России. Очерки этнической истории. Санкт-Петербург: ООО «Издательский дом «Кристалл», 2002. 352 с.

Гуржій, Олександр Іванович, Корнієнко, Вадим Васильович. Гетьман Петро Конашевич-Сагайдачний. Київ: Вид-во «Україна», 2004. 192 с.

Камінський Сулима, Анджей. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. Пер. с пол. Я. Стріха. Київ: Наш час, 2011. 263 с.

Комарницький, Сергій. Герой Кафи, Москви і Хотина. (До 390-річчя Хотинської війни 1621 року). Чернівці: Золоті литаври, 2011. 144 с.

Костомаров, Николай Иванович. Борис Годунов. Названый Дмитрий. Марина Мнишек. Василий Шуйский. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Патриарх Гермоген и Прокопий Ляпунов. Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Аврамий Палицин. Козьма Захарыч Минин-Сухорук и князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Филарет Никитич Романов // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 4-е изд. Санкт-Петербург, 1896. Т. 1. С. 556–727.

Костомаров, Николай Иванович. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 2. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Санкт-Петербург, 1904. 672 с.

Лурье, Вадим Миронович. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. Москва: Три квадрата, 2009. 296 с.

Любомиров, Павел Григорович. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Переизд. Москва: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. 442 с.

Максимович, Михаил Александрович. Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 336–357.

Максимович, Михаил Александрович. Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Отдел исторический / Под ред. В. Б. Антоновича. Киев, 1876. С. 358–386.

Опарина, Татьяна Анатольевна. Украинские казаки в России: Единоверцы или иноверцы? (Микита Маркушевский против Леонтия Плещеева) // Соціум. Альманах соціальної історії. 2003. Вип. 3. С. 21–44.

Папков, Андрей Игоревич. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: Изд-во «КОНСТАНТА», 2004. 352 с.

Платонов, Сергей Федорович. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Москва: Памятники исторической мысли, 1995. 470 с.

Плохій, Сергій. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранномодерній Україні. Пер. з анг. Київ: Критика, 2005. 496 с.

Сас, Петро Михайлович. Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. / НАН України. Інститут історії України. Біла Церква: Вид. О. В. Пшонківський, 2010. 512 с.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Россия в начале XVII в. «Смута». Москва: Мысль, 1988. 283 с.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 328 с.

Соловьев, Сергей Михайлович. Сочинения: В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. Москва: Мысль, 1989. 752 с.

Станиславский, Александр Лазаревич. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. Москва: Мысль, 1990. 270 с.

Тюменцев, Игорь Олегович. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 600 с.

Ульяновский, Василий Иринархович. Смутное время. Москва: Европа, 2006. 464 с.

Ульяновський, Василь Іринархович. Лжедмитрій I і Україна (політичні аспекти) // Україна і Польща в період середньовіччя. Київ, 1991. С. 73–85.

Флоря, Борис Николаевич. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. Москва, 1978. 302 с.

Яворницький, Дмитро Іванович. Історія запорозьких козаків: У 3 т. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 2. 560 с.

Яковенко, Наталя. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, Критика, 2002. 416 с.

Information about the article

Author: Masnenko, Vitaliy, Doctor in History, professor, Cherkasy National University, Ukraine, masnenko@ukr.net

Title: Ukrainian factor in the events of Muscovy Time of Troubles

Summary: The article pays attention to the military, church-confessional, cultural and identifying, geopolitical aspects of the Ukrainian participation in the Russian Time of Troubles. It tackles the problem of Rus (Ukrainian and Lithuanian-Belarusian) Szlachta and Zaporozhian Cossacks in the armies of False Dmitry I, Zygmunt III, Stanislaw Zolkiewski, Jan Karol Chodkiewicz, False Dmitry II. The presence of the Orthodox believers smoothed the perception of the enemy as «the Romans» and «the heretics». The interaction between Moscow and Western Rus (Ukraine and Belarus) contributed to the clear identification of the representatives of the latter as distinctive ethnic groups. The lands and people of Ukraine in the Time of Troubles events were part of Europe. The isolationist policy of Muscovy, after the Time of Troubles closed for a certain period of time the channel of Europeanization.

Key words: The Time of Troubles, Muscovy, «the Ukrainian factor», «the Lithuanians» and «Cherkasy», the Orthodox believers and «the Romans»

References

Brehunenko, Viktor. *Vijni ukraïns'kih kozakiv z Rosiєyu do chasiv Bogdana Hmel'nic'kogo.* Kiïv, 2007. 64 s.

Brehunenko, Viktor; Lep'yavko, Sergij. Ukraïns'ke kozactvo i Moskoviya v XVI – pershij polovini XVII stolittya, in *Pereyaslavs'ka rada 1654 roku (Istoriografiya ta dosl idzhennya)*. Kiïv: Smoloskip, 2003. S. 701–746.

Florya, Boris Nikolaevich. *Russko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoj Evropy vo vtoroj polovine XVI – nachale XVII v*. [*Russia-Poland relations and political development in Eastern Europe in the second half of the 16th – early 17th century*]. Moskva, 1978. 302 s.

Grushevs'kij, Mihajlo Sergijovich. *Istoriya Ukraïni-Rusi* [*History of Ukraine-Rus*]: V 11 t., 12 kn. T. VII. Kozac'ki chasi — do roku 1625. Kiïv: Naukova dumka, 1995. 628 s.

Gumilev, Lev Nikolaevich. *Ot Rusi do Rossii. Ocherki etnicheskoj istorii* [*From the Rus to Russia. Ethnic History essays*]. Sankt-Peterburg: OOO «Izdatel'skij dom «Kristall», 2002. 352 s.

Gurzhij, Oleksandr Ivanovich; Kornієnko, Vadim Vasil'ovich. *Get'man Petro Konashevich-Sagajdachnij*. Kiïv: Vid-vo «Ukraïna», 2004. 192 s.

Kamins'kij Sulima, Andzhej. *Istoriya Rechi Pospolitoï yak istoriya bagat'oh narodiv, 1505–1795. Gromadyani, ïhnya derzhava, suspil'stvo, kul'tura*. Per. s pol. Ya. Striha. Kiïv: Nash chas, 2011. 263 s.

Komarnic'kij, Sergij. *Geroj Kafi, Moskvi i Hotina. (Do 390-richchya Hotins'koï vijni 1621 roku)*. Chernivci: Zoloti litavri, 2011. 144 s.

Kostomarov, Nikolaj Ivanovich. *Sobranie sochinenij. Istoricheskie monografii i issledovaniya* [Collected works. Historical monographs and studies]. Kn. 2. Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale HVII stoletiya. Sankt-Peterburg, 1904. 672 s.

Lur'e, Vadim Mironovich. *Russkoe pravoslavie mezhdu Kievom i Moskvoj. Ocherk istorii russkoj pravoslavnoj tradicii mezhdu XV i XX vekami* [*Russian Orthodoxy between Kiev and Moscow. Essay on the history of the Russian Orthodox tradition between 15th and 20th century*]. Moskva: Tri kvadrata, 2009. 296 s.

Lyubomirov, Pavel Grigorovich. *Ocherk istorii Nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg*. [*Essay on the History of Nizhny Novgorod's militia 1611–1613*]. Pereizd. Moskva: Gos. soc.-ekonom. izd-vo, 1939. 442 s.

Maksimovich, Mihail Aleksandrovich. Issledovanie o getmane Petre Konasheviche Sagajdachnom [Study on the Hetman Petro Konashevich-Sagaidachnyj], in Antonovich V. B. (ed.). *Sobranie sochinenij*: V 3 t. T. 1. Otdel istoricheskij. Kiev, 1876. S. 336–357.

Maksimovich, Mihail Aleksandrovich. Skazanie o getmane Petre Sagajdachnom [The legend of the Hetman Petro Sahaidachnyi], in Antonovich V. B. (ed.). *Sobranie sochinenij*: V 3 t. T. 1. Otdel istoricheskij. Kiev, 1876. S. 358–386.

Oparina, Tat'yana Anatol'evna. Ukrainskie kazaki v Rossii: Edinovercy ili inovercy? (Mikita Markushevskij protiv Leontiya Pleshheeva) [Ukrainian Cossacks in Russia: Common Faith adherents or Gentiles? (Mikita Markushevski versus Leontius Pleshcheev)], in *Socium. Al'manah social'noï istoriï.* 2003. Vip. 3. S. 21–44.

Papkov, Andrej Igorevich. *Porubezh'e Rossijskogo carstva i ukrainskih zemel' Rechi Pospolitoj (konec XVI – pervaya polovina XVII veka)* [*Borderlands of the Russian Empire and the Rzeczpospolita's Ukrainian lands (end of 16th century – first half of 17th century*]. Belgorod: Izd-vo «KONSTANTA», 2004. 352 s.

Platonov, Sergej Fedorovich. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. (Opyt izucheniya obshhestvennogo stroya i soslovnyh otnoshenij v Smutnoe vremya)* [*Essays on the history of the Timee of Troubles in the Muscovite state 16th–17th centuries. (The experience of study of the social structure and class relations in the Time of Troubles)*]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 1995. 470 s.

Plohij, Sergij. *Nalivajkova vira: Kozactvo ta religiya v rannomodernij Ukraïni*. Per. z ang. Kiïv: Kritika, 2005. 496 s.

Sas, Petro Mihajlovich. *Zaporozhci u pol's'ko-moskovs'kij vijni naprikinci Smuti 1617–1618 rr.* Bila Cerkva: Vid. O. V. Pshonkivs'kij, 2010. 512 s.

Skrynnikov, Ruslan Grigor'evich. *Rossiya v nachale XVII v. «Smuta»* [*Russian in the beginning of 17th century. «Times of Troubles»*]. Moskva: Mysl', 1988. 283 s.

Skrynnikov, Ruslan Grigor'evich. *Social'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [*Social and political struggle in the Russian state at the beginning of the 17th century*]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1985. 328 s.

Solov'ev, Sergej Mihajlovich. *Sochineniya* [The works of Sergey Solovyov]: V 18 kn. Kn. IV. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 7–8. Moskva: Mysl', 1989. 752 s.

Stanislavskij, Aleksandr Lazarevich. *Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [*Civil war in Russia in 17th century: Cossacks at the turn of history*]. Moskva: Mysl', 1990. 270 s.

Tyumencev, Igor' Olegovich. *Smuta v Rossii v nachale XVII stoletiya: Dvizhenie Lzhedmitriya II* [*Time of Troubles in Russia in the early 17th century: Second False Dmitry movement*]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1999. 600 s.

Ul'yanovs'kij, Vasil' Irinarhovich. Lzhedmitrij I i Ukraïna (politichni aspekti) [First False Dmitry and Ukraine (political aspects)], in *Ukraïna i Pol'shha v period seredn'ovichchya.* Kiïv, 1991. S. 73–85.

Ul'yanovskij, Vasilij Irinarhovich. *Smutnoe vremya* [Time of Troubles]. Moskva: Evropa, 2006. 464 s.

Yakovenko, Natalya. *Paralel'nij svit. Doslidzhennya z istoriï uyavlen' ta idej v Ukraïni XVI–XVII st.* Kiïv: Kritika, 2002. 416 s.

Yavornic'kij, Dmitro Ivanovich. *Istoriya zaporoz'kih kozakiv* [*The History of Zaporozhian Cossacks*]: U 3 t. Kiïv: Naukova dumka, 1990. T. 2. 560 s.

ББК 63.3 (2) 4; УДК 94(470). 03.23.31

В. Я. Мауль

ТЕЛО ЛЖЕДМИТРИЯ I В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Как известно, сегодня «ремесло историка» в нашей стране переживает удивительное и необычайно плодотворное время. Методологический монизм безвозвратно канул в Лету, и наступило торжество познавательного плюрализма. В результате ученые решительно вывели на авансцену театра истории живого человека в рутине его повседневности. На фоне историографических трансформаций понятно появление устойчивого интереса исследователей к соматической проблематике в исторической ретроспективе, который задает гносеологический вектор, позволяющий реконструировать более адекватные картины минувшего — увидеть «человеческую историю через телесность»[1].

Тем не менее, следует признать, что заявленное современными публикациями новое перспективное направление еще не нашло достаточного отражения в практике конкретных исторических исследований. Поэтому «история тела» по-прежнему относится к нереализованному потенциалу отечественной гуманитарной мысли. Познавательно важной для нас представляется исследовательская позиция Ив Левин, поставившей правомерный вопрос о том, «какие представления имели русские позднего Средневековья о человеческом теле, живом и мертвом…?»[2]

В этой связи вызывает немалый интерес попытка апробировать названные познавательные стратегии на конкретном примере истории первого российского самозванца, чье тело можно рассматривать как семиотически значимый источник для исторических интерпретаций. Заметим, что в нашем прошлом сложно найти сюжеты более увлекательные, чем история самозванцев. В российской культурной традиции этот феномен оказался окружен настолько густым шлейфом многочисленных легенд и мифов, что ученые изначально были исключены из числа обладателей монопольных прав на него.

[1] *Зарецкий Ю. П.* «Тело», современная медиевистика и автобиографизм Епифания Соловецкого // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 101.

[2] *Левин И.* От тела к культу // Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 163.

Фигуры разного рода претендентов с приставкой «лже» зачастую становились героями исторической беллетристики, театральных и оперных постановок.

При этом больше всего «повезло» на внимание потомков Лжедмитрию I. Даже слово «Самозванец» долгое время воспринималось как имя собственное. Мистический ореол загадочного явления неизбежно зачаровывал и самих историков, невольно переходивших на публицистический лад и рассуждавших об «анатомии», «феноменологии» и даже «алхимии» самозванчества. Одним самозванцам лучше удавалось «докричаться до народа», нежели другим, за ними шли сотни и тысячи сторонников, вторых же поддерживали едва ли единицы. Иначе говоря, российское самозванчество явило миру многоцветную палитру «верхних» и «нижних» самозванцев, «авантюристов», «пропагандистов», «бунтарей», «марионеток», «реформаторов», «блаженных» и мн. др.

Являясь наиболее яркой проекцией народной монархической утопии, самозванчество аккумулировало в себе целый комплекс архаических стереотипов, ориентаций и установок, характерных для доиндустриальных цивилизаций. Многие из них давно и плодотворно изучены в научной литературе. Однако телесный код как культурный маркер самозванцев мало привлекал внимание историков. Признавая его имманентным идентификатором традиционной культуры, отметим пристальный интерес современников именно к телу первого самозванца. В нашем культурном казусе оно фигурирует дважды. Первый раз при описании внешности в процессе зарождения и развития самозванческой интриги и затем — в связи с символическим глумлением над ним после убийства.

Дмитрий выглядел лет на 20–25, был «толстоват», роста скорее «малаго, чем средняго», «мужчина крепкий и коренастый», «широкоплечий», «с сильными и жилистыми членами», «обладал большою силою в руках», «волосы были темные и жесткие», лицо имел смугловатое, «круглое, некрасивое» «с толстым носом, возле которого была синяя бородавка» «под правым глазом», «глаза карие», «большой рот», а бороды и усов «совсем не имел». «Он тем еще отличался от других, что одна рука у него была немного длиннее другой»[3].

Необычная внешность и непривычные поведенческие стратегии внезапно объявившегося «истинного» царя/царевича не могли не вызвать противоречивых реакций со стороны «зрителей». Антиномично выраженные воображаемые и вербальные рефлексии мотивировались тем, что они пропускались через сознание представителей разных культурных традиций. Если для Европы уже фактически началось Новое время, и был характерен преимущественно прагматично-рациональный склад ума, то «московиты» отличались эмоционально-образной «картиной мира», в которой большую роль все еще играли мифологические мотивы. К этому добавим, что и сам «язык тела не универсален, он в значительной мере обусловлен социальными, культурными и историческими факторами»[4].

Среди зарубежных авторов практически не было людей совсем посторонних, большинство из них, так или иначе, находились в самой гуще социально-политической борьбы

[3] *Чиампи С.* Критический разбор неизданных документов, относящихся до истории Димитрия, сына московскаго великаго князя Иоанна Васильевича // Калачов Н. В. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1. С. 19, 42; Записки Станислава Немоевского // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1907. Вып. 6. С. 118; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 143; Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 204; *Петрей П.* Достоверная и правдивая реляция // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 178.

[4] *Соколов А. Б.* История тела: Предпосылки становления нового направления в историографии // Диалог со временем. Вып. 26. М., 2009. С. 206–207.

в Московском государстве начала XVII в. К тому же, это были не высокообразованные интеллектуалы, но, чаще всего, разного рода наемники, искатели приключений и авантюристы всех мастей. Иностранцы вполне комплиментарно называли претендента «очень способным и послушным», восхищались «храбростию и умом не по летам», наделяли «необыкновенными способностями». «По его глазам, ушам, рукам и ногам было видно, а по словам и поступкам чувствовалось, — словно резюмировал общее мнение саксонский наемник Конрад Буссов, — что был он совсем иной Гектор, чем прежние…»[5]

Куда менее благосклонны к Дмитрию русские источники, практически единодушно настаивавшие, что самозванец явился «вполне сатаной и антихристом во плоти», «естеством плоти зело невзрачен и скупоростен, а сердцем лют и свиреподушен», квалифицировали его как «сатанина угодника и возлюбленного бесами»[6].

Отметим доминирование эсхатологических, а не соматических критериев в отзывах отечественных современников, и это вполне понятно. Во-первых, большинство повестей и сказаний о Смутном времени появились позже описываемых событий, когда страсти и эмоции по первому самозванцу несколько улеглись и отошли в прошлое. Создатели этих произведений успели определить собственное отношение к проигравшему и разоблаченному авантюристу и пытались использовать его историю в конкретных политических, идеологических и назидательных целях. Во-вторых, в подобных оценках, несомненно, проявилась «общая установка культуры Средневековья, характеризовавшейся отсутствием интереса к человеку физическому, а также установка средневекового мышления, которое носило по преимуществу дидактический характер». В результате человек, в глазах воспринимающих, превращался «в субъект морального выбора»[7].

По сути дела, мы сталкиваемся здесь с феноменом «двух тел короля», которые следовало предполагать и у самозванца, как эманации царской харизмы. Причем важно было не само по себе тело как таковое, но именно его культурный дискурс, когда мирское тело с необходимостью давало информацию о священном. В пространстве традиционного локуса оно выступало не просто в своей профанной ипостаси, как физическая реальность, но и как культурный знак, обозначающий заложенный в нем символический смысл. Тем более что подразумевалось тело столь высокой сакральной значимости. Обозначаемое (истинный царь) и обозначение (я и есть царь) в семиотическом контексте эпохи должны были отождествляться. Поэтому тело названного претендента, наряду с другими «доказательствами» могло восприниматься как культурный маркер идентичности, способ подтверждения или опровержения его «истинности».

С такими аксиологическими запросами русские очевидцы и должны были подходить к Лжедмитрию, чье тело провоцировало множество семантических коннотаций, требуя адекватного «прочтения». Но уже на этой стадии в механизме культурной идентификации возникали серьезные сбои. Через соматические признаки претендента не только не происходило его «узнавание» как истинного царя, но, напротив, тело внешними

[5] *Чиямпи С.* Критический разбор… С. 42, 50; Записки Станислава Немоевского… С. 118; *Масса И.* Краткое известие о Московии… С. 143; *Петрей П.* Достоверная и правдивая реляция… С. 178; *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 111.

[6] «Временник» Ивана Тимофеевича Семенова // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 103; Четыре сказания о Лже-Димитрии, извлеченные из рукописей Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1863. С. 66–67; Иное сказание // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 39.

[77] *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 71.

особенностями и способами позиционирования вызывало многочисленные подозрения. Взбудораженное предощущением «последних времен» сознание средневековых «московитов» настороженно предполагало, что «герой может скрывать свою идентичность и стремиться к ложной идентификации со стороны других»[8].

Попытки верно его распознать детерминировали стремление понять суть загадочного явления, пугающего именно своей неопознанностью и таинственностью. В этом им помогали многочисленные, так сказать, «аксессуары», среди которых наиболее надежными традиционно считались признаки внешнего вида, и, прежде всего, особенности телосложения.

Явной, бросавшейся в глаза телесной аномалией названного Дмитрия была бородавка на лице, располагавшаяся на видном месте около носа. Правда, среди свидетелей нет единодушия о том, с какой она находилась стороны. Одни полагали, что бородавка располагалась «около носа, под правым глазом», в то время как другие «размещали» ее «на левой стороне носа». Имеются даже сведения, что на лице самозванца было «две бородавки — одна большая под носом, другая поменьше у праваго глаза…»[9] В любом случае, нам известно об ее синем цвете. Бородавка могла актуализировать в коллективной мифологической памяти длинный ассоциативный ряд божьих отметин, свидетельствовавших о нечистоте и демонической природе человека.

Согласимся с мнением английской исследовательницы Морин Перри, что эти приметы были еще «далеки от мистических “царских знаков”, таких как кресты или звезды на теле, которые демонстрировали последующие русские самозванцы как доказательство своей идентичности»[10]. Недостаточно репрезентативное отражение данного сюжета в источниках начала XVII в. не было случайностью. Для времен Смуты сакральные запросы типа «у государей-де бывают на теле царские знаки» еще не очень характерны. Феномен самозванчества только рождался на глазах изумленных современников, чьи поведенческие реакции могли адаптировать его в своем сознании лишь через архетипические образы.

Вполне коррелировали с символическим пониманием отметин массовые поверья, согласно которым бородавки возникают от лягушек и жаб, считавшихся хтоническими животными, нечистыми дьявольскими созданиями, злыми духами, обладавшими демоническими свойствами, способностью насылать на человека чары. Не удивительно, что бородавки неизменно оказывались объектом народных обрядово-ритуальных манипуляций. В культурной традиции славянских народов бородавки связаны с магическими заговорами, краткими вербальными формулами исцеления. Выросшая бородавка не имела никаких жизнеутверждающих коннотаций, она предвещает смерть кого-либо из близких, и по ней можно узнать, от чего человек умрет. На архетипическом уровне покрытая бородавками кожа человека означала, что он — антитотем, жаждет власти, подавляет других и любит приписывать себе чужие достоинства. Иначе говоря, бородавка могла рассматриваться как знак отрицательной сакральной отмеченности.

Бородавки на лице, с точки зрения бытовой религиозности, было достаточно, чтобы включить тело Лжедмитрия в символический круг народной магии. Окрас же бородавки

[8] *Софронова Л. А.* О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 14.

[9] Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 204; *Петрей П.* Достоверная и правдивая реляция… С. 178; *Гиршберг А.* Марина Мнишек. М., 1908. С. 12.

[10] *Perrie M.* Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: The false tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 67.

лишь подчеркивал его адресованность к злым, колдовским силам, т. к. «цвет в средневековом сознании наряду с денотативной обладал символической функцией, т. е. “работал” не только или даже не столько в онтологическом, сколько в метафорическом регистре». Поскольку в славянской культуре «цветовая палитра выражена довольно бедно»[11], многие цвета воспринимались ассоциативно, вызывая разнообразные религиозные или социальные проекции. Темный цвет кожи и глаз в мифологической традиции стабильно считался одной из устойчивых характеристик колдунов. Вспомним, что названный Дмитрий также имел карие глаза, темные волосы и смугловатое лицо.

Конечно, только наличие бородавки не могло полностью травестировать образ предполагаемого «истинного» царя/царевича, но являлось симптоматичным предупреждением для людей, воспринимавших объективную реальность через призму эсхатологических ожиданий и имевших основания полагать, что «беззаконие» нарастает, а это — верный признак прихода Антихриста. Не забудем, что речь идет об эпохе приближения «последних времен», мыслившихся современниками как вполне актуальная идея.

Однако существование отметин само по себе не всегда говорило о принадлежности человека к числу именно вредных «чужих», но и о том, что их носитель — это просто «знающий» человек, наделенный сверхъестественными свойствами, который мог быть полезен людям во многих житейских ситуациях. Отношение к таким «меченым» было настороженным, но не обязательно враждебным. В нашем случае многое зависело от того, как позиционируется тело предполагаемого царя, к которому прикладывали нормативистский ранжир традиционной культуры, четко установившей границы дозволенного и недозволенного поведения. Например, если среди наиболее табуированных религиозной моралью норм были плотские наслаждения, то названный Дмитрий регулярно обвинялся в необузданной (сверх меры/нормы) похоти. Опасные персонажи («чужие») в народном представлении так и должны были «узнаваться» — по признаку избыточности или недостаточности внешнего вида и действий, отличаться от «своих» тем, что они аномальны в социальном, моральном и физическом отношении.

Неудивительно, что источники неоднократно писали о реальных или мнимых сексуальных «подвигах» самозванца, и даже в Польшу доходили известия «о слишком разгульной жизни Димитрия, главным образом о его многочисленных связях с прекрасным полом». Утверждали, что «осквернитель девственности» предполагаемый Дмитрий «лишил девичества» дочь царя Бориса Ксению Годунову, «чтобы ему красоты ее насладиться», «многих юных монахинь осквернил» и «обрюхатил», а кроме того «всякую ночь растлевал новую девицу[12].

Толстый нос самозванца лишь усиливал общую эротическую тональность предполагаемых сексуальных вакханалий. В традиционной культуре он «выступает важным каналом связи с внешним миром и напрямую соотносится с материально-телесным низом... через нос внутрь тела может проникать нечистая сила и ее “агенты”, при этом по форме и размерам носа «судят о мужских качествах его обладателя: чем больше и прямее нос, тем крупнее член»[13].

Заметим, что фаллической символике и телесной наготе вообще славянская мифология отводит значительное место, подчеркнуто акцентируя ее в праздничных

[11] *Вендина Т. И.* Средневековый человек… С. 246, 244.

[12] *Гиршберг А.* Марина Мнишек. С. 19; Петрей П. Достоверная и правдивая реляция… С. 189, 178; Иное сказание… С. 50, 53; Масса И. Краткое известие о Московии... С. 144–145.

[13] *Кабакова Г. И.* Нос // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 435–436.

развлечениях, например, в ходе святочных игр: «Ряженые мужики и парни не только демонстрировали девушкам свой срам, но и вели себя агрессивно по отношению к ним: били или стегали их пониже спины, тискали, валяли по полу, а иногда даже поднимали за ноги и натирали им снегом между ног». Эротический анонс отразился и в поведении современников в отношении тела Лжедмитрия. Известно, что во время расправы над ним заговорщики явно неслучайно положили карнавальную маску не куда-нибудь, но «на живот у стыдного места», а московские простолюдинки, беззастенчиво глазея на полностью обнаженный труп самозванца, зачастую «непристойно выражались о его стыдном месте…»[14]

Таким образом, в символических ассоциациях тела нарочито подчеркивались признаки, оцениваемые в народной культуре негативно и сближаемые со значениями «чужой», «природный» и «демонический», что могло порождать еще большую людскую настороженность.

Вероятные сомнения русских современников должны были буквально взрываться феерией подозрений из-за отсутствия у Лжедмитрия бороды. Это не могло не шокировать наблюдавших его воочию или узнававших о таком визуальном кощунстве со слов других: «видящим его тогда он представлялся ничем не меньше самого антихриста»[15].

Сведения источников показывают, что самозванец не просто брил бороду, но вообще не имел растительности на подбородке. Столь явно выраженная телесная аномалия провоцировала архетипические припоминания о том, что отсутствие поросли на верхней губе и подбородке у мужчин считалось свидетельством их принадлежности к категории ведунов. И наоборот: борода — это признак мужественности, воплощение жизненной силы, роста, плодородия, но в первую очередь атрибут бога, по образу и подобию которого создан человек. В эмоционально-образной «картине мира» средневекового человека борода занимала важное положение, а в нормативном пространстве обычного права «лишение бороды являлось ритуализованной формой унизительного наказания»[16].

Вспомним, например, как Борис Годунов назначил боярину Б. Я. Бельскому «в наказание позорную казнь, установленную городскими законами, какою по городам казнили злодеев, разбойников и взяточников». Вельможе вырвали «пригоршнями всю густую длинную бороду». Любопытно, что поводом к такой расправе послужили подозрения в связях опального вельможи с нечистой силой. По словам современников, «Богдан Бельский… ведает, чем человека испортить и чем его опять излечить, да и над собою Богдан то делывал, пил зелье дурное, а после того пил другое», он «знает всякие зелья, добрые и лихие… да и то знает, что кому добро зделать, а чем ково испортить…»[17]

Анализируя символическое анти-поведение в русской культурной традиции, Б. А. Успенский доказывал, что оно «исключительно характерно для ритуала наказаний», которые «были направлены на публичное осмеяние (бесчестье) и, в конечном счете, на принудительное или разоблачительное приобщение к “кромешному”, перевернутому миру», осмысляемому «как потусторонний или же как бесовской». Не забу-

[14] *Агапкина Т. А., Валенцова М. М., Топорков А. Л.* Нагота // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 355, 359; *Буссов К.* Московская хроника… С. 128.

[15] «Временник» Ивана Тимофеевича Семенова… С. 106.

[16] *Левкиевская Е. Е.* Борода предорогая… // Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. М., 2007. С. 111; *Констебл Дж.* Бороды в истории. Символы, моды, восприятие // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С. 172.

[17] «Временник» Ивана Тимофеевича Семенова… С. 87; *Буссов К.* Московская хроника… С. 93; Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 303.

дем также, что в древнерусской иконописной традиции безбородыми и вообще безволосыми принято было изображать бесов (говорили так: «лысый черт», «лысый бес»), а литературные памятники отмечали, в частности, что бес может предстать как «нагой женоподобный отрок»[18].

Борода считалась свидетельством маскулинности и была едва ли не единственным в те времена видимым гендерным различием. Неслучайно у всех традиционных народов длинные и густые волосы символизировали половую силу, и наоборот. Отрезать у кого-либо волосы означало подавить мужское начало, что на языке традиционной культуры фактически отождествлялось с кастрацией. В глазах современников не имевший бороды Лжедмитрий словно бы примерял на себя женскую маску, оказывался ряженым, имплицитно акцентируя эротический дискурс тела, и в то же время органично вписывался в локус народной смеховой культуры. Симптоматично, что во внешности самозванца один из современников отметил его «бабье лицо»[19].

Поведение венценосного, но безбородого претендента императивно предполагало возможность нарушения им существующих культурных запретов. Поэтому перемена мужского/женского начала приобретала особое семантическое звучание. Воображаемая культурная инверсия могла экстраполироваться на неправильные сексуальные отношения, в которые оказывалось вовлеченным тело Лжедмитрия. Поскольку в народной традиции любые отклонения от нормы осмысливались как признак демонического или «чужого», им присваивался характер анти-поведения. В этом смысле едва ли не закономерными следует считать сведения современников о сексуальной девиантности самозванца, обвиняемого даже в содомском грехе. Сообщалось, как он развратил «многих отроков», «растлил одного благородного юношу из дома Хворостининых… и держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и все себе дозволял»[20].

Другие отмеченные визуальные аномалии «проклятого еретического тела» Лжедмитрия, в том числе нарушение пропорций (руки разной длины), нечистые пальцы на ногах и длинные ногти, гипертрофированность признаков его частей (жилистые члены, большой рот, большая сила в руках), работали в том же разоблачительном направлении. Таким образом, очевидно, что русским нарративным источникам начала XVII в. была свойственна недвусмысленная убежденность в его самозванстве. В то же время народная мифологическая традиция также давала своим адептам основания подозревать, что нареченное сакральное тело в целом и в частности намекает на свою демоническую природу. Неслучайно некоторые уверяли, «что то был сам дьявол». Иные же в этом по-прежнему осторожно сомневались, так что вопрос с идентификацией «истинного» царя/царевича не мог быть изначально предрешенным. Вследствие его отклонений от внешних стандартов в народе доминировало настороженное отношение к подозрительному «чужаку». Необходимы были дополнительные аргументы, в том числе телесные, чтобы всеобщие сомнения временно уступили место массовому доверию. Показательно, что даже казаки, активно участвовавшие в перипетиях Смутного времени, не спешили признавать претендента истинным царем: «ни одно из формирующихся на Днепре,

[18] *Успенский Б. А.* Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 466; *Белова О. В.* Бес // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 165.

[19] Записки Станислава Немоевского... С. 118.

[20] Иное сказание… С. 53; *Масса И.* Краткое известие о Московии… С. 144–145.

Дону, Волге вольных казачьих войск не выступило сразу и однозначно в поддержку самозванца в начале его движения»[21].

Не стоит забывать, что в те времена привычным и даже единственным каналом распространения информации были слухи, которым, вследствие этого, невозможно было не верить. При столь высоком значении устного слова в традиционной культуре оно могло намеренно использоваться в различных политических манипуляциях, например, с целью дезавуировать противников и легитимировать объявившегося «сына» грозного царя. В такой ситуации, обращаясь с воззваниями к народу, самозванец сознательно, но оправданно шел на известный риск, публично акцентируя черты собственного визуального сходства: «Поставьте меня перед Мстиславским и моею матерью, которая, я знаю, еще жива, но терпит великое бедствие под властью Годуновых, и коли скажут они, что я не истинный Димитрий, то изрубите меня на тысячу кусков»[22]. Надо признать, это был сильный и результативный вербальный ход претендента в поисках людской доверчивости и доверившихся. Обеспокоенный современник тревожился, что «по научению дьявола, отца всякой лжи и лести», самозванец соблазняет «всех сладкими словами, будто медом».[23]

Неизгладимое впечатление на простолюдинов произвело долгожданное «опознание» Марией Нагой по внешнему виду своего «чудом спасшегося», но успевшего вырасти без материнской ласки ребенка. Серьезным добавлением на чашу весов венценосного кандидата стали позиция и свидетельства людей, по их словам, помнивших, как выглядел Дмитрий еще в младенческом возрасте. После же того как явленного государя в Москве торжественно встретили «митропалиты, архиепископы и епископы, и архимариты, и игумены, и весь причет церковный со кресты и с образы, по царскому же чину», остатки сомнений должны были быть отброшены[24].

Самозванец получил необычайно высокий «кредит доверия» со стороны различных сословий, что и обеспечило ему грандиозный триумф. По свидетельству иностранцев, названному Дмитрию удалось привлечь «к себе сердца почти всего народа», люди «взирали на него, как на восходящее солнце», «каждодневно перебегали к нему»; «Московиты падали перед ним ниц и говорили: “Дай господи, государь, тебе здоровья! Тот, кто сохранил тебя чудесным образом, да сохранит тебя и далее на всех твоих путях!”», «Ты — правда солнышко, воссиявшее на Руси»[25].

Но удержаться на такой сакральной высоте было намного труднее, чем покорить ее, ибо по «сценарию», писавшемуся традицией, победитель всем видом и делами ежедневно должен был изыскивать убедительные аргументы в свою пользу. Иначе ему грозило всеобщее разочарование, отказ от поддержки и, как следствие, полный провал всего начинания. Развенчание правителя могло состояться в любую минуту при первой же ошибке. В контексте массовых настроений важным представлялось, насколько убедительно профанное тело «царя Дмитрия» формировало сакральные репрезентации властителя, и насколько они соответствовали мифологическим императивам народного монархизма. Здесь не могло быть второстепенных сюжетных ходов или малозначительных деталей. В символической интерпретации русских людей любая «мелочь»

[21] *Тюменцев И. О.* Азовский поход Лжедмитрия I и вольное казачество // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе. Ростов-на-Дону; Азов, 2006. С. 118.

[22] *Масса И.* Краткое известие о Московии… С. 93.

[23] Иное сказание… С. 45.

[24] Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 207.

[25] *Масса И.* Краткое известие о Московии… С. 92–93; *Буссов К.* Московская хроника… С. 109.

становилась сущностно важной. Огромную роль играло то, как с внешней стороны выглядело его тело (телесный код), во что оно было одето (код одежды), каковы были состав и качество принимаемой еды (пищевой код), двигательные манипуляции тела (поведенческий код) и т. д. Ключевую роль играл тот фактор, что Лжедмитрий был несомненным продуктом элитарной интриги, кто бы ее ни инспирировал. Пусть он и был «заквашен в Москве», но ведь «испечен в польской печке», а потому в ситуации семиотического двуязычия нередко использовал неверные «телесные жесты».

Наглядным примером антагонистического «столкновения цивилизаций» стали московские свадебные торжества нового монарха и его нареченной невесты Марины Мнишек. Устроенные в те дни в кремлевских царских палатах празднования «к немалому соблазну народа» проходили «в роскоши и веселье, в пирах и трапезах с пением и плясками». Своей видимой бесовщиной они не могли не травмировать народную религиозность, с точки зрения которой пляски нечистой силы — дело вполне обычное: они водят хороводы, хлопают в ладоши и играют на музыкальных инструментах. Впоследствии массовые слухи уверенно утверждали, что и по смерти самозванца над его могилой «многие люди слышали в полночь и до самых петухов громкие вопли и бубны и свирели и прочие бесовские игрища над его телом: так сатана радовался приходу своего слуги»[26].

Добавим сюда «кощунство» пищевого рациона («жрет нечистую пищу»), иноземную одежду, которую он часто носил, а также необычные поведенческие практики (отменил и не соблюдал «многие нескладные московитские обычаи и церемонии»). И в результате, с точки зрения коллективного восприятия, получим практически готовый портрет ложного царя. Противникам самозванца не надо было даже прилагать изрядных усилий, чтобы убедить в этом простонародье. Столица и без того полнилась мистическими слухами и с тревогой негодовала, сознавая свою оплошность. Прав был один из активных польских участников событий, проницательно заметивший: «Когда же состоялась свадьба, царь перестал нравиться москвитянам: они стали подозревать, что он самозванец»[27].

Произошедшая переоценка ценностей предопределила и закономерный эпилог всей интриги, когда в «роковой день» «император Дмитрий Иванович был бесчеловечно убит» заговорщиками[28]. Анализ обстоятельств его смерти особенно важен, поскольку конструирование образа «чужака» происходит также «через описание телесных практик или каких-то особых действий, служащих для нанесения чрезвычайной физической боли»[29]. Причем переживаемая боль тела метафорически могла восприниматься как его внутреннее страдание и духовное искупление. Надо полагать, что последовавшие символические манипуляции с трупом самозванца не только имели цель развенчивания ложного кумира в глазах рядовых москвичей, но и носили явный эсхатологический характер. Это был своего рода обряд священного заклания как искупительной жертвы в дар Господу. Поскольку историей самозванца «грех ради наших божий превеликий гнев разлился», постольку теперь публично совершался сакральный акт очищения Московского государства от скверны дьявольского наваждения. Неслучайно в одном из русских источников прямо говорилось, что «убил ево бог неведимою силою»[30].

[26] *Буссов К.* Московская хроника… С. 117; *Гиршберг А.* Марина Мнишек. С. 20; Иное сказание… С. 55.

[27] *Мархоцкий Н.* История московской войны. М., 2000. С. 26.

[28] Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 201.

[29] *Соколов А. Б.* Тело как способ идентификации «Другого» // Диалог со временем. Вып. 33. М., 2010. С. 219.

[30] Новый источник по истории восстания Болотникова [Казанское сказание] // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. VI. С. 99; Пискаревский летописец… С. 207.

В необузданной ненависти толпы, глумившейся над поверженным вчерашним героем, отразилась вся ярость разочарования и неоправдавшихся ожиданий. Все сведения на этот счет буквально леденят кровь смакованием жутких подробностей произошедшего. Приведем одно из наиболее живописных свидетельств о посмертных надругательствах над телом:

> «Враги убивают его и на веревке, затянутой вокруг шеи, по грязи тянут на рынок на глазах черни. Тут они его постыдно обнажили, плевали на него, отрезали нос и уши, испачкали труп в зловонных клоаках, привязали к хвосту лошади и всячески издевались над ним. Наконец оставив его в течение двух дней на рынке... Они обливали его голову помоями и вонючей жидкостью, а на третий день, привязав к шесту, сожгли»[31].

Мертвое тело «нечистого покойника» превратилось в ритуальный объект вымещения отрицательных эмоций недавних верноподданных. Возможно, мы сталкиваемся здесь с известным из средневековых источников ритуалом поругания умершего правителя. Поведение «московитов» вполне соотносится с неоднократно повторявшейся в истории Западной Европы ситуацией панических состояний, эмоциональных взрывов, тотальных грабежей и разрушений, следовавших немедленно после кончины папы римского или короля. По мнению А. Я. Гуревича, они «имели место в недрах социально-культурной системы, которая воспроизводила себя в горизонте апокалиптической эсхатологии. Идея «конца времен», близящегося появления Антихриста и вселенского финала — Второго пришествия, так или иначе присутствовала в сознании верующих. По временам Страшный суд ощущался в качестве непосредственной угрозы, сроки исполнения которой неведомы, но близки»[32].

Описывая данные казусы, европейские хронисты обычно назидательно заявляли: «Вот могущественный герой, которому некогда ревностно служили более ста тысяч рыцарей и которого в ужасе опасались многие племена, — теперь позорно ограблен своими же в чужом доме и оставлен на голой земле»[33].

Именно подобным образом реагировали наблюдатели-иностранцы на посмертные надругательства над телом убитого московского царя: «Так внизу в грязи валялся гордый и отважный герой, который еще вчера восседал в большом почете и своею храбростью прославился во всем свете»[34].

Однако в контексте российской ментальности предпринимаемые действия психологически интерпретировались через мифологические практики изгнания и нейтрализации нечистой силы. Поскольку колдуны даже «после своей смерти много делают зла людям», народная культура предусмотрела ряд специальных охранительных мер. С этой целью «мертвеца перекладывают в другую могилу или же, вырыв, подрезывают пятки и натискивают туда мелко нарезанной щетины, а иногда просто вбивают в могилу осиновый кол». Так и с трупом названного Дмитрия — «в серца ему велели вбить кол»[35].

Но, видимо, слишком значительной была колдовская сила, заключенная даже в мертвом теле бывшего царя («так тяжело проклятие на тебе, окаянном»), что не помогали и веками установленные ритуальные процедуры, ни Мать сыра Земля, не желавшая

[31] *Стадницкий М.* История Димитрия, царя Московского и Марии Мнишковны, дочери воеводы сандомирского, царицы Московской // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991. С. 236.

[32] *Гуревич А. Я.* «Время вывихнулось»: Поругание умершего правителя // Одиссей: человек в истории. М., 1993. С. 225.

[33] *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 283.

[34] *Буссов К.* Московская хроника... С. 122.

[35] *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 62–63; Пискаревский летописец… С. 207.

его принимать, ни осиновый кол. И только великая очистительная сила огня, в конце концов, смогла избавить русскую землю от «смрадного дыхания» «сына погибели», пепел которого был развеян по ветру.

Заметим, что в момент расправы над самозванцем с помощью кола в восприятии современников семантически вновь актуализировалась идея «двух тел короля». С сакральной точки зрения, использование кола в качестве предмета-оберега обусловливалось стремлением магическим путем нейтрализовать нечистую силу, т. к. он «считался эффективным средством против ходячих покойников и вампиров». Но в профанном контексте культуры вбивание кола в тело покойника означало унижение и понижение незаслуженно высокого. В качестве известного фаллического символа кол относился к числу так называемых сексуальных образов и гротескно акцентировал материально-телесный низ. Вполне коррелируют с данными рассуждениями сведения о том, что в европейской традиции с помощью кола принято было наказывать преступников, изнасиловавших свои жертвы. Причем иной раз кол-фаллос вбивался не только в грудь или горло, но и в рот насильника. Не должно вызывать удивления, что современник событий счел необходимым самым уничижительным образом охарактеризовать гибель самозванца: «*срамною смертью* (курсив мой. — *В. М.*) от рук правоверных скончася»[36].

Очистительному характеру обряда соответствовала, в том числе, и ритуальная брань в адрес «заложного мертвеца», возможно, употребляемая в качестве оберега как спасения от нечистой силы. Но в нашем случае обсценная лексика могла иметь и пародийный смысл, реанимируя святочные мотивы игры «в покойника», во время которой «отпевание», как известно, состояло из отборных ругательств. Как отмечал по поводу аналогичных европейских казусов М. М. Бахтин, в системе образов смехового мира короля «всенародно избирают, его затем всенародно же осмеивают, ругают и бьют, когда время его царствования пройдет…»[37] Подобным же унижениям и насмешкам теперь подвергалось и мертвое тело названного Дмитрия. Смех в этих условиях выполнял психотерапевтическую роль, снимая накопившийся в обществе эмоциональный заряд, восстанавливая психологическое равновесие и ликвидируя душевный дисбаланс.

Сосчитавший все раны на теле убитого самозванца Исаак Масса отметил, что «их было двадцать одна, и сверх того череп его был рассечен, так что оттуда вывалились мозги»[38].

Обратим внимание, что в эпизодах убийства и глумления объектами насилия выступали, прежде всего, голова и все что с ней связано, а также материально-телесный низ («стыдное место», живот). Культурная семантика направленности таких ударов акцентирует мотивы социализации и статусной стратификации, которые в нашем случае выполняют понижающую роль, т. е. содержат указание на подлинное невысокое место жертвы. Убийцы обращаются к нему с вопросами: «Эй, ты, сукин сын, кто ты такой? Кто твой отец? Откуда ты родом?». Иронизируют по поводу его монаршего сана: «Смотрите, каков царь всея Руси», другой говорил: «Такой царь у меня дома на конюшне»[39].

При этом не столь важно, насколько точно источники отразили произнесенные слова. В контексте изучаемых представлений имеет значение, что именно в таком виде они зафиксировались в культурной памяти эпохи.

---

[36] *Агапкина Т. А.* Кол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 528; Новый источник… С. 100.

[37] *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 220.

[38] *Масса И.* Краткое известие о Московии… С. 145.

[39] *Буссов К. Московская хроника... С. 122.*

Подводя итоги, заметим, что предложенная реконструкция телесного кода как культурного маркера не претендует на истину в последней инстанции. Это всего лишь один из возможных вариантов истолкования источников и народной мифологии. При желании в нем могут быть обнаружены определенные изъяны с точки зрения строгой научной верификации. Однако опасности такого рода следует признать неизбежными, поскольку прошлое, «как оно, собственно, было», недоступно взору историка. Наш культурный казус со всей очевидностью доказал, что соматические признаки предполагаемого Дмитрия формировали вполне определенное отношение к нему со стороны современников, зачастую решая вопрос веры или неверия названному претенденту. Несомненно, что в то время культурный анализ телесных особенностей и их восприятие проходили по линии размежевания «свой»/»чужой». Для иностранцев эта дихотомия рационалистически означала противопоставление, так сказать, цивилизованного Запада и «дикой» России, в то время как для самих россиян она сакрализовалась через антитезу божественного и демонического.

К такому же выводу приводит нас и изучение обстоятельств убийства Лжедмитрия и посмертной судьбы его тела. Становится понятным, что насилие в истории всегда культурно конструируется и интерпретируется, но по-разному в специфических культурных контекстах. Если для иностранцев манипуляции с поверженным телом служили еще одним доказательством грубости нравов и варварства «московитов», то для наших соотечественников они ритуально символизировали восстановление социальной правды на земле через десакрализацию незаслуженно высокого. В изуверской и кажущейся нам неоправданной жестокости заключался определенный магический смысл, поиск самооправдания и одновременно признание греховности своих заблуждений.

Данные о статье

Автор: Мауль, Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Нижневартовского филиала Тюменского государственного нефтегазового университета, Нижневартовск, Россия, VYMaul@mail.ru

Заголовок: Тело Лжедмитрия I в контексте русской и западной культурных традиций

Резюме: В статье предпринята попытка использовать современные методологии для анализа внешности первого самозванца в контексте отечественной и западной культурных традиций. Исследуются восприятие русскими и европейскими современниками физических особенностей Лжедмитрия I и его убийства с последующим символическим надругательством над телом. Показано, что соматические признаки самозванца по-разному воспринимались участниками и свидетелями тех драматических событий в зависимости от того, носителями какого культурного багажа они являлись.

Ключевые слова: первый самозванец, телесный код, культурные традиции, особенности внешности, символика насилия

Литература, использованная в статье

Агапкина, Татьяна Алексеевна; Валенцова, Марина Михайловна; Топорков, Андрей Львович. Нагота // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Москва: Институт славяноведения РАН, 2004. Т. 3. С. 355–360.

Агапкина, Татьяна Алексеевна. Кол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Москва: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 527–528.

Бахтин, Михаил Михайлович. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.

Белова, Ольга Владиславовна. Бес // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Москва: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 164–166.

Бойцов, Михаил Анатольевич. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. Москва: РОССПЭН, 2009. 550 с.

Вендина, Татьяна Ивановна. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. Москва: Индрик, 2002. 336 с.

Гиршберг, Александр. Марина Мнишек. Москва: Издание И. А. Вахромеева, 1908. 375 с.

Гуревич, Арон Яковлевич. «Время вывихнулось»: Поругание умершего правителя // Одиссей: Человек в истории. Москва: Наука, 1993. С. 221–241.

Зарецкий, Юрий Петрович. «Тело», современная медиевистика и автобиографизм Епифания Соловецкого // Средние века. Вып. 63. Москва: Наука, 2002. С. 99–108.

Зеленин, Дмитрий Константинович. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. Москва: Индрик, 1995. 432 с.

*Кабакова, Галина Ильинична. Нос // Сла*вянские древности: Этнолингвистический словарь. Москва: Институт славяноведения РАН, 2004. Т. 3. С. 435–436.

Констебл, Джайлз. Бороды в истории. Символы, моды, восприятие // Одиссей. Человек в истории. Москва: Наука, 1994. С. 165–181.

Костомаров, Николай Иванович. Лжедмитрий Первый. По поводу современного его портрета. 1606 г. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 1–8.

Левин, Ив. От тела к культу // Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. Москва: Индрик, 2004. С. 162–190.

Левкиевская, Елена Евгеньевна. Борода предорогая… // Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. Москва: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 105–119.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. 238 с.

Соколов, Андрей Борисович. История тела: Предпосылки становления нового направления в историографии // Диалог со временем. Вып. 26. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 190–211.

Соколов, Андрей Борисович. Тело как способ идентификации «Другого» // Диалог со временем. Вып. 33. Москва: ИВИ РАН, 2010. С. 213–232.

Софронова, Людмила Александровна. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. Москва: Индрик, 2006. С. 8–24.

Тюменцев, Игорь Олегович. Азовский поход Лжедмитрия I и вольное казачество // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе. Ростов-на-Дону; Азов: ООО «ЦВВР», 2006. С. 117–121.

Усенко, Олег Григорьевич. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как фронтир // Границы в пространстве прошлого: Социальные, культурные, идейные аспекты. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2007. Т. 1. С. 19–28.

Успенский, Борис Андреевич. Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 460–476.

Perrie, Maureen. Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: The false tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. 269 p.

Information about the article

Author: Maul, Victor Yakovlevich, Doctor in History, Professor of chair of humanitarian and economic disciplines, Tyumen State Oil & Gas University, Nizhnevartovsk affiliate, Russia, VYMaul@mail.ru

Title: Body of a False Dmitry I in a context of the Russian and western cultural traditions

Summary: In article attempt to use modern methodology for the analysis of appearance of the first impostor in a context of the domestic and western cultural traditions is undertaken. Are investigated perception by the Russian and European contemporaries of physical features of a False Dmitry I and its murders with the subsequent symbolical violation of a body. It is shown that corporal signs of the impostor were differently perceived by participants and witnesses of those drama events depending on what carriers of cultural traditions they were.

Key words: the first impostor, corporal code, cultural traditions, features of appearance, violence symbolic

References (transliteration)

Agapkina, Tat'yana Alekseevna. Kol [The Stake], in *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. T. 2. S. 527–528.

Agapkina, Tat'yana Alekseevna; Valencova, Marina Mihailovna; Toporkov, Andrei L'vovich. Nagota [The Nakedness], in *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2004. T. 3. S. 355–360.

Bahtin, Mihail Mihailovich. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [*The worko of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*]. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1990. 543 s.

Belova, Ol'ga Vladislavovna. Bes [Demon], in *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. T. 1. S. 164–166.

Boicov, Mihail Anatol'evich. *Velichie i smirenie. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoi Evrope* [*Greatness and humility. Essays on the political symbolism in medieval Europe*]. Moskva: ROSSPEN, 2009. 550 s.

Girshberg, Aleksandr. *Marina Mnishek*. Moskva: Izdanie I. A. Vahromeeva, 1908. 375 s.

Gurevich, Aron Yakovlevich. «Vremya vyvihnulos'»: Poruganie umershego pravitelya [*«Time dislocated»: The desecration of the dead ruler]*, in *Odissei: Chelovek v istorii*. Moskva: Nauka, 1993. S. 221–241.

Kabakova, Galina Il'inichna. Nos [The Nose], in *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' - Slavic antiquities: Ethnological dictionary*. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2004. T. 3. S. 435–436.

Konstebl, Dzhailz. Borody v istorii. Simvoly, mody, vospriyatie [*Beards in history. Symbols, fashion, perception]*, in *Odissei. Chelovek v istorii*. Moskva: Nauka, 1994. S. 165–181.

Levin, Iv. Ot tela k kul'tu [From body to cult], in Levin I. *Dvoeverie i narodnaya religiya v istorii Rossii*. Moskva: Indrik, 2004. S. 162–190.

Levkievskaya, Elena Evgen'evna. Boroda predorogaya [Most Dearest Beard], in *Kategorii i koncepty slavyanskoi kul'tury. Trudy otdela istorii kul'tury*. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2007. S. 105–119.

Perrie, Maureen. *Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: The false tsars of the Time of Troubles.* Cambridge, 1995. 269 p.

Sofronova, Lyudmila Aleksandrovna. O problemah identichnosti [On the problems of identity], in *Kul'tura skvoz' prizmu identichnosti*. Moskva: Indrik, 2006. S. 8–24.

Sokolov, Andrei Borisovich. Istoriya tela: predposylki stanovleniya novogo napravleniya v istoriografii [History of the Body: Prerequisites for the development of a new direction in the historiography], in *Dialog so vremenem*. Vol. 26. Moskva: LIBROKOM, 2009. S. 190–211.

Sokolov, Andrei Borisovich. Telo kak sposob identifikacii «Drugogo» [The Body as a Means of the Identification of the «Other»], in *Dialog so vremenem*. Vol. 33. Moskva: IVI RAN, 2010. S. 213–232.

Tyumencev, Igor' Olegovich. Azovskii pohod Lzhedmitriya I i vol'noe kazachestvo [First False Dmitry Azov campaign and the Free Cossacks], in *Kazachestvo v yuzhnoi politike Rossii v Prichernomorskom regione*. Rostov-na-Donu; Azov: OOO «CVVR», 2006. S. 117–121.

Usenko, Oleg Grigor'evich. Monarhicheskoe samozvanchestvo v Rossii XVII–XVIII vekov kak frontir [*Monarchical imposture in Russia in 17th–18th centuries as a frontier]*, in *Granicy v prostranstve proshlogo: social'nye, kul'turnye, ideinye aspekty*. Tver': Izd-vo Tverskogo un-ta, 2007. T. 1. S. 19–28.

Uspenskii, Boris Andreevich. Anti-povedenie v kul'ture Drevnei Rusi [The contrary behavior in the culture of Ancient Russia], in Uspenskii B. A. *Izbrannye trudy. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury*. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. S. 460–476.

Vendina, Tat'yana Ivanovna. *Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavyanskogo yazyka* [*Medieval Man in the Mirror of Slavonic Language*]. Moskva: Indrik, 2002. 336 s.

Zareckii, Yurii Petrovich. «Telo», sovremennaya medievistika i avtobiografizm Epifaniya Soloveckogo [«The Body», a modern science of the medieval and the autobiographism of Epiphanius Solovetsky], in *Srednie veka*. Vol. 63. Moskva: Nauka, 2002. S. 99–108.

Zelenin, Dmitrii Konstantinovich. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki* [*Selected works. Essays on the Russian Mythology: Unnatural deaths and mermaids]*. Moskva: Indrik, 1995. 432 s.

ББК 63.3 (2)44 – 6; УДК 94(47).04+327(470+485)(09)

Я. Н. Рабинович

ПЕРВЫЕ ПОСОЛЬСТВА НОВОГО НОВГОРОДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ДЕЛАГАРДИ-ОДОЕВСКОГО В МОСКВУ И СТОКГОЛЬМ В 1611 г. И СУДЬБА ИХ УЧАСТНИКОВ

В июле 1611 г. после захвата Новгорода шведами был заключен договор между новгородцами и шведским военачальником Я. Делагарди. Главное условие договора — новгородцы просили прислать в Россию одного из сыновей Карла IX, целовали королевичу крест и гарантировали его избрание на русский трон[1]. При этом новгородцы действовали по инструкции лидера Подмосковного ополчения Прокопия Ляпунова (приговор ополчения от 23 июня 1611 г.)[2], хотя сами были против условий этого договора и до момента захвата Новгорода шведами сопротивлялись попыткам представителя ополчения Василия Бутурлина выполнять данные инструкции. Новгородцы не собирались отдавать шведам свои пригороды, Ладогу и Орешек[3]. Шведский кандидат на Московский престол также не пользовался особой популярностью в Новгороде[4]. Но теперь обстановка изменилась, Новгород был захвачен шведами[5].

[1] Договор Новгородского государства с шведским военачальником Делагарди / Пер. с нем. М. Ф. Ласковской // Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. Новгород, 1911. № 1. С. 3–11; *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С. А. Аннинского, А. М. Александрова / Под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли. 2000. С. 179–186; СГГД. СПб., 1819. Ч. 2. № 264.

[2] Сведения об этом приговоре см.: *Видекинд Ю.* История десятилетней… С. 199–202; Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 112; Приговор новгородцев. 1611, декабря 25 // ДАИ. Т. 1. № 162. С. 283–285; Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского. 1615, январь / Публ. В. А. Фигаровский // НИС. Вып. II. Новгород, 1937. С. 73; Лист Сумских воевод. 1611, август // ААЭ. Т. 2. № 193. С. 241–242; *Замятин Г. А.* Два документа к истории Земского собора 1616 г. // Труды Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1925. Т. I. С. 303 и др.

[3] *Видекинд Ю.* История десятилетней… С. 199–202; *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев, 1913. С. 7–20.

[4] По мнению Е. И. Кобзаревой, партия шведского королевича в Новгороде все же была значительной — это гости и многие дворяне (см.: *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 134–161).

[5] Подробности захвата Новгорода шведами см.: *Видекинд Ю.* История десятилетней… С. 175–179, 592–594; *Шаум М.* Tragoedia Demetrio — moscovitica. Известие, как и по каким причинам Шведский военачальник, Яков Делагарди, осадил и завоевал Новгород в России. (Случилось 16 июля 1611 года) // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским. М., 1847. С. 21–22; Новый летописец. С. 114; *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. № 4 (14). Новгород, 1993. С. 116–127.

Уже в конце июля 1611 г. из Новгорода было отправлено посольство в Москву, в состав которого входили новгородцы Дмитрий Иванович Зеленин[6] и князь Василий Петрович Кропоткин[7], а также швед Георг Брюнно (Йоран Бромме), доверенное лицо короля[8]. Послы должны были сообщить П. Ляпунову, что по его указанию новгородцы заключили договор со шведами, теперь москвичам необходимо выбрать полномочных послов и отправить их в Швецию, просить короля Карла IX прислать в Москву своего сына. Но к моменту прибытия послов под Москву П. Ляпунов был убит, власть в ополчении перешла к казакам, атаман Иван Заруцкий и князь Дмитрий Трубецкой были против шведского королевича. Швед Брюнно был задержан под Москвой почти на полтора года, а новгородцев Д. И. Зеленина и В. П. Кропоткина через два месяца отпустили домой. В письме королю от 3 октября 1611 г. Делагарди сообщал, что из Москвы пришли дети боярские, которые решили порвать с оставшейся частью ополчения. По их словам, власть в ополчении теперь принадлежит Ивану Заруцкому, который делает ставку на возведение на престол «воренка»[9].

После возвращения Кропоткина и Зеленина в Новгород всем стало ясно, что на москвичей-ополченцев в вопросе избрания шведского принца надеяться нельзя. Я. Делагарди и князю И. Н. Одоевскому пришлось снаряжать в Стокгольм собственное посольство, искать в самом Новгороде людей, представлявших Москву, членов государева двора — стольников, московских дворян и т. д., чтобы включить в состав посольства в Стокгольм. В. П. Кропоткина и Д. И. Зеленина также включили в состав этого посольства. В. А. Фигаровский не обратил внимания, что среди участников посольства находился Дмитрий Зеленин, поэтому писал, что «о дальнейшей его судьбе ничего неизвестно»[10]. Вот ответ на вопрос историка Г. А. Замятина: почему это посольство было отправлено в Стокгольм так поздно, почти через полгода после захвата шведами города. Г. А. Замятин писал: «Трудно сказать, почему новгородцы сочли нужным отправить посольство именно в декабре 1611 г.». В. А. Фигаровский, несмотря на ошибку с биографией Д. И. Зеленина, правильно определил причину задержки с отправкой посольства Никандра. Он отмечал: «Возможно, это ожидание ответа из-под Москвы (которого так и не дождались) на грамоты, посланные с Зелениным, послужило причиной отправки в Швецию посольства Никандра только в декабре 1611 г., а не раньше»[11]. В Новгороде ждали прибытия послов от Подмосковного ополчения вместе с Д. И. Зелениным и кн. В. П. Кропоткиным, но так и не дождались, в связи со сменой власти в ополчении.

Отъезд послов состоялся в начале января 1612 г. В Новом летописце записано: «Новгородцы ж послаша в Свию для королевича послов: Юрьевского архимандрита Никандра и изо всех чинов лутчих людей»[12]. Новгородцы приговорили ехать «к Карлу

[6] Грамота новгородского митрополита Исидора и боярина Одоевского // НИС. Вып. II. Новгород, 1937. С. 74; Челобитная боярам и воеводам Водской пятины Дмитрия Зеленина // RA, NOA. Serie 2: 71. Л. 18.

[7] Челобитная боярам и воеводам кн. Василия Кропоткина о пожаловании его за службу и терпение при поездке в Москву. 1611. 17.11 // RA, NOA. Serie 2: 71. Л. 12.

[8] *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. СПб., 2008. С. 142, 233; *Видекинд Ю.* История десятилетней… С. 190.

[9] *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода. С. 135–136.

[10] Новый летописец. Гл. 274. С. 113–114; ДАИ. Т. 1. № 162. С. 283–285; *Фигаровский В. А.* О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // НИС. Вып. II. Л., 1937. С. 66.

[11] *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев, 1913. С. 23; *Фигаровский В. А.* О грамоте… С. 66.

[12] Новый летописец. С. 113–114.

королю Юрьева монастыря архимариту Никандру, да Благовещенского монастыря игумену Антонию, да послом, Полуехту Матвеевичу Колычеву, Михайлу Борисовичю Боборыкину, да дияку Третьяку Копнину, да дворянам и гостем, Степану Иголкину да Ивану Харламову и изо всяких чинов людем»[13].

Выбор участников посольства был далеко не случайным. Это были уважаемые в Новгороде люди, которые прежде вместе со шведами принимали активное участие в борьбе с врагами царя Василия Шуйского, а некоторые из них уже на деле доказали свою лояльность новой власти правительства Делагарди — Одоевского. П. М. Колычев и дьяк Т. Копнин были первыми воеводами Старой Руссы при шведах в августе–сентябре 1611 г.[14], а М. Б. Боборыкин вместе со шведами участвовал в походе князя М. В. Скопина-Шуйского к Москве[15]. Все участники посольства ранее были верными сторонниками царя Василия Шуйского, многие из них сражались против Ивана Болотникова и Лжедмитрия II[16].

Среди участников данного посольства упоминаются «Юрьева монастыря черный дьякон Феодосей, с Москвы Федор Васильев сын Бутурлин, Деревской пятины князь Василий княж Петров сын Кропоткин, Обонежской пятины Гордей Судаков, Вотские пятины, Дмитрей Зеленин», два подъячих — Петр Третьяков Копнин, и Орефа Башмаков[17]. В составе посольства находились Елизарий Корсаков[18], Никита Калитин[19], брат гостя С. Иголкина купец Иван Юрьевич Иголкин. Позднее Иван Иголкин в челобитной Карлу Филиппу просил присвоить ему звание «гостя», как именуется его брат Степан[20]. Е. Корсаков, И. Иголкин и некоторые другие лица присоединились к посольству позднее. Известно, что вместе с дьяком Третьяком Копниным долгое время находился его старший сын Юрий Копнин[21].

В приговоре об отправке посольства приводятся следующие основания, почему новгородцы обращаются именно к шведскому королю. Во-первых, это неустройство государства от всякого рода самозванцев. С прибытием из Швеции «государьского сына», сына короля, ждали умиротворения страны. Второе основание — это постановление Совета Подмосковного ополчения П. Ляпунова (приговор 23 июня): новгородцы подчеркивали, что действуют не самовольно, а по указанию из Москвы. В-третьих, все прежние правители страны от князя Рюрика до царя Федора «и корень их царской от их же Варежского княженья… был»[22] Как отмечал Г. А. Замятин, «в вопросе о происхождении первых русских царей, новгородцы были, выражаясь языком XIX века, норманистами»[23].

---

[13] ДАИ. Т. 1. № 162. С. 283–285.

[14] *Рабинович Я. Н.* Старая Русса в Смутное время. Исторический очерк. ООО Типография «Виконт». Великий Новгород, 2011. С. 13–17; подробные сведения о биографии П. М. Колычева см.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 207.

[15] *Селин А. А.* Новгородское общество… С. 350–352.

[16] Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608). Сб. документов. М., 2003.

[17] *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа… С. 22.

[18] Наказ митрополита Исидора, кн. И. Н. Одоевского игумену Дионисию, В. Новокщенову, И. Лутохину, И. Секерину. 1613, август // СГГД. СПб., 1819. Т. 2. № 284. С. 601–603.

[19] Расспросные речи Никиты Калитина. Февраль 1614 г. // Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. № 9. С. 25–29.

[20] *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романова в 1613 г. // ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 51. (Планируется публикация в НИС в 2013 г.).

[21] *Селин А. А.* Новгородское общество… С. 384, 471.

[22] ДАИ. Т. 1. № 162. С. 283–285.

[23] *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа… С. 23.

Цель посольства совершенно ясна. Новгородцы просили короля Карла дать «из дву сынов своих королевичей князя Густава Адолфа или князя Карла Филиппа, чтоб им государем Росийское государство было по-прежнему в тишине и в покое безмятежно и кровь бы крестьянская престала»[24]. Главной целью посольства Никандра было утвердить договор Новгорода с Швецией и ускорить прибытие королевича в Новгород.

Это посольство было надолго задержано в Стокгольме по различным причинам — смерть короля Карла (30.10.1611 г.), желание нового короля Густава Адольфа самому царствовать в России, Кальмарская война Швеции с Данией и др. Летом 1613 г. послы во главе с архим. Никандром сопровождали Карла Филиппа из Стокгольма в Выборг, участвовали вместе со вторым новгородским посольством Хутынского архимандрита Киприана в переговорах в Выборге (август–сентябрь 1613 г.)[25]. Одновременно новгородцы отправили в Москву еще одно посольство игумена Отенского монастыря Дионисия. Предполагаемой целью данного посольства было свержение Михаила Романова. Послы должны были призвать москвичей присоединиться к новгородцам и избрать царем Карла Филиппа. Судьба участников данного посольства — сюжет отдельного исследования[26].

Посольство архим. Никандра в конце сентября 1613 г. было из Выборга отпущено домой. По дороге 5 октября послы были захвачены псковскими казаками. Это произошло недалеко от современной Гатчины, «в Копорском уезде в деревне Суйде на стану после Покрова в четвертой день». Пленники были привезены в Псков. Сеунщики сразу же сообщили об этом в Москву, откуда немедленно был направлен в Псков специальный представитель Петр Мусорский с царской грамотой (он прибыл в Псков 30 января). 28 февраля 1614 г. пленники в сопровождении П. Мусорского были направлены под конвоем в Москву, куда прибыли 4 апреля 1614 г.[27]

Известны лица, которые получили награды в Москве за поимку и привод в столицу этих послов. Обычно в качестве провожатых и сеунщиков отправлялись в Москву наиболее отличившиеся в данном деле воины. Это может помочь в определении состава отряда псковичей, совершивших дерзкий рейд по шведским тылам (шведский гарнизон находился в Заречье, недалеко от того места, где были захвачены послы). 6 апреля 1614 г. в Москве получали награды «Водской пятины Ждан Хвостов, Федор Самарин, Семен Кашкаров за язычный привод». Послов также сопровождали в Москву печерские слуги Данилка Иванов и Семейка Глухов, «которые ехали с ними изо Пскова». Данилка Иванов отличился в феврале 1614 г. при обороне Псково-Печерского монастыря от шведов. Он вместе с другим монастырским служкой Сенькой Сотниковым 27 февраля был отправлен игуменом Иоакимом в качестве сеунщика из Печер в Москву и на следующий день присоединился в Пскове к отряду П. Мусорского[28].

[24] ДАИ. Т. 1. № 162. С. 284.

[25] Подробно о переговорах в Выборге см.: *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа… Гл. VII. С. 94–118; *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. X. С. 192–196; *Видекинд Ю.* История десятилетней… С. 278–284.

[26] *Рабинович Я. Н.* Первое посольство новгородцев в Москву при Михаиле Романове и судьба его участников // Двенадцатые Романовские чтения. 19–20 июля 2010 г. / Ред. А. Н. Авдонин. Екатеринбург, 2010. С. 105–113.

[27] *Замятин Г. А.* 1) К вопросу об избрании Карла Филиппа… С. 22; 2) Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 287–288.

[28] Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 272; Отписка их Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоакима с братией о троекратном приступе Литовских людей к монастырю и об отбитии их. 1614 г. // АМГ. Т. 1. № 71. С. 108.

Сохранилось подробное описание имущества участников посольства по прибытии их в Москву. Участники посольства владели разным по объему и богатству имуществом. Особенно значительным было имущество церковников, включавшее как предметы церковной утвари (панагии, книги), так и личные вещи. Имущество игумена Антония по объему превосходило имущество архим. Никандра. Никандр и Третьяк Копнин имели песцовые шубы, остальные — бараньи шубы. Среди имущества Бутурлина и Зеленина упоминаются сковородки (у одного белая, у другого — черная). Совершенно нищим прибыл в Москву Гордей Судаков, у которого «кроме однорядки и кафтана нет ничего»[29].

Известна дальнейшая судьба некоторых участников посольства Никандра. Кое-кто сделал в дальнейшем неплохую карьеру при дворе Михаила Романова.

Не все члены посольства архим. Никандра оказались в Москве в апреле 1614 г. Никита Калитин, неизвестно когда присоединившийся к посольству Никандра, сумел из Пскова бежать в Новгород[30]. В дальнейшем он присягнул шведскому королю Густаву Адольфу, вместе со шведами участвовал в осаде Пскова, был воеводой в Яме, а в 1620 г. принят в шведское дворянство, как и его тесть, Федор Григорьевич Аминев[31].

Двое из послов: П. М. Колычев и М. Б. Боборыкин умерли в Швеции в 1612 г., один в г. Або, другой в Стокгольме[32].

Гость **Иван Харламов** не поехал из Выборга вместе с другими послами в Новгород, а уехал жить в Колывань (Ревель), где получил от короля поместье[33].

Е. Корсаков уехал из Выборга еще в июле 1613 г. Он вошел в состав посольства в Москву игумена Дионисия, поэтому оказался в столице еще осенью 1613 г. Через несколько лет мы видим его воеводой в сибирских городах Сургуте и Таре[34]. **Юрий Копнин** по просьбе архим. Киприана, возглавившего летом 1613 г. новое посольство новгородцев, остался в Выборге и вернулся в Новгород лишь летом 1614 г. Осенью 1615 г. он бежал к московским послам кн. Д. И. Мезецкому в район Дедеринских переговоров[35].

Князь В. П. Кропоткин, судя по его челобитной Карлу Филиппу, имел оклад 24 рубля[36]. В 1618 г. он, как помещик Деревской пятины, получал жалование из Устюжской чети уже в размере 30 рублей, а в 1630–1632 гг. был воеводой в Угличе[37].

Стольник Федор Васильевич Клепиков-Бутурлин в «Боярском списке 119-го году» записан «в Новгороде»[38]. Скорее всего, именно он («Федор Бутурлин») первым после духовных лиц подписался под приговором об отправке посольства архим. Никандра[39].

---

[29] *Селин А. А.* Новгородское общество… С. 672–673.

[30] Расспросные речи Никиты Калитина. Февраль 1614 г. // Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. № 9. С. 25–29.

[31] *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол… С. 148–150; *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские baijor'ы / Из материалов конференции «NOVGORODIANA STOCKHOLMENSIA». Стокгольм. Ноябрь 1997 // НИС. № 7 (17). 1999. С. 366–378.

[32] *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романова в 1613 г. // ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 59.

[33] *Якубов К. И.* Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. Сб. мат. из Моск. Главн. Архива МИД и Шведского Гос. Архива 1616–1651 // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 45.

[34] *Рабинович Я. Н.* Первое посольство новгородцев в Москву при Михаиле Романове. С. 111–113.

[35] *Селин А. А.* Новгородское общество… С. 384, 471.

[36] *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романова... Л. 45.

[37] Расходная книга Устюжской чети 127 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 703; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и др. лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 256, 504.

[38] *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 82.

[39] ДАИ. Т. 1. № 162. С. 285.

Федору Васильевичу Бутурлину в 1611 г. было отделено из дворцовых земель в Карачуницком погосте Шелонской пятины дер. Требеха, а его старшему брату Юрию Васильевичу — село Дно, принадлежавшее ранее кн. В. И. Ростовскому. Судя по челобитной Федора Бутурлина Карлу Филиппу, он уехал в Швецию позже, а в 1611 – начале 1612 г. активно сражался в составе войска Эверта Горна против казаков и поляков, тогда же был убит его старший брат, оставивший вдову Марью[40]. Среди привезенных в Москву в апреле 1614 г. членов посольства Никандра упоминается «с Москвы» Федор Васильевич Бутурлин[41]. Ф. В. Клепиков-Бутурлин записан в боярском списке 1621–1622 гг. в качестве стольника[42]. Подробные сведения о дальнейшей судьбе Ф. В. Клепикова-Бутурлина, который дослужился до окольничего, приведены в труде А. П. Барсукова[43]. Возможно, во всех случаях речь идет об одном и том же человеке.

Гордей Иванович Судаков, помещик Обонежской пятины, после возвращения в Москву также не был наказан. Он получал довольно значительное жалование из Устюжской чети в размере 32 рубля, умер в 1619 г.[44]

Дмитрий Иванович Зеленин, помещик Водской пятины, в 1619 г. имел поместный оклад 850 четей. Еще в 1604 г. он записан среди четвертчиков Галицкой чети и получал 10 рублей (оклад был 550 чети)[45], в 1608 г. его оклад составлял 18 рублей (по другим источникам, прибавка составляла не 8, а 9 рублей). За активное участие в боях против тушинцев, «за службу и за приезд и за сеунч и за переяславское дело» ему было придано еще 20 рублей. Эти сведения относятся уже к 1615 г. (источники — памяти из Разряда, справки о денежных придачах, выписки из кормленого списка). В 1615/1616 г. Д. И. Зеленин принимал активное участие в боях с поляками под Смоленском. За эту Смоленскую службу ему было придано еще 2 рубля. Таким образом, в 1619 г. денежный оклад из Галицкой чети составил 41 рубль[46]. Больший денежный оклад (но не поместный!) в то время имели лишь 3 дворянина Водской пятины (Матвей и Феоктист Муравьевы, Василий Трусов), 2 — Шелонской пятины (Игнатий Харламов, Григорий Милославский) и 1 — Бежецкой пятины (Угрим Лупандин)[47].

Гость **Иван Иголкин** после Смуты в 1620-е гг. занимал должность кабацкого головы. В XVII в. Иголкины продолжали оставаться одними из самых богатых купцов Новгорода[48]. Дальнейшая судьба церковных деятелей Никандра, Антония и Феодосия неизвестна.

[40] Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie I: 28. Л. 217–221; Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентября // RA, NOA. Serie 1: 70. С. 33; *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из дома Романова… Л. 47.

[41] *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа… С. 22; *Селин А. А.* Новгородское общество… С. 672–673.

[42] *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 108.

[43] *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и др. лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 447.

[44] *Расходная книга Устюжской чети 127 г. //* РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 702.

[45] *Кормленая книга Галицкой Четверти 7112 г.:* Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // *ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 25.*

[46] Сыскная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских. Водская пятина Новгородского уезда. 2 мая 1619 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608). Сб. документов. М., 2003. № 136. С. 266; Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время (отрывки) // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 316.

[47] Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608). Сб. документов. № 134, 136, 137. С. 242–283.

[48] Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 190.

Дьяки и подъячие при Михаиле Романове сделали неплохую карьеру. **Третьяк Копнин** возглавлял Приказ Большого Прихода (1622–1623), Холопий приказ (1633–1636). Его сын **Петр Копнин** долгое время был дьяком Ямского приказа (1626–1631). Подъячий **Орефа Башмаков** позже стал дьяком Холопьего приказа (1642–1643, 1645–1647)[49].

По вполне понятным причинам все участники посольства Никандра, перешедшие на службу новому царю Михаилу Романову, позднее не любили вспоминать о своей поездке в Стокгольм и о своей присяге Карлу Филиппу.

Данные о статье:

Работа подготовлена по результатам научно-исследовательских работ, реализованных в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.: проект «Русский фронтир XVI–XIX вв.: Северо-Запад и Юг Российского государства (сравнительный аспект)»; № государственного соглашения 14.B 37.21.0009.

Автор: Рабинович, Яков Николаевич, кандидат исторических наук, Россия, Саратов, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Заголовок: «Первые посольства нового новгородского правительства Делагарди-Одоевского в Москву и Стокгольм в 1611 г. и судьба их участников»

Резюме: Статья посвящена переговорам новгородцев со шведами в Смутное время с целью избрания шведского королевича русским царем. Автор выясняет причины, почему новгородцы обратились именно к шведскому королю, приводит полный состав новгородского посольства и прослеживает дальнейшую судьбу всех его участников.

Ключевые слова: Смутное время, архимандрит Никандр, Швеция, новгородское посольство

Литература, использованная в статье:

Богоявленский, Сергей Константинович. Приказные судьи XVII века. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1946. 316 с.

Замятин, Герман Андреевич. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г. А. Россия и Швеция в нача пле XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г. М. Коваленко. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом», 2008. 494 с.

Замятин, Герман Андреевич. Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Герман Андреевич. Россия и Швеция в начале XVII века. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом», 2008. 494 с.

Замятин, Герман Андреевич. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев: Типография Г. Лаакман, Рижская ул. № 6. 1913. VI+141+VI с.

Кобзарева, Елена Игоревна. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. Москва: Издательский центр Института российской истории РАН, 2005. 455 с.

Пересветов-Мурат, Александр Иванович. Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские baijor'ы // Новгородский исторический сборник. 1999. № 7 (17). С. 366–378.

Рабинович, Яков Николаевич. Первое посольство новгородцев в Москву при Михаиле Романове и судьба его участников // Двенадцатые Романовские чтения. 19–20 июля 2010 г. / Ред. А. Н. Авдонин. Екатеринбург: Издательство «РЕАЛ–МЕДИА», 2010. С. 105–113.

Рабинович, Яков Николаевич. Старая Русса в Смутное время. Исторический очерк. ООО Типография «Виконт». Великий Новгород, 2011. 104 с.

Седов, Павел Владимирович. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. № 4 (14). Новгород, 1993. С. 116–127.

Селин, Адриан Александрович. Новгородское общество в эпоху Смуты. Санкт-Петербург: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр "БЛИЦ"», 2008. 752 с.

[49] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 204–205, 222–223, 235, 263.

Фигаровский, Василий Александрович. О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. II. Ленинград, 1937. С. 53–72.

Форстен, Георгий Васильевич. Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Вып. X. С. 185–213.

Information about the article:

The investigation is support by the research grant of the Government of Russian Federation, Federal Program, Nr**.** 14.B 37.21.0009.

Author: **Rabinovich Yakov Nikolaevich**, a History PhD, Russia, Saratov, documentologists of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of N. G. Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Title: The first De la Gardie-Odoevskiy's embassy of the new Novgorod government in Moskow and Stockholm in 1611 and the fate of their participants

Summary: The article is devoted to negotiations with the Swedes in Novgorod in the Time of Troubles for the election a Swedish prince as Russian tsar. The author clarifies the reasons why the people of Novgorod appealed to Swedish King, leads full list of the Novgorod Embassy and traces the further fate of all its participants.

Key words: Time of Troubles, Archimandrite Nikander, Sweden, the Novgorod Embassy

References:

Bogoyavlenskiy, Sergey Konstantinovich. *Prikaznye sud'I XVII veka*. [*The mandative judges of the XVII century*.] Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1946. 316 s.

Forsten, Georgiy Vasil'evich. Politika Shvetzii v Smutnoe vremya [Sweden's policy in the Time of Troubles], in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya*. 1889. Vol. X. S. 185–213.

Kobzareva, Yelena Igorevna. *Shvedskaya okkupatsiya Novgoroda v period Smuty XVII v*. [*Swedish occupation of Novgorod during the Times of Troubles at the XVII century*.] Moskva: Izdatel'skiy tsentr Instituta rossiyskoy istorii RAN, 2005. 455 s.

Peresvetov-Murat, Aleksandr Ivanovich. Iz Rostova v Ingermanlandiyu: M. A. Peresvetov i drugie russkie Boyare [From Rostov to Ingermanlandia: M. A. Peresvetov and another Russian Boyars], in *Novgorodsky istorivhesky sbornik*. 1999. Nr. 7 (17). S. 366–378.

Rabinovich, Yakov Nikolayevich. Pervoye posol'stvo novgorodtsev v Moskvu pri Mikhaile Romanove i sud'ba yego uchastnikov [The first novgorodians's embassy in Moscow under Mikhail Romanov and the fate of its participants.], in *Dvenadtsatyye Romanovskiye chteniya*. 19–20 iyulya 2010 g. Yekaterinburg: Izdatel'stvo «REAL–MEDIA», 2010. S. 105–113.

Rabinovich, Yakov Nikolayevich. *Staraya Russa v Smutnoye vremya*. [*Staraya Russa in the Time of Troubles.*]. Velikiy Novgorod: OOO Tipografiya «Vikont»., 2011. 104 s.

Sedov, Pavel Vladimirovich. Zakhvat Novgoroda shvedami v 1611 g. [The Novgorod's capture by the Swedes in 1611.], in Novgorodsky istorichesky sbornik. 1993. Nr. 4 (14). S. 116–127.

Selin, Adrian Aleksandrovich. *Novgorodskoye obshchestvo v epokhu Smuty*. [*The Novgorod society in the Times of the Troubles*]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr "BLITs"», 2008. 752 s.

Zamyatin, German Andreyevich. Bor'ba za Pskov mezhdu Moskovskim gosudarstvom i Shvetsiyey v nachale XVII veka [The struggle for the Pskov between Moscow State and Sweden at the beginning of the XVII century.], in Zamyatin, German Andreyevich. *Rossiya i Shvetsiya v nachale XVII veka. Ocherki politicheskoy i voyennoy istorii* [*Russia and Sweden at the beginning of the XVII century. Essays on the political and military history*.]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Evropeyskiy Dom», 2008. 494 s.

Zamyatin, German Andreyevich. Iz istorii bor'by Shvetsii i Pol'shi za Moskovskiy prestol v nachale XVII v.: Padeniye kandidatury Karla Filippa i votsareniye Mikhaila Fedorovicha [From the history of the struggle between Sweden and Poland for the Moscow throne at the beginning of the XVII century: Falling of the Carl Philip's candidature and the reign of Mikhail Fedorovich], in Zamyatin, German Andreyevich. Rossiya i Shvetsiya v nachale XVII *veka*. [*Russia and Sweden at the beginning of the XVII century*]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Evropeyskiy Dom», 2008. 494 s.

Zamyatin, German Andreyevich. *K voprosu ob izbranii Karla Filippa na russkiy prestol (1611–1616)*. [*On the problem about the election of Carl Philip to the Russian throne (1611-1616)*]. Yuryev: Tipografiya G. Laakman, Rizhskaya ul. № 6. 1913. VI+141+VI s.

ББК 63.3(2)45; УДК 94(47).045(093)

А. В. Толстиков

ПЕТР ПЕТРЕЙ В РОССИИ (1601–1613 гг.)*

Хотя фигура Петра Петрея (ок. 1570–1622) — шведского «эксперта по России», автора немалого числа историко-пропагандистских сочинений и агента шведской короны — хорошо известна и основные его труды давно введены в научный оборот, все же как в его биографии, так и в истории появления его текстов остаются лакуны. В настоящей статье я постараюсь систематизировать и по возможности уточнить имеющиеся сведения о поездках Петрея в Россию и о его непосредственном участии в реализации шведской восточной политики.

Пер Перссон (Per Persson) — также Педер Педерссон (Peder Pedersson), Пелле Педерссон (Pelle Pedersson) или, в более привычной для нас латинизированной форме, Петр Петрей (Petrus Petrejus)[1] — родился ок. 1570 г. в Упсале, в семье ректора местной кафедральной школы Петра Бенедикти (впоследствии вестеросского, а затем линчёпингского епископа, т. е. второго лица в иерархии шведской церкви после упсальского архиепископа) и Магдалены Якобсдоттер. В конце 1580-х гг. он учился в Стокгольме, в основанной королем Юханом III коллегии, где в течение двух лет занимался, в частности, древнееврейским языком и естественными науками (хотя не отличился никакими особенными интеллектуальными достижениями и, как сам признавался в извинительном письме к отцу, предавался пьянству и участвовал в потасовках), а потом, в начале 1590-х гг. — в Марбургском университете. Там он в 1592 г. сумел защитить (судя по всему, первым из шведов) диссертацию по математике — 12-страничный опус, состоящий из 87 тезисов и не содержащий никаких вычислений[2]. Однако это была вершина академической карьеры Петрея, так как уже в 1593 г. он угодил в тюрьму из-за неуплаты

* Приношу благодарность за уточнения и ценные замечания по тексту статьи, высказанные Александром Пересветовым-Муратом.

[1] Так — уже на титульном листе марбургской диссертации, защищенной им примерно в 22-летнем возрасте (см. ниже).

[2] См.: *Dahlin E. M.* Bidrag till de matematiska vetenskapernas historia i Sverige före 1679. Uppsala, 1875. S. 29–33.

долгов и в августе того же года был исключен из университета, после чего вернулся на родину[3].

По возвращении Петрей поступил на службу в королевскую канцелярию писарем. Сложно сказать, когда именно. Как отмечает К. Таркиайнен, в 1593 и 1595–1596 гг. в канцелярии служил некий Пер Перссон, который вполне может оказаться Петреем, но точно это установить нельзя. Как бы то ни было, в июне 1600 г. Петрей в одном из документов уже назван «бывшим писарем канцелярии» (fordom Cantzeliskrifvare). Бывшим — потому что его было решено использовать как курьера: 24 мая[4] того же года он получил задание отвезти Сигизмунду III письмо герцога Карла (будущего короля Швеции, только недавно одержавшего победу в борьбе за власть со своим племянником Сигизмундом)[5]. В распоряжении о выдаче Петрею ткани на дорожное платье и денег он именуется «курьером» (brefwisere)[6]. Очевидно, он справился с поручением и в январе 1601 г. был с неизвестной целью послан в Лифляндию, где шла война между шведами и поляками (деньги на дорогу он получил 24 января)[7]. Затем его имя на несколько лет пропадает из шведских документов, однако мы знаем, что как раз тогда он оказался в России.

Как справедливо указал К. Таркиайнен, об этом периоде жизни Петрея нам известно лишь из упоминаний в его собственных сочинениях[8]. В предисловии к «Описанию

[3] *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland: En personhistorisk och källkritisk studie // Lychnos. 1971–1972. Uppsala, 1973. S. 245–246. — Эта опубликованная в 1973 г. статья известного финляндского историка Кари Таркиайнена по сей день остается наиболее подробной и основательной работой о жизни и творчестве нашего героя. Позднее, в немного сокращенном виде, результаты своего исследования о Петрее К. Таркиайнен изложил в содержательной и очень важной монографии, которая вышла на финском языке: *Tarkiainen K.* Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki, 1986. S. 55–87. Собственно, К. Таркиайнена, много занимавшегося русско-шведскими связями XVI – начала XVIII в., вообще следует считать главным специалистом по Петрею. И неслучайно именно он является автором соответствующей статьи в академическом «Шведском биографическом словаре»: *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1995. B. 29. Pegelow – Rettig. S. 226–228.

Отмечу здесь также работы Ю. А. Лимонова: *Лимонов Ю. А.* 1) «История о Великом княжестве Московском» Петра Петрея // Скандинавский сборник. Таллин, 1967. Вып. 12. С. 260–269; 2) Новые источники о Петре Петрее и его сочинении // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. С. 99–101; 3) Сочинение шведского историографа начала XVII в. Петра Петрея о России // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 104–113. Правда, к сожалению, приходится констатировать, что в статьях Ю.А. Лимонова встречаются безосновательные утверждения, которых особенно много в последней работе. Однако, с другой стороны, его несомненной заслугой является подготовка комментированного издания знаменитой «Реляции» Петрея (1608) с переводом на русский язык: Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. / Сост. Ю. А. Лимонов, В. И. Буганов. М., 1976 (автор перевода — Г. М. Коваленко).

Сравнительно недавно на «Реляцию» обратила внимание шведская исследовательница Маргарета Аттиус Сульман, подготовившая (при участии К. Таркиайнена и Г. М. Коваленко) новое издание «Реляции»: Stora oredans Ryssland: Petrus Petrejus ögonvittnesskildring från 1608 / Red. M. Attius Sohlman. Stockholm, 1997; см. также: *Attius Sohlman M.* Petrus Petrejus, a Swedish Eyewitness in Moscow 1608: Interpreting the Time of Trouble for the Swedish Public // In Search of an Order: Mutual Representations in Sweden and Russia during the Early Age of Reason / Ed. by U. Birgegård and I. Sandomirskaja. Huddinge, 2004. P. 51–65.

Наконец, упомяну для полноты картины об активизировавшемся в последние годы изучении Петрея как «родоначальника норманизма»: *Latvakangas A.* Riksgrundarna: Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 132–137; *Фомин В. В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 17–57.

[4] Здесь и далее все даты даются по юлианскому календарю, которого в Швеции придерживались до самого конца XVII в., а окончательно отказались от него только в 1753 г.

[5] *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 246.

[6] Герцог Карл — Абелю Эрикссону. RA. RR. 1600. Jan.–juni. 24.05. Fol. 135v.

[7] *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 247.

[8] Ibid.

Московского государства» Петрей упоминает о 4 годах, проведенных им в России — до того, как ему пришлось еще несколько раз съездить туда по заданию Карла IX[9]. (Кстати, в предисловии к немецкому тексту он добавляет, что «находился на службе у великого князя»[10]). Кроме того, в «Реляции», рассказывая о голоде 1601–1603 гг., он утверждает, что наблюдал это бедствие своими глазами[11]. То же самое он говорит и о расправе с вдовой и сыном Бориса Годунова в мае 1605 г.: «…следы от веревки, которой они были задушены, я видел собственными глазами вместе со многими тысячами людей»[12]. С другой стороны, опять-таки из «Реляции» известно, что 4 декабря 1605 г. Петрей находился на обратном пути из России в Краков и присутствовал там на свадьбе Сигизмунда III[13]. Возможно, прав был Р.Г. Скрынников, предположивший, что сообщение Станислава Жолкевского о некоем шведе, который в самом конце 1605 или в начале 1606 г. привез королю Сигизмунду от Марии Нагой, точнее от инокини Марфы, весть о самозванстве Лжедмитрия, относится к Петрею[14]. Таким образом, пребывание Петрея в России следует датировать временем с 1601 до конца 1605 г. Причем, если доверять его сообщению о 4 годах, проведенных в Московии, то скорее всего, он отправился туда в конце 1601 г.

Сказать что-либо определенное о том, в каком качестве Петрей впервые приехал в Россию, трудно. По всей видимости, он так или иначе выступал в качестве информатора, агента герцога Карла. Но что следует понимать под службой великому князю Московскому, упоминаемой лишь в 1620 г. в предисловии к немецкоязычной версии главного труда Петрея, — не ясно. Предположение Ю. А. Лимонова о том, что Петрей прибыл в Россию под видом врача[15], — неправдоподобно, если учесть, как тщательно проверялись кандидатуры иноземных лекарей, которых намеревались пригласить в страну[16].

В одном месте «Описания Московского государства» Петрей, рассказывая о своих попытках встретиться с Лжедмитрием III в Ивангороде, отмечает, что видел Лжедмитрия I и в Польше, и в Москве[17]. К. Таркиайнен, обративший на это внимание, конечно, ошибается, допуская, что Петрей мог хотя бы мельком встретиться с самозванцем еще в 1600 г. во время своей поездки к Сигизмунду с письмом от герцога Карла. Так что следует принять другое предположение финского исследователя: вероятно, в указанные

[9] *Petrejus P.* Regni Muschovitici sciographia: Thet är: Een wiss och egenteligh beskriffning om Rydzland, med thes många och stora furstendömers, provinciers, befestningars, städers, siögars och elfwers tilstånd, rum och lägenheet... vthi sex böker korteligen författat, beskrifwin och sammandragin, af Petro Petreio. Stockholm, 1615. Förtalet (пагинация отсутствует).

[10] *Петрей де Ерлезунда П.* История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедимитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года / Пер. с нем. А. Н. Шемякина // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 154.

[11] Реляция... С. 75.

[12] Там же. С. 92. — Этот момент личного свидетельства особо подчеркивает М. Аттиус Сульман (см. ее публикации, упомянутые в сноске 3).

[13] Реляция... С. 100.

[14] Записки гетмана Жолкевского о Московской войне / Изд. П. А. Муханов. 2-е из. СПб., 1871. С. 10–11; *Скрынников Р. Г.* 1612 год. М., 2007. С. 596.

[15] Реляция... С. 12–13.

[16] См., например, материалы о приезде иноземных докторов от 1600 г.: РИБ. СПб., 1884. Т. 8. № 10. 1–5. Ст. 83–103.

[17] *Petrejus P.* Regni Muschovitici sciographia... Andra Book. S. 268; см. также: *Петрей де Ерлезунда П.* История... С. 361. — Об этой миссии Петрея см. ниже.

4 года Петрей не все время оставался в России, а выезжал — однажды или несколько раз — в Польшу[18].

В следующий раз имя Петрея «всплывает» в источниках в 1607 г. В конце лета или, скорее, в самом начале осени этого года он вместе с купцом Генрихом Кёкерлингом (в документах везде подчеркивается, что тот является царским подданным) был направлен в качестве гонца к Василию Шуйскому. Верительная грамота для Петрея, именуемого «секретарем канцелярии» (Cantzelijförwandt), датирована 27 августа, мемориал (tänkesedel, аналог русской наказной памяти) — 1 сентября. Таким образом, по всей видимости, они с Кёкерлингом выехали в Выборг в первых числах сентября. Петрей должен был передать предложения шведского короля о помощи в подавлении нестроений в России и о совместной борьбе с поляками. Король также просил прислать ему в знак признательности кого-нибудь из знатных поляков, оказавшихся в плену у Василия Шуйского[19]. Если царь не пожелает нарушать перемирие с Польшей, Карл был готов использовать войска, которые он предлагал направить в Россию, для нападения на Литву[20].

Однако граница оказалась закрыта, и посланникам Карла IX пришлось до начала следующего года ожидать в Выборге. Только в январе 1608 г. им удалось пересечь границу — о том, что разрешение на въезд получено, выборгский комендант Арвид Тённессон сообщил королю 9 января, а 27-го Петрей с Кёкерлингом выехали в сторону границы[21]. В Москве Петрей оказался не позднее 14 февраля[22].

Карл IX еще не знал об этом в феврале 1608 г. и потому 24 февраля сообщил А. Тённессону, что отправил Петрею и Кёкерлингу по письму (копии которых пересылались и выборгскому коменданту). Петрей должен был заказать перевод такого письма на русский язык и, взяв его с собой, знакомить с ним русских во время своего пребывания в Москве и в иных местах. По всей видимости, речь идет о посланиях, тексты которых сохранились в так называемой государственной регистратуре (реестре писем, исходящих из королевской канцелярии). Содержание этих документов, адресованных Кёкерлингу (23 февраля) и Петрею (24 февраля), сходно: там вновь говорится о готовности Карла оказать военную помощь Василию Шуйскому, и, кроме того, перечисляются имена иностранных кондотьеров, предложивших свои услуги шведскому королю (среди них, например, граф Иоахим Фридрих фон Мансфельд, Уильям Стюарт, названный тут графом Оркнейским, Режи дю Вернэ и другие небезызвестные фигуры). Пропагандистский смысл акции с письмами очевиден — Петрей, судя по

[18] *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 247–248.

[19] При этом оказались перепутаны сандомирский воевода Юрий Мнишек, киевский воевода Константин Острожский (не являвшийся московским пленником) и князь Константин Вишневецкий; ср. подобного рода ошибку у самого Петрея: Реляция... С. 84.

[20] Карл IX — Василию Шуйскому. RA. RR. 1607. 27.08. Fol. 151–151v; Карл IX — Петрею. RA. RR. 1607. Suppl. 01.09. Fol. 96; см. также: *Almquist H.* Sverge och Ryssland 1595–1611: Tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränslandens erövring och den stora dynastiska planen. Uppsala, 1907. S. 114. Мемориал от 1 сентября упоминает также Г. В. Форстен: *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 261. Февраль. С. 337.

[21] Эти даты выясняются из ответов Карла IX на письма А. Тённессона: RA. RR. 1608. 24.02. Fol. 55; RA. RR. 08.03. Fol. 84.

[22] *Almquist H.* Sverge... S. 121 (со ссылкой на Н. Н. Бантыш-Каменского: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1902. Ч. 4: Пруссия, Франция, Швеция. С. 139); см. также: *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 248.

всему, считался подходящим кандидатом для распространения среди «московитов» подобного рода сведений[23].

С ответом Василия Шуйского Петрей вернулся в апреле 1608 г. Карл IX отметил в своем «календаре» прибытие гонца 11 апреля[24]. Кроме того, в приписке к одному из писем короля коменданту Нарвы Филиппу Шедингу от 10 апреля (из Эребру) сказано, что как только письмо было датировано, приехал Петрей[25]. Значит, 10 или 11 апреля наш герой появился в Эребру. Однако ему предстояло тут же снова отправляться в Москву (о чем, в частности, говорится в упомянутой приписке к письму Ф. Шедингу от 10 апреля). И на сей раз не через Выборг, а через Нарву.

Новое послание Василию Шуйскому, которое предстояло доставить Петрею, датировано 18 апреля в Юлите (королевская резиденция неподалеку от Эребру) — Петрей, очевидно, должен был отбыть вскоре после этой даты. В послании Карл IX пенял царю на ошибки в написании королевского титула; риторически вопрошал, действительно ли тот желает быть с ним в дружбе; сетовал на отсутствие русских послов для переговоров о военной помощи, которую он так стремился навязать Василию Шуйскому; угрожал прислушаться к предложениям мира со стороны поляков. В отдельном письме Карл требовал выдачи бежавшего в Россию шведского подданного Лассе Улофссона Краббе, которого в Швеции должны были судить за убийство[26]. Петрею не суждено было самому доставить эти письма — в Россию его не пустили, хотя иваногородский воевода принял королевские послания для пересылки их в Москву, о чем Ф. Шединг сообщил королю 20 июля 1608 г.[27] Петрей же, судя по всему, уже в августе вернулся в Швецию.

Здесь я вынужден сделать одно отступление, чтобы немного прояснить ход осуществления дипломатических контактов между Карлом IX и Василием Шуйским в 1607–1608 г. Д. В. Лисейцев в одной из своих статей коснулся вопроса о миссии гонца Стефана Лемния, которая в отечественной историографии известна почти исключительно по сообщению Юхана Видекинда[28]. Д. В. Лисейцев совершенно справедливо согласился с Видекиндом и отнес приезд Лемния к весне 1607 г., предположив, что именно о его прибытии на границу 7 марта 1607 г. отписали воеводы из Орешка[29]. Подчеркну, что имя Лемния (Stephan Lemnius) встречается отнюдь не только у Видекинда: о том, пересек ли этот гонец границу, спрашивал выборгского коменданта А. Тённессона король в письме от 19 марта 1607 г., а чуть раньше, 4 января, в приписке к письму шведским

[23] См.: Карл IX — Г. Кёкерлингу. RA. RR. 1608. 23.02. Fol. 53v–54; Карл IX – А. Тённессону. RA. RR. 1608. 24.02. Fol. 55; Карл IX — Петрею. RA. RR. 1608. 24.02. Fol. 56. Об этом поручении, данном Петрею, упоминает и Хельге Альмквист: *Almquist H.* Sverge… S. 120. — Кстати, король в письме к Петрею упрекает его за то, что тот якобы не дождался ответа от русских пограничных воевод и поехал, не исполнив поручения, назад, в Або. Вероятно, это выдуманная деталь, поскольку других свидетельств недовольства короля Петреем я не нашел, а в письме Кёкерлингу тоже подчеркивается, что тому долго пришлось сидеть в Выборге и ждать разрешения на въезд.

[24] *Almquist H.* Sverge... S. 121.

[25] Карл IX — Ф. Шедингу. RA. RR. 1608. 10.04. Fol. 138.

[26] Карл IX — Василию Шуйскому. RA. RR. 1608. 18.04. Fol. 147–148 (два письма); см. также: *Almquist H.* Sverge... S. 122.

[27] *Almquist H.* Sverge... S. 123.

[28] *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. с лат. С. А. Аннинского, со шв. А. М. Александрова при участии А. Ф. Костиной; подг. О. Н. Агеева, Ю. Н. Беспятых, А. Н. Васильев, Г. М. Коваленко, Г. А. Победимова, И. А. Тихонюк; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 36, 568–569 (комментарий составителей, по мнению которых Видекинд мог спутать Лемния с Петреем).

[29] *Лисейцев Д. В.* Русско-шведские посольские связи в Смутное время начала XVII в.: Новые архивные находки // Россия и Швеция в средневековье и новое время: Архивное и музейное наследие / Под ред. А. В. Лаврентьева. М., 2002. С. 90–91.

пограничным комиссарам Карл сообщал об отправке к ним Лемния и разрешал послать его в Москву с письмом к Василию Шуйскому. Лемний повез в Москву послание к царю от 24 декабря 1606 г.[30] Правда, в последнем документе речь шла прежде всего о подтверждении Тявзинского договора 1595 г. и о переговорах по поводу навязываемой Карлом военной помощи царю. Причем ситуация была весьма неопределенная (прибывший в ноябре из Москвы гонец Даниэль Теодори Юрт подвергся на обратном пути нападению, что вызвало сильное недовольство Карла и нашло отражение в письме от 24 декабря[31]), так что едва ли задачей Лемния могло быть создание русско-шведско-турецкого союза для борьбы с Речью Посполитой, как предположил Д. В. Лисейцев[32].

Далее, ссылаясь на составленный в 1700 г. в Посольском приказе перечень имевшихся тогда в его архиве шведских грамот, Д. В. Лисейцев пишет: «Среди прочих посланий в этом реестре упомянуты две шведские грамоты, присланные в Москву с Петром Мягким в 116 [1607/1608] г., в которых содержалось требование отпустить задержанного шведского гонца. По всей видимости, данные грамоты были присланы в Москву летом 1608 г. с гонцом Петром Петреем (в русских источниках он упоминается как Петр Петров или Петр Петров Мяхкой)». В этом гонце он видит Лемния, который оказался задержан в России[33].

Не берусь обсуждать здесь судьбу Стефана Лемния, однако замечу, что приведенное свидетельство из реестра 1700 г. находит очевидное соответствие в описи архива Посольского приказа 1626 г., где упоминаются: «Наказная память от свейского короля Карла Карлова гонцу ево Петру Петрову…» (не датированная); «2 грамоты свейского короля к царю Василью Ивановичу всеа Русии о дружбе и о любви и о задержанье гонца ево… присланы из Ыванягорода з гонцом с Петром Мяхким во 116-м году…»; «Грамота верющая свейсково короля Карла к царю Василью Ивановичу всеа Русии… прислана во 116-м году из Ыванягорода с Петром Петровым Мяхким…»[34]. В наказной памяти без сомнения упомянут именно Петрей, на что в свое время обратил внимание Ю. А. Лимонов[35]. Однако Петр Мяхкой не может быть Петреем, который в 7116 г. сначала въехал в Россию через Выборг (в январе), а позднее вовсе не был пропущен через границу, зато передал два письма от Карла IX как раз ивангородскому воеводе. Так что,

[30] См.: герцог Карл — Василию Шуйскому. RA. RR. 1606. Suppl. Juni–dec. 24.12. Fol. 142v–143v; герцог Карл — пограничным комиссарам. RA. RR. 1606. 04.01. Fol. 6–7; Карл IX (он был коронован 17 марта 1607 г.) — А. Тённессону. RA. RR. 1607. 19.03. Fol. 41v. Как раз в связи с миссией Лемния на первый из этих документов ссылается Х. Альмквист: *Almquist H.* Sverge... S. 109. Примеч. 3.

[31] *Almquist H.* Sverge... S. 109.

[32] *Лисейцев Д. В.* Русско-шведские посольские связи… С. 92. — Кстати, автор этой статьи совершенно прав, утверждая, что российский гонец Ханс Англер, посланный Борисом Годуновым в Империю в конце 1604 г. и задержанный на обратном пути шведами, умер в Швеции, но ошибается, относя смерть Англера к 1605 г. (*Лисейцев Д. В.* Русско-шведские посольские связи… С. 88–90). Точную дату назвал Карл IX в письме к А. Тённессону от 5 июля 1607 г. — Англер скончался во время торжеств по случаю коронации Карла 25 марта того же года в Упсале (см.: *Almquist H.* Sverge... S. 110, окончание сноски со С. 109). Что касается предположения Д. В. Лисейцева, будто некий упившийся до смерти в годы правления Карла IX российский посланник, трагический конец которого описан у Петрея (*Петрей де Ерлезунда П.* История… С. 420–421; в шведоязычной версии 1615 г. этот эпизод отсутствует), и есть Англер (*Лисейцев Д. В.* Русско-шведские посольские связи… С. 89–90; страница в публикации «Истории о Великом княжестве Московском» 1997 г. указана в Примеч. 7 на С. 93 неверно), то это в принципе не исключено, однако у Петрея говорится о смерти «московита» в Стокгольме, а не в Упсале.

[33] *Лисейцев Д. В.* Русско-шведские посольские связи… С. 91.

[34] Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. В. И. Гальцов, под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 170 (Л. 258–258 об.).

[35] *Лимонов Ю. А.* Новые источники... С. 99–100.

судя по всему, Петр Петров Мяхкой — русский гонец, отправленный из Ивангорода в Москву. И очень может быть, что привез он те самые послания от 18 апреля 1608 г., о которых говорилось выше. Правда, в них речь не шла о задержании гонца — Карл требовал выдачи перебежчика Лассе Улофссона Краббе. Но не исключено, что в опись архива вкралась какая-то ошибка[36].

Итак, Петрей вернулся из Нарвы, скорее всего, в августе 1608 г. По возвращении он, вероятно, засел за свою «Реляцию», которая была готова к началу ноября (предисловие к ней датировано 8 ноября в Стокгольме[37]). Точных сведений о передвижениях Петрея в течение следующего года у нас нет, зато известно, что, по-видимому, в 1609 г. он составил описание совершенной недавно коронованным Карлом IX традиционной для только что принявшего корону шведского монарха поездки по своей стране (т. н. эриксгата)[38]. Можно полагать, что он сопровождал короля в этой поездке, состоявшейся весной 1609 г. и считающейся последней настоящей эриксгатой в истории Швеции. В своем сочинении, оставшемся неопубликованным, Петрей коснулся между прочим вопроса об обязанностях короля по отношению к подданным — тема, принципиальная для бывшего герцога Карла, которому необходимо было обосновывать низложение Сигизмунда III, и ранее уже затронутая Петреем в «Реляции», там где виновником обрушившихся на Россию несчастий объявляются злодеяния «тирана» Ивана Васильевича[39].

Вновь в Россию Петрей был послан в конце 1609 г. (адресованный ему мемориал датирован 10 ноября). Ему предстояло доставить письмо Василию Шуйскому от Карла IX с предложением о подготовке в Финляндии 2–3 тысяч человек русской пехоты (под началом русских командиров, уже перешедших к тому времени на шведскую службу). Спутниками Петрея были два татарина, оказавшиеся каким-то образом в Швеции. Они должны были выступить агентами по вербовке нескольких тысяч татар, которых затем предполагалось использовать в составе шведской армии для взятия Дерпта (оттуда их планировали после взятия города направить в распоряжение Якоба Делагарди). Вместе с Петреем поехал выборгский русский переводчик Карл Хенрикссон[40].

---

[36] Что вполне возможно. К примеру, в той же описи архива Посольского приказа упоминается «грамота свейская Карла короля, писана к царю Василью Ивановичю всеа Русии во 115-м году августа в 23 день з гонцом з Бернтом Пиманем, о дружбе и о любви и об стоянье на недругов заодин…» [Опись архива Посольского приказа 1626 года. С. 170 (Л. 258)]. В этом гонце едва ли можно видеть кого-нибудь, кроме известного Берента (Бернда) Нюмана (Нимана) (кстати, в марте 1607 г. официально назначенного русским переводчиком: *Tarkiainen K.* Venäjäntulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661 // Historiallinen arkisto. Helsinki, 1969. Vol. 64. S. 73). Б. Нюман, однако, увез письмо от Карла за 19 марта 1607 г., а вернулся в Стокгольм лишь в феврале 1608 г. (*Almquist H.* Sverge... S. 114, 119–120), так что он никак не мог доставить из Швеции грамоту, датированную августом 7115 (1606/1607) г. А королевское послание царю от 27 августа 1607 г. повез, как сказано выше, Петрей. По всей видимости, составители описи 1626 г. ошиблись: неправильно передали имя гонца и перепутали время составления грамоты, например, со временем ее доставки в Москву.

[37] Реляция... С. 74.

[38] *Hermansson Å.* Karl IX och ständerna: Tronfrågan och författningsutvecklingen i Sverige 1598–1611. Stockholm, 1962. S. 251–259; *Runeby N.* Monarchia mixta: Maktfördelningsdebatt i Sverige under den tidigare stormaktstiden. Stockholm, 1962. S. 55–58.

[39] Реляция... С. 75–77; *Runeby N.* Monarchia mixta. S. 58–59; см. также: *Толстиков А. В.* Провидение и библейские образы в сочинениях шведских подданных о России конца XVI – начала XVII века // История и филология: Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы международной конференции (2–5 февраля 2000 года). Петрозаводск, 2000. С. 202–204.

[40] Карл IX — Петрею. RA. RR. 1609. 10.11. Fol. 401v–402v; *Almquist H.* Sverge... S. 176–177; *Tarkiainen K.* 1) Petrus Petrejus som skildrare... S. 249; 2) Venäjäntulkit… S. 73–74 (о К. Хенрикссоне).

Границу они пересекли лишь в конце января — сохранилось письмо Петрея секретарю канцелярии Эрику Элофссону от 31 января из Орешка, где он сообщает о своем прибытии туда накануне, т. е. 30 января, и жалуется на условия проживания. Там же Петрей сообщает о своих беседах с переводчиком приехавших в Орешек русских послов[41]. По всей видимости, это было посольство, направленное Василием Шуйским в Швецию в ноябре 1609 г. и возглавлявшееся Смирным Отрепьевым — дядей первого самозванца[42]. Не мог ли русский посол или кто-нибудь из его приближенных (например, тот же переводчик Бертиль Вестерман, с которым Петрей, судя по письму от 31 января, говорил о событиях в Москве) стать источником ценной информации о Григории Отрепьеве для Петрея?

В том же письме Петрей рассказывает, что, продвигаясь по территории Корельского уезда (Кексгольмского лена), он встречал главным образом «финское» население (mest finskt folk). По его словам, эти «финны» (часть их следует, по всей видимости, считать карелами) заявляли о своей лояльности шведскому королю и о желании «снова пребывать под шведской короной» (komma vnder Swerigis Crono igen); «просили, чтобы не наказывали тех, кто бежал из Финляндии и туда, чтобы [там] жить» (at them som hafwa rymt ifrån Finland och dijt til at boo, at the motte icke therföre blifwa straffade); сообщали о состоявшемся у них собрании «финских и русских священников, а также крестьян» (både finska och ryska prester sampt bönderna), решивших послать делегацию в Выборг, чтобы заверить шведские власти в своей преданности; утверждали, что и «многие русские с удовольствием остались бы» (monga Ryßar som gerna wela blifwa quar), и хотя после передачи Корелы их могут начать прогонять с насиженных мест (очевидно, российские власти, как счел Х. Альмквист), они готовы скрываться в лесах, пока не сумеют вернуться на прежние места жительства. Говорили «финны» Петрею и о намерении повредить расположенные поблизости монастырские мельницы, «что было бы к великой пользе для короля и короны» (ther af konungen och Cronan kunde hafwa mykit gagn)[43].

Считается, что по крайней мере часть пути на этот раз Петрей проделал вместе со шведскими войсками, отправившимися в Россию на помощь Василию Шуйскому. Высказавший такое мнение К. Таркиайнен в его обоснование указывает, во-первых, на то, что в «Описании Московского государства» Петрей упоминает о посещении им в Кашине — наряду с Якобом Делагарди и несколькими тысячами шведов и немцев — могилы шведского принца Густава (1568–1607), приглашенного в Россию Борисом Годуновым да так и скончавшегося на чужбине[44]. Только в начале 1610 г. у Петрея

[41] RA. Kanslitjänstemäns koncept och mottagna skrivelser. Vol. 11. Petrejus till sekreteraren Erik Elofsson. 31.10.1610.

[42] Комиссары во главе с Иваном Михайловичем Пушкиным, специально назначенные для передачи Корелы (Кексгольма) шведской стороне, прибыли в Орешек только в феврале 1610 г.: *Almquist H.* Sverge… S. 178–179; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 443–444.

[43] RA. Kanslitjänstemäns koncept och mottagna skrivelser. Vol. 11. Petrejus till sekreteraren Erik Elofsson. 31.10.1610. — Х. Альмквист опубликовал фрагмент этого документа: *Almquist H.* Sverge... S. 178. Он повторил утверждения Петрея о лояльности русского населения Корельского уезда шведским властям (правда, опустив при цитировании соответствующие фразы) и в результате подвергся критике со стороны Г.А. Замятина, считавшего, что судить о настроениях среди русских по приведенному свидетельству (которое он, кстати, знал лишь по выдержкам, опубликованным у Альмквиста) — опрометчиво: *Замятин Г. А.* Россия... С. 443.

[44] *Petrejus P.* Regni Muschovitici sciographia... Andra Book. S. 122–123; см. также: *Петрей де Ерлезунда П.* История… С. 279–280. Подробнее о принце Густаве, об интересе Петрея к нему и о почти забытом сочинении, посвященном жизни королевича и почти наверняка также принадлежащем перу Петрея, см.: *Толстиков А. В.* «Реляция о Густаве, сыне короля Эрика» и Петр Петрей // Грани сотрудничества. Петрозаводск, 2012 (в печати). Там же см. ссылки на литературу.

и у Я. Делагарди с его войском была возможность посмотреть место упокоения сына короля Эрика XIV (замечу, правда, что не обязательно шведский военачальник и Петрей побывали там одновременно, хотя все равно временной разрыв едва ли мог быть большим, иначе с чего бы Петрею перечислять в одной фразе как свидетелей себя, Делагарди и многотысячное войско?). Во-вторых, К. Таркиайнен отмечает детальное описание Петреем вступления шведских войск в Москву[45] — возможно, наш герой был очевидцем этих событий[46].

Действительно, в указанном выше мемориале от 10 ноября 1609 г. Петрею предписывалось посоветоваться с Делагарди и с М. В. Скопиным-Шуйским о том, как лучше добираться до Москвы. Так что все трое должны были встречаться еще на границе и вполне могли вместе выступить в поход. Однако Петрей точно не все время находился в передовых частях, поскольку когда он в последних числах января еще только подъезжал к Орешку, Делагарди уже занял опустевший польский лагерь под Троице-Сергиевым монастырем (это произошло 28 января)[47]. Однако вступить в Москву 12 марта[48] со шведскими войсками Петрей мог. Во всяком случае, и из изложения Ю. Видекинда следует, что Петрей прибыл в Москву в марте, и, что еще важнее, уже точно находясь в российской столице, 20 марта 1610 г. он расписался в квитанции[49].

Когда именно Петрей возвратился в Швецию — неизвестно. После этой поездки его стали называть «фискалом» (fiskal), или даже «придворным фискалом» (hovfiskal), хотя использовали его по-прежнему как курьера и информатора. Так, в августе того же 1610 г. его по каким-то делам отправили в Данию (деньги на поездку он получил 28 августа). Что это были за дела и когда он вернулся — мы не знаем[50].

В мае 1611 г. Петрей отправился в Нарву и Ивангород с новой важной миссией (деньги на дорогу были ему выплачены 12 мая[51]). Как он сам впоследствии рассказал, Карл IX поручил ему встретиться с Лжедмитрием III, который в марте 1611 г. объявился в Иваногороде и сразу выслал гонца к нарвскому коменданту Ф. Шедингу, чтобы через него установить контакты с королем и попросить у Швеции военной помощи. Новый Дмитрий вызывал подозрения, так что Петрею, по его собственным словам, знавшему первого самозванца в лицо, предстояло убедиться, что это не тот же самый человек. Но, как известно, Петрей так и не сумел встретиться с Лжедмитрием лично, и встреча с его уполномоченными тоже ни к чему не привела. Едва ли после 24 июня, когда войско Лжедмитрия III покинуло Ивангород и двинулось в поход на Псков, Петрей мог продолжать попытки выполнить поручение короля. Тем более — после серьезного изменения ситуации в результате захвата Я. Делагарди Новгорода 16 июля[52].

[45] *Petrejus P.* Regni Muschovitici sciographia... Andra Book. S. 255–256; ср.: *Петрей де Ерлезунда П.* История… С. 350.

[46] *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 248.

[47] Чуть раньше, 11 января, Ян-Петр Сапега отвел свои силы из-под стен монастыря: *Видекинд Ю.* История… С. 94; *Almquist H.* Sverge... S. 170. (Кстати, об отступлении поляков из-под Троицы Петрей упоминает в вышеуказанном письме из Орешка от 31 января.)

[48] *Видекинд Ю.* История… С. 103; *Almquist H.* Sverge... S. 175.

[49] *Видекинд Ю.* История… С. 100; *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 249.

[50] *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 249.

[51] Ibid.

[52] См. об этой миссии Петрея: *Petrejus P.* Regni Muschovitici sciographia... Andra Book. S. 267–269; *Петрей де Ерлезунда П.* История… С. 360–361; *Видекинд Ю.* История… С. 165, 191; *Almquist H.* Sverge... S. 230–231; см. также: *Замятин Г. А.* Россия... С. 266–272; *Седов П. В.* Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 22–25.

Интересно, что сам Петрей ни слова не говорит о том, что на переговоры с Лжедмитрием он был направлен не один, а с небезызвестным Федором Аминевым (Аминовым) — одним из «ингерманландских русских бояр». Более того, в составленных в мае 1611 г. письмах Карла IX к Лжедмитрию III и к Ф. Шедингу, где речь идет об организации переговоров с новым самозванцем, именно Ф. Аминев выглядит главным действующим лицом[53]. Правда, интересуясь в письме от 6 июля того же года у Ф. Шединга, как продвигается дело с Лжедмитрием, король упоминает Петрея на первом месте и спрашивает, достаточно ли благонадежен Аминев и не перейдет ли он на другую сторону («Och hafuer den Födder Aminof igodh acht, att han icke kommer på den andra sijdan»)[54]. Но в любом случае, похоже, роль Ф. Аминева в этом деле была ничуть не меньше, чем у Петрея.

Последний, между тем, находил время не только для дипломатии. В 1611 г. вышла из печати его «Краткая и полезная хроника всех свейских и готских королей, правивших как внутри страны, так и за ее пределами, от первого короля Магога… до ныне правящего Карла IX». Написанная в готицистском духе — обычном для шведской истории того времени, она прославляла великие деяния древних шведских (они же готские) королей. В 1614 г. появится также второе издание хроники (доведенное уже до Густава II Адольфа)[55].

В первой половине 1612 г. Петрей немало времени провел в оккупированном шведами Новгороде. В тот период, когда начались переговоры об избрании на русский престол шведского принца, Петрей стал исполнять роль связного между Якобом Делагарди, с одной стороны, и королем Густавом Адольфом и рикскансцлером Акселем Оксеншерной, с другой[56]. Хронология этих его поездок восстанавливается благодаря корреспонденции А. Оксеншерны, причем значительную работу в этом отношении проделал Г. А. Замятин, который, правда, кажется, не отождествил гонца Педера Педерссона с Петреем.

В целом, вырисовывается следующая картина. Петрей выехал из Швеции вместе с отпущенным в начале февраля 1612 г. новгородским послом Иваном Якушкиным, который в ноябре 1611 г. привез от новгородцев грамоту с предложением избрать на русский престол одного из сыновей Карла IX (к моменту прибытия посла Карл скончался, и аудиенцию в Нючёпинге Якушкин получил уже у Густава Адольфа). Составленный в январе ответ Густава Адольфа Петрей как раз и доставил в Новгород — по всей видимости, лишь 22 апреля (о чем в письме рикскансцлеру сообщил Делагарди)[57]. Возможно, Якушкин и Петрей задержались с выездом и потому добрались до места назначения лишь в 20-х числах апреля.

В Новгороде Петрей оставался как минимум до 12 мая, так как, прибыв в Стокгольм 15 июня, он привез официальную просьбу новгородцев отпустить принца Карла

[53] Карл IX — Лжедмитрию III. RA. RR. 1611. Maj–okt. 01.05. Fol. 230v–231; то же самое письмо, но датированное 9 мая: RA. RR. 1611. Maj–okt. 09.05. Fol. 247v–248; Карл IX — Ф. Шедингу. RA. RR. 1611. Maj–okt. 08.05. Fol. 245v–246; см. также: *Almquist H.* Sverge... S. 230.

[54] Карл IX — Ф. Шедингу. RA. RR. 1611. Maj–okt. 06.07. Fol. 307v.

[55] *Petrejus P.* Een kort och nyttigh chrönica om alla Swerikis och Göthis konungar, som hafwa både in och vthrijkis regerat, ifrån konung Magogh, in til nu regerande högloflig konung Gvstaf Adolph… Stockholm, 1614; см. также: *Runeby N.* Monarchia mixta. S. 59–61.

[56] О переговорах по поводу избрания Карла Филиппа на русский престол см. прежде всего: *Замятин Г. А.* Россия... С. 31–242; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005. С. 199–327.

[57] Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brefvexling. Stockholm, 1888. Afd. 2. B. 1. K. Gustaf II Adolfs bref och instruktioner. S. 3–4; Ibid. 1893. Afd. 2. B. 5. Jacob de la Gardies bref 1611–1650. S. 11; Ibid. 1896. Afd. 1. B. 2. Bref 1606–1624. S. 37; *Замятин Г. А.* Россия... С. 62–63, 220.

Филиппа на русский престол (от 4 мая), письмо Делагарди королю (от 8 мая) и, как подчеркнул Г. А. Замятин, сведения о получении в Новгороде грамот от Московского и Казанского государств, для чего Петрею необходимо было дождаться приезда из Ярославля С. Л. Татищева с товарищами (12 мая). 16 июня Петрей был принят вдовствующей королевой Кристиной — матерью Густава Адольфа и Карла Филиппа[58].

Петрей сделался, таким образом, весьма заметной фигурой всей шведской восточной политики. Он продолжал посещать Россию. Однако, к сожалению, маршруты и сроки этих его дальнейших поездок можно установить лишь очень приблизительно. Так, К. Таркиайнен выяснил, что 6 и 12 апреля 1613 г. Петрей получил деньги из полевой кассы в Новгороде, 18 июля того же года расписался в денежной квитанции в Стокгольме, а 20 сентября — в Ниене (Ниеншанце)[59]. В коротеньком письме своему патрону Акселю Оксеншерне от 21 октября 1613 г. Петрей сообщил, что только что вернулся из России[60]. Письмо датировано в Несе (Nääs). Скорее всего, имеется в виду место, которое сегодня называется Stockholms Näs, в Упланде — достаточно далеко от Ниена. Можно поэтому предположить, что в сентябре 1613 г. Петрей возвращался через Ниен из поездки, в которую отправился в июле из Стокгольма. Возможно, он снова ездил в Новгород.

Это пока самое позднее свидетельство о пребывании Петрея в России[61], в которой он, как видим, весьма часто появлялся на протяжении 12 лет. Дальнейшие этапы биографии Петрея, которые, к сожалению, не могут быть здесь рассмотрены даже вкратце, были весьма насыщенными и важными[62]. Он еще довольно много успел сделать за остававшиеся у него 9 лет жизни и немало поездил по Европе. Однако неизвестно, довелось ли ему еще хоть раз побывать в России после 1613 г.

Данные о статье

Автор: Толстиков Александр Владимирович, кандидат исторических наук, Петрозаводский государственный университет, a_tolstikov@mail.ru

Заголовок: Петр Петрей в России (1601–1613 гг.)

Резюме: В статье суммируется и анализируется практически вся имеющаяся на сегодняшний день информация о пребывании в России Петра Петрея (ок. 1570–1622) — известного шведского автора, дипломата, агента и пропагандиста на службе шведской короны. Детально прослеживается хронология и обстоятельства его поездок в Россию в 1601–1613 гг.

Ключевые слова: Россия, Швеция, Смута, иностранные источники, Петр Петрей

Литература, использованная в статье

Бантыш-Каменский, Николай Николаевич. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Москва: Комиссия печатания грамот и договоров при МГАМИД, 1902. Ч. 4: Пруссия, Франция, Швеция. 463 с.

Замятин, Герман Андреевич. Россия и Швеция в начале XVII в.: Очерки политической и военной истории. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2008. 492 с.

[58] Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brefvexling. Stockholm, 1893. Afd. 2. B. 5. Jacob de la Gardies bref 1611–1650. S. 13; Ibid. 1896. Afd. 1. B. 2. Bref 1606–1624. S. 56–57; *Замятин Г. А.* Россия... С. 85, 224.

[59] *Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 249.

[60] Петрей — А. Оксеншерне 21.10.1613: RA. Oxenstiernska samlingen. Oxenstierna af Södermöre. Brev till rikskanslern Axel Oxenstierna. Ser. B. E 689. Per Andersson – Pfelzer.

[61] В первой половине 1615 г. он должен было отправиться с собранным в Восточной Финляндии хлебом в обнищавшие гарнизоны Орешка, Ладоги и Новгорода, но кажется, дело кончилось ничем (*Tarkiainen K.* Petrus Petrejus som skildrare... S. 249–250).

[62] См., например: *Толстиков А. В.* Зачем переводить «Regni Muschovitici sciographia» Петра Петрея со шведского языка // Средние века. М., 2011. Вып. 72 (3–4). С. 178–180.

Кобзарева, Елена Игоревна. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. Москва: Институт российской истории РАН, 2005. 454 с.

Лимонов, Юрий Александрович. «История о Великом княжестве Московском» Петра Петрея // Скандинавский сборник. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1967. Вып. 12. С. 260–269.

Лимонов, Юрий Александрович. Новые источники о Петре Петрее и его сочинении // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Москва: АН СССР, 1986. С. 99–101.

Лимонов, Юрий Александрович. Сочинение шведского историографа начала XVII в. Петра Петрея о России // Скандинавские чтения 1998 года. Санкт-Петербург: Наука, 1999. С. 104–113.

Лисейцев, Дмитрий Владимирович. Русско-шведские посольские связи в Смутное время начала XVII в.: Новые архивные находки // Россия и Швеция в средневековье и новое время: Архивное и музейное наследие / Под ред. А. В. Лаврентьева. Москва: Государственный исторический музей, 2002. С. 86–93.

Седов, Павел Владимирович. Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1993. С. 22–33.

Скрынников, Руслан Григорьевич. 1612 год. Москва: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 799 с.

Толстиков, Александр Владимирович. Провидение и библейские образы в сочинениях шведских подданных о России конца XVI – начала XVII века // История и филология: Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы международной конференции (2–5 февраля 2000 года). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 202–204.

Толстиков, Александр Владимирович. Зачем переводить «Regni Muschovitici sciographia» Петра Петрея со шведского языка // Средние века. Москва: Наука, 2011. Вып. 72 (3–4). С. 175–186.

Толстиков, Александр Владимирович. «Реляция о Густаве, сыне короля Эрика» и Петр Петрей // Грани сотрудничества. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012 (в печати).

Фомин, Вячеслав Васильевич. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. Москва: Русская панорама, 2005. 488 с.

Форстен, Георгий Васильевич. Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 261. Февраль. С. 325–349.

Almquist, Helge. Sverge och Ryssland 1595–1611: Tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränslandens erövring och den stora dynastiska planen. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1907. XXXV. 273 s.

Attius Sohlman, Margareta. Petrus Petrejus, a Swedish Eyewitness in Moscow 1608: Interpreting the Time of Trouble for the Swedish Public // In Search of an Order: Mutual Representations in Sweden and Russia during the Early Age of Reason / Ed. by U. Birgegård and I. Sandomirskaja. Huddinge: Södertörns högskola, 2004. P. 51–65.

Dahlin, Ernst Mauritz. Bidrag till de matematiska vetenskapernas historia i Sverige före 1679. Uppsala: Uppsala universitet, 1875. 146 s.

Hermansson, Åke. Karl IX och ständerna: Tronfrågan och författningsutvecklingen i Sverige 1598–1611. Stockholm: Acta Universitatis Upsaliensis, 1962. 343 s.

Latvakangas, Arto. Riksgrundarna: Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku: Turun yliopisto, 1995. 530 s.

Runeby, Nils. Monarchia mixta: Maktfördelningsdebatt i Sverige under den tidigare stormaktstiden. Stockholm: Acta Universitatis Upsaliensis, 1962. 619 s.

Stora oredans Ryssland: Petrus Petrejus ögonvittnesskildring från 1608 / Red. M. Attius Sohlman. Stockholm: Carlssons, 1997. 180 s.

Tarkiainen, Kari. Venäjäntulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661 // Historiallinen arkisto. Helsinki, 1969. Vol. 64. S. 5–136.

Tarkiainen, Kari. Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland: En personhistorisk och källkritisk studie // Lychnos. 1971–1972. Uppsala: Lärdomshistoriska samfundet, 1973. S. 245–283.

Tarkiainen, Kari. Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki: SHS, 1986. 349 s.

Tarkiainen, Kari. Petrus Petrejus // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Svenskt biografiskt lexikon, 1995. B. 29. Pegelow – Rettig. S. 226–228.

Information about the article:

Author: Tolstikov, Alexander Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, a_tolstikov@mail.ru

Title: Petrus Petrejus in Russia (1601–1613)

Summary: The paper sums up and analyzes practically all the information we have on the visits to Russia made by Petrus Petrejus (ca. 1570–1622), the famous Swedish author, diplomat, Swedish Crown's agent and propagandist. The chronology and circumstances of his journeys to Russia in 1601–1613 are traced in detail.

Key words: Russia, Sweden, Time of Troubles, foreign accounts, Petrus Petrejus

References

Almquist, Helge. *Sverge och Ryssland 1595–1611: Tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränslandens erövring och den stora dynastiska planen*. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1907. XXXV. 273 s.

Attius Sohlman, Margareta. Petrus Petrejus, a Swedish Eyewitness in Moscow 1608: Interpreting the Time of Trouble for the Swedish Public, in Birgegård U., Sandomirskaja I. (ed.). *In Search of an Order: Mutual Representations in Sweden and Russia during the Early Age of Reason*. Huddinge: Södertörns högskola, 2004. P. 51–65.

Bantysh-Kamenskij, Nikolaj Nikolaevich. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god)* [*Survey of the external Russian relations (up to 1800)*]. Moskva: Komissiya pechataniya gramot i dogovorov pri MGAMID, 1902. Ch. 4: Prussiya, Franciya, Shveciya. 463 s.

Dahlin, Ernst Mauritz. *Bidrag till de matematiska vetenskapernas historia i Sverige före 1679*. Uppsala: Uppsala universitet, 1875. 146 s.

Fomin, Vyacheslav Vasil'evich. *Varyagi i varyazhskaya Rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu* [*Varangians and Varangian Russia: On summation of the discussion on Varangian question*]. Moskva: Russkaya panorama, 2005. 488 s.

Forsten, Geogrij Vasil'evich. Politika Shvecii v Smutnoe vremya [Swedish policy during the Time of Troubles], in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya.* 1889. Ch. 261. Fevral'. S. 325–349.

Hermansson, Åke. *Karl IX och ständerna: Tronfrågan och författningsutvecklingen i Sverige 1598–1611*. Stockholm: Acta Universitatis Upsaliensis, 1962. 343 s.

Kobzareva, Elena Igorevna. *Shvedskaya okkupaciya Novgoroda v period Smuty XVII veka* [*Swedish occupation of Novgorod during the Time of Troubles in 17th century*]. Moskva: Institut rossijskoj istorii RAN, 2005. 454 s.

Latvakangas, Arto. *Riksgrundarna: Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning*. Turku: Turun yliopisto, 1995. 530 s.

Limonov, Yurij Aleksandrovich. *«Istoriya o Velikom knyazhestve Moskovskom» Petra Petreya [Petrus Petrejus' «History of The Grand Duchy of Moscow»], in Skandinavskij sbornik*. Tallin: Estonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1967. Vyp. 12. S. 260–269.

Limonov, Yurij Aleksandrovich. *Novye istochniki o Petre Petree i ego sochinenii [New Sources on Petrus Petrejus and His Work], in X Vsesoyuznaya konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskih stran i Finlyandii: Tezisy dokladov*. Moskva: AN SSSR, 1986. S. 99–101.

Limonov, Yurij Aleksandrovich. *Sochinenie shvedskogo istoriografa nachala XVII v. Petra Petreya o Rossii [The works of the Swedish Historiographer of the early 17th century Petrus Petrejus on Russia], in Skandinavskie chteniya 1998 goda*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1999. S. 104–113.

Lisejcev, Dmitrij Vladimirovich. Russko-shvedskie posol'skie svyazi v Smutnoe vremya nachala XVII v.: Novye arhivnye nahodki [Russia-Sweden embassy communications during the Time of Troubles in the beginning of 17th century: New archive foundings], in Lavrent'ev A. V. (ed.). *Rossiya i Shveciya v srednevekov'e i novoe vremya: Arhivnoe i muzejnoe nasledie*. Moskva: Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, 2002. S. 86–93.

Runeby, Nils. *Monarchia mixta: Maktfördelningsdebatt i Sverige under den tidigare stormaktstiden*. Stockholm: Acta Universitatis Upsaliensis, 1962. 619 s.

Sedov, Pavel Vladimirovich. Lzhedmitrij III [Third False Dmitry], in *Voprosy istorii Evropejskogo Severa*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 1993. S. 22–33.

Skrynnikov, Ruslan Grigor'evich. *1612 god* [*The year 1612*]. Moskva: AST; AST MOSKVA; HRANITEL', 2007. 799 s.

Tarkiainen, Kari. *Venäjäntulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661, in Historiallinen arkisto.* Helsinki, 1969. Vol. 64. S. 5–136.

Tarkiainen, Kari. *Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland: En personhistorisk och källkritisk studie, in Lychnos. 1971–1972.* Uppsala: Lärdomshistoriska samfundet, 1973. S. 245–283.

Tarkiainen, Kari. *Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen.* Helsinki: SHS, 1986. 349 s.

Tarkiainen, Kari. *Venäjäntulkit ja slavistiikan harrastus Ruotsin valtakunnassa vv. 1595–1661, in Historiallinen arkisto.* Helsinki, 1969. Vol. 64. S. 5–136.

Tarkiainen, Kari. *Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland: En personhistorisk och källkritisk studie, in Lychnos. 1971–1972*. Uppsala: Lärdomshistoriska samfundet, 1973. S. 245–283.

Tarkiainen, Kari. *Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen*. Helsinki: SHS, 1986. 349 s.

Tarkiainen, Kari. *Petrus Petrejus, in Svenskt biografi skt lexikon*. Stockholm: Svenskt biografi skt lexikon, 1995. B. 29. Pegelow – Rettig. S. 226–228.

Tolstikov, Aleksandr Vladimirovich. *«Relyaciya o Gustave, syne korolya Erika» i Petr Petrej [«Report on Gustav, son of King Erik» and Petrus Petrejus], in Grani sotrudnichestva*. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2012 (forthcoming).

Tolstikov, Aleksandr Vladimirovich. *Providenie i biblejskie obrazy v sochineniyah shvedskih poddannyh o Rossii konca XVI – nachala XVII veka [Providence and biblical images in the works of the subjects of Sweden about Russia in the late 16th – early 17th century], in Istoriya i fi lologiya: Problemy nauchnoj i obrazovatel'noj integracii na rubezhe tysyacheletij: Materialy mezhdunarodnoj konferencii (2–5 fevralya 2000 goda)*. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2000. S. 202–204.

Tolstikov, Aleksandr Vladimirovich. *Zachem perevodit' «Regni Muschovitici sciographia» Petra Petreya so shvedskogo yazyka [Why translate Petrus Petrejus' «Regni Muschovitici sciographia» from Swedish], in Srednie veka*. Moskva: Nauka, 2011. Vyp. 72 (3–4). S. 175–186.

Zamyatin, German Andreevich. *Rossiya i Shveciya v nachale XVII v.: Ocherki politicheskoj i voennoj istorii* [*Russia and Sweden in the beginning of the 17th century: Essays on political and military history*]. Sankt-Peterburg: Evropejskij Dom, 2008. 492 s.

ББК 66.3 (2) 44; УДК 947.04

Г. М. Коваленко

TWÓRCA KRÓLA & KUNGAMAKAREN. СТАНИСЛАВ ЖОЛКЕВСКИЙ И ЯКОБ ДЕЛАГАРДИ В РОССИИ

Внешнеполитической составляющей русской Смуты начала XVII в. было иностранное военное присутствие, в ходе которого внешние силы взаимодействовали с различными слоями русского общества. Механизмы этого взаимодействия на примере русско-польских отношений раскрыл Б. Н. Флоря[1]. При этом он актуализировал тему «русское общество и иноземный кандидат на престол», которая до недавнего времени рассматривалась, главным образом, в плане предательства национальных интересов.

Следует отметить, что как русское общество, так и внешние силы в Смутное время были представлены не только различными политическими и социальными силами, но и конкретными лицами, которые оказывали непосредственное влияние на характер и результаты этого взаимодействия. При этом они выдвигали собственные проекты, соответствовавшие их представлениям о государственных интересах.

Наиболее яркими фигурами, представлявшими противоборствующие внешние силы в России, были шведский военачальник Якоб Делагарди и его оппонент — польский гетман Станислав Жолкевский, оставившие заметный след не только в военной, но и в политической истории Смуты. Представляя интересы своих стран в России, они были посредниками между русским обществом и правителями своих государств.

В Смутное время Россия стала ареной столкновения политических интересов Польско-Литовского государства и Швеции, а их борьба за московский престол была одним из моментов в борьбе протестантизма с католичеством. В 1587 г. сын шведского короля Юхана III и польской принцессы Екатерины Ягеллонки Сигизмунд, оставаясь наследником шведского престола, был избран польским королем, а в 1592 г. после смерти отца был объявлен и королем Швеции. Младший брат Юхана III герцог Карл,

[1] *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

поддерживаемый лютеранской церковью, возглавил борьбу оппозиционного дворянства и бюргерства против Сигизмунда. В 1594 г. он был объявлен правителем государства, а в 1604 г. королем Швеции. Детронизация Сигизмунда стала началом непримиримой вражды и длительного династического конфликта между двумя ветвями династии Васа. Этот конфликт обострил давний спор Швеции и Речи Посполитой о господстве на Балтике, который вылился в затяжную войну с религиозным оттенком.

Война со Швецией заставила правящие круги Речи Посполитой предпринять попытку заключения военно-политического союза с Российским государством. Канцлер Лев Сапега привез в Москву проект соглашения, направленный на слияние Русского государства с Польско-Литовским. После того как Борис Годунов отверг проект такого «соединения», правящие круги Речи Посполитой решили воспользоваться внутренним кризисом в России для того, чтобы устранить монарха, отклонившего их предложения и способствовать возведению на русский престол такого правителя, который должен был не только вернуть часть утраченных Речью Посполитой земель, но и заключить соглашение, которое должно было создать условия для широких контактов польско-литовского и русского общества, что, в конечном итоге, должно было привести к подчинению России влиянию, идущему от этого общества[2].

Польские политики считали Московское государство серьезным и опасным противником, а потому были едины во мнении о том, что окончательное и благоприятное для Речи Посполитой решение восточной проблемы может быть достигнуто лишь при условии его подчинения политическому влиянию Речи Посполитой и превращения в часть политической системы, во главе которой стояло бы польско-литовское дворянство[3].

В этой ситуации для Карла IX первоочередной внешнеполитической задачей было не допустить создания русско-польско-литовской коалиции, что грозило ему не только утратой шведских владений в Прибалтике, но и потерей шведской короны. Потерпев ряд поражений в Ливонии, Карл IX опасался усиления Польши за счет России и был готов оказать последней военную помощь. Для него было важно поддерживать в России всякое независимое от Польши национальное правительство. «Надо пользоваться временем смут в России, — говорил король — ибо пока между русскими нет единства, не трудно составить себе там партию приверженцев и через нее действовать в свою пользу»[4].

Смута создавала также благоприятные возможности для реализации «Великой восточной программы» Юхана III, направленной на захват побережья Финского залива и пограничных крепостей — Ивангорода, Яма, Копорья, Орешка и Корелы, а также побережий Белого и Баренцева морей, Северной Карелии и устья Северной Двины. Эта программа легла в основу завоевательных планов шведских правящих кругов рубежа XVI–XVII вв.[5]

Карл IX неоднократно предлагал помощь Василию Шуйскому, и всякий раз получал отказ. Однако в середине 1608 г. стало ясно, что Шуйский не в состоянии привести страну к присяге, города один за другим переходили на сторону самозванца. В такой ситуации он решил опереться на внешнюю силу и согласился принять шведскую

[2] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 249–267.

[3] *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 54–55.

[4] *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. № 2. С. 333.

[5] История Швеции / Под ред. А. С. Кана. М., 1974. С. 167–168.

помощь[6]. В феврале 1609 г. в Выборге был заключен договор о союзе и военной помощи, на условиях передачи шведам «в вечное пользование» города Корелы с уездом[7]. Выборгский договор получил неоднозначные оценки со стороны современников и потомков. Тем не менее, очевидно, следует согласиться с мнением Б. Ф. Поршнева о том, что «заключенный в 1609 году союз со Швецией против Польши, хотя и дорого обошелся России, все же оказал ей совершенно реальную помощь в борьбе с польской интервенцией»[8].

Заключив соглашение с Карлом IX, правительство Василия Шуйского получило союзническую и в то же время наемную армию со всеми ее достоинствами и недостатками. Главное ее достоинство заключалось в профессионализме. «Ни одна европейская армия XVII столетия не обходилась без наемников. Знание законов войны, владение современными тактическими приемами, сплоченность, мобильность, корпоративность, профессионализм и опыт, достигавшиеся многолетней службой под знаменами различных стран и государей, обеспечивали им конкурентные преимущества на поле брани»[9]. Наемными войсками командовал внук Юхана III Якоб Делагарди, прошедший школу военного искусства в войне с Польшей и в армии Морица Оранского в Голландии.

Выборгский договор был договором о союзе «со обоих сторон на Жигимонта короля польского»[10]. По мнению В. Козлякова, этот договор не был частным делом двух правителей, поскольку вся конструкция европейской дипломатии строилась с учетом соперничества Карла и Сигизмунда, которые много лет воевали друг с другом[11]. Обращение за помощью к своему заклятому врагу и сопернику Сигизмунд III расценил как вызов, оскорбление и угрозу и начал подготовку к открытой интервенции.

Под знамена короля был призван гетман Станислав Жолкевский. Он был противником этой войны, поскольку считал, что она не соответствует интересам Польши. К тому же он подозревал, что «в предстоящей экспедиции король намерен искать пользы не столько для республики, сколько собственно для себя»[12]. Как отметил Р. Г. Скрынников, «Никто не выражал так много сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. Он не разделял сумасбродных идей насчет колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью, за унию двух государств»[13].

Приняв участие в «Димитриаде», гетман решил воспользоваться ситуацией, открывавшей возможности для диалога между польско-литовским и русским дворянством и включения Московского государства в политическую систему Речи Посполитой, что в перспективе создавало возможности для преодоления вековой вражды между двумя государствами.

Позиция гетмана не совпадала с позицией короля не только в политической, но и в военной плоскости. Он указывал королю на трудности, которые будут ожидать

[6] *Петрова Н. Г.* Скопин-Шуйский. М., 2010. С. 175–176.

[7] Акты исторические. Т. II. СПб., 1841. № 160.

[8] *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 39.

[9] *Ноздрин О.* Солдаты Смуты. Наемники в России начала XVII века // Военные в традиционной культуре Старого Света. Жизнь. Окружение. Нравы. Орел, 2004. С. 39.

[10] РГАДА. Ф. 96. 1609. Оп. 1. № 4. Л. 1

[11] *Козляков В. Н.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 182.

[12] Письмо Жолкевского о Московском походе // Записки гетмана Жолкевского. Рязань, 2007. Приложение № 2. С. 429.

[13] *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. М., 1981. С. 120.

польскую армию в России в осеннее и зимнее время, и считал, что польская армия не располагает достаточными средствами для того, чтобы овладеть Смоленском, а потому советовал блокировать крепость и идти на Москву. Но Сигизмунд III не прислушался к его советам.

В военной истории Смуты Жолкевский остался, прежде всего, как победитель в Клушинском сражении. Воспользовавшись разделением сил противника, он упредил наступление союзных войск к Смоленску и нанес сокрушительное поражение ратникам Дмитрия Шуйского и наемникам Якоба Делагарди[14]. Клушинское сражение показало высокую боеспособность и моральное превосходство польских «крылатых гусар» над наемниками. В этой связи гетман писал Л. Сапеге: «Для них (наемников. — *Г. К.*) дело шло о добыче и вознаграждении, а для нас — о нашей жизни, благосостоянии и государстве»[15].

Поражение союзной армии под Клушиным было также следствием глубокой деморализации русского общества, частью которого была армия. Ее низкий боевой дух определялся общей атмосферой, которой И. Е. Забелин дал такую характеристику:

> «Вся правящая и владеющая среда в государстве утратила в глазах народа малейшее нравственное значение. Она вся изолгалась, перессорилась, потянулась в разные стороны, преследуя от первого до последнего человека лишь одну цель — захват власти, захват владения. <…> Все искали и хватали себе побольше личного благополучия и вовсе забывали о том, что надо было всей Земле»[16].

Так что «в московском войске, особой охоты защищать Василия Шуйского не было ни у кого»[17].

Клушинское сражение стало одним из переломных моментов в истории Смуты. Оставшись без армии, Василий Шуйский приказал собрать дворянское ополчение и готовить столицу к осаде. Но ни один из городов, ранее с готовностью откликавшихся на призывы М. В. Скопина-Шуйского, не прислал помощи царю Василию. Его дни были сочтены. Следует отметить, что свержение Шуйского произошло не без участия Жолкевского. В своих «Записках» он пишет о том, что «посылал тайным образом в Москву много писем с универсалами для возбуждения ненависти против Шуйского, указывая, как в царстве Московском во время его правления все дурно»[18].

После Клушина Жолкевский действует по преимуществу словом и пером, а не саблей. Подойдя к Москве, он «с московскими людьми съехался для переговоров и так им сказал: Если хотите пролитие крови христианской прекратить, то просите себе у польского короля на Московское государство королевича Владислава Сигизмундовича, чтобы был царем. Тогда будем как одно царство, и пролитие крови христианской прекратится»[19]. Гетман понимал, что русское общество не примет Сигизмунда, в то время как «пребывание королевича Владислава на престоле Московском споспешествовало бы для мира

[14] Делагарди встречался с Жолкевским в 1601 г. в Ливонии, где попал в плен при взятии поляками. Перед сражением он говорил Д. Шуйскому: «Когда я был взят в плен при Вольмаре, гетман подарил мне кунью шубу, а у меня теперь есть для него соболья, которую я ему подарю». Однако поквитаться с гетманом ему не удалось.

[15] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 120.

[16] *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1901. С. 5–6.

[17] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1990. С. 675.

[18] Впоследствии Жолкевский проявил сострадание к поверженному противнику. Он ходатайствовал перед Боярской думой о том, чтобы Шуйскому не причиняли никакого вреда и не покушались на его жизнь и здоровье. Уезжая из Москвы, он взял его с собой. Считая его пострижение незаконным, он разрешил ему сменить монашескую ризу на мирское платье.

[19] Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 61.

и спокойствия Речи Посполитой»[20]. Поэтому, «имея достаточную опытность касательно воли народа московского, чтобы положить конец войне», он решил действовать «сообразно со склонностью этого народа» и поставил перед собой цель добиться избрания русским царем королевича Владислава.

Впервые идея об избрании польского королевича русским царем была высказана в январе 1610 г. в условиях распада тушинского лагеря тушинскими боярами во главе с М. Салтыковым. Не желая переходить на службу ни к Сигизмунду, ни к В. Шуйскому, они решили обратиться к Сигизмунду с предложением посадить на Московский престол Владислава. По мнению А. Л. Янова, «к этому экстраординарному решению» русских подтолкнуло «политическое отчаяние»[21]. Этот проект, создававший почву для компромисса между московскими боярами и тушинцами, остался лишь «декларацией о намерениях», тем не менее, он стал важной вехой в истории русской политической мысли.

18 августа боярское правительство подписало с Жолкевским договор об условиях избрания Владислава, главным из которых было принятие королевичем православной веры. От имени короля Жолкевский обещал после коронации Владислава очистить все порубежные города, занятые королевскими войсками[22].

В свое время Б. Ф. Платонов связал призвание Владислава с попыткой восстановления государственного порядка[23]. Развивая эту тему, Б. Н. Флоря показал, что вопреки традиционным представлениям, августовское соглашение об избрании Владислава не было результатом сговора узкой группы «бояр-изменников» с польской стороной. Его условия были выработаны при участии всех чинов русского общества, находившихся в то время в Москве. С избранием польского принца они связывали надежды на прекращение вмешательства Речи Посполитой в русские дела и возвращение монарху его традиционной для русского общества роли верховного арбитра, стоявшего над столкновением отдельных группировок, что должно было способствовать установлению порядка[24]. Условием реализации соглашения должно было стать принятие русским обществом кандидатуры Владислава на российский престол, что во многом зависело от результатов переговоров с Сигизмундом под Смоленском. 11 сентября туда выехало посольство, в состав которого гетман включил наиболее вероятных конкурентов Владислава.

На какое-то время с поляками установились союзнические отношения, и совместными усилиями Лжедмитрий был отброшен от Москвы. Как писал П. Петрей,

> «Москвитяне вошли в польский стан, а поляки в город, покупали и продавали друг другу, разговаривали и гуляли вместе; радость, дружба и согласие были взаимными <…> московиты стали намного отважнее благодаря помощи, полученной от Жолкевского <…> и поэтому ему (Лжедмитрию. — *Г. К.*) пришлось бежать в Калугу с оставшимся у него войском»[25].

[20] Записки гетмана Жолкевского. Рязань, 2007. С. 408.

[21] *Янов А.* Тень грозного царя. М., 1997. С. 148.

[22] «Жолкевский же составил с москвичами договор: не биться и тушинского вора от Москвы совместно с ними отогнать, а королю польскому сына своего крестить в православную христианскую веру, на царство его дать» (Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 62).

[23] «После свержения Шуйского московское население думало восстановить порядок признанием унии с Речью Посполитой, и потому призвало на московский престол королевича Владислава» (*Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве. М., 1995. С. 291).

[24] *Павлов А. П., Седов П. В.* Рецензия на книгу Б. Н. Флори «Польско-литовская интервенция в России и русское общество». М., 2005 // Отечественная история. 2007/6. С. 181.

[25] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском… // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 66; *Petreio P.* Regni Muschovitici Sciografia. Stockholm, 1615. S. 45.

Однако среди посадского населения были сильны антипольские настроения и симпатии к самозванцу. Поэтому в условиях подготовки похода против самозванца «члены Боярской думы стали проявлять беспокойство о том, что будет происходить в столице, где есть сторонники Лжедмитрия II, когда в ней совсем не останется военных сил»[26]. Опасаясь выступления москвичей на его стороне, бояре предложили гетману ввести в Москву польские войска. По свидетельству Н. Мархоцкого, он не хотел вводить войска в столицу[27], и согласился на это ради того, чтобы «московская чернь, склонная к возмущениям, не произвела бы мятежа и не призвала бы обманщика»[28].

После ввода войск в Москву, население которой восприняло поляков как враждебную силу, Жолкевский старался всеми средствами предотвратить столкновения между польскими солдатами и жителями столицы. Он сурово наказывал мародеров, приказал полякам не заводить ссор с москвичами, назначил судей из поляков и русских, которые сообща должны были разрешать возникающие споры. По его словам, «бояре и чернь, знавшие своевольство нашего народа (поляков. — *Г. К.*), удивлялись и хвалили, что мы жили так спокойно»[29].

Но такая ситуация сохранялась недолго. 26 января 1611 г. к гетману явилась депутация от москвичей с жалобой на насилие и произвол польских солдат. Они, в частности, пожаловались на одного польского дворянина, который в пьяном виде стрелял в икону Богоматери. Кроме того, они просили гетмана посодействовать тому, чтобы Владислав поскорее прибыл в Москву, иначе «они найдут другого жениха для такой дорогой невесты».

Жолкевский делал все для того, чтобы успокоить москвичей. Он объявил, что Владислав вскоре прибудет в Москву. Виновный в оскорблении иконы польский дворянин был осужден на смерть, ему отрубили руки и прибили их гвоздями под осквернённой иконой. «Он строго приказал соблюдать законы, оберегать и защищать москвитян от насильственных поступков и ни под каким видом не тревожить их веры. Кто покусится на это, будет беспощадно наказан»[30]. Петрей считает, что только его вмешательство позволило предотвратить кровавые столкновения между москвичами и поляками[31].

Гетман не только успешно справлялся с ролью посредника в столице. Благодаря его усилиям многие города Замосковного края принесли присягу Владиславу. Как отметил Б. Н. Флоря, «это был несомненный успех не только московских “чинов”, но и другой стороны, заключившей договор — гетмана Жолкевского, курс которого на возведение польского принца на русский трон путем соглашения с русским обществом получил поддержку этого общества»[32].

Жолкевский недолго пробыл в Москве. Узнав о неудаче переговоров под Смоленском, он понял, что его планы оказались в противоречии с планами короля, который посчитал, «что Россия <…> просится ему в руки»[33], и решил сам занять московский престол. Еще 19 августа в Москву прибыл гонец короля с предписанием, чтобы москвичи присягали не Владиславу, а Сигизмунду. Гетман считал, что это приведет к эскалации конфликта.

[26] *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция… С. 259.
[27] *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 81.
[28] Записки Жолкевского. С. 396.
[29] Там же. С. 396–397.
[30] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском… С. 169.
[31] Там же. С. 167–168.
[32] *Флоря. Б. Н.* Польско-литовская интервенция… С. 265.
[33] *Янов А. Л.* Тень грозного царя. С. 148.

Гетман понимал, что достигнутые успехи будут непрочными, если на переговорах под Смоленском их не удастся закрепить выработкой соглашения, отвечавшего интересам русского общества, и приездом в Москву королевича Владислава[34]. Поэтому, сдав начальство над польским гарнизоном в Москве Гонсевскому, он уехал из русской столицы под Смоленск, чтобы отстаивать свою позицию.

Однако все было напрасно, Жолкевскому не удалось стать twórcem króla в России. Сигизмунд III не прислушался к его советам, и в восточной политике Речи Посполитой возобладала тенденция, резко расходившаяся с планами и предложениями гетмана. Поэтому «договор бояр с Жолкевским оказался не более чем декларацией добрых намерений и желаний. Кандидатура Владислава быстро потерпела крушение, разбившись о скалу амбиций и миссионерского рвения его отца»[35]. Король и его ближайшее окружение решили превратить Россию не в часть политической системы Речи Посполитой, а в подобие польской колонии по образцу испанских владений в Америке. Такая политика короля и его окружения противоречила не только политическим взглядам, но и моральным представлениям Жолкевского, поэтому он решил полностью отойти от московских дел. Когда до Смоленска дошли вести о беспорядках в Москве и подъеме широкого движения против поляков, король предложил гетману вновь отправиться в Москву. Но Жолкевский наотрез отказался от этого и, покинув лагерь под Смоленском, уехал в свое поместье[36].

В это время в игру на политической арене вступает соперник Станислава Жолкевского Якоб Делагарди, которому после Клушина также приходится быть больше политиком, чем полководцем. Узнав о переговорах гетмана с боярским правительством об избрании Владислава, 24 августа Делагарди обратился к московским и новгородским властям с письмом, которое представляет большой интерес, так как проливает свет на генезис шведской кандидатуры на Московский престол. Он предостерегал их от избрания царем сына польского короля, который хочет сделать русских своими рабами и уничтожить православную религию. Зная о том, что кандидатура шведского принца, которого можно противопоставить польскому кандидату, уже была выдвинута бывшими сторонниками М. В. Скопина-Шуйского, он советовал им избрать царем одного из сыновей Карла IX, но при этом не настаивал исключительно на шведской кандидатуре: «Если русские желают себе добра, пусть возьмут царем одного из сыновей шведского короля или кого-нибудь из его кровных родственников и друзей, если уж они не хотят иметь великого князя из своей среды»[37].

В это же время Делагарди получил письмо от Жолкевского, в котором гетман, называя себя его доброжелательным другом, сообщал ему о том, что

> «…столичный город Москва и все вельможи государства, сместив Василия Шуйского <…> принесли присягу светлейшему принцу польскому и шведскому Владиславу». Поэтому у шведов нет более оснований для вмешательства «в московитские дела».

На это Делагарди ответил, что он не связан с гетманом ни дружбой, ни договором, и призвал его «вывести войско из страны, не проявившей никакой враждебности к нему и не связанной присягой»[38].

[34] *Флоря. Б. Н.* Польско-литовская интервенция… С. 265.

[35] *Крамми Р. О.* «Конституционная реформа в Смутное время // Американская русистика. 2001. С. 244.

[36] *Maciscewski J.* Polska a Moskwa. 1603–1618. Warszawa, 1968. S. 218.

[37] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны… С. 141; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII в. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 37–38.

[38] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны… С. 144–146.

Весной 1611 г. Делагарди подошел к Новгороду и вступил в переговоры с новгородскими властями и представителем подмосковного ополчения В. Бутурлиным о совместных действиях против поляков и об избрании царем шведского королевича. Он считал, что шведский кандидат может получить поддержку в новгородской округе, где в это время шла борьба между сторонниками царя «Владислава Жигмонтовича» и шведами, оставшимися верными договору с правительством Шуйского[39].

После того как к Москве подошли войска Я. Сапеги, руководство ополчения, заинтересованное в шведской помощи, приняло решение о возможности избрания одного из сыновей шведского короля русским царем: «признали старшего сына короля Карла IX <…> достойным избрания великим князем и государем московитских земель»[40]. В этой связи шведский историк Х. Альмквист отметил, что «кандидатура шведского принца возникла не в блестящий период побед шведского оружия, а в безнадежной ситуации, как последнее средство для противодействия династическим планам польского короля»[41]. По мнению Г. А. Замятина, приговор ополчения был формальным отказом от польского королевича и знаменовал собой крутой перелом в московской политике[42].

Делагарди вел переговоры с ополчением на свой страх и риск и не особенно согласовывал свои действия с королем[43]. Несмотря на приказ короля захватить Новгород, он медлил, поскольку в то время Новгород был местом сбора антипольских сил[44]. Только после того как переговоры окончательно зашли в тупик, он взял Новгород штурмом.

25 июля 1611 г. новгородские власти подписали с Делагарди договор о союзе, который в соответствии с решением Совета ополчения предусматривал избрание одного из сыновей Карла IX великим князем Новгородского государства, а также Московского и Владимирского государств, если они того пожелают[45]. Делагарди от имени короля обещал «не делать никакого препятствия и притеснения их вероисповеданию и богослужению, не принуждать к принятию иной веры, но как доселе было, так и впредь оставить свободное отправление древнего греческого исповедания, не разрушать и не расхищать храмов, монастырей, утварей и образов, не причинять никакой обиды священнослужителям»[46]. По мнению Е. И. Кобзаревой, «этот договор закладывал основу существования Новгородского государства как герцогства под эгидой одного из сыновей Карла IX, но практически полностью подчинявшегося власти Делагарди»[47].

С этого времени в Новгородских землях установился оккупационный режим, который А. А. Селин характеризует как альянс, основанный на компромиссе между шведами

[39] *Селин А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 128.

[40] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны… С. 200.

[41] *Almquist H.* Sverge och Ryssland. 1585–1611. Uppsala, 1907. S. 199.

[42] *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII в. С. 51.

[43] *Кобзарева Е. И.* Шведский военачальник Я. П. Делагарди в России «Смутного времени» // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 172–173.

[44] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны… С. 159; *Södergren G.* Om Gustaf II Adolfs plan att bliva rysk czar. Wexiö,1868. S. 7–8.

[45] Sveriges traktater med främmande magter. Vol. I. Stockholm, 1903. S. 200–211.

[46] Памятники истории Смутного времени. М., 1909. С. 75.

[47] *Кобзарева Е. И.* Шведский военачальник Я. П. Делагарди… С. 173.

и той частью новгородцев, которые предпочли оккупацию анархии[48]. Возглавивший шведскую военную администрацию Делагарди, понимал, что удержать территорию гораздо труднее, чем завоевать ее, а потому стремился расположить к себе местное население. Неизвестно, читал ли он Макиавелли, но его поступки вполне соответствовали рекомендациям автора «Государя»[49]. Он поселился в Новгороде, стал учить русский язык и осуществлял управление оккупированной территорией на основании русских законов, опираясь на русскую администрацию и русские традиции. Он проводил сравнительно мягкую налоговую политику, не допускал самовольства и притеснений местного населения, особенно священнослужителей[50], со стороны шведских солдат, дворян жаловал земельными наделами, купцам предоставлял торговые льготы[51].

Делагарди хотел использовать экономические ресурсы Новгородской земли в интересах Шведской Короны, а потому старался не допустить ее разорения. Он советовал королю помягче обходиться с новгородцами, ибо они уже «достаточно натерпелись»[52]. Неслучайно советники короля упрекали его в том, что он «чужие земли доступает, а свои запустошил». Следует отметить, что иногда он вынужден был из собственного кармана финансировать находившиеся под его командованием войска, которые постоянно испытывали недостаток обмундирования, продовольствия и амуниции.

Вместе с тем военную кампанию в России Делагарди рассматривал как средство для улучшения своего материального положения, а потому занимался коммерческой деятельностью, в частности торговлей мехами, которые получал в ходе сбора средств на содержание войск. Только в 1610 г. он отправил из России для продажи 1400 собольих шкур. Уехав в Россию обремененным долгами, он вернулся домой вполне обеспеченным человеком[53]. По сообщению А. Манкиева, «грабленым новгородским имением» он построил в Стокгольме «палаты медью крытые, а недалеко от Стокгольма «великий и богатый каменный замок» Якобсдаль[54].

Однако главные усилия Делагарди направлял на то, чтобы добиться избрания на российский престол шведского принца[55]. Перед ним открывалась вполне реальная и заманчивая перспектива стать создателем новой правящей династии (kungamakaren) в России и занять при ней соответствующее место. Корни династической политики, которую он проводит на свой страх и риск, уходят в стремление Эрика XIV и Карла IX заручиться поддержкой России в борьбе с Польшей[56].

---

[48] *Селин А.* Новгородское общество… С. 693.

[49] «Завоевателю <…> следует сохранить прежние законы и подати. <…> Если же завоеванная страна отличается по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого — переселиться туда на жительство» (*Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М., 1982. С. 305–306).

[50] В документах Новгородского оккупационного архива сохранились сведения о том, как «Яков Пунтусович на поле гуляти ездил и в село заехал и в церковь Троицы на Паозерье отдал» ценности, взятые его солдатами при штурме города (*Селин А.* Новгородцы и шведы в начале XVII века // Канва истории. № 15. 2002. С. 126).

[51] *Фигаровский В. А.* О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. II. Л., 1937. С. 54.

[52] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны… С. 316, 322.

[53] *Grill E.* Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politiken. 1608–1636. Göteborg, 1949. S. 25.

[54] Цит. по: *Соловьев С. М.* Сочинения. Т. XVI. М., 1995. С. 197–198.

[55] Это был не первый опыт его участия в большой политике. Во время своего пребывания в Голландии в 1606–1608 гг. он пытался содействовать заключению брака между принцем Морицем Оранским и шведской принцессой Анной, что могло привести к утверждению Оранской династии на шведском троне.

[56] Sveriges krig. 1611–1632. Bd. I. Danska och ryska krigen. Stockholm, 1936. S. 375.

Его проект создания новой правящей династии в России по своим целям, методам и результату был как бы зеркальным отражением проекта Жолкевского. В своих письмах к королю и шведским сановникам он доказывал, что избрание Карла Филиппа было бы для Швеции единственной возможностью оказывать действенное влияние на развитие событий в России, и просил, чтобы принц как можно скорее выехал в Новгород. «Если Карл Филипп, — писал он, — будет избран русским царем, то Швеция получит не только мир и спокойную границу на востоке, но и союзника в борьбе с Польшей. В противном случае усиление анархии в России создаст условия для расширения польской интервенции». Карл Филипп на московском престоле казался ему предпочтительнее, чем Густав Адольф, объединивший под своей властью две державы. В этом плане его интересы совпадали с интересами новгородцев, которые надеялись в лице Карла Филиппа обрести твердую власть и гарантию от территориальных притязаний шведского короля. По мнению шведского историка Б. Янгфельдта, осуществление династического проекта Делагарди «изменило бы не только карту, но и историю Европы»[57].

Важнейшими условиями реализации этого проекта Делагарди считал завершение переговоров с новгородским посольством архимандрита Никандра, отправленного в Стокгольм в январе 1612 г., и прибытие Карла Филиппа в Россию. Он сравнивал задержку новгородского посольства в Швеции с задержкой русского посольства в Польше и предлагает отпустить часть членов посольства домой, а другим разрешить переписку[58]. Его беспокоили также территориальные планы короля, которые могли толкнуть русских к Польше[59]. Несмотря на все его усилия, Карл Филипп так и не получил разрешения отправиться в Россию.

Весной и летом 1612 г. по разрешению Делагарди произошел обмен посольствами между руководством Нижегородского ополчения и новгородскими властями. В центре этих переговоров был вопрос о шведском принце. Поддержав идею избрания Карла Филиппа русским царем, ярославское правительство отнеслось к этому проекту с определенной осторожностью. Оно потребовало от принца перехода в православие, а от короля — свидетельств его искреннего желания дать России царя и оказать действенную поддержку в борьбе с польско-литовскими отрядами.

Однако Густав II Адольф, не желая приносить территориальные интересы в жертву династическим, решил взять бразды правления в оккупированных Новгородских землях в свои руки. Поэтому он медлил с решением этого вопроса и задерживал отъезд Карла Филиппа на переговоры. Когда он, наконец, отпустил его на переговоры с новгородцами в Выборг, время было упущено. Самый осведомленный о русских делах швед Делагарди на эти переговоры не поехал, так как уже не верил в их успех.

Последней страницей в истории шведского кандидата на московский престол стали переговоры в Выборге, куда летом 1613 г. прибыл шведский принц. Он приехал туда, не зная об избрании Михаила Романова. Переговоры зашли в тупик, поскольку стороны не смогли решить вопрос о переходе Карла Филиппа в православие, на чем категорически настаивала русская сторона. В конце 1613 г. в Выборг пришло известие о том,

[57] *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003. С. 21.

[58] Rikskansleren Axel Oxsenstiernas skrifter och brefvexling. Afd. 2. B. V. Jakob De la Gardies bref 1611–1650. Stockholm, 1893. S. 49–51.

[59] Sveriges krig. S. 427.

что Михаил Федорович признан царем всеми русскими областями за исключением Новгородской земли[60]. 12 января 1614 г. Г. Горн объявил новгородским послам, что принц не может выехать в Новгород, так как до него дошли вести об избрании царем Михаила Федоровича, и он возвращается в Стокгольм. Г. А. Замятин сравнил отъезд королевича из Выборга в Швецию в январе 1614 г. с отъездом Сигизмунда с Владиславом из Волоколамска в конце 1612 г.[61]

После провала переговоров в Выборге Делагарди начинает играть роль посредника между Стокгольмом, Новгородом и Москвой. В 1614 г. он пытается склонить короля к мирным переговорам с московским правительством, в 1615 г. ведет переговоры с Д. Мерриком о снятии осады Пскова. Неслучайно новгородцы называли Делагарди «разумным боярином» и отмечали, что к миру «сходительнее всех Яков Пунтусов».

Следует также отметить, что он не проявил особого усердия в том, чтобы выполнить распоряжение короля о приведении новгородцев к присяге Шведской Короне. На это также указали посланные в Москву новгородцы: «Как был в Новгороде Яков Пунтусов, и писал король к нему о том, чтобы ему привести новгородцев ко кресту на королевское имя, и Яков им о том говорил, а при Якове не столь жестоко, как ныне Эверт Горн»[62].

В 1616 г. Делагарди принял участие в русско-шведских переговорах и поставил свою подпись под Столбовским договором, по условиям которого шведские войска в марте 1617 г. оставили Новгород. Среди трофеев, вывезенных им из Новгорода, были документы Новгородской приказной избы. Однако он рискнул не выполнить пожелание короля и не вывез из Новгорода бронзовые врата Софийского собора, которые, как полагал Густав Адольф, в XII в. были взяты новгородцами в Сигтуне. Делагарди написал канцлеру А. Оксеншерне, что эти врата являются одной из главных новгородских святынь и не могут быть вывезены из Новгорода без опасения срыва мирных переговоров[63].

Во время своего пребывания в России Я. Делагарди, равно как и С. Жолкевский проявил себя как талантливый военачальник и политик. Следует отметить, что он был одним из немногих шведов, память о которых сохранилась в русском фольклоре. В исторических песнях и преданиях он оставил след, прежде всего, как соратник «оберегателя мира крещеного», талантливого русского полководца М. В. Скопина-Шуйского.

Несмотря на некоторое недоверие, возникшее к нему в Стокгольме во время его длительного пребывания в России, по возвращении в Швецию он занимал высокие государственные посты: стал риксмаршалом и губернатором Эстляндии и Лифляндии. В этом плане его также можно сравнить с Жолкевским, карьера которого, несмотря на непростые отношения с королем, была увенчана высшими государственными должностями коронного гетмана и канцлера.

До недавнего времени история Новгорода начала XVII в. была той страницей, которую старалась поскорее перелистнуть как дореволюционная, так и советская историография, поскольку считалось, что в то время местная элита сотрудничала с оккупаци-

[60] *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1615). Юрьев, 1913. С. 111.

[61] *Замятин Г. А.* Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // ОР РГБ. Ф. 618. Картон 2. Очерк 3. Гл. III. Л. 72.

[62] РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. 1615. № 2.

[63] Rikskansleren Axel Oxsenstiernas skrifter och brefvexling. 2:V. S. 94–97.

онным режимом Делагарди и пыталась навязать русскому народу царя-шведа, подобно тому как «седмочисленные бояре», вступив в сговор с Жолкевским, пытались посадить на московский престол царя-поляка.

Следует отметить, что кандидатуры Владислава и Карла Филиппа появились не в результате происков внешних врагов, а в результате борьбы политических группировок в условиях распада государства и глубокого кризиса власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям русского престола. Именно тогда в широких кругах русского общества становится популярной мысль о том, что Смута может прекратиться только «государьским сыном»[64]. А поскольку в России такового не было, его стали искать за границей — прежде всего у соседей: в Польше и Швеции. Если смотреть на это глазами современников событий, то следует согласиться с тем, что как москвичи, так и новгородцы в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса Русского государства, поставившего его на грань национальной катастрофы, пытались использовать иноплеменный фактор для сохранения государственности и национального суверенитета.

При этом речь шла не только о кандидатах на престол, но и об альтернативах политического развития. Как отметил Г. А. Замятин, «в 1610 г. преобладающее значение получил высший слой феодалов, тяготевший в сторону Польши. В 1611 г. перевес оказался на стороне среднего слоя, который потянулся к Швеции, где сила феодалов в известной мере уже была сломлена королевской властью в союзе с горожанами и крестьянами»[65].

Тушинский проект, равно как и приговор Совета всей земли, были важными вехами в истории русской политической мысли, открывавшими возможности для реализации различных альтернатив развития российской государственности.

А. Л. Янов считает, что «если бы этот документ (тушинский проект. — *Г. К.*) сработал, вся русская история пошла бы другим путем»[66]. В. Б. Кобрин предположил, что осуществление проекта Жолкевского — «воцарение православного Владислава на Руси принесло бы хорошие результаты <…> Он превратился бы в русского царя польского происхождения, как его отец Сигизмунд был польским королем шведского происхождения»[67].

Аналогичную мысль о проекте Делагарди высказал В. Н. Козляков: «Шведский королевич <…> в случае соблюдения условия с крещением в православие идеально подходил русскому двору. Он мог создать вечный противовес устремлениям главного врага — Сигизмунда III»[68]. Даже Н. М. Карамзин сожалел, что «венец Мономахов» не возвратился к «варяжской династии», которая включила бы Россию в Вестфаль-

[64] «Возьмем чужеземца, который сам был бы королевского рода и в России не имел бы себе подобного, возведем его на престол; только тогда успокоится Россия. Иначе при всяком другом царе бедствиям не будет конца».

[65] *Замятин Г. А.* Очерки по истории шведской интервенции... Л. 129–130.

[66] *Янов А.* Тень грозного царя. С. 148.

[67] *Кобрин В. Б.* Смутное время — утраченные возможности // История отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 181.

[68] *Козляков В. Н.* Двор в поисках монарха в 1612 г. (забытый источник о новгородском посольстве к «Совету всей земли» в Ярославле) // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2009. С. 74.

скую систему, определившую границы государств и «равновесие в Европе до времен новейших»[69].

Но и тот, и другой династический проект, не встретив поддержки со стороны королевской власти, так и остались «утраченными возможностями». Им не суждено было осуществиться, прежде всего потому, что ни польский, ни шведский кандидат не согласились перейти в православие, а русские люди не могли принять царя-иноверца. Кроме того, шведы, а еще в большей степени поляки своими действиями разочаровали русских людей и заставили их отказаться от иноземных кандидатов.

Следует также отметить, что всякие «конституционные искания», связанные с этими проектами, были делом узкого круга лиц, а широкие народные массы в то время не просто чуждались их, но отвергали любые посягательства на самодержавную власть. Погруженное в хаос русское общество жаждало порядка и предсказуемости, а поэтому было склонно к консерватизму. После Смуты наступила стабильная, но чисто традиционная жизнь. Модернизация страны была отложена почти на целое столетие[70].

Данные о статье:

Автор: Коваленко Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, gmk49@mail.ru

Заголовок: Twórca króla & kungamakaren. Станислав Жолкевский и Якоб Делагарди в России

Резюме: Одной из составляющих Смуты было иностранное военное присутствие, в ходе которого русское общество взаимодействовало с внешней силой (Швецией и Польшей). Наиболее яркими представителями этой внешней силы, оставившими заметный след в русской истории, были Якоб Делагарди и Станислав Жолкевский. В своей деятельности, направленной на осуществление политики своих правительств, первоочередной задачей они считали создание новой правящей династии в России. При выработке условий соглашений о приглашении польского и шведского кандидатов на российский престол они учитывали настроения тех сословных групп русского общества, которые соглашались призвать на русский престол Владислава или Карла Филиппа и возлагали надежды на возвращение монарху роли верховного арбитра. Обе кандидатуры (Владислава и Карла Филиппа) появились не в результате происков внешних врагов, а в результате борьбы политических группировок в условиях распада государства и глубокого морально-политического кризиса власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям русского престола. Ни тому, ни другому плану не суждено было осуществиться, прежде всего потому, что ни польский, ни шведский кандидат не согласились перейти в православие, а русские люди не могли принять царя-иноверца. Кроме того, шведы, а еще в большей степени поляки своими действиями разочаровали русских людей и заставили их отказаться от иноземных кандидатов.

Ключевые слова: Смутное время, русское общество, Польша, Швеция, иностранные кандидаты на престол

Литература, использованная в статье:

Almquist, Helge. Sverge och Ryssland. 1585–1611. Uppsala, 1907. 273 s.

Grill, Erik. Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politiken. 1608–1636. Göteborg, 1949. 297 s.

Замятин, Герман Андреевич. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1615). Юрьев, 1913. 141 с.

[69] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. XI. М., 1989. С. 189.

[70] *Кобрин В. Б.* Смутное время… С. 184–185.

Замятин, Герман Андреевич. Россия и Швеция в начале XVII в. Очерки политической и военной истории. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. 492 с.

Кобзарева, Елена Игоревна. Шведский военачальник Я.П.Делагарди в России «Смутного времени» // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 170–184.

Кобрин, Владимир Борисович. Смутное время — утраченные возможности // История отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–начала XX в. Москва: Издательство политической литературы, 1991. С. 163–185.

Козляков, Вячеслав Николаевич. Василий Шуйский. Москва: Молодая гвардия, 2007. 300 с.

Крамми, Роберт. «Конституционная реформа» в Смутное время // Американская русистика. Б. м., 2001. С. 241–257.

Maciscewski, Jarema. Polska a Moskwa. 1603–1618. Warszawa, 1968. 324 s.

Петрова, Наталья Георгиевна. Скопин-Шуйский. Москва: Молодая гвардия. 2010. 314 с.

Платонов, Сергей Федорович. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. Москва: Памятники исторической мысли, 1995. 463 с.

Поршнев, Борис Федорович. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. Москва: Наука, 1976. 433 с.

Селин, Адриан Александрович. Новгородцы и шведы в начале XVII века // Канва истории. № 15. 2002. С. 125–128.

Селин, Адриан Александрович. Новгородское общество в эпоху Смуты. Санкт-Петербург: БЛИЦ, 2008. 747 с.

Скрынников, Руслан Григорьевич. Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. Москва: Молодая гвардия, 1981. 349 с.

Фигаровский, Василий Александрович. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. II. Ленинград, 1937. С. 53–82.

Флоря, Борис Николаевич. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. Москва: Индрик, 2005. 415 с.

Флоря, Борис Николаевич. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. Москва: Наука. 1978. 217 с.

Форстен, Георгий Васильевич. Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 2. С. 278–362.

Янгфельдт, Бенгт. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; Санкт-Петербург: БЛИЦ, 2003. 311 с.

Янов, Александр Львович. Тень грозного царя. Москва: Крук, 1997. 218 с.

Information about the article:

Author: Kovalenko, Gennady, Ph. D. in History, the scientific worker of the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences, gmk49@mail.ru

Title: Twórca króla and kungamakaren. Stanislav Zholkevsky and Jacob Delagardi in Russia

Summary: One of the Distemper's components was foreign military presence. During that time Russian society cooperated with the external force (Sweden and Poland).

The brightest representatives of this external force, who left an appreciable trace in Russian history, were Jacob Delagardi and Stanislav Zholkevsky. Their activity was aimed at fulfilling their governments' policies, and they considered as their main goal to create a new ruling dynasty in Russia.

While conditions of agreements on the invitation of the Polish and Swedish candidates to the Russian throne were being developed they considered moods of those class groups of Russian society which agreed to call Vladislav or Charles Phillip to Russian throne and hoped to return the role of the Supreme arbitrator to the monarch.

Both nominees (Vladislav and Charles Phillip) appeared not as a result of external enemies' intrigues, but as a result of the struggle of political groups in the conditions of disintegration of the state and deep

moral and political crisis of the power which generated disappointment and mistrust to numerous domestic selectors of Russian throne.

Neither one, nor another plan was fated to be carried out, first of all, because neither Polish candidate, nor the Swedish one agreed to pass to Orthodoxy. Russian people couldn't accept the tsar-adherent to a different faith. Besides, Swedes, and in a greater extent Poles, disappointed Russian people with their actions and forced them to refuse from overseas candidates.

Key words: The Time of Troubles, Russian society, Poland, Sweden, foreign candidates on a throne

References:

Almquist, Helge. *Sverge och Ryssland. 1585–1611*. Uppsala, 1907. 273 s.

Figarovskii, Vasilii Aleksandrovich. O gramote novgorodskogo pravitel'stva v Moskvu v 1615 g. [On the Novgorod's government charter adressed to Moscow in 1615], in *Novgorodskii istoricheskii sbornik* [*Historical miscellanea of Novgorod*]. 1937. Vol. II. S. 53–82.

Florya, Boris Nikolaevich. *Pol'sko-litovskaya intervenciya v Rossii i russkoe obshestvo* [*Polish and Lithuanian intervention in Russia and Russian society*]. Moskva: Indrik, 2005. 415 s.

Florya, Boris Nikolaevich. *Russko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII v.* [*Russia-Poland relations and political development of the Eastern Europe in the second half of the 16th – beginning of the 17th centuries*]. Moskva: Nauka, 1978. 217 s.

Forsten, Georgii Vasil'evich. Politika Shvecii v Smutnoe vremya [The poliic of Sweden during the Time of Troubles], in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniy*a [*The Journal of Ministry of Public Education*]. 1889. № 2. S. 278–362.

Grill, Erik. *Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politiken. 1608–1636*. Göteborg, 1949. 297 s.

Jangfeldt, Bengt. *Shvedskie puti v Sankt-Peterburg* [*Swedish paths into St. Petersburg*]. Stockholm; Sankt-Peterburg: BLIC, 2003. 311 s.

Kobrin, Vladimir Borisovich. Smutnoe vremya — utrachennye vozmozhnosti [Time of Troubles — lost opportunities], in *Istoriya otechestva: Lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v*. [*History of the Country: people, ideas, solutions. Russia's History essays of the 9th – beginning of the 20th century*]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991. S. 163–185.

Kobzareva, Elena Igorevna. Shvedskii voenachal'nik J. P. Delagardi v Rossii «Smutnogo vremeni» [Swedish commander J. P. Delagardi in the Russia of the «Time of Troubles»], in *Novaya i noveishaya istoriya* [*New and Latest History*]. 2006. № 3. S. 170–184.

Kozlyakov, Vyacheslav Nikolaevich. *Vasilii Shuiskii* [*Vasily Shuisky*]. Moskva: Molodaya gvardiya, 2007. 300 s.

Krammi, Robert. «Konstitucionnaya» reforma v Smutnoe vremya [«Constitutional» Reform during the Time of Trouble], in *Amerikanskaya rusistika*. B. m., 2001. S. 241–257.

Maciscewski, Jarema. *Polska a Moskwa. 1603–1618*. Warszawa, 1968. 324 s.

Petrova, Natal'ya Georgievna. *Skopin-Shuiskii* [*Skopin-Shuisky*]. Moskva: Molodaya gvardiya, 2010. 314 s.

Platonov, Sergei Fedorovich. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve* [*Essays on the Time of Troubles in the Grand Duchy of Moscow*]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1995. 463 s.

Porshnev, Boris Fedorovich. *Tridcatiletnyaya voina i vstuplenie v nee Shvecii i Moskovskogo gosudarstva* [*The thirty year war and the joining of Sweden and the Grand Duchy of Moscow in the war*]. Moskva: Nauka, 1976. 433 s.

Selin, Adrian Aleksandrovich. Novgorodcy i shvedy v nachale XVII veka [Novgorod citizens and the Swedish in the beginning of the 17th century], in *Kanva istorii* [*Historical Canvas*]. № 15. 2002. S. 125–128.

Selin, Adrian Aleksandrovich. *Novgorodskoe obshestvo v epohu Smuty* [*Novgorod society in the Time of Troubles period*]. Sankt-Peterburg: BLIC, 2008. 747 s.

Skrynnikov, Ruslan Grigor'evich. *Minin i Pozharskii. Hronika Smutnogo vremeni* [*Minin and Pozharsky. Chronicles of the Time of Troubles*]. Moskva: Molodaya gvardiya, 1981. 349 s.

Yanov, Aleksandr L'vovich. *Ten' groznogo carya* [*The Shadow of the Terrible King*]. Moskva: Kruk, 1997. 218 s.

Zamyatin, German Andreevich. *K voprosu ob izbranii Karla Filippa na russkii prestol (1611–1615)* [*On the subject of the Carl Philipp election to the Russian throne (1611–1615)*]. Yur'ev, 1913. 141 s.

Zamyatin, German Andreevich. *Rossiya i Shveciya v nachale XVII v. Ocherki politicheskoi i voennoi istorii* [*Russia and Sweden in the beginning of the 17th century: Essays on political and military history*]. Sankt-Peterburg: Evropeiskii dom, 2008. 492 s.

ББК 63.3(0)51 Швеция; 63.3(2)46; УДК 94(48).05

С. М. Шамин

ШВЕЦИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ В XVII в.

Европейские информационные издания время от времени доставлялись в Москву уже в XVI в. Наиболее ранние русские переводы, которые мы однозначно можем возвести к печатным иностранным газетам, относятся к 1621 г.[1] С середины XVII в. иностранная пресса заняла значительное место в потоке внешнеполитических «вестей», собором которых ведали Посольский и Разрядный приказы, а при Алексее Михайловиче — приказ Тайных дел. К концу 60-х гг. XVII в. иностранные газеты стали для русского правительства одним из основных источников оперативной информации о событиях в Европе[2]. Переведенные в Посольском приказе публикации европейской прессы, наряду с донесениями дипломатов, купцов и специально отправленных в шведские владения разведчиков формировали информационный фон, влиявший на принятие русским правительством конкретных политических решений.

Русские переводы европейской прессы делятся на две группы. В одну из них входят отдельные документы, рассеянные практически по всем фондам РГАДА, отражающим сношения России с европейскими государствами. Хронологически они представлены за весь XVII в. Вторую группу переводов европейской прессы составляют куранты — обзоры европейской прессы. Их начали изготавливать для царя и Боярской Думы с середины XVII в. Архив курантов начал складываться в Тайном приказе. После его ликвидации куранты были переданы в Посольский приказ, где новые столпы хранились среди документов Донского повытья. В настоящее время большая часть курантов сосредоточена в фонде 155 РГАДА, что облегчает для исследователей использование данного

[1] *Майер И.* Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 2. Иностранные оригиналы к русским текстам. М., 2008. С. 52–56.

[2] *Кобзарева Е. И.* Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

источника[3]. Сразу следует оговориться, что для составления курантов использовали в основном немецкие и голландские газеты. Шведские рукописные и печатные газеты, а также иные информационные материалы для составления курантов не привлекались. Можно назвать лишь крайне редкие, единичные исключения. К примеру, в курантах 1686 г. встречаем «Перевод свейского почтового писма, каково писано в Стеколне мая в 4 день 1686 году»[4]. Так в исследуемый период называли рукописные газеты, составлявшиеся почтмейстерами. Они действительно генетически восходят к обычным письмам, однако содержащиеся в них сведения были обезличенными и предназначались для публичного распространения.

Начиная с 1670 г. в обзорах иностранной прессы в качестве источника упоминаются «рижские куранты»[5]. Однако, хотя Рига и входила в число владений Шведской короны, рижские издания следует отнести скорее к немецкой прессе. Даже пребывая в Стокгольме, российские послы могли пользоваться немецкой прессой. Так, И. Майер посвятила специальную работу переводам с иностранных газет, которые были выполнены в Стокгольме во время пребывания там русского посольства (5 июня – 30 октября 1649 г.). Она установила, что с 10 июня по 19 октября перевели не менее 20 газет. Переводы выполнялись с тех газет, которые приходили в Стокгольм по почте. Для части из них найден оригинал. Им была выходившая в Гамбурге «Wochentliche Zeitung»[6]. Можно предположить, что благодаря налаженным почтовым связям новости о политической жизни Европы (в том числе Швеции) попадали в Москву быстрее через немецкую и голландскую прессу, чем через шведскую.

Для исследователей работу с вестовыми материалами упрощает продолжающаяся лингвистическая публикация «Вести-Куранты» (наименование этого издания иногда ошибочно принимают за название рукописной газеты, в реальности никогда не существовавшей). Первые четыре тома включают подборки вестовых документов из разных фондов РГАДА за 1600–1650 гг., а в пятом и шестом томах публикуются сохранившиеся куранты до 1670 г. Издание содержит не только именной и географический указатели, но и словоуказатель, который позволяет быстро найти нужную информацию по ключевым словам. Это дает возможность получить цифровые данные о «шведских» сообщениях в вестовых материалах за разные периоды. Так, в первом томе[7] слово «свейский» встречается в 76 % единиц основного издания (без учета приложений, далее е. и.). Во втором томе[8] эта лексема представлена в 62 % е. и., в третьем[9] — в 52 %, в четвертом[10] — в 68 %, в пятом[11] — в 60 %, в шестом[12] — в 37 %. Объем «шведских» известий в переводах иностранной прессы определяется многими факторами, однако

[3] *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М., СПб., 2011.

[4] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Д. 7. Ч. 3. Л. 182.

[5] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Д. 7. Л. 220, 221.

[6] *Maier I.* Newspaper Translations in Seventeenth-Century Muscovy. About the Sources, Topics and Kuranty «Made in Stockholm» (1649) // Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. P. 181–190.

[7] Вести-Куранты. 1600–1639 гг. М.: Наука, 1972.

[8] Вести-Куранты. 1642–1644 гг. М.: Наука, 1976.

[9] Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. М.: Наука, 1980.

[10] Вести-Куранты. 1648–1650 гг. М.: Наука, 1983.

[11] Вести-Куранты. 1651–1652, 1654–1656, 1658–1660 гг. М.: Наука, 1996.

[12] Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

решающим бы один — участие Швеции в войнах. Относительно мирная жизнь Швеции в 1660-х гг., прерывавшаяся лишь локальной войной с Бременом в 1665–1666 г., способствовала сокращению внимания к Шведскому королевству в европейской прессе и, соответственно, в курантах.

Остановимся кратко на упоминавшихся в вестовых документах персоналиях. Шведские имена нередко встречаются в переводах европейской прессы, однако случаи, когда человек упоминается регулярно, единичны. Мы остановились на персоналиях, чьи имена встречаются в одном из томов Вестей-Курантов курантов чаще, чем в 10 е. и. Такой подход условен, поскольку в разных томах Вестей-Курантов опубликовано разное количество материалов, однако наметить общую тенденцию он позволяет. Следует отметить, что в европейской прессе монархов крайне редко называли по именам. Обычно писали просто «свейский (французский, аглинский и т. д.) король». Личные имена, как правило, были атрибутом подданных. Исключения составляют опубликованные послания монархов, памфлеты, а также экстраординарные ситуации — вступление на престол нового монарха, отречение от власти и т. д.

В отношении конкретных людей действует то же правило, что и в отношении государств — упоминания в прессе чаще всего связаны с войной. Поэтому представляется естественным, что наиболее упоминаемые в документах первой половины XVII в. лица — герои Тридцатилетней войны. В Вестях-Курантах за 1600–1639 гг. из шведских персоналий чаше всего встречается имя полководца Юхана Банера (10 е. и.). Для 1642–1644 гг. можно выделить фельдмаршала Леннарта Торстенсона (36 е. и.), генерал-майора Ганса Кристофа фон Кёнигсмарка (28 е. и.), фельдмаршала Густава Горна (19 е. и.). Упоминания 1645–1648 гг. распределились следующим образом: Ганс Кристоф фон Кёнигсмарк (15 е. и.), фельдмаршал Карл Густав Врангель (14 е. и.), Леннарт Торстенсон (11 е. и.) и дипломат Йохан Оксеншерна (10 е. и.). В материалах 1648–1660 гг. шведских деятелей, которые упоминались бы в переводах иностранной прессы регулярно, выделить не удалось. Лишь в 1660–1670 гг. можно отметить командовавшего шведскими войсками в немецких землях Карла Густава Врангеля (11 е. и.) и бывшую шведскую королеву Кристину (28 е. и.). Ее отказ от трона, переход в католицизм и отъезд из Швеции не только произвели фурор в Европе, но и привлекли внимание российских властей. Посвященные Кристине статьи время от времени появлялись в курантах вплоть до ее смерти в 1689 г. В качестве примера можно привести новость 1683 г. из Рима: «Бывшая королева свеиская Христина указала ныне построить некоторые кляшторы тем намерением, что в одном ис тех кляшторов принять иноческий чин и пребывати тамо в смиренном образе»[13].

В начале 1670-х гг. в курантах выделяется серия материалов о дипломатических контактах Швеции с другими европейскими государствами. В это время Людовик XIV планировал нападение на Нидерланды. Швеция и Англия были связаны с Нидерландами антифранцузским Тройственным союзом. Существование этого союза защищало голландцев от французского вторжения. В реальности английский король еще в 1670 г. отказался от Тройственного союза и обещал поддержать Людовика XIV в грядущей войне. Российские дипломаты по материалам курантов могли наблюдать, как французские послы пытались нейтрализовать Швецию, а противники Франции всячески

[13] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Д. 5. Л. 343.

этому противодействовали. Из сводки курантов от 30 марта 1671 г. российские власти узнали, что в Стокгольме находятся цесарский и испанский послы, которые пытаются убедить Швецию в необходимости сохранить Тройственный союз. Дипломаты угрожали шведскому королю, что в случае отказа «болши ему доволства будетъ от них, нежели в Московском государстве от бунтов Разина»[14] — т. е., что Швеция будет разорена, как занятые восставшими земли России.

Однако в том же 1671 г. писали, что к датскому двору был отправлен посол Людовика XIV, который обещал датскому королю огромную субсидию в случае, если тот нападет на Швецию (10 марта, 30 марта). Подобные меры должны были подтолкнуть Швецию к отказу от Тройственного союза. Позднее появилась серия статей курантов, посвященных деятельности французского дипломата де Помпонна, которого Людовик XIV в преддверии войны отозвал из Франции и отправил в Швецию, чтобы убедить шведское правительство покинуть Тройственный союз. Составители курантов проявляли к деятельности французского дипломата в Стокгольме особое внимание. Это выразилось в том, что одна сводка могла содержать несколько материалов о де Помпонне. 2 июня 1671 г. куранты сообщили о его приезде из Гааги в Дюнкерк, куда направлялся и Людовик XIV. Куранты 15 сентября уже отметили прибытие де Помпонна в Стокгольм и обозначили цель посольства — склонить Швецию к союзу с Францией. Далее сообщали о присылке из Франции дополнительных инструкций де Помпонну и отправке во Францию шведского посла Кёнигсмарка (21 сентября), писали о назначении для переговоров специальной комиссии (6 октября), о торжественном приеме с различными почестями у шведского короля, а также о твердом намерении Швеции сохранить Тройственный союз, несмотря на уговоры де Помнонна (13 октября). В сводке от 29 октября появилась информация о том, что французский посол остается в Стокгольме для переговоров о торговле.

В реальности речь шла не только о торговле. Об этом сообщали куранты от 29 января 1672 г., где появилась информация о попытках купить союз Швеции за крупную сумму денег. О нежелании шведов идти на такую сделку писали 14 февраля. Далее в курантах сообщений об активности французской дипломатии в Швеции не появлялось до 9 мая. В это время де Помпон, подготовив почву для франко-шведского союза, уже вернулся в Париж. Его преемник просил Швецию объявить нейтралитет на 2 года, не получив однако формального согласия. Начиная с курантов 22 августа характер сообщений поменялся. Из них стало известно, что шведский король заключил союз с Францией. Подтверждали это и куранты 13 сентября[15].

Таким образом, мы видим, что несмотря на значительные утраты, материалы курантов позволяют составить общее представление о постепенном изменении внешнеполитической ориентации Шведского королевства. Позднее, когда европейские державы попытались втянуть в общеевропейский конфликт Россию, эти сведения позволили российскому правительству выстраивать отношения с приезжавшими в Москву цесарскими, голландскими, датскими и шведскими дипломатами с учетом реальной политической, а позднее и военной ситуации в Европе.

Объем шведских известий в русских переводах иностранной прессы резко возрос после того, как в 1674 г. Швеция во франко-голландской войне выступила на стороне

[14] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Д. 7. Л. 25.
[15] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Д. 7; 1672 г. Д. 6, 7, 8.

Франции и подверглась нападению стран антифранцузской коалиции (Дания, Нидерланды, Бранденбург). Поскольку информация попадала в куранты из враждебной Швеции немецкой и голландской прессы, то успехи шведской армии в материалах принижались, а поражения, наоборот, преувеличивались. Появлявшиеся в Москве сведения о ходе боевых действий обычно запаздывали более чем на месяц. Нами подробно исследованы «шведские» сообщения времени правления царя Федора Алексеевича 1676 – нач. 1682 г.[16] Россия в данный период была заинтересована в скорейшем поражении Швеции и ее союзницы Франции. Это высвободило бы силы Священной Римской империи для борьбы с Османской империей, с которой Россия находилась в состоянии войны.

В ходе переговоров со шведскими дипломатами новости европейской прессы активно использовались. Осенью 1676 г., когда на границе России со Швецией проходил посольский съезд, приходившие с рижской почтой иностранные газеты не везли в Москву, а переводили прямо на самом посольском стане[17] и лишь потом отправляли в Посольский приказ[18]. В итоге шведы временно приостановили отправку почты из Риги на Москву. Кроме того, шведы опубликовали весьма несправедливые, по их мнению, претензии русских, и свои ответы на них:

> «Просят Ижорскую землю, Ругодив и Карельскую землю во удовлетворение сих статей: Первая, будто некоторой ученик или студент, в Цесарской земле прения чинил, русская вера правая или нет. И будто того студента, в укор русскому народу и во осуждение, шведы в городе Колывани пастором учинили. Вторая, будто шведы в листе своем к королю польскому царя и великого князя именовали точию великим князем. И то де дело, кроме крови, ничем иным успокоить невозможно. И наши комиссары на первую статью ответ учинили, что во всех академиях или училищах обычай о всяких делех прения чинить. А буде им до того пастора какое дело, и они б предложили явную жалобу... По розыску тому пастору учиница... наказание. На вторую статью наши послы ответ чинили, что... подлинные цесарские... и бранденбургские листы, в которых царское величество именован тою же титлою. И в латинском языке тое титлу инако писать невозможно». В конце послания содержался весьма нелицеприятный упрек лично Федору Алексеевичу: «Сверх того, когда царское... писали при восшествии на престол... или царь не по своей воле правит?»[19]

Из сообщения хорошо видно, как русские дипломаты использовали при переговорах информацию, которая могла быть представлена как «оскорбительная». Фактически шведскую сторону шантажировали под надуманными предлогами. Раздражение шведских дипломатов вполне понятно. В начале осени 1676 г. в обзорах иностранной прессы сообщалось, что шведы потеряли свои земли в шведской западной Померании и на юге самой Швеции (области Сконе, Блекинге, Халланд, Смоланд). Чтобы поддержать противников Швеции, российская армия подошла к шведской границе. Хотя в реальность войны между Россией и Швецией мало кто верил, шведам пришлось держать в восточной Прибалтике войска, которые были так необходимы в северной Германии.

О событиях на русско-шведской границе также сообщалось в курантах. В начале 1677 г. положение Швеции, как и в прошлом году, выглядело сложным. Однако тяжесть

[16] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8; 1677 г. Д. 7; 1678 г. Д. 4; 1679 г. Д. 5; 1680 г. Д. 4; 1681 г. Д. 5; 1682 г. Д. 5.

[17] Как свидетельствует статейный список посольства, доставка иностранной прессы непосредственно на посольский стан была организована еще до начала переговоров (см.: ОР РГБ Ф. 29 (Собр. Беляева). Д. 85. Л. 34, 40, 50, 50 об).

[18] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 11, 12, 23.

[19] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 64–74. — Документ имеет плохую сохранность.

ситуации пресса преувеличивала. К примеру, поражение датских войск в декабре 1676 г. в битве при Лунде было представлено в курантах начала 1677 г. как удачный поход датской армии, в результате которого были захвачены трофеи и пленные. В целом, в 1677–1679 гг. куранты позволяли русскому правительству составить общее представление о ходе войны. В них, так или иначе, освещались борьба за территории на юге Скандинавского полуострова (Кристианстад, Ландскруну Мальме, Карлсхамн, Марстранд), острова Балтийского моря, Померанию (Штетин, Штральзунд).

Особое внимание составителей курантов привлекла попытка Швеции переломить войну, направив сосредоточенные в восточной Прибалтике войска во владения курфюрста Бранденбургского в восточной Пруссии через территорию Польши. Войска курфюрста разбили шведов на курляндской границе. Генерал-майор Шенинг вошел в Курляндию и разгромил там шведского графа Виттенберга. Шведские войска отступили в Ригу. Шенинг дал бой под Ригой и вернулся в бранденбургские владения. После этого в 1679 г. активных боевых действий уже практически не велось. В куранты была включена целая серия статей о переговорах в Нимвегене. В течение 1679 г. русское правительство могло наблюдать по курантам, как медленно и тяжело устанавливался мир в Европе.

Любопытно, что составители курантов наблюдали не только за ходом реальных боевых действий, но и за их мистическим отражением в чудесах и знамениях. К примеру, из Ланцкрона сообщали, что после того, как датские войска взяли этот город у шведов, была буря, и в церкви убило молнией человека, а на часах изменились цифры. Автор статьи посчитал это событие предзнаменованием[20]. В районах северной Европы, где шла борьба между шведами и датско-голландско-австрийско-бранденбургской коалицией, местные жители наблюдали целые «небесные битвы». Из Лютцова (Померания) сообщали: «Третьего дня видели многие после полудня на небе великие войска, а шли те войска от севера на полдень»[21]. В Копенгагене

> «…сей прошлой ночи многие люди видели на небе черное некоторое явление, а которые видели и те сего ж числа с присягою речи свои подтвердили. То есть видели они на небе сходились биться ратных людей два полка великих и по многой битве западной полк восточного преодолел, которой вскоре потом исчез точию от того полка остался один человек на белом коне сидящий, который корону в западе созидал»[22].

Еще два видения отмечено в датском городе Эксинбурхе:

> «Прошлой ночи в 4 или 5 часу видели такое видение над Зунтом, яко небо разтворилось и два розные каравана промеж себя сошлись боем, и было таково светло, как и днем, также видели и в Кроннебурхе караульщики, а сего вечера часу в 7 на воздухе видели четвероугольной облак, ис которого вышло великое стадо птиц и промеж себя сходилось боем и по многой битве упали на землю и обратились конницею и начали паки стравливаться и друг друга поняли, а посреди их явились две лошади белые, и напоследок одна часть конницы пошла к лесу, а как другая за ней погналась тогда объявился огонь изрядной […] всадник на черной лошади и обучал ее в коло, иже видение видели многие люди, а что прознаменует, то Бог весть»[23].

[20] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 15.
[21] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Д. 7. Л. 166.
[22] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Д. 7. Л. 135.
[23] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Д. 5. Л. 134–135.

Иногда предрекающие беду знамения относились к конкретному городу. Один человек над шведским городом Мальме

> «…видел на воздухе город подобен Малме городу, и после того объявилось войско и приступи к тому городу зажгли и было де того видения два часа, а как город весь сгорел, и то видение все невидимо стало, а в то время небо так чисто было, что возможно каменья считать в городе и всякое рукоделие. И жители того города зело в великом страху пребывали, чтоб тот огонь в город не спал»[24].

А над городом Кристианстадтом

> «…над обозом свейским видение было что облака розделились и множество гранатных ядер от толе на низ пали, и в то же время на воздухе трижды стреляно, будто ис пушек, и для того у короля свейского и в иных местах сполох великий учинился, а в городе Христианстате ис пушек стреляли, потому что им виделось в городе, будто несколько в красных епанчах немецких к городу приближаются, а сие видение многие веры достойные люди видя подлинно нам объявили»[25].

В последнем случае легко заподозрить составителей газеты в патриотическом, антишведском вымысле, поскольку рядом с известием о видении помещено сообщение из датского города Ландскрона, что нескольких военнопленных «поганым турским обычаем» шведы посадили на кол, чего прежде никогда не бывало. В целом комплекс сообщений производит впечатление «пиара».

После заключения мира в 1680 – начале 1682 г. внимание к Швеции в курантах снизилось, но значительное количество статей курантов, как и прежде, было посвящено шведским делам. Потерпевшая поражение в войне Швеция медленно восстанавливала свои силы. Шведские гарнизоны постепенно занимали возвращенные по Нимвегенскому миру города. В Посольском приказе переводили не только сообщения о произошедшем событии, но и целые описания.

Как пример приведем сообщение о передаче шведам Висмара:

> «Из Висмара ноября в 25 день. Ныне паки божьим милосердием к овладению королевского величества свейского дошли. А учинилось сей крепости опразднение сим подобием. Во вторник о утру датские люди подали знак из трех пушек на площади, а потом учинилась стрельба изо всех нарядов кругом города над валом. После того сошлись ратные люди на площади, а в их место градские жители и по градским заставам стали. Меж тем приехал граф Кениксмарк в город и шел круг города валом, докуда стражи переменились. Напоследок датские ратные люди трегубой стрельбою паки знак дали и пошли из города строем сквозь водяные ворота к уготовленным кораблям, простясь с градскими жителями с любовью. После того благовестили в большой колокол с час для собрания прочих градских жителей, при которых графа Кениксмарка повели в советную избу и начали ему благоприветствовать о счастливом его пришествии. А бурмистор со изрядной речью наговорил народно, чтоб учинили верную присягу королю свейскому. В прибытии графа Кенниксмарка еже по его приговору тотчас исполнили. А потом повели его графа к столу и почествовали его яко подобно с драгою музыкою и радостною стрельбою»[26].

Карл XI начал проводить в стране реформы, которые должны были укрепить финансы и обороноспособность государства. Эти реформы вызвали острое недовольство знати, как в коренных шведских землях, так и на территории шведской Прибалтики. В Посоль-

[24] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Д. 5. Л. 41.
[25] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Д. 5. Л. 117–118.
[26] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Д. 4. 1680 г. Л. 154–157.

ском приказе с большим интересом наблюдали за тем, как в Лифляндии усиливаются антишведские настроения. Тем не менее, на страницах курантов Швеция оставалась образцом государства, пользовавшегося выгодами мирной жизни в окружении войны, охватывавшей одну европейскую страну за другой. В этом отношении особенно интересна сводка, составленная 9 июня 1690 г. В современном архивном деле она оказался между листами курантов от 17 августа 1690 г.

Сводка представляет собой тематическую подборку из трех статей с известиями о том, как начавшаяся в Европе война между Францией и странами Габсбургской коалиции повлияла на международную торговлю. В первой статье из Стокгольма рассказывалось о том, что в Швеции готовится к отправке в другие страны большое число торговых кораблей. Следующий материал из Гааги посвящен переговорам с пребывающим здесь шведским послом о свободной торговле (в том числе и с Францией, противницей Нидерландов) для шведских кораблей. Последняя публикация из Амстердама доходчиво сообщала о том, что у англичан, французов и голландцев морская торговля «помешалась» из-за войны, которую ведут их страны, а шведские купцы получат большую прибыль из-за того, что могут «междо всеми торговать свободно».

Эту подборку зачитали лично Петру I 16 июня 1690 г.[27] Надо полагать, что пацифистский материал был подготовлен специально, чтобы убедить царя во вреде войны для государства. Появление документа именно в это время вполне логично — наступил новый военный сезон (периодом боевых действий в XVII в. было лето), а начатую в 1687 г. войну с Османской империей правительство Натальи Кирилловны Нарышкиной продолжать не собиралось.

Между тем Петру I исполнилось уже 18 лет, он был взрослым женатым человеком, страстно любил оружие и все, что связано с войной. Наверняка царь желал доказать себе и всем окружающим, что является лучшим полководцем, нежели отправленный в ссылку В. В. Голицын, который возглавлял в 1689 г. поход русской армии на Крым. Наталья Кирилловна и ее окружение столкнулись с необходимостью объяснять царю, почему войны не будет. Для Петра I мнение иностранцев было авторитетом, так что соответствующие выписки из курантов в данной ситуации очень пригодились, а Швеция оказалась наиболее удачным примером миролюбия.

Выше уже говорилось о том, что основным объектом внимания курантов были боевые действия между европейскими странами. Однако огромный объем переводимого в Москве материала позволял уделять внимание и другим сторонам жизни Швеции. Приведем несколько примеров, в которых описаны самые разные стороны жизни шведского общества. Важной составляющей человеческой жизни в исследуемый период была вера. Острая борьба между протестантами и католиками коснулась и Швеции. В 1667 г. на сейме было постановлено, что если родители не воспитают своих детей в лютеранской вере, то дети будут лишены «вольностей свейского гражданства»[28].

Шведским католикам оставалось лишь отвечать публикациями в немецкой прессе. Одна из статей 1670 г. сообщала, что в шведском же городе Калмаре, когда больше 100 человек собрались к причастию, сосуд с вином распался на две части. При этом «со воздуху» раздался голос, пояснивший, что это наказание за неверие в «католицкие веры». Вслед за описанием столь очевидных знамений автор сообщил о принятии католицизма мно-

[27] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Д. 10. Ч. 3. 523, 523 об., 524.
[28] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Д. 10. Л. 202.

гими людьми на Нижней Эльбе[29]. Рядом с этой статьей на полях имеется помета кого-то из русских читателей, выразившего свое отношение к публикации — «лукавство засылочное». Проблемы возникали и у представителей других религий. В 1681 г. сообщали о крещении 28 евреев в Стокгольме (при этом восприемниками новообращенных были король и королева). Последнее известие включено в куранты дважды[30].

Продолжалась вспыхнувшая на излете европейского Средневековья охота на ведьм. В 1667 г. писали: «О бесовских чюдных враждах подлинно весть, что около Стеколны зело немерно страшно показуетца, и множество людей изводит, и ис тех людей по се время 30 человек сожгли»[31]. Близкое по содержанию сообщение из Стокгольма датируется 30 ноября 1676 г.: «Великое чарование в государстве нашем по различным местам зело убывает для того, что трех баб, которые тому делу были причинны, сожгли, а о достальных по всякие дни чинят крепкие розыски, чтоб сию землю от того дьявольского наваждения избавить»[32]. На медных рудниках бес даже попытался подменить собою Церковь (1670 г.):

> «Из Стекольна марта 19-го числа. В меденых рудокопных горах 110 верст отселе о великих бесовских вражбах подлинная весть к нам дошла, что в медных рудокопных горах бес плотским образом ходит, и черни объявляет, что он правдивый бог есть и тем многих изводит. Там же церковь свою имеет, и сам в ней словеса говорит, дети крестит и тайну роздаетъ. И из Катигима, название книги, которая полна есть безбожества, в той дети и старых людей учит, и тем которые от Бога отстати не хотят, а особно детем которых множественно есть, в лицах ад показует, и говоритъ им что все те, которые стараго Бога держатца, в ад погнаны будутъ. Временем показуется сияющим образом, славу свою показует. Недавно с тритцатю товарыщами бесми в хрстиянскую церковь пришол, а как в то время в церкви той християне молебен Богу творили со всеми своими товарыщи пропал»[33].

Время от времени в курантах встречались статьи экономического характера. В качестве наиболее интересного примера приведем известие о шведском проекте, который должен был облегчить транзитную торговлю через Россию с Ираном. Из приведеных ниже сообщений видно, что шведы пытались работать над этим проектом комплексно, по всей цепочке от Балтийского моря до Каспийского. В куранты 30 мая 1687 г. включено сообщение, отправленное из Ирана почти годом ранее:

> «Из Испагани июля в 10 день. Прошлого году свейскому послу, которой уже два года здесь медлился и о постановлении торговли с Персидою чрез Москву и Хвалынское море договор предлагал и искал, чтоб свейским торговым людем в некотором пристанище того ж хвалынского моря постановить факторство или торговой промысел и построить тамо карабли европиским подобием, которыми удобнее мочно было ездить по морю не как теми, которые по се время обыкновенны были. Для того, что те суды яко неключимые скоро потонут. А дерево ко устроению тем кораблям угодные хотели они высеч из наших лесов. От шаха такой ответ учинен есть, что он шах имеет в государстве своем два моря, которые едино нарицаетца Ормус или море Персицкое, а другое называетца Баку или Хвалынское море. Его ж шаховы предки припустили християнских промышленников к первому морю, сице к Ормусу, еже силою они овладели, а к другому морю шах отнюдь не намерен их допущати или в нем таво то ради промыслу их имети»[34].

[29] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1670 г. Д. 8. Л. 169.
[30] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Д. 5. Л. 184, 192.
[31] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Д. 10. Л. 348.
[32] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 111.
[33] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Д. 10. Л. 358–359.
[34] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 320–322.

В 1688 г. появилось сообщение на эту тему из Стокгольма:

«Из Стекольна августа в 7 день. Дано в намерении и предлагании было чтоб путь водяным с Москвы во Псков озером употреблять и реками из озера на Юрьев Ливонской, а оттоле к Фелину, а от Фелина к Пернаву проехать, чтоб прямо возможно было судами русскими в Пернаву приезжать. А что по се время то войны ради не исправлено, ныне для русской и персидцкой торговли то совершить послано 500 человек для очищения рек пути тому»[35].

Неотъемлемой составляющей курантов было то, что сейчас назвали бы светской хроникой. Приведем несколько сообщений за 1670–1690-е гг. В 1680 г. торжественно короновали новую королеву Ульрику Элеонору:

«Из Стекольна ноября в 20 день. Королево явное пришествие в 3-м числе будущего месяца будет и потом коронование последует. А во многих украшенных местах в городе и за городом в посадах, где учинится королеве идти, словами написано — "Здравствуй Ульрика Элеонора королева свейская", тако ж — "Да будет многолетна наша Ульрика Элеонора королева", со иными протчими письмами»[36].

«Из Стекольна декабря в 8 день. Возвещение, коим подобием свейскую королеву короновали в 5-м числе сего месяца. Дорога от замка и до большие кирхи до самого алтаря красными суконами услана, и по краям обвешано было. Чрез которые обои величества в полудни в 12-ом часу преизрядным ходом и королевскими одеждами одеяны к помянутой кирхе шли. А король шел наперед в венце и одеян великим одеянием, а поверх червчатою ризою горностаями подбитою украшенною. Ее же подол несли 2 комнатные дворяне, а 14 человек комнатные ж дворяне несли покров серебряной обяри. Королева то ж явилась в белом одеянии, червчатою ж аксамитною ризою горностаями подбитою яко ж и король покрыта. Над нею ж несли 4 человека комнатные ж дворяне покров белой. А подол у ризы несли 4 комнатные девицы. После того король стал в своей королевской одежде перед алтарем. И егда мало погодя по изрядной учиненной музыке королева к алтарю приведена, тогда господин бискуп Упсальской при короновании бывающую речь правил. От него ж часу во втором дня королеве венец на голову положен. Ей же скипетр и держава вручена. А по совершении того действа розъявили то коронование с литаврами и с трубы и с изрядною музыкою. И во всех кругом стоящих крепостях и градские жители и конного и пехотного строю ратные люди великую стрельбу учинили. После того король с королевою в своих королевских и в венчанных одеждах паки шли из кирхи в замок прежним стройством, где преизобильный стол, и метали серебряные деньги. А в различных местах шло вино белое и красное с мудростью из устроенных источников. А ночью показали всему народу различные огненные составы, с великим удовольствием всем пребывающим зрителем»[37].

Годом позже о ней писали: «Владеющая королева из дворца мало выходит, отколе видно, что еще не привыкла к свейской вольности, и всегда время проводит помышлением, тщанием и читанием книг, понеже великую охоту имеет к разным языкам и премудрым наукам, какож де и к латинскому языку искусна, и вседневно учение свое оказует»[38], а еще год спустя сообщили о появлении наследника:

«Из Стекольна июля в 22 день. Ныне после полудня крестили и благословили наследующего нашего королевича новорожденного. И дали ему имя Карлус. Восприемники у него были брат короля датского князь Георги, да князь голштенский, бискуп аитинский, бывшая королева Кристина, да нынешняя королева датская, ланцграфиня Нагаеская, да князиня Доротея Голштенская. Во время же крещения дважды стреляли из пушечного наряда, да оберегательный полку из всего ружья потому ж»[39].

[35] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Ч. III. Л. 74.
[36] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 176.
[37] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 176, 246, 247.
[38] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Д. 5. Л. 14.
[39] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Д. 5. Л. 45, 46.

Таким образом, составители курантов представили членам боярской Думы важнейшие этапы жизни королевской семьи.

Встречались и описания различных праздников. В одной из статей курантов находим описание того, как праздновал рождество Иоанна Предтечи (24 июня 1670 г.) шведский король Карл XI:

> «Из Стеколна июня в 27 день. Его королевское величество и мать ево королева по се число в Якубстоле городке пребывают, и всякими потехами тешатся, как по обычаю в день святого Иоанна и прежде сево бывало, а в то же время все полаты королевские по преставившемся короле датцком черными обоями учредили и королевское величество со всем двором в той же печали в черном плате. Прошлого дня святого Иоанна господин Франгель не в дальнем месте от Якубстола был в гостях у некоторые большого роду девицы, которая всех своих людей и себя в деревенское платье наредила, и все потравы в деревенских же сосудех велела строить. А после того господским обычаем и господскими ествы подчивала, и всякими потехами ево увеселила...»[40].

В России этот день (в народе он называется «Иван Купала») так же, как и в европейских странах, отмечали не только церковными службами, но и различными игрищами. Это происходило потому, что на христианский праздник накладывались пережитки языческого празднования дней летнего солнцестояния.

В 1692 г. сообщалось об устроенном королем маскараде:

> «Из Стеколни февраля в 23 день. Королевское величество в сих числех великое пиршество держал, в котором 160 человек князей и иных высоких особ было. И надевали на себя различную иностранную одежду. 2 романскую, 2 венгерскую, 2 гишпанскую, 2 полскую, 2 московскую, 2 турецкую, 2 персицкую, 2 персицкую, 2 индеискую, 2 арапскую, 2 дорожных людей (возможно, цыган. — *С. Ш.*), 4 восточно индейскую, 4 галанских карабелщиков, 6 шмаланских поселян, 4 ватерлянскую, 4 вуфбрингскую, 4 амакскую, 2 эидерстатскую, 2 швабскую, 2 тиролскую, 2 свеискую укслянскую (упландскую? — *С. Ш.*), 2 рослагскую (область Рослаген в Швеции. — *С. Ш.*), 4 зудермеанланскую (область Сёдерманланд в Швеции. — *С. Ш.*), 4 роккорскую, 4 стокорларскую, 4 лапляндскую, 2 лифляндскую, 4 французскую, 6 бемскую (богемскую. — *С. Ш.*), 2 жидовскую, 44 домовых слуг да 32 работных девок»[41].

Подобные сообщения расширяли представления русской знати о том, как проводили досуг их европейские коллеги. Знакомство с такого рода текстами было одной из предпосылок к переустройству русского придворного быта по европейскому образцу. Перечень «светских» материалов о Швеции можно легко продолжить. Представляется, что в Посольском приказе старались осветить в курантах все наиболее важные события жизни шведского двора.

Таким образом, мы видим, что переводы иностранной прессы с известиями о Швеции попадали в Москву на протяжении всего XVII в. Они отражали самые разные стороны жизни шведского общества, хотя наибольшим вниманием пользовались публикации о военных действиях шведской армии. С середины столетия кроме обычных переводов составлялись также регулярные обзоры немецкой и голландской прессы. Они давали сотрудникам Посольского приказа системное представление об отношениях Шведского королевства с другими странами Европы. Привлечение переводов иностранных газет в исследованиях по истории внешней политики России и русско-шведским отношениям позволило бы лучше понять причины принятия московскими властями тех или иных

[40] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1670 г., Д. 8. Л. 162.
[41] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Д. 10. Ч. 1. Л. 178, 181.

политических решений. К примеру, легкость, с которой российским властям удалось заключить Северный союз (1699 г., по этому договору Россия впервые воевала против Швеции в составе широкой коалиции европейских стран), в значительной мере объясняется тем, что в течение предшествовавших десятилетий политическая элита России получала детальные сведения о противоречиях, имеющихся между Швецией и ее соседями. Переводы европейской прессы в этом процессе играли очень важную роль.

Данные о статье

Автор: Шамин, Степан Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, shaminy@yandex.ru

Заголовок: Швеция в русских переводах иностранной прессы в XVII в.

Резюме: В исследовании кратко охарактеризованы поступавшие в Москву в XVII в. известия европейской прессы о Швеции. Цель публикации — привлечь внимание ученых к данному источнику информации по истории внешней политики России и русско-шведским отношениям.

Ключевые слова: куранты, обзор прессы, история Швеции

Литература, использованная в статье

Кобзарева, Елена Игоревна. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1988. 268 с.

Майер, Ингрид. Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 2. Иностранные оригиналы к русским текстам. Москва: Языки славянских культур, 2008. 648 с.

Maier, Ingrid. Newspaper Translations in Seventeenth-Century Muscovy. About the Sources, Topics and Kuranty «Made in Stockholm» (1649) // Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. P. 181–190.

Шамин, Степан Михайлович. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. Москва, Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2011. 352 с.

Information about the article

Author: Shamin, Stepan Mikhailovich, Doctor in History, Senior research fellow at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, shaminy@yandex.ru

Title: Sweden in the Russian translation of the foreign press in the 17th century

Summary: European news publications occasionally reached Moscow since the 16th century. Russian translations of printed foreign newspapers are known since 1621. European press was delivered to Moscow on a regular basis since the mid-17th century. For the Russian government, foreign newspapers were one of the major sources of up-to-date information about European events. The goal of the present paper is to provide an overview of the news about Sweden that reached Moscow from foreign press and to draw scholarly attention to this understudied primary source on Russian-Swedish contacts.

Key words: Kuranty, press review, history of Sweden

References

Kobzareva, Elena Igorevna. *Izvestiya o sobytiyah v Zapadnoj Evrope v dokumentah Posol'skogo prikaza XVII veka* [*Information on the events in Western Europe in the documents of the Embassy order 17th century*]*: Dis. ... kand. ist. nauk*. Moskva, 1988. 268 s.

Majer, Ingrid. *Vesti-Kuranty 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg*. Ch. 2. Inostrannye originaly k russkim tekstam. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. 648 s.

Maier, Ingrid. Newspaper Translations in Seventeenth-Century Muscovy. About the Sources, Topics and Kuranty «Made in Stockholm» (1649), in *Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson*. Stockholm, 2002. P. 181–190.

Shamin, Stepan Mihajlovich. *Kuranty XVII stoletiya: Evropejskaya pressa v Rossii i vozniknovenie russkoj periodicheskoj pechati* [*The Courants of the 17th century: The European press in Russia and the emergence of the Russian periodical press*]. Moskva, Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2011. 352 s.

Формирование средневековой государственности в центрально-восточной Европе: состояние исследований и современные концепции

К 1150-летию зарождения российской государственности (862–2012)

Редакционная коллегия журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana» продолжает в настоящем выпуске публикацию материалов, посвященных проблематике формирования средневековой государственности в Центрально-Восточной Европе в рамках особого тематического раздела, приуроченного к отмечаемому в 2012 г. 1150-летию зарождения российской государственности[1]. Публикуемый в настоящем выпуске второй блок материалов по данной теме призван отразить разнообразие типологических форм политогенеза в разных частях Центрально-Восточной Европы в разные периоды Средневековья. Авторы представленных статей концентрируют свое внимание на ключевых проблемах становления государственности в Восточных Альпах в VII–IX вв., в Среднем Поволжье в X–XII вв. и на востоке Карпато-Дунайского региона в XIII–XIV вв.

Редколлегия

[1] Первый блок материалов по данной теме, посвященных текущему состоянию и актуальным задачам исследований формирования средневековой государственности в Центрально-Восточной Европе, опубликован в предыдущем выпуске журнала: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1 (11). С. 3–126.

ББК 63.3(0)Молдавия; УДК 94(478)

R. Carciumaru

THE GENESIS OF THE MEDIEVAL STATE ON THE ROMANIAN TERRITORY: MOLDAVIA

The crucial issues concerning the foundation of the medieval state of Moldavia have been interpreted in various ways, creating a genuine web of opinions at historiographical level. Written documents and archaeological studies have broadened the area of research and led to interpretations which are, actually, unique ways of approach in analyzing the Romanian political entities that evolved into state forms.

A general study of the genesis of the Moldavian state should reach several defining aspects. What we are referring to is the transformation process of the Romanian Voivodeship of Maramureş into a county, which influenced nobleman Bogdan's unifying action in Moldavia; the external circumstances which triggered the offensive of the great Christian states against the Mongolian forces concentrated here after the large invasion of the 13th century; the first campaign of the Hungarian Kingdom to free southern Moldavia of the Tartar domination; the consolidation of Hungarian positions east of the Carpathians and, finally, the politico-military action led by a former voivode of Maramureş, Bogdan, which removed the Hungarian control in Moldavia, leading to the formation of states. All this shall be dealt with in the lines to come.

The emergence of the second Romanian medieval state shall be examined starting from a brief analysis of a neighbouring politically organized territory, namely the Voivodeship of Maramureş. The contribution of Romanian feudality in the area to the achievement of the extra-Carpathian Romanian statehood is essential as nobles Dragoş and Bogdan came from this land to set up a new political nucleus: Moldavia. Although studying the evolution and transformations undergone by the nobiliary society of Maramureş is still facing difficulties caused mainly by the lack of data in the written sources, the identification of the local Romanian nobiliary class, made up of knezes, and the relationship with the Hungarian royalty offered significant advantages in establishing some sort of phasing, a pertinent chronology

regarding this historical sequence of particular importance to the entire process of making the Moldavian state.

Thus, the political evolution of Maramureş was characterized by fluctuations resulted from the emergence of authority of the Hungarian Kingdom, interested in turning this Romanian entity into its own administrative-territorial unit: county. Documentary evidence of the first counts of Maramureş dates from the beginning of the 14th century, and, ever since the latter part of the 13th century, we encounter several Maramureş settlements which depended, administratively and territorially, on the Hungarian county of Ugocsa ruled, in those times, by the Pok family. In 1270, King Steven V of Hungary would give the Oaş Country to this noble family, an important moment which marked the obvious closeness between the institution of the county and the county of Maramureş[1]. Three decades later, in a document dated 4 October 1303, Nicholas Pok would appear bearing the title of count of Ugocsa and Maramureş[2].

It is now that we can discuss not about a royal county, but a nobiliary one, resulted from the long Hungarian dynastic crisis. Usurpations of the royal domain and numerous donations made by kings such as Stephen V or Ladislau IV facilitated the quick consolidation of the nobiliary property, in general, and of the nobility, as status, in particular. 16 years later, in an act dated 9 February 1319, the same Nicholas Pok appeared as being a count of Maramureş only. Documentary evidence (rather poor, though) would suggest that the representative of the royal power, the count, did not actually live in Maramureş, but had, in the area, his own representative, namely the castellan of Visc, as mentioned in the documents of the time[3]. He symbolized the link between the count and the knezes of Maramureş, representing the interests of the so-called «royal guests» who had settled in late 13th century in the Maramureş parts, in areas uninhabited by local elements[4].

The Hungarian Crown's first step towards helping the royal guests was taken in 1300, as revealed by a document issued by the last Arpadian dynast, Andrew III. We find therein that the citadel of Visc passed under the authority of the district of Maramureş from that of the county of Ugocsa in order to better serve the needs of «our guests» (*hospitum nostrum*)[5]. As regards the evolution of the county institution during the reigns of Charles Robert of Anjou and Louis I of Anjou, we should notice the importance of the Maramureş counts' presence, which, in fact, points to the stages of the relations between the local institution of voivodeship and royal authority. Documentary attestation of these counts throughout the 14th century may be interpreted as the Angevine Crown's persistence to overlap the county, representing the feudal order, over the voivodeship, the embodiment of Maramureş autonomy.

The basic element of the process was bringing several Maramureş noblemen under juridical dependence on the Hungarian royalty, by strengthening the control over the land. One of the earliest examples mentioned in documents is the apportionment of property to the Maramureş

[1] The apportionment of Oaş Country to the noble Pok family should be associated with the power struggle between King Bela IV and his son Stephen. It is a well-known fact that Stephen V granted gifts in the intra-Carpathian Romanian area to important members of the nobiliary party supporting his arrival to the Hungarian throne (*Sălăgean T.* Transilvania în a doua jumătate a secolului al XIII-lea. Afirmarea regimului congregațional. Ed. a 2-a. Cluj-Napoca, 2007. P. 112).

[2] Documente privind istoria României. Veacul XIV. Transilvania. Vol. I (1301–1320). Bucureşti, 1953. P. 32.

[3] *Popa R.* Ţara Maramureşului în veacul al XIV-lea. Ed. a II-a. Bucureşti, 1997. P. 196.

[4] Ibid. P. 180.

[5] *Mihaly de Apşa I.* Diplome maramureşene din secolul XIV şi XV. Sighet, 1900. P. 4.

knez Stanislau on 22 September 1326[6], when king Charles Robert of Anjou granted him the land of Strâmtura. The same document also mentioned, for the first time, the term «district of Maramureş» (*In Districtu Maramorisiensi*), which highlights the status of this territory in relation to the Hungarian state. The lack of intensity of the process of transformation into a royal county emphasizes the idea that the reign of the first Angevine king of Hungary was to witness the political ascension of the great local families of knezes who would control, in turn, the voivodeship of Maramureş.

With the coming of Louis I of Anjou to the throne of Hungary, the Crown would take direct measures meant to change the social-political status of the Maramureş feudality. The most significant actions of the Hungarian sovereign were aimed at the Romanian nobility of Transylvania and, especially, the social category of the knezes. The Angevine dynast refused to acknowledge the quality of noblemen of the knezes who hadn't been confirmed by a royal act, and, thus, ultimately, the acknowledgment of the rule over land, by title of property, and of the status of nobility was to depend on the decision of the royal court[7]. Consequently, the local feudality became, in just a few years, legally dependent on the Hungarian state.

Royal policy success in Maramureş was brought about by several factors, of which we should mention the social and juridical transformations the Romanian feudality was subject to and the lack of cohesion of the internal forces which finally led to accepting the Hungarian suzerainty. The effects of the transformations suffered, successively, by the nobles of Maramureş paved the way for the disintegration of the voivodeship. At the same time, however, Hungary's actions greatly influenced the constant policy carried out by the former Maramureş voivode Bogdan after 1343, ended with the overthrow of the Hungarian rule east of the Carpathians and the emergence of the second Romanian medieval state.

As for external circumstances, the central and East European situation to be exact, it should be noted that the idea of restricting the area of Tartar domination prevailed in the first part of the 14th century[8]. The Mongolian hordes' devastating raids into Central Europe had direct implications for the great Catholic kingdoms in the area. The coalition between Hungary and Poland was strictly required, ever since the first decades of the 14th century, but the internal crises and weakening of central authority made a military intervention on a large scale virtually impossible. Towards the end of the 13th century, the Tartars had imposed their suzerainty on other important states and areas in Eastern Europe. Being more or less dependent, Lithuania, the Principality of Halych, the Romanian territory south and east of the Carpathian chain, Bulgaria and even a part of Serbia fully experienced the Mongolian domination.

The dynastic crisis of early 14th century, the power struggles between the two pretenders to the throne of Hungary, Charles Robert of Anjou and Otto of Bavaria, spread over the course of a decade, allowed the achievement of the first Romanian medieval state: Wallachia. Strained relations between the Hungarian kingdom and the Wallachian state, concluded with the battle

[6] Ibid. P. 6; see also *Pascu Ş.* Cnezi-cnezate, voievozi, crainici-crăinicii din Maramureş // Maramureş-Vatră de istorie milenară. II. Cluj-Napoca, 1997. P. 43.

[7] *Papacostea Ş.* Geneza statului în evul mediu românesc. Cluj Napoca, 1988. P. 85. The knezes who were confirmed by a royal act were assimilated, without restrictions, with the nobility, while those who did not receive such confirmation were reduced to the modest condition of village judges.

[8] For a deeper understanding of the issue, we recommend: *Ablay M.* Din istoria tătarilor. Bucureşti, 1997; *Ciocâltan V.* Mongolii şi Marea Neagră în secolele XIII–XIV. Bucureşti, 1998; *Engel P.* The Realm of St. Stephen. A History of Medieval Hungary, 895–1526. Londra, 2001; *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365, Cambridge, 2005; *Papacostea Ş.* La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204–1453. Bucureşti, 2006.

of 9–12 November 1330, a military disaster for Hungary, seriously altered the goals of foreign policy which the great Catholic state had intended[9]. Hungary's defensive attitude blocked the anti-Tartar actions that both Poland and Papacy looked forward to. The last decade of Charles Robert of Anjou's reign meant mere «image games», as revealed by the correspondence with the papacy around the year 1338[10].

Since the beginning, the new king of Hungary, Louis I, understood the necessity to launch an attack against the Tartar forces concentrated south of Moldavia whose raids were a constant threat for the eastern border of the kingdom. The Hungarian campaign on Moldavian land was prefigured by an expedition to Transylvania, in 1343, prompted by a revolt of the Saxons against the excessive taxation promoted by the Hungarian kingdom. It was now that a political agreement with Wallachia, mentioned in the late Wallachian chronicles[11], was to be concluded resulting in Hungary's acknowledging the new political entity, which had emerged south of the Carpathians, and the latter's adopting a position of neutrality towards the expedition against the Tartars in Moldavian territories.

The successes that Hungarian Crown obtained in collaboration with the Polish one against the Mongolian rule, during 1345–1347, meant not only that the Mongolian barrier had been broken in the Lower Danube area but also that Tartar domination in southeastern Europe had weakened. The Golden Horde felt, to the fullest, the beginning of the fall, amplified definitely by the outbreak of the plague which affected the capital on the Volga and was going to expand later in the entire Crimea. After removing the Mongolian pressure, King Louis I instated a second phase of his reign, aiming at expanding towards the central European area. The new directions pursued in terms of foreign relations would consolidate Hungary's status of great power, turning the second Angevine dynast into one of the most important sovereigns of Europe. The initiation of military conflicts in both central and western part of the old continent, successful indeed, would allow Hungary to reach the largest territorial expansion up to that moment[12].

The major policy undertaken in Europe proved beneficial for the development of the territory east of the Carpathians into state entities. Neglecting aspects related to the consolidation of the rule over the Moldavian land, Louis I was to be forced to face, in 1359, the first opposing actions initiated by the local population. These were signs that they were willing to free themselves of the Hungarian control, which the Angevine sovereign could not thwart with his own military manpower but with the assistance of several troops of noblemen from Maramureş sent to quell the conflict.

Let us return for a moment to the first phase of the foundation process of the Moldavian state. It should be mentioned that the reasons to launch a Hungarian expedition east of the Carpathians seem now to have been entirely identified. The official motive, as determined by strategic-military reasons, was securing the eastern borders of the Hungarian kingdom

[9] For more information on the Hungarian campaign in Wallachia, see also *Lăzărescu E. C.* Despre lupta din 1330 a lui Basarab voievod cu Carol Robert // Revista istorică. 1935. Vol. XXI. P. 241–246; *Iosipescu S.* Românii din Carpaţii Meridionali la Dunărea de Jos de la invazia mongolă (1241–1243) până la consolidarea domniei a toată Ţara Românească. Războiul victorios purtat la 1330 împotriva cotropirii ungare // Constituirea statelor feudale româneşti. Bucureşti, 1980. P. 41–95; *Holban M*. Din cronica relaţiilor româno-ungare în secolele XIII–XIV. Bucureşti, 1981.

[10] Documente privind istoria României. Veacul XIV. Transilvania. Vol. III (1331–1340). Bucureşti, 1954. P. 499.

[11] Istoria Ţării Româneşti (1290–1690). Letopiseţul Cantacuzinesc / Ed. by C. Grecescu and D. Simionescu. Bucureşti, 1960. P. 198.

[12] Of the main actions, let us mention the campaign against the kingdom of Naples (1347), the war with Venice (1358) and the military expeditions in Serbia (1359).

against the Mongolian incursions. Efficient defence of Transylvania could have been provided by controlling the eastern versant of the Carpathians and, therefore, subordinating the entire territory stretching between the Siret river and the mountains — with the valleys of the Suceava, Moldova, Bistrița and Trotuş – this should be viewed as the main goal pursued by the Hungarian state[13].

Field investigations have revealed, in certain parts of the Moldavian area, the presence of settlements fortified by embankments, with palisades and ditches, which had played an important role ever since the last migratory wave, though they are attested especially in the north of Moldavia, being, probably, future centres of local political entities displaying early characteristics of a state[14]. One of the clarifying examples is the fortified settlement of Bâtca Doamnei[15], equally considered the fortified centre of a local settlement and, also, a possible Hungarian bastion meant for surveillance before the Mongolian raids in Transylvania[16].

Another desideratum whose importance should not be minimised and which channelled the Hungarian Crown towards launching a military action was the expansion of Catholicism. In an area inhabited mostly by Orthodox schismatics, implementing the western rite was but a natural cause, considering the traditional religious component of the Hungarian policy, inaugurated, since the foundation of the state, in close relation with the institution of papacy[17].

The annexation of southern Moldavia brought Hungary closer to another desideratum of if its foreign policy, namely the exit to the Black Sea. Even though it cannot be proved by documents, the direction pursued by the Hungarian Crown, during the decades to come, prompts us to assume that reaching the maritime area represented a major achievement of Hungarian policy, in the extra-Carpathian space. While the intention of the Hungarian power to expand northward, around the area of the Siret, after the formation of the politico-military nucleus of Baia, does not confirm the desire to immediately accomplish this objective, we believe that it should not be overlooked in the present discussion. The rich Italian commerce conducted at the mouths of the Danube was not indifferent to a great power on the rise, as was Hungary. At the same time, the conquest of southern Moldavia coincided with a period of maximum strain in the Pontic basin between the two states holding commercial supremacy: Venice and Genoa. The new war opposing the two thalassocracies in the Black Sea (1350–1355) finally ended in favour of Genoa which gained control over the entire Pontic coast, thus giving a significant boost to the trade conducted between the mouths of

[13] *Giurescu C. C.* Istoria românilor. Vol. I. Bucureşti, 2000. P. 310.

[14] *Teodor D. Gh.* Contribuțiile cercetărilor arheologice la cunoaşterea istoriei spațiului carpato-nistrian în secolele II–XIV // Spațiul nord-est carpatic în mileniul întunecat / Coordinated by V. Spinei. Iaşi, 1997. P. 227.

[15] The fortification with palisade on the Bâtca Doamnei height, which overlaps the Dacian fortification, suggests, by the composition of the material found, i.e. swords, spears, lances, halberd, mace, stirrups, horseshoes, the existence of a military camp and not the centre of a local pre-state political entity (cf. *Andronic A.* Fortificațiile medievale din Moldova // Memoria Antiquitatis. 1970. Vol. II. P. 405; *Nițu A., Zamoşteanu M.* Sondajele de la Piatra Neamț // Materiale şi Cercetări Arheologice. 1959. Vol. VI. P. 365–366; *Mătasă C., Zamoşteanu I., Zamoşteanu M.* Săpăturile de la Piatra Neamț // Memoria Antiquitatis. 1960. Vol. VII. P. 347).

[16] We shall mention, in this case, the discovery of the dinar dating from the period of Bela IV revealed by the archaeological researches carried out inside the fortification of Bâtca Doamnei (*Oberlander-Târnoveanu E.* Societatea, economie şi politică-populațiile de pe teritoriul Moldovei şi lumea sud-est europeană în secolele IV-XIV în lumina descoperirilor monetare // Suceava. Anuarul Muzeului Național al Bucovinei. Suceava, 2001. P. 353).

[17] For more information on the attempts of Papacy and the Hungarian Kingdom to consolidate Catholicism in Moldavia, see *Moisescu Gh. I.* Catolicismul în Moldova până la sfârşitul veacului al XIV-lea. Bucureşti, 1942. P. 33–36.

the Danube and central Europe, along the continental track whose final segment crossed the extra-Carpathian Romanian space[18].

Accounts on the conquest of the south of Moldavia do not mention several just as important aspects in analysing the establishment of the second extra-Carpathian Romanian state, such as the stage of development of the local Moldavian population in mid-14th century[19]. Archaeological researches in settlements in some parts of Moldavia revealed, for the period mentioned, that they were organized in villages. Logically, they could group, depending on the needs of the moment, into unions of villages, having economic, military and political characteristics. However, it is difficult to prove if these territorial-political entities could have played an important role in the geographical areas that weren't naturally defended, especially since the Mongolian domination east of the Carpathians did not become effective but in some parts, presumably those in the south, east and centre. In contrast, the heavily forested and mountainous northern areas were real barriers against invaders. In such places, the liberties people enjoyed were certainly larger since the inhabitants depended on the Asian rulers at most in terms of payment of certain economic obligations.

At the same time, we believe that Mongolian domination was not constant during 1242–1345. In a first stage, Tartar forces secured their rule in Bugeac, then penetrated deeper and deeper into the extra-Carpathian space. Undoubtedly, at the peak of the Mongol Khanate (which coincides with Uzbek's reign, 1312-1342), the presence of Asian tribes south of Moldavia is proved by the pressure exerted on the eastern borders of the Hungarian kingdom. Failed plans of the two catholic states, Hungary and Poland, aiming to restrict Tartar power, are clear evidence that the fierce migrants had strengthened their redoubtable force in south-eastern Europe.

Advanced assumptions lead to the belief that, during the first decades of the 14th century, Mongol domination deepened in the territories east of the Carpathians causing discontent of the local population and thus more or less eased the Hungarian Crown's plans. Nevertheless, it is still difficult to decide if the Tartars interfered in the domestic issues of the east-Carpathian society, considering that local communities did not have, economically and politically speaking, the necessary force to secure a minimum opposition. Even if people enjoyed the freedom of political organisation, there were still restrictions meant to prevent the emergence of local power centres.

Tartar domination of Moldavia and development of domestic entities remain current issues in Romanian historiography, especially if we consider that, as far as the area stretching east of the Carpathians is concerned, there is no source as important and revealing as the Diploma of the Joannites which carries vital data for determining the degree of evolution of the Romanian society[20]. The importance of this region, as Mongolian base, is undeniable since Louis

[18] *Papacostea Ş.* Desăvârşirea emancipării politice a Ţării Româneşti şi a Moldovei (1330–1392) // Evul Mediu Românesc. Bucureşti, 2001. P. 17.

[19] In the present stage of the research, we do not have concrete elements to prove the existence, in the first half of the 14th century, on the territory of Moldavia, of voivodeships. The only analogies can be found in certain foreign sources which mention several political leaders who exerted their influence on some parts east of the Carpathians. Such evolution can be accepted rather for the north of Moldavia which, following the middle of the 13th century, did not effectively come under the Mongolian sphere of influence.

[20] This is the reason why local Moldavian entities have been searched in chronicles and accounts of foreign travellers, though not convincing as regards the existence of economically and politically stable structures, resembling in organisation the voivodeships south of the Carpathians, led by Litovoi and Seneslau (see the document of June 1247 published in Documenta Romaniae Historica. Ţara Românească. Vol. I. Bucureşti, 1966. P. 3–7).

I, the new king of Hungary, starting with the very first year of his reign, focused all efforts on eliminating this power pole. The exact chronological moment of liberation of southern Moldavia could not be established, attempts being made to identify it by corroborating the operations unfolded east of the Carpathians with other objectives of Hungarian foreign policy. Sources and chronicles of the time do not bring additional information regarding the combats or battles fought on Moldavian land, but one single decisive confrontation (which occurred on 2 February 1345) that could not have led, automatically, to the annexation of south of Moldavia to the Hungarian kingdom. Therefore, to establish the most precise date possible, three moments, which could generally coincide with the complete liberation of the area, have been forwarded: King Louis I's campaign in Italy (February 1347), reestablishment of the Cumans' episcopacy (29 March 1347) and dissolution of autonomy of the Principality of Halych by Poland (1349)[21].

The purpose of the Hungarian campaign in Moldavia was to set up a politico-military structure having the centre at Baia, an urban-like settlement which had emerged in the 13th century and which could even have represented, for the first half of the 14th century, the capital of a local political entity (kenazate or voivodeship)[22]. Late chronicle tradition attributes this Hungarian structure to a nobleman from Maramureş named Dragoş. The first important issue related to Dragoş's becoming the head of the military march of Baia was to exactly identify him in the political development of the Maramureş voivodeship before 1345, which was extremely necessary to «streamline» the events that make up this stage in the foundation of the medieval state of Moldavia.

Assumptions made in time have failed to trenchantly solve the issue of Dragoş's origins, mainly that of his quick political ascension from knez to leader of a border military march. One of the most encountered assumptions places Dragoş among the gentry of Maramureş, being identified as Dragoş of Bedeu, a knez mentioned in a 1336 document alongside his brother Drag. The assumption is questionable because of the act issued on 29 November 1355, in which Drag appears as having the title of royal count («…cum, Comite Drag olaco de Bedeuhaza, homine ejusdem Domini Regis…»). Drag's evident political ascension raises questions about that of his brother, the hypothetical beneficiary of an equally important dignity, that of royal deputy, in a newly conquered territory. As a consequence, though the family of Bedeu knezes owes their rise to the close relationship with the royal policy, this sole detail only is insufficient to confirm the assumption according to which Dragoş of Bedeu was one and the same person as the future ruler of the military march established in south Moldavia[23].

Another theory meant to determine Dragoş's roots is based on elements of toponymy and sources of popular tradition. It attempts to demonstrate the kinship between Dragoş and one of the central families of Maramureş, namely the Codrea family. Following the arrange-

[21] A theory advanced by *Gorovei Şt. S.* Îndreptări cronologice la istoria Moldovei în veacul al XIV-lea // Anuarul Institutului de Istorie A.D. Xenopol. Iaşi, 1973. Vol. 10. P. 105 and *Papacostea Ş.* Triumful luptei pentru neatârnare: întemeierea Moldovei şi consolidarea statelor feudale româneşti // Constituirea statelor feudale româneşti. Bucureşti, 1980. P. 175–176.

[22] *Neamţu V.* Istoria oraşului medieval Baia (Civitas Moldaviensis). Iaşi, 1997. P. 14; Spinei V. Generalităţi privind geneza oraşelor medievale din Moldova // Universa Valachica. Românii în contextul politic internaţional de la începutul mileniului al II-lea. Chişinău, 2006. P. 636–637.

[23] See also the researches of Marius Diaconescu (*Diaconescu M.* Dragoş, «descălecătorul» Moldovei, între legendă şi realitate // Nobilimea românească din Transilvania. Satu Mare, 1997. P. 86), that practically led to the elimination of this assumption that had been intensely mentioned in the Romanian historiography.

ment of events occurred after 1345, it was concluded that Dragoş started the expansion towards the north, with the Siret area as central point. Once liberated, the space was populated by Maramureş people who set up several villages (Badeuți — Bedeu, Teseuți — Teceu, Tărăsăuți — Taras, Volovăț — Olhoviți), whose names can be found in a similar form all grouped in the Câmpulung kenazate, ruled by the Codrea family[24]. These considerations are valuable as regards toponymy, however there is still no documented evidence to support this point of view.

The last assumption regarding Dragoş's social origin refers to the connection with another powerful Maramureş kenazate, ruled by the Giuleşti family, who owed their entire political rise to the unconditional support given to the Hungarian regality, in the first half of the 14th century. This theory relies on the act of 20 March 1360 by which nobleman Dragoş of Giuleşti is granted a number of properties in Maramureş following his contribution to restoring «the Country of Moldavia»[25]. The information revealed in the 1360 document remains, in the current stage, the most thorough regarding a person, Dragoş, who could have been the main political leader of southern Moldavia. Since the lack of documented evidence is becoming increasingly thwarting for historical research, identifying Dragoş, based on this sole act, remains a viable undertaking.

Another complicated matter, with deep implications on the process of founding the medieval state of Moldavia, refers to the position held by Dragoş in the territory east of the Carpathians. Taking into account that Dragoş's installation occurred after the arrival of the Hungarian armies, we have to consider that the office occupied should be included in the Hungarian hierarchy. The events confirm tangentially the military nature of the position held by Dragoş. It we should accept, even hypothetically, that Dragoş was the first voivode of Moldavia, then we might believe that the institution itself could not have been organised but on the pattern of Maramureş, so long as its first leader had his roots in the Maramureş nobiliary structures.

In this particular case, it is precisely the nature of the Hungarian ruling that emphasises the impossibility of a close collaboration of the local population with the Hungarian occupation whose main representative was Dragoş. Political subordination and religious pressures (reestablishment of the episcopate of Milcovia in 1347) confirm the fact that east of the Carpathians there were attempts to only replace a Tartar domination with a new one exerted by the Hungarian Crown. Therefore, the voivodal office held by Dragoş becomes impossible to prove, as it is hard to accept that local society's leaders would have acknowledged the appointment, as ruler, of someone who could not represent their interests.

With the Moldavian chroniclers of the 16th-17th centuries, we encounter similar versions regarding the position held by Dragoş. Of these, the most interesting is Misail the Monk's insertion in «Letopiseţul Ţării Moldovei» written by Grigore Ureche revealing that Dragoş's rule was like a captaincy («*a fost domnia ca o căpităn*ie»[26]); the information raised heated debate in historiography as it launched a different perspective on the prerogatives of the office of voivode. Corroborating this mention of Grigore Ureche's chronicle with another older source,

[24] *Gorovei Şt. S.* Dragoş şi Bogdan, întemeietorii Moldovei. Probleme ale formării statului feudal Moldova, Bucureşti, 1973. P. 77. For a more recent bibliography, see *Gorovei Şt. S.* Întemeierea Moldovei. Probleme controversate, Iaşi, 1997.

[25] *Mihaly de Apşa I.* Diplome maramureşene din secolul XIV şi XV. P. 38–39.

[26] *Ureche G.* Letopiseţul Ţării Moldovei. Bucureşti, 1978. P. 72.

the Moldo-Russian chronicle[27], according to which Dragoş crossed into Moldavia at the head of his druzhina (a term which designates a group of warriors), we can identify the vital military role of his position. Thus, the dignity of voivode attributed to Dragoş becomes, by interpreting the two sources, a mere substitution of an office associated, erroneously, with a person who seemingly ruled over a territory east of the Carpathians not as a voivode but as a military commander who was supposed to secure, by force of arms, the control of the area.

The title of «captain», attributed to Dragoş, has a different connotation if considered from the perspective of the time in which Misail the Monk inserted his interpolation. From this angle, it does not resemble a western military march, which had large territorial extension, but rather a military unit that, in the 17th century, grouped military categories with permanent obligations from a number of villages, thus having a much smaller extension[28]. For this reason, the position of voivode, considered in relation with the time of Misail the Monk's insertion, cannot apply as it did not incorporate the local political structures and entities existing on that territory.

Beyond the real implications entailed by such a dignity, we notice, with the Moldavian chroniclers, the need to secure some sort of dynastic continuity, which had not been broken, but continued by Bogdan's arrival. The desire to have a dynasty east of the Carpathians, that should start with Dragoş and continue with Sas, was beyond the attempt to emphasize the historical truth. This could be one of the reasons Dragoş was mentioned in most of the chronicle as the first voivode or prince of Moldavia. Data and chronology we encounter in annals (Letopisețe) and chronicles may have as a starting point a prototype (which remains unknown) dating from the 15th century, out of which grew Letopiseţul de la Bistriţa, the Moldo-German chronicle, Letopiseţul de la Putna written at the wish or under the care of prince Stephen the Great[29]. Later on, this model was to be easily adopted by chroniclers, drawn by the idea of establishing some continuity of the first Moldavian dynasty which should emerge after the removal of Tartar domination east of the Carpathians.

Dragoş's disappearance from the political scene remains as shrouded in mystery as the issue of his emergence and ascension. Considering that Dragoş was one of the characters who distinguished himself in the confrontations against the Mongolians, it is but natural to believe that he died in one of these battles. Taking into account that Hungary's offensive against the Mongol forces ended around 1357, we may assume that Dragoş's disappearance occurred some time close to this date. Even if most of the Moldavian chronicles indicate that after his death power was assumed by his son, Sas, this development still raises questions[30]. Judging from a strictly political viewpoint, the existence of a dynasty under Hungary's suzerainty is difficult to prove. The emergence of some succession in the newly-freed territories east of the Carpathians would have hardly been accepted by the Hungarian royalty, considering that, in the previous century, in the extra-Carpathian Romanian space, there had been strains with

[27] Cronicile slavo-române din secolele XV-XVI, published by Ioan Bogdan, revised and enlarged edition of P. P. Panaitescu. Bucureşti, 1959. P. 159.

[28] *Rezachevici C.* Cronologia domnilor din Ţara Românească şi Moldova, a. 1324–1881. I. Sec. XIV–XVI. Bucureşti, 2001. P. 415–416.

[29] *Sacerdoţeanu A.* Succesiunea domnilor Moldovei până la Alexandru cel Bun. Pe baza documentelor din secolul al XIV-lea şi a cronicilor româneşti din secolul al XV-lea şi al XVI-lea, scrise în limba slavonă // Romanoslavica. 1965. Vol. XI. P. 222.

[30] Sas appears in documents in relation with his sons and not with Dragoş, which raises questions regarding the kinship between the two (*Mihaly de Apşa I.* Diplome maramureşene din secolul XIV şi XV. P. 56, 57, 68).

the local institutions of the kenazate-voivodeship type. Therefore, the establishment of a centre of power which could develop at dynastic level was a dangerous demarche capable of deviating, at any moment, the objectives laid down by the Hungarian Crown in these territories.

Sas's appearance on the political scene of the territory east of the Carpathians should be placed somewhere between 1357-1360, since the anti Mongolian offensive led by the Hungarian kingdom was in regress. Leader of a political entity in pre-state Moldavia, Sas was supposed to coordinate a process of territorial extension, integrating or annihilating existing local structures.

Archaeological research does not directly point to the fact that the Hungarian Crown's policy of territorial expansion had, as «terminus» point, the Siret area. Siret, as urban centre, flourished in mid-14th century and the role it had been granted, that of advanced pawn of Catholicism in Moldavia, could not have been ensured but by foreign elements[31]. If we were to analyse Siret as the new centre of Hungarian rule east of the Carpathians, we couldn't but start from hypothetical considerations[32]. Excavations in the area did not reveal the existence of a princely court or a political and military centre from which Dragoş's or Sas's power could propagate[33].

The climax was reached in 1359 when a local uprising broke out east of the Carpathians, against the Hungarian domination. The very idea of uprising mentioned in documents confirms the assumption that it was not an action of local leaders only for it equally engaged the common people. The circumstances in which Sas lost control of the pro-Hungarian entity east of the Carpathians are unknown. One of the reasonable and frequently used assumptions supports the idea that his removal took place after the former voivode of Maramureş, Bogdan, had crossed into Moldavia. The battle fought on this occasion led to the removal of royal control and Sas, as a main representative of the Hungarian policy in the east-Carpathian space, was, presumably, actively involved in the clash.

The complete image of the final stage of foundation of the Moldavian state cannot be built only by establishing some chronological reference points regarding Bogdan's coming to Moldavia and the overthrow of Hungarian domination. The politico-administrative transformations that the intra-Carpathian Romanian territories went through were crucial in the future political tensions whose central figure was Bogdan. This county-voivodeship duality, more and more powerful during the first decades of the 14th century, represents the essence of the conflicting state especially since Bogdan, as the highest in rank in Maramureş, could not remain indifferent to the attempts of restricting the rights and liberties in the area he was ruling.

Bogdan's removal as head of the Voivodeship of Maramureş remains (beyond the above-analysed aspects) a moment which continues to group unclear aspects. Bogdan was not just anybody in the hierarchy of Maramureş. In addition to the position of voivode, temporarily filled, he had become, due to his vast possessions, the leader of the most powerful kenazate of

[31] *Matei M. D.* Studii de istorie orăşenească medievală (Moldova, sec. XIV–XVI). Ed. a II-a. Târgovişte, 2005. P. 39.

[32] See *Reli S.* Oraşul Siret în vremuri de demult. Cernăuţi, 1927. P. 22, which supports the idea of a wooden and earthen military fortification at Siret, built by Sas on the hill that bares his name.

[33] *Chiţescu L.* Cercetările arheologice de la Siret // Revista muzeelor şi monumentelor. Serie muzee. 1975. Vol. XII. Nr. 3. P. 51. Archaeological research carried out on Sasca hill, in the town of Siret, considered by many studies as evidence of Sas's rule over these parts, has not identified the remains of a princely court or fortification (*Spinei V., Asăvoaie C.* Date preliminare privind rezultatele săpăturilor din 1992 de la Siret // Arheologia Moldovei. 1993. Vol. XVI. P. 216). Therefore, the toponym Sasca may come, as other similar ones in Moldavia, from the name of the German population of Transylvania (cf. *Spinei V.* Moldova în secolele XI–XIV. Ed. a II-a. Chişinău, 1993. P. 309).

Maramureş. The first issue is the very method of removing Bogdan as voivode of Maramureş. Loyalty to Hungary, later manifested by some Maramureş formations, entitles us to believe that Bogdan's wish to gain, at any cost, complete political autonomy would have displeased not only the Hungarian royalty but also some local families of knezes. The official reason, also revealed by a Maramureş diploma of 21 October 1343, remains the dispute between voivode Bogdan and the main authority of the kingdom in the area, nobleman Ioan of Kölcse, castellan of Visc[34]. Unfortunately, these brief data do not offer a clarifying image of the nature of conflict or what triggered it. Therefore, if we consider things strictly from the viewpoint of the Hungarian kingdom, Bogdan had not fulfilled the obligations that any knez or voivode of the intra-Carpathian space was supposed to have towards the suzerain power and, moreover, he had raised against an authority that was the Hungarian representative in the area.

A different but equally important reason, with deep implications on Hungary's foreign policy, would be launching the Hungarian attack in the area east of the Carpathians ruled by Mongols, an action in which the Voivodeship of Maramureş was to play a significant part. In these political circumstances, Bogdan did not seem to represent, to the new sovereign Louis I of Anjou, a guarantee that such a plan would succeed, since Maramureş should not have been drawn into this action by granting large political autonomy, in contrast with the rest of the intra-Carpathian space, but rather by supporting a dismemberment of the nobiliary class by granting important privileges only to those feudal lords who showed any sign of faith towards the Angevine royalty.

The Hungarian royalty would continue, during the first decades of Louis I's reign, to draw the petty and middle feudality of Maramureş, thus exerting constant pressure on the great families of knezes. Aware of the aim of these demarches undertaken by the Hungarian policy, Bogdan would try, during 1343–1349, to oppose the process of bringing the Maramureş noblemen under strict royal control. He chose to gain over partisans from Maramureş, who were hostile to the king. The action was dangerous and risky considering that the former voivode's military force, essential to achieving a power pole against Hungary, was not sufficiently prepared to guarantee the minimum success.

With meagre resources, the military plan of the Cuhean knez could not have overthrown the «new political order» established after his dismissal. The former voivode's first carefully and thoroughly prepared action focused on the domains of Giuleşti and Nyres from which he banished knez Giula and his six sons. The document dated 15 September 1349 points to the real cause of the attack, namely the refusal of the Giuleşti knezes to support Bogdan[35]. Thus, the former voivode had tried to strike Louis I's most loyal feudal lords and, probably, one of the main supporters of royal policy in the region. Lacking the support of his won family who had embraced the royal policy and surrounded by lords obedient to Hungary, the former voivode was in peril to fall victim to its policy of force. The failure of his latest expedition forced Bogdan to adopt a defensive policy which, under those circumstances, kept him safe from a Hungarian riposte targeted against him. The former Maramureş voivode's change of attitude explains and justifies why Louis I did not prepare an attack against the «rebel» Bogdan which could have led to his very banishment from Maramureş. In the given situation, an assumption to credit the existence of an understanding between the former voivode and the representatives of the royal policy should not be neglected. The last documented mention of

[34] *Mihaly de Apşa I.* Diplome maramureşene din secolul XIV şi XV. P. 17.
[35] Ibid. P. 26.

Bogdan in Maramureş completes and largely confirms a part of such a development. The act dated 14 May 1353[36] mentions the Cuhean knez bearing the title of voivode, while the word «unfaithful» used to describe him in the previously issued documents is no longer present.

Until recently, a part of historiography considered that the year of foundation of Moldavia and, implicitly, of Bodan's departure from Maramureş was 1359. The main counterargument can be found in a royal diploma dated 20 March 1360 in which the Hungarian king acknowledged the Maramureş nobleman Dragoş of Giuleşti's possession of several lands in recognition of his loyalty shown in restoring the «country of Moldavia»[37]. The text does not point to a loss of Hungarian positions east of the Carpathians, only to the reinstatement of royal control over the area with the assistance of some troops of Maramureş noblemen led by Dragoş of Giuleşti. Bogdan's action in Moldavia should be necessarily connected with the removal of his family as rulers of Maramureş. After his dismissal, the highest office in Maramureş had passed to his brother's sons who had unconditionally accepted the royal policy. Nevertheless, the diploma of 24 June 1360 mentions Stephen, Bogdan's nephew, as «our Maramureş voivode». The banishment of the Hungarian domination east of the Carpathians could not but entail, shortly after, changes in the administration of the Voivodeship of Maramureş, for, otherwise, a dangerous political situation might have emerged, namely that in which members of the same family ruled two neighbouring political entities. Based on such an argument, we find, in the act issued on 2 February 1356[38], about Stephen's replacement with Balk, Sas's son, which confirms the assumption that Bogdan's action in Moldavia had succeeded by causing natural adjustments in the Maramureş government as well.

The analysis of the two above-mentioned documents prompts us to believe that the foundation of the Moldavian state in 1359 is not a well-supported idea. Even the avouchment of the royal donation made to Dragoş of Giuleşti in 1364[39] indirectly confirms that it was only in the 60's of the 14th century that the confrontation for the liberation of the Moldavian space from the Hungarian domination should be placed. If we consider that the Maramureş knez's action in Moldavia took place after 1360, then we should bear in mind two chronological points, judged both in terms of the documentary analysis and of the foreign circumstances[40]. According to the first one, the former voivode's arrival in Moldavia occurred in 1361. Dating is not without some doubts. Thus, if we agree that the assault against Sas and his family occurred over the course of this particular year, how easy can we accept the assumption that King Louis I waited three years to try to recover the Hungarian positions east of the Carpathians? This development remains difficult to prove, especially in terms of the respite given to Bogdan to consolidate his rule and efficiently organize the defence of the territory. The Hungarian king's not being engaged, at the time, in other external conflicts reinforces our belief that the former Maramureş voivode's action should not be placed in 1361. The Angevine royalty was, above all, a military one, and, with both rules, we can speak about a policy of permanent conquests, fights that were intended or provoked by others[41], so that, in this sketched picture, the lack of reaction is almost inexplicable.

[36] Ibid. P 30.

[37] Documenta Romaniae Historica. D. Relații între Țările Române. Vol. I. Bucureşti, 1977. P. 76–77.

[38] *Mihaly de Apşa I.* Diplome maramureşene din secolul XIV şi XV. P. 56.

[39] Ibid. P. 53.

[40] Both assumptions were introduced in the specialized literature by *Gorovei Ş. S.* Întemeierea Moldovei. Probleme controversate. P. 91–92.

[41] *Iorga N.* Istoria românilor din Ardeal şi Ungaria. Bucureşti, 2006. P. 101.

Returning to our discussion, it is incomprehensible how King Louis I preferred to keep as voivode of Maramureş, for four more years, the son of Bogdan's brother, which was a huge mistake given that, after achieving the cohesion of the east-Carpathian elements, winning over new forces in Maramureş did not seem such a difficult task especially since, about a decade before, there had been a political and military alliance between knez Bogdan and Stephen, the voivode of Maramureş. Therefore, the attitude of the Hungarian state, that had so long waited to install one of its most loyal lords in eastern Carpathians as prince of Maramureş, was a dangerous approach and, at the same time, a clue which rebuffs the assumption of Bogdan's coming to Moldavia in 1361.

The last assumption we shall deal with in this study concerns the year 1363. This chronological reference point, where we can place the action of the former voivode of Maramureş in Moldavia, proves a complex one in terms of foreign circumstances[42]. This period witnesses an aggravation of the conflict between Louis I and the Roman-German king Charles of Luxemburg, the cessation of military hostilities between the two parties being attested in 1364, by the conclusion of the Brno peace. In 1363, the Tartar power received, in its turn, a heavy blow when the Lithuanians managed to free Podolia after fierce fighting. The great duke of Lithuania, Olgierd, took thus advantage of the severe crisis instituted in the Mongol Khanate after Djonibek's death. Consequently, external conflicts delayed the Hungarian military intervention east of the Carpathians which, probably, occurred only in 1364. Faced with his armies' unsuccess in Moldavia[43], the Hungarian king decided to change his political orientation. However, he took the necessary precautions to replace the ruler of the Voivodeship of Maramureş with a view to annihilating, from the start, future complications in the intra-Carpathian space. The 1365 proclamation of war against Wallachia that was no longer willing to respect the vassalage relationship with the kingdom clearly symbolizes a capitulation, if only temporary, of the east-Carpathian positions[44]. Therefore, in 1363, Bogdan penetrated into the territory east of the Carpathians and, following several battles, of which the documents of the time preserve no data, managed to remove the Hungarian domination.

One of the few sources, recently published, which contains references to Bogdan's emergence on the political scene east of the Carpathians, speaks about the coming of the knez from Maramureş to Moldavia with a colony made up of his own kinsfolk, attracted by the

[42] We may add here the discovery of several coins issued by the king of Bohemia, Charles I, which helped the dating of the Baia fire in 1363 or 1364. The event can be connected with the initiation of Bogdan's action against the Hungarian power centre east of the Carpathians. For further details, see *Neamţu V., Cheptea S.* Contacte între centrul şi sud-estul Europei reflectate în circulaţia monetară de la Baia (secolele XIV–XV) // Românii în istoria universală. Vol. I. Iaşi, 1986. P. 22–23.

[43] The relationships between the first voivode of Moldavia, Bogdan, and the Tartar forces could take shape from the moment of his definitive passage east of the Carpathians. The mush disputed presence of khan Abdallah in the Odorheiu Vechi area during 1363-1365 might have led to a military agreement directed against the Hungarian kingdom, expected to intervene with forces in the region in order to re-establish its domination (for a more recent bibliography, see *Gorodnenco A. P.* Moldova de sud în a doua jumătate a secolului XIV // Tyrageţia. S.n. Chişinău, 2008. Vol. II. Nr. 2. P. 83–84).

[44] In 1364, at Cracow, a meeting between Casimir III of Poland, Louis I and the Roman-German Emperor Charles IV had already taken place. It concerned launching a crusade to annihilate the Ottoman danger, but the hidden purpose was to bring, under the Catholic Church authority, the Orthodox villages directly threatened by the Turkish danger. Hungary's mission was to bring Wallachia and Bulgaria under direct control thus creating a barrier against the Turkish offensive (Istoria românilor, published under the aegis of the Romanian Academy. Vol. IV. Bucureşti, 2001. P. 275). Consequently, renouncing the positions held east of the Carpathians was politically and strategically grounded.

beauty and richness of this land[45]. The term «colony» is, in our opinion, erroneously used in this chronicle as it presupposes the existence of a large number of people who accompanied the former voivode east of the Carpathians and managed to impose themselves politically, economically and administratively on the local population. Not many assumptions can be formulated regarding the military potential which Bogdan brought in Moldavia and the fact that this passage left no documentary traces makes us believe it occurred with a small number of people. Since 1353, the lord from Maramureş had only been left (according to the new redistribution of the domain of Cuhea) with seven villages, which was placing him, hierarchically, in the category of the middle nobility of the voivodeship[46]. In conclusion, the army attending on Bogdan in Moldavia numbered between one hundred and two hundred people; he was probably awaited by much more significant military manpower provided by local political forces that were meant to help the former voivode to fulfil his goal: liberation of the space lying east of the Carpathians from the Hungarian domination[47].

The Drăgoşeşti family was unable to offer a long resistance in Moldavia, the Hungarian power centres being quickly annihilated, given that Sas's sons, led by Balc, had fled to Transylvania. Naturally, the military tactics imposed by Bogdan did not take into account a long-lasting conflict which would have allowed the direct intervention of royal armies. The Hungarian counteroffensive started in early 1354 did not have, as mentioned before, the expected success. The military failure can be explained in various ways; however, in our opinion, one of Bogdan's first achievements was to have comprised, in a first stage, the southwest of Moldavia. As for the northern region, liberation of Podolia from the Tartar influence increased the control of the local forces that were protected against any Mongol reactions. Thus, Bogdan's victory against a Hungarian army that was much stronger than that led by Sas or Balc can be explained by a political and military stability achieved through the cohesion of local Moldavian forces. Louis I's giving up a constant two-decade east-Carpathian policy can be justified by the strong communion of internal factors achieved in the extra-Carpathian space.

Therefore, in light of all the things mentioned so far, we strongly believe that, when analysing the process of foundation of the Moldavian state, we are bound to resort both to documentary or archaeological evidence and to arguments which rely on a logical sequence of events. This combination of the two elements, also present in this study, gives rise to scenarios, plausible or not, and it is perhaps this aspect that continues to arouse the interest of specialists, each of them trying to recompose, in their own vision, a historical process which lies at the foundation of the Romanian Middle Ages.

Данные о статье

Автор: Карчумару, Раду; преподаватель Отделения истории и литературы гуманитарного факультета Университета Валахии в Тырговиште, Тырговиште, Румыния, radu.carciumaru@gmail.com

Название: Генезис средневекового государства на румынской территории: Молдавия

Summary: С точки зрения исторического анализа, основание Молдавии было процессом, который осуществился к середине XIV века. Стремясь защитить восточные границы Венгерского королевства от

[45] Cronica Moldovei de la Cracovia / Ed. by C. Rezachievici. Bucureşti, 2006. P. 130. Erroneously, in the source mentioned, Bogdan's crossing into Moldavia has rather demographical and not political consequences.

[46] *Mihaly de Apşa I.* Diplome maramureşene din secolul XIV şi XV. P. 31.

[47] Pop I.-A. Din mâinile valahilor schismatici. Românii şi puterea în Regatul Ungariei medievale (secolele XIII–XIV). Bucureşti, 2011. P. 231.

татар, король Людовик I инициировал первую военную кампанию, в которой должны были участвовать румыны, проживавшие на соседней территории Марамуреша. Согласно данным хроник, после того как юг Молдавии был освобожден, марамурешский нобиль Драгош был поставлен в качестве главы военной марки в долине реки Молдовы. Сотрудничество между венгерской властью и локальными силами зашло в тупик во время правления Саса, наследника Драгоша. Именно в это время фиксируется первое восстание против военной администрации. Другой представитель марамурешской знати, Богдан, воспользовался этой ситуацией, так как он уже давно находился в конфликте с венгерской королевской властью. С помощью локальных молдавских сил Богдан сумел изгнать Саса с сыновьями, став, таким образом, первым воеводой политически независимой единицы, давшей начало второму средневековому румынскому государству — Молдавии.

Ключевые слова: средневековая Молдавия (Молдова), Марамуреш, воевода Драгош, королевство Венгрия.

Information about the article

Author: Carciumaru, Radu; Lecturer at Valahia University of Targoviste, Faculty of Humanities, Department of History and Letters, Targovişte, Romania, radu.carciumaru@gmail.com

Title: The Genesis of the Medieval State on the Romanian Territory: Moldavia

Summary: In terms of historical analysis, the foundation of Moldavia is a process which occurred towards the middle of the 14th century. As he had an interest in banishing the Tartars from the eastern borders of Hungary, King Louis I started the first military action which may have involved Romanian people living in the neighbouring territory of Maramureş. According to chronicles, once the south of Moldavia had been released, a nobleman from Maramureş, Dragoş, was left here as head of the military march on the valley of the Moldova river. The cooperation between the Hungarian authority and the local forces reached an impasse during the rule of Sas, Dragoş's successor. It is now that the first revolt against the occupation forces is attested. Another nobleman from Maramureş, Bogdan, would take advantage of this situation as he had long been in conflict with the Hungarian royalty. With the assistance of the local Moldavian forces, Bogdan managed to drive away Sas and his sons, thus becoming the first voivode of a politically independent entity which gave birth to the second medieval Romanian state: Moldavia.

Key Words: medieval Moldavia (Moldova), Maramureş, voievode Dragoş, kingdom of Hungary.

References

Ablay, Mehmet. *Din istoria tătarilor*. Bucureşti: Editura Kriterion, 1997. 312 p.

Andronic, Alexandru. Fortificaţiile medievale din Moldova, in *Memoria Antiquitatis*: *Acta Musei Petrodavensis* (Piatra-Neamţ). 1970. Vol. II. P. 403–417.

Chiţescu, Lucian. Cercetările arheologice de la Siret, in *Revista muzeelor şi monumentelor, Seria muzee.* 1975. Vol. XII. Nr. 3. P. 48–53.

Ciocâltan, Virgil. *Mongolii şi Marea Neagră în secolele XIII–XIV.* Bucureşti: Editura Enciclopedică, 1998. 300 p.

Diaconescu, Marius. Dragoş, «descălecătorul» Moldovei, între legendă şi realitate, in *Nobilimea românească din Transilvania.* Satu Mare: Editura Muzeului Sătmărean, 1997. P. 77–90.

Engel, Pál. *The Realm of St. Stephen. A History of Medieval Hungary, 895–1526*, London: Pub. by I. B. Taurius & Co., 2001. 452 p.

Giurescu, Constantin C. *Istoria românilor*. Vol. I. Bucureşti: Editura All, 2000. 454 p.

Gorodnenco, Anatol P. Moldova de sud în a doua jumătate a secolului XIV, in *Tyrageţia*. S.n. (Chişinău). 2008. Vol. II. Nr. 2. P. 83–88.

Gorovei, Ştefan S. Îndreptări cronologice la istoria Moldovei în veacul al XIV-lea, in *Anuarul Institutului de Istorie A.D. Xenopol*. Iaşi, 1973. Vol. 10. P. 99–121.

Gorovei, Ştefan S., *Dragoş şi Bogdan*, *întemeietorii Moldovei. Probleme ale formării statului feudal Moldova*. Bucureşti: Editura Militară, 1973. 167 p.

Gorovei, Ştefan S. *Întemeierea Moldovei. Probleme controversate*. Iaşi: Editura «Universităţii Alexandru Ioan Cuza» din Iaşi, 1997. 332 p.

Grecescu C.; Simionescu D. *Istoria Ţării româneşti (1290–1690). Letopiseţul Cantacuzinesc*. Bucureşti: Editura Academiei, 1960. 251 p.

Holban, Maria. *Din cronica relaţiilor româno-ungare în secolele XIII–XIV.* Bucureşti: Editura Academiei, 1981. 312 p.

Iorga, Nicolae. *Istoria românilor din Ardeal şi Ungaria*. Bucureşti: Editura Saeculum, 2006.

Iosipescu, Sergiu. Românii din Carpaţii Meridionali la Dunărea de Jos de la invazia mongolă (1241–1243) până la consolidarea domniei a toată Ţara Românească. Războiul victorios purtat la 1330 împotriva cotropirii ungare, in *Constituirea statelor feudale româneşti*. Bucureşti: Editura Academiei, 1980. P. 41–95.

Istoria românilor, sub egida Academiei Române. Vol. IV. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 2001. 878 p.

Lăzărescu, Emil C. Despre lupta din 1330 a lui Basarab voievod cu Carol Robert, in *Revista istorică*. 1935. Vol. XXI. P. 241–246.

Matei, Mircea D. *Studii de istorie orăşenească medievală (Moldova, sec. XIV –XVI)*. Ed. a II-a. Târgovişte: Editura Cetatea de scaun, 2005. 155 p.

Mătasă, C., Zamoşteanu, I., Zamoşteanu, M. Săpăturile de la Piatra Neamţ, in *Memoria Antiquitatis*. 1960. Vol. VII. P. 339–351.

Mihaly de Apşa, Ioan. *Diplome maramureşene din secolul XIV şi XV.* Sighet, 1900. 667 p.

Moisescu, Gheorghe I. *Catolicismul în Moldova până la sfârşitul veacului al XIV-lea*. Bucureşti: Tipografia Cărţilor Bisericeşti, 1942. 149 p.

Neamţu, Vasile. *Istoria oraşului medieval Baia (Civitas Moldaviensis)*. Iaşi: Editura «Universităţii Alexandru Ioan Cuza», 1997. 218 p.

Neamţu, Vasile; Cheptea, Stela. Contacte între centrul şi sud-estul Europei reflectate în circulaţia monetară de la Baia (secolele XIV–XV), in *Românii în istoria universală*. Vol. I. Iaşi: Editura «Universităţii Alexandru Ioan Cuza», 1986. P. 48–53.

Nițu, A.; Zamoşteanu, M. Sondajele de la Piatra Neamţ, in *Materiale şi Cercetări Arheologice*. 1959. Vol. VI. P. 359–374.

Oberlander-Târnoveanu, Ernest. Societatea, economie şi politică-populaţiile de pe teritoriul Moldovei şi lumea sud-est europeană în secolele IV–XIV în lumina descoperirilor monetare, in *Suceava. Anuarul Muzeului de Istorie a Bucovinei*. 1998–2001. Nr. 36–38 (2001). P. 311–355.

Papacostea, Şerban. Triumful luptei pentru neatârnare: întemeierea Moldovei şi consolidarea statelor feudale româneşti, in *Constituirea statelor feudale româneşti.* Bucureşti: Editura Academiei, 1980. P. 165–195.

Papacostea, Şerban. *Geneza statului în evul mediu românesc*. Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1988. 294 p.

Papacostea, Şerban. Desăvârşirea emancipării politice a Ţării Româneşti şi a Moldovei (1330–1392), in *Evul Mediu Românesc*. Bucureşti: Editura Corint, 2001. P. 9–41.

Papacostea, Şerban. *La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204–1453*. Bucureşti: Editura Institutul cultural român, 2006. 379 p.

Pascu, Ştefan. Cnezi-cnezate, voievozi, crainici-crăinicii din Maramureş, in *Maramureş-Vatră de istorie milenară*. Vol. II. Cluj-Napoca: Editura «Dragoş Vodă», 1997. P. 30–73.

Pop, Ioan-Aurel. *Din mâinile valahilor schismatici. Românii şi puterea în Regatul Ungariei medievale (secolele XIII–XIV).* Bucureşti: Editura Litera Internaţional, 2011. 320 p.

Popa, Radu. *Ţara Maramureşului în veacul al XIV-lea*. Ed. a II-a. Bucureşti: Editura Enciclopedică, 1997. 278 p.

Reli, Simeon, *Oraşul Siret în vremuri de demult*, Ed. „Glasul Bucovinei", Cernăuţi, 1927. 166 p.

Rezachevici, Constantin. *Cronologia domnilor din Ţara Românească şi Moldova*. a. 1324–1881. I. Sec. XIV–XVI, Bucureşti: Editura Enciclopedică, 2001. 864 p.

Sacerdoţeanu, Aurelian. Succesiunea domnilor Moldovei până la Alexandru cel Bun. Pe baza documentelor din secolul al XIV-lea şi a cronicilor româneşti din secolul al XV-lea şi al XVI-lea, scrise în limba slavonă, in *Romanoslavica.* 1965. Vol. XI. P. 219–236.

Sălăgean, Tudor. *Transilvania în a doua jumătate a secolului al XIII-lea. Afirmarea regimului congregațional*. Ed. a II-a. Cluj-Napoca: Editura Academia Română: Centrul de Studii Transilvane, 2007. 446 p.

Spinei, Victor. *Moldova în secolele XI–XIV*. Ed. a II-a. Chişinău: Editura Universitas, 1994. 491 p.

Spinei, Victor. Generalități privind geneza oraşelor medievale din Moldova, în *Universa Valachica. Românii în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*, Ed. Cartdidact, Chişinău, 2006. pp. 629-659.

Spinei, Victor; Asăvoaie C., Date preliminare privind rezultatele săpăturilor din 1992 de la Siret, in *Arheologia Moldovei*. 1993. Vol. XVI. P. 215-226S

Teodor, Dan Gh. Contribuțiile cercetărilor arheologice la cunoaşterea istoriei spațiului carpato-nistrian în secolele II–XIV, in Spinei, Victor (coord.) *Spațiul nord-est carpatic în mileniul întunecat*. Iaşi: Editura «Universității Alexandru Ioan Cuza», 1997. P. 219–235.

Ureche, Grigore. *Letopiseţul Ţării Moldovei*. Bucureşti: Editura «Minerva», 1978. 222 p.

Vásáry, István. *Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 246 p.

ББК 63.3(0)Словения; УДК 94(497.4)

А. Плетерский

СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ВОСТОЧНЫХ АЛЬПАХ*

1. Введение

При рассмотрении проблемы становления славянской государственности исходить следует из того, что мы вкладываем в понятия государственности и государства. Это подразумевает обращение к современным политическим теориям, базирующимся, в основном, на современных условиях, а из числа обстоятельств прошлого учитывающих только то, что хорошо документировано в письменных источниках. Результатом подобного подхода стало появление карикатурной картины будто бы свойственной ранним славянам анархии, из-за чего их первые государства сплошь и рядом основывали чужаки (например, Само, варяги, авары, булгары). Значит ли это, что ранние славяне сами не были способны к построению государства? — Подобный вопрос обусловлен картиной раннеславянского общества, созданной восприятием внешних наблюдателей, которые в прошлом смотрели на ранних славян со стороны, а в последующие времена еще и вне контекста эпохи. Современные специалисты в области культурной антропологии хорошо осведомлены о том, насколько важной является информация, полученная при внутреннем «включенном наблюдении». Такой подход позволяет оценить рассматриваемую изнутри культуру в соответствии с нормами и критериями, которые характерны именно для нее[1]. Этот принцип важен также в археологии: как показал Л. С. Клейн, именно умение обнаруживать такие внутренние критерии и правильно пользоваться ими

* Перевод со словенского языка Д. Е. Алимова, выполнен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК–5950.2012.6 «Потестарные образования в славянском мире в VII–X вв.: эволюция структур власти и этносоциальные процессы»)

[1] См.: *Vinšćak T.* Tibetski buddhizam i bön. Zagreb, 2011. S. VII; *Šantek G. P.* Anthropos religiosus. Antropološko-religijski ogledi. Zagreb, 2011. S. 66.

определяет степень успешности типологии, а следовательно интерпретации и понимания[2]. И этот принцип, безусловно, можно распространить на исследование прошлого в целом. Ниже будет продемонстрировано, что если попытаться приблизиться к тому, как ранние славяне воспринимали сами себя, то полученная таким образом картина их социального развития будет существенно отличаться от вышеприведенной. Люди в прошлом развивали ту или иную форму политической организации не для того, чтобы удовлетворить каким-либо критериям классификации, существующим в работах современных политологов, а для того, чтобы обеспечить себе выживание.

2. Интерпретационная модель и ее использование

Авторы эпохи высокого Средневековья говорили о славянах как о людях преимущественно одинакового языка (*lingua*), закона (*lex*), обычаев (*consuetudines*). При этом они отмечали, что со времени введения христианства и в соответствии с его делением на католическую и православную конфессии, славяне стали неодинаковы по своему вероисповеданию (*ritus*)[3]. Однако, сейчас мы знаем, что элементы дохристианских славянских верований сохранились на уровне народной культуры, причем в такой степени, что делают возможной довольно достоверную реконструкцию общей древнеславянской религиозной традиции[4]. Поэтому можно сказать, что и в духовном плане различий между славянами было существенно меньше, чем могло показаться с сугубо формальной точки зрения. Убежденность средневековых авторов, что знание отдельной части славян означает знание всех славян, хорошо иллюстрирует известный пассаж из второй главы «Паннонского жития св. Мефодия». По мнению автора Жития, тот факт, что Мефодий занимал одно время должность «архонта» славян, проживавших близ Фессалоники, словно предопределило его позднейшую деятельность среди славян, проживавших за 1000 км от Македонии, в Моравии и Паннонии[5].

Все это, однако, не означает, что ранние славяне являли собой некую целостность в качестве единого, слаженно функционировавшего, организма. Кажется даже, что имеющаяся в нашем распоряжении терминология не способна адекватно описать раннеславянское общество. Так, недавно Флорин Курта убедительно продемонстрировал слабости и недостатки термина «военная демократия»[6]. Хотя термин «сегментированная линиджная система», для которой характерно отсутствие иерархии при наличии сложной социальной организации в целом, кажется более уместным, Ф. Курта указывает на появление в славянском обществе «королей»,

[2] См., например: *Klejn L. S.* Arheološka tipologija. Ljubljana, 1988. S. 490–528.

[3] См.: *Štih P.* Slovansko, alpskoslovansko ali slovensko? O jeziku slovanskih prebivalcev prostora med Donavo in Jadranom v srednjem veku (pogled zgodovinarja) // ZČ. 2011. Letnik 65. S. 8–51 (синтетическая часть: С. 37–41).

[4] См.: *Toporov V. N.* Predzgodovina književnosti pri Slovanih, poskus rekonstrukcije. Ljubljana, 2002; *Katičić R.* 1) Božanski boj. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga, 2008; 2) Zeleni lug. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga, 2010; 3) Gazdarica na vratima. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga, 2011.

[5] «…Цесарь, [узнав] о быстроте (ума) его, дал ему править славянским княжеством, скажу я, как будто предвидел, что пошлет его к славянам как учителя и первого архипископа, чтобы научился всем славянским обычаям и понемногу к ним привык» (Житие Мефодия / Пер. Б. Н. Флори // Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004. С. 185) — *примеч. переводчика*.

[6] *Curta F.* The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge, 2001. P. 312–319.

которых упоминают византийские авторы, и предполагает в связи с этим развитие славянского общества в контакте с империей[7]. В появлении «королей» исследователь усматривает свидетельство возникновения вождеств как регионально организованных обществ с централизованной исполнительной иерархией, которая координирует деятельность между отдельными деревенскими общинами[8]. Речь идет о культурно-антропологической классификации, которая во многом выросла из результатов исследований обществ Меланезии. Хотя вполне возможно, что социальное развитие в Меланезии привело к появлению форм, похожих на раннеславянские, нельзя исключать того, что речь могла идти о социальной омонимии, а не о синонимии. Данное замечание, разумеется, не отрицает очевидного наличия у славян неких «вождей». Однако, само по себе это наличие еще не объясняет функционирования у ранних славян социальных механизмов.

2.1. Реконструкция модели власти

Общеславянская лексика, отражающая существование политически дифференцированного социума, весьма скромна. Слово «господин» (*gospod*) — в первоначальном значении «владыка гостей» или «владыка пиров» — имеет сильный сакральный смысл[9] и поэтому его использование в «светском» обществе остается неясным. Слово «власть» (*oblast*) (в значении «владение, над которым осуществляется власть») является общеславянским и показывает большую семантическую стабильность[10]. Существует также праславянское слово **vojevoda* с первоначальным смыслом: «тот, кто ведет войско»[11]. Однако, уже славянское слово для обозначения князя — **kъnęnъg* — заимствовано из германского **kuningaz* «король, вождь племени»[12]. Таким образом, праславянская политическая иерархия заканчивалась уровнем жупана. Славянское слово **županъ* произведено от слова **župa* в значении «округ», «территория одного племени». Слово могло образоваться от индоевропейского слова **gewpā* (впадина)[13]. Жупой, таким образом, именовалась стоявшая над отдельными деревнями, относительно небольшая территориальная единица, возглавлявшаяся жупаном. Вероятно, он и был ее «господином», «воеводой» и имел в ней «власть» (*oblast*).

Для того, чтобы понять функции и действия этой власти, мы должны обратиться к другой категории источников — к фольклору. Историки, имеющие дело с письменными памятниками, нередко пренебрегают фольклорными источниками, так как речь здесь идет об устной традиции. И, действительно, устная традиция как источник для познания истории имеет ряд существенных недостатков[14]. Однако, если знать об этих недостатках и избегать их, то в результате все же можно получить очень ценную информацию, потому что фольклор, так же как и язык, сохраняет немало

[7] Ibid. P. 319–325

[8] Ibid. P. 325–332.

[9] *Škrubej K.* Ritus gentis Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva. Ljubljana, 2002. S. 144–148.

[10] Ibid. S.126–130.

[11] *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997. S. 725.

[12] Ibid. S. 241.

[13] Ibid. S. 767.

[14] См., например: *Vansina J.* Oral tradition as history. London; Nairobi, 1985.

воспоминаний о более или менее отдаленном прошлом. Так, для темы настоящей статьи исключительную важность представляет фундаментальное исследование В. Я. Проппа об исторических корнях волшебной сказки[15]. В нем он показал связь ритуалов и обычаев древнего происхождения с сюжетами русских народных сказок. Последние, таким образом, выступают в данном случае как образцы волшебных сказок, к тому же хорошо отражающие мировоззрение славян. Структурные соответствия, выявленные В. Я. Проппом, в основном, отражают условия жизни в обществах, зависящих от сил природы, в которых главным орудием овладения природной средой является магия. В таких же условиях функционировала и власть.

Так, в сказке нашла отражение ситуация, когда старого правителя убивал молодой. Причиной тому было то, что правитель выступал как наделенное целительной силой лицо, от которого зависела плодородность полей и стад. К старости он утрачивал свою магическую силу. Иногда это связывалось с утратой сексуальной потенции. Старый правитель уже не был способен управлять природой, которая вследствие этого уже не давала людям достаточно пропитания. Поэтому правителя сменяли по истечении определенного периода, а возможно даже и раньше, если тот заболевал. Наследник должен был доказать свои способности, чему, вероятно, соответствовали в сказках испытания, связанные с женщинами. Наличие взрослой дочери и прибытие к ней жениха представляли собой смертельную угрозу для старого правителя. Безболезненным исходом могла бы, естественно, быть передача престола от отца к сыну, однако, такая возможность появляется лишь позднее. В сказке герой почти всегда приходит из чужих земель и завладевает не своим королевством[16]. В связи с этим кажется, что влияющими на урожайность считались сексуальные отношения человека и божества[17]. В этом контексте становится ясным генезис позднейшего пресловутого права первой ночи (*ius primae noctis*). Первоначально речь никоим образом не шла о беспардонном удовлетворении сексуальных желаний правителя. Здесь имелось в виду обрядовое действо, которое каждую женщину сообщества наделяло плодородием и способностью к деторождению. Само собой разумеется, что такое сообщество не могло быть велико.

2.2. Жупа

Базовыми политическими единицами славянского мира можно считать жупы. Их место в славянском мире было подобным тому, какое занимали у греков *polis*, у римлян *civitas*, у германцев *gau*, у кельтов *oppidum*. В рамках жупы люди реализовывали свою правовую идентичность, то есть то, что сейчас бы мы назвали гражданством[18]. О главах жуп — жупанах письменные источники сообщают лишь начиная с 777 г., когда жупы уже стали интегрироваться в феодальную систему. После этого смысл, вкладываемый в слово «жупа», стал существенно отличаться в разных землях и в разное время[19].

[15] *Propp V. J.* Historijski korijeni bajke. Sarajevo, 1990 (перевод книги: *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986).

[16] *Propp V. J.* Historijski korijeni bajke. S. 502–512.

[17] Ibid. S. 392.

[18] *Плетерский А.* О «The Making of the Slavs» изнутри // SSBP. 2008. № 2(4). С. 33–36. Прежнее мнение, согласно которому славяне заимствовали институт жупы у аваров, ныне опровергнуто. См.: *Smiljanić F.* Studije o srednjovjekovnim slavenskim / hrvatskim institucijama. Zadar, 2010. S. 14.

[19] *Hardt M.* Supan // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Bd. V. Berlin, 1998. S. 84–88; *Smiljanić F.* Studije o srednjovjekovnim slavenskim / hrvatskim institucijama. S. 13–72.

Жупы были единообразно структурированы, в них существовали одни и те же язык, право, обычаи и ритуалы, что было предпосылкой для возникновения того самого представления о единстве, которое складывалось у всех авторов, описывавших ранних славян. Однако, несмотря на производимое впечатление, славяне никогда не являли собой однородной единой массы, а представляли собой совокупность идентичных элементов. Вследствие этого было бы ошибочно говорить о них и как о сегментированном обществе, так как оно предполагает первоначальное единство, которое затем распалось на отдельные части. Возможно, было бы уместно, используя математический термин, говорить о фрактальном обществе. Подобное определение предполагает уподобление жуп фракталам не только потому, что жупы были одинаково структурированы, но и потому, что на уровне отдельной жупы можно наблюдать то же самое, что и на уровне объединения отдельных жуп в более крупные территориальные образования.

Соединение отдельных жуп в более крупные территориально-политические единицы происходило в различных частях Европы по-разному и с разной быстротой. Еще полвека назад Вольфганг Фритце на примере одного из племен полабских славян — ободритов, разработал на уровне парадигмы аналитическую модель подобного развития, не получившую, однако, в историографии должного отклика[20]. Вместо слова «жупа» он использовал условный термин «малое племя» (*Kleinstamm*), а вместо слова «жупан» — понятие *regulus*, взятое из латинских источников. Как полагает В. Фритце, во время расселения славян в Полабье, включая и небольшой период времени после этого, «малые племена» еще не были объединены. Как явствует из более поздних источников, каждое племя имело свое собственное устройство в том, что касалось правовой сферы и сферы культа. Эти сферы были теснейшим образом связаны друг с другом, так как в рассматриваемое время суды происходили в культовых местах. «Племенная» земля выступала как культовый округ, а правовое устройство местной общности — как сакральный порядок. Ему был подчинен и появившийся позднее князь. Существовала, таким образом, неприкосновенность и «суверенность» права.

Письменные источники позволяют выделить в Полабье три стадии развития. До середины IX в. существовал союз «малых племен», во главе каждого из которых стоял свой *regulus*. В последующий период более крупные структуры (*Teilstämme*) под внешнеполитическим воздействием франков начинают объединяться в политические единицы с монархическим устройством. В середине XII в. наступает период, когда правящий род создает единое государство с помощью сети княжеских градов и их административных округов (*Burgbezirkverfassung*), в то время как прежние племенные объединения утрачивают свою политическую автономию[21]. Такую же картину развития поселенческих структур выявил и Франц Энгель. Осуществленный им анализ показал, что сперва существовали небольшие, территориально изолированные группы поселений и лишь на рубеже тысячелетий начинается госу-

[20] *Fritze W. H.* Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder / Hrsg. von Herbert Ludat. Giessen, 1960. S. 141–219.

[21] *Fritze W. H.* Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung... S. 201–208.

дарственная колонизация широких пространств с центральными и пограничными градами[22].

Наибольшее количество письменных источников о раннесредневековых жупанах происходит с территории Хорватии. Недавно их систематизировал и обобщил Франьо Смиляныч. Старейшей формой развития данного института была та, при которой отдельные племена имели своих «старцев-жупанов», избираемых свободными крестьянами. Однако, уже в IX в. фиксируются жупаны, которые подчинены правителю и осуществляют различные функции: служат при княжеском дворе, возглавляют территориальную организацию, возможно, просто являются титулярными жупанами. Жупаны являются «первыми лицами народа» (*primates populi*), из их рядов правитель рекрутирует своих чиновников. Когда Хорватия становится королевством, жупаны превращаются в королевских чиновников (*primates regni*), вливаясь в ряды королевских племичей. Жупы становятся опорой королевской власти на местах, хотя жупаны избирались королем из рядов местной знати. Знатные жупаны (*nobili iuppani*) выполняли обязанности, которые были необходимы для осуществления королевской власти. Служба жупана при этом не была наследственной, наследственным был сам титул. Жупаны имели свою вооруженную свиту из членов своего рода, собирали налоги и осуществляли суд. В конце XII в. начинается процесс превращения королевских жуп в феодальные вотчины[23]. Таким образом, развитие, наблюдаемое в Хорватии, хорошо согласуется с ободритской моделью. Похожим образом обстояло дело и в других славянских землях. Лишь с введением христианства как универсалистской религии с мощной интегрирующей силой там сформировались крупные, более стабильные государства[24]. Даже в конце XII в. основатель правящей династии средневековой Сербии Стефан Неманя носил простой титул великого жупана, как и его сын Стефан до того как в 1217 г. он был коронован[25].

Таким образом, письменные источники совершенно ясно показывают существование жуп и жупанов и их автономное положение в начальный период после расселения славян. Принимая во внимание фрактальный характер устройства, каждую жупу можно в действительности рассматривать как *pars pro toto* славянства в целом. Знание жизни жупы является необходимым условием для понимания жизни славян.

3. Восточные Альпы

3.1. Жупа Блед

До сих пор еще не удалось проследить генезис какой-либо раннесредневековой славянской жупы. Понятно, что скромные фрагменты сохранившихся письменных источников при этом мало могут помочь. Однако, для решения этой задачи в нашем

[22] *Engel F.* Grenzwälder und slawische Burgwardbezirke in Nordmecklenburg // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder / Hrsg. von Herbert Ludat. Giessen, 1960. S. 140

[23] См.: *Smiljanić F.* Studije o srednjovjekovnim slavenskim / hrvatskim institucijama. S. 15–33.

[24] *Pleterski A.* Die altslawische župa — der Staat vor dem Frühstaat // Kraje słowiańskie w wiekach średnich : profanum i sacrum / Red. Hanna Kóčka-Krenz, Władysław Łosiński. Poznań. S. 79–81.

[25] *Dinić M.* Krepitev in širjenje srbske fevdalne države. Utrditev fevdalnega reda in državne neodvisnosti // Zgodovina narodov Jugoslavije. Prva knjiga: Do začetka XVI. stoletja / Ur. B. Grafenauer, D. Perović, J. Šidak. Ljubljana, 1953. S. 316–322.

распоряжении есть другие источники и инструменты анализа. Их предлагает нам историческая география, учитывающая, в частности, информацию земельных кадастров, позволяющую выявить следы далекого прошлого. К этому следует добавить также ономастику, народную традицию и наиболее важные для данной темы археологические материалы. Все это позволяет проследить историю конкретного поселения[26]. Стоящая перед нами задача несколько шире: проследить историю жупы как социальной единицы. Для того, чтобы это было возможно осуществить, необходимым условием является наличие на рассматриваемой территории некоторого континуитета в структурах управления, который бы был запечатлен в материалах кадастра. На каких славянских землях в раннее Средневековье можно было бы ожидать подобный континуитет?

Монгольское завоевание Восточной Европы в XIII в. так основательно изменило местные условия, что по сути положило начало совершенно новому историческому периоду. Ранее подобное произошло в Паннонии в связи с приходом венгров, а позднее огромные изменения в структуре поселений в Юго-Восточной Европе вызвала османская экспансия. Введение центрально-европейских административно-экономических моделей в землях западных славян в эпоху высокого Средневековья (прежде всего, в XIII в.) также основательно изменило распределение земель[27]. Таким образом, в качестве наиболее перспективных с точки зрения наличия условий для континуитета поселенческой структуры следует рассматривать пространство северной Баварии, а также земли между Дунаем и северным побережьем Адриатики (Австрия, Словения, западная часть Хорватии). Относительно данных территорий представляется возможным говорить и о том, что их сходная судьба повлияла также на материальную культуру, которая и в раннее Средневековье, и позднее обнаруживает высокую степень родства[28]. Важным стимулом для исследования является и тот факт, что именно с этой территории происходит первое конкретное упоминание о жупане вообще. В 777 г. «жупан, который зовется Фиссо» (*jopan qui uocatur Physso*) подтверждает клятвой земельные границы близ Кремсмюнстера (Верхняя Австрия)[29].

Можно ожидать, что раннеславянская жупа территориально охватывала некий географический микрорегион, который территориально был достаточно хорошо отделен от соседних. Тем самым перед нами открываются возможности для осуществления

[26] См.: *Krawarik H.* Siedlungsgeschichte Österreichs: Siedlungsanfänge, Siedlungstypen, Siedlungsgenese. Wien; Berlin, 2006. S. 61–70.

[27] См. об этом: *Hardt M.* Das «slawische Dorf» und seine kolonisationszeitliche Umformung nach schriftlichen und historisch-geographischen Quellen // Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie. 1999. Bd. 17. S. 269–291.

[28] См.: *Giesler J.* Zur Archäologie des Ostalpenraumes von 8. bis 11. Jahrhundert // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1980. Bd. 10. S. 85–98; *Losert H. Moinvinidi*, *Radanzvinidi* und *Nabavinida*. Geschichte und Archäologie der Slawen in Bayern // Siedlungsstrukturen und Burgen im westslawischen Raum / Hrsg. von F. Biermann, Th. Kersting, und A. Klammt (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Bd. 52). Langenweissbach, 2009. S. 219–294; *Pleterski A.* Sclavinia und Germania — Brezelfibeln und Töpfe // Aspekte der Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit : Festschrift für Walter Sage / Hrsg. von I. Ericsson und H. Losert (Bamberger Schriften zur Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit. Bd. I). Bonn, 2003. S. 363–372; *Štular B.* Mali grad: visokosrednjeveški grad v Kamniku. Ljubljana, 2009.

[29] Monumenta Boica. Vol. 28. Monachii, 1829. P. 198 (см. также: Грамота Тассило III Кремсмюнстерскому монастырю / Перевод и комментарий В. К. Ронина // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / Составители С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1995. С. 430. — *примеч. переводчика*).

микрорегионального исследования со всеми его преимуществами. В гуманитарных науках микрорегион — это то же самое, что лаборатория в науках естественных, это пространство, в рамках которого мы можем искать, строить, развивать и проверять гипотезы и теории. Ограниченное пространство позволяет рассмотреть наибольшее количество связей. И хотя речь идет об очень узком взгляде на историю, его преимущество заключается в его глубине. При этом все-таки можно следить и за общим историческим развитием, оставляющим следы на локальном уровне. Если таких следов нет, то его и нельзя считать общим.

Для такого исследования идеальным является так называемый Бледский угол в северо-западной Словении[30], то есть микрорегион, который в Восточных Альпах применительно к раннему Средневековью археологически лучше всего изучен. Вместе с тем, к нему относится и большое количество письменных источников, появляющихся начиная с XI в. Подробно изучен этот район и с точки зрения ономастики. В результате всего этого стал возможным анализ, базирующийся на информации, которую дают топонимика, устная традиция, письменные источники, археология, земельный кадастр. Вся информация относится к одному и тому же пространству и связана воедино одной аналитической осью. Эта ось запечатлена в земельном кадастре. Так как распределение земли зависит от отношений собственности, принятых в конкретном обществе, то эволюция распределения земли может многое рассказать о социальном развитии. Микроаналитическое исследование Бледского угла дало достаточно последовательную картину формирования и развития конкретной раннеславянской жупы, что явилось первым подробным анализом славянской жупы как таковой[31].

Краткий обзор развития жупы Блед. В период поселения славян в Бледском углу в VII в. их было лишь несколько семей, то есть всего несколько десятков человек. Учитывая такое небольшое количество людей, вероятнее всего, что они находились в родственной (?) связи друг с другом еще до поселения, а не встретились впервые только в Бледском углу. Принимая во внимание рискованность такого предприятия как миграция, трудно поверить в то, чтобы у переселенцев не существовало хотя бы минимальной степени организации, включая наличие какого-то предводителя. Пришельцы восприняли от автохтонов обрабатываемые поля, некоторые пахотные орудия[32], женщин[33], а также некоторые элементы бытовой культуры[34]. Бледские славяне уже со времени своего поселения в этом районе использовали такой метод ведения хозяйства, когда выделялись угодья, а земля делилась на отдельно обрабатываемые участки. При таком способе обработки земли уже оформлялись семейные или личные права на саму обрабатываемую землю, а не только на ее плоды[35].

[30] Бледский угол (Blejski kot) — географическое пространство, расположенное между горными плато Поклюка (Pokljuka) и Межакля (Mežaklja) и реками Сава Бохинька и Сава Долинка до их слияния. — *прим. переводчика*.

[31] *Pleterski A.* Nevidna srednjeveška Evropa: Župa Bled. Ljubljana, 2011: Электронное издание // http://iza.zrc-sazu.si/Si/Dela/Zupa_Bled.pdf. (последнее посещение — 27.10.2012).

[32] См.: *Pleterski A.* Sebenjski zaklad // AV. 1987. Vol. 38. S.257–281.

[33] См.: *Leben-Seljak P.* Etnogeneza Slovencev: rezultati antropoloških raziskav // Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo. Začetki slovenske etnogeneze / Ur. R. Bratož. Ljubljana, 2000. S. 549–558.

[34] См.: *Pleterski A.* 1) Kuhinjska kultura v zgodnjem srednjem veku. Ljubljana, 2008; 2) Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. Ljubljana, 2010.

[35] См.: Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. I. Ljubljana, 1970. S. 239.

Рост численности населения, разделение угодий, совместная эксплуатация пастбищ — все это в VIII в. потребовало регулирования отношений как между поселениями, так и внутри каждого из них. Это, вероятно, также повлияло на расслоение в рамках Бледского угла в целом, а также в рамках отдельных крупных деревень. Кажется, что уже созрели условия для социального сдвига. Поэтому не удивительно, что в это время именно там, где раньше всего встал вопрос об упорядочивании отношений, целое поселение переместилось с равнины на возвышенность — на место, именуемое ныне Бледским замком. Тем самым в пространственном плане было подчеркнуто его тройное значение — судебное, военное и религиозное. Мысль о религиозном значении является, правда, только рабочей гипотезой, которую в будущем следовало бы обосновать подробным анализом местного некрополя. В любом случае в тот период уже вполне оформилось ведущее положение этого поселения в рамках всего Бледского угла. Также можно говорить о том, что в рамках этого поселения, а тем самым и в рамках всего Бледского угла, решающее слово в рассматриваемое время уже имел один человек. Данная картина показывает, что Бледский угол являлся территоральной административной единицей. Родственную связь, существовавшую в период поселения здесь славян, заменила связь территориальная. Сказанное соответствует реконструируемой картине жупного устройства у ранних славян[36], вследствие чего мы можем говорить о Бледской жупе и ее жупане.

Личная собственность на земельные участки и иерархическая организация семьи в сочетании с необходимостью в более эффективном сельском хозяйстве, требовавшем коллективной обработки земли, обусловили в IX в. противоречивое решение, по которому собственником земли был лишь один из братьев, в то время как остальные могли на ней только работать и жить. Это оттеснило их вниз по социальной лестнице. Можно предположить, что хотя все они были лично свободны, из-за отличия по линии «собственник — не-собственник» между ними создалось сильное неравенство. Вплоть до недавнего времени братья и сестры хозяина на ферме были почти приравнены к обычным работникам[37]. В первом поколении наличие тесных родственных связей еще смягчало неравенство, однако, в последующих поколениях этого смягчения уже не было, так как кровные связи все более ослабевали. Можно предположить, что браки заключались лишь в соответствии со статусом, что дополнительно углубляло социальную пропасть. Те, кто не являлись владельцами земли, за счет которой они жили, таким образом, в конечном итоге стали обыкновенными работниками без права управлять и принимать важные решения, правда, наделенными первое время определенной степенью личной свободы, которую они также постепенно утрачивали.

Описанные процессы обусловили появление слоя *дворников* — особой группы людей, которые возвысились благодаря своей экономической мощи, так как имели крупные земельные владения и зависимых людей. Мощь дворников могла бы ослабить центральную власть бледского жупана. Однако, он сам сумел эффективно использовать новые обстоятельства, так как ему было легче других утвердиться в своей деревне в качестве единственного владельца ее земли. Людей, которые

[36] См.: Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II. Ljubljana, 1980. S. 22–30.
[37] Ср.: *Kumer Z.* Od Dolan do Šmohora. Celje, 1981. S. 73–75.

на ней жили, он, таким образом, превратил в своих подданных. Именно на них он, вероятно, и рассчитывал больше всего при установлении своей власти. Благодаря количеству людей, которыми он располагал, он был более могущественным, чем отдельные бледские дворники, ведь еще прежде он сосредоточил в своих руках воинское предводительство и судебную власть в жупе. При этом кажется, что власть бледского жупана в рассматриваемую эпоху стала опираться еще и на новую силу — христианство. С распространением представления о том, что власть происходит от Бога, утрачивалась ответственность жупана перед всеми, кто стоял на социальной лестнице ниже него.

В IX в. появилось два новых кладбища в стороне от села, первое — на острове у церкви[38] на месте предполагаемого языческого святилища, второе — на юго-восточном подножье Бледского замка, также близ церкви. Таким образом, первая церковь — св. Марии — наследовала дохристианскому культовому месту и его заместила. Однако, захоронения у этой церкви осуществлялись сравнительно недолго. Здесь слишком мало погребений для того чтобы было можно говорить об этом кладбище как о главном христианском некрополе Бледской жупы. Кажется, что главным местом захоронений стало пространство рядом со второй упомянутой церковью — св. Мартина.

Для постройки церкви были необходимы средства и санкция со стороны ответственной за это власти. Трудно себе представить, что бледский жупан не имел бы решающего слова при строительстве церкви св. Марии. Также кажется почти несомненным, что именно он дал построить и вторую церковь, так как она находится на краю земли подвластной ему деревни. О связи бледского жупана с распространением христианства, вероятно, говорит также некрополь Седло на Бледском замке, который принадлежал жупанскому двору. Владельцы обеих найденных там декоративных пряжек с изображениями двух святых и божественного агнца были мужчинами[39]. Если бы они были чужаками, то они были бы похоронены на церковном кладбище, а не на древнем некрополе. Поэтому кажется более вероятным, что речь идет о местных жителях, членах свиты жупана, которые встречались с христианством и во время своих путешествий за пределами жупы. Поэтому нельзя исключать возможность того, что священниками в бледских церквах могли быть родственники жупана. Некрополь Седло, относящийся к пребыванию жупанов на Бледском замке, наследовал более раннему равнинному кладбищу Жале–Брдо. Это показывает, что жупаны жили первоначально внизу, на равнине, и лишь позднее переселились на Бледский замок. Оба захоронения по своим выдающимся находкам (оружие, престижные украшения)[40] отличаются от окружающих могил, что можно рассматривать как свидетельство того, что должность жупана находилась с момента возникновения жупы в руках одного рода.

Возникает вопрос, должны ли были бледские жители давать жупану какие-либо подношения. Если он действительно финансировал строительство церквей, то он

[38] *Šribar V.* Blejski otok — oris zgodovine. Bled, 1971. S. 11–21.

[39] *Leben-Seljak P.* Antropološka analiza poznoantičnih in srednjeveških grobišč Bleda in okolice. Ljubljana, 1996. S. 286–287.

[40] *Knific T.* Arheološki sledovi blejskih prebivalcev iz pozne antike in zgodnjega srednjega veka // Bled tisoč let. Blejski zbornik 2004 / Ur. J. Dežman. Radovljica, 2004. S. 102–108.

должен был иметь довольно большие доходы, каковые от скромного поля, находившегося в его распоряжении, были слишком малы. По крайней мере, следует принять во внимание скотоводство и сферу, не связанную с сельским хозяйством. Весьма вероятно, что жупану шли постоянные подношения за его судебную деятельность, да и церкви должны были давать определенный доход, после того как они были построены.

Окончательный переход княжества Карниолы (см. ниже) и жупы Блед в качестве ее составной части в состав Священной Римской империи в третьей четверти X в. принес с собой значительные перемены как в поселенческой структуре, так и в общественном устройстве. Кажется, что интеграция жупы в состав империи не была спокойной. Король изгнал жупана, завладел центральными частями Бледской жупы и превратил их в свое владение[41].

Жупа Блед и ранние славяне. Такой результат исследования стал возможным потому, что применительно к территории Бледской жупы оказались несостоятельными некоторые старинные стереотипы о ранних славянах. Речь, прежде всего, идет об экономической основе их хозяйства и проистекающих из нее социальных явлениях. Действительно, Прокопий Кесарийский в VI в., сообщая о склавинах и антах, утверждает, что они часто меняли место жительства (*Procopii De bello Gothico, III. c. 14*). Из этого обычно делался ряд выводов: славяне не имели постоянных пахотных земель; основой их хозяйствования было подсечно-огневое земледелие, относительно быстро исчерпывавшее почвы; непостоянными в связи с этим были и их поселения[42]. В связи с этим предполагалось, что земельный кадастр, отражающий существование постоянного разделения земли, был введен в словенских землях лишь в период феодализации, то есть между IX и XI вв., крупными землевладельцами[43]. Будь это так, о древнейшей форме управления кадастр, естественно, ничего бы не мог поведать. Однако, результаты исследования жупы Блед перечеркнули подобный ход рассуждений. Начало непрерывного распределения пахотных земель в Бледе, очевидно, совпадает с новым порядком, появившимся здесь в VII в. с приходом славян. Это подтверждает археологически установленный континуитет построек с VII по X в. на поселении Пристава под Бледским замком[44].

Данный вывод, конечно, требует переосмысления характера и уровня земледелия у ранних славян вообще, а именно (не)вероятности стабильного разделения земель, наличия/отсутствия права личной собственности на пахотные участки, автохтонного развития социальной дифференциации, то есть всего того, что связано с во многом неразрешенным вопросом зарождения государственности у славян. Хотя, возможно, в других краях разделение земли не сохранилось в той же степени, что и в Бледе, следовало бы, по крайней мере, сопоставить тамошние структуры, выявленные археологическими раскопками, с бледским материалом. Таким образом, жупа Блед может

[41] Очерк последующего развития см.: *Pleterski A.* Nevidna srednjeveška Evropa: Župa Bled. S. 143–153.

[42] См.: *Grafenauer B.* Poljedelski obdelovalni načini // Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. I: Agrarno gospodarstvo. Ljubljana, 1970. S. 234–240; *Krawarik H.* Siedlungsgeschichte Österreichs: Siedlungsanfänge, Siedlungstypen, Siedlungsgenese // Geographie. Wien; Berlin, 2006. Bd. 19. S. 114; *Biermann F.* Eine frühslawische Siedlung bei Passow, Lkr. Uckermark // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie. 2010. Bd. 41/42. S. 284.

[43] Ср.: *Grafenauer B.* Poljedelski obdelovalni načini. S. 240.

[44] *Pleterski A.* Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. S. 165–176.

стать полезной интерпретационной моделью для изучения ситуации в других регионах. Потребность в новой интерпретации диктуют такие поселения, как Рашков (Рашків) I в Украине и Ростоки (Roztoký) близ Праги в Чехии. Первое находилось на одном и том же месте в течение почти двухсот лет с VII по IX в.[45], второе на одном и том же месте просуществовало как минимум столетие в VI и VII в.[46], что не согласуется с привычной моделью отсутствия у ранних славян постоянных поселений.

Возникает вопрос, как же в таком случае согласовать непрерывность разделения земли и поселенческой структуры в Бледе с приведенной выше информацией Прокопия. Уже Бого Графенауэр высказал предположение, что в Восточных Альпах общий недостаток пригодных для пахоты земель и наличие местного автохтонного населения (влахов) ускорили сельскохозяйственное развитие славян[47]. История Бледской жупы подтверждает правильность его размышлений, дополнительно демонстрируя то, что это произошло очень быстро, возможно даже сразу. Относительно ограниченное пахотное пространство требовало устойчивой обработки земли, которую осуществляли влахи. Следовательно, это означает, что славяне были достаточно гибкими. Археологическим подтверждением тому является состав сельскохозяйственных орудий в кладе из Себенье (*Sebenje*), который обнаруживает одновременное использование влашских пахотных орудий и орудий, принесенных с собой славянами[48]. Это обнаруживается и в культуре строительства: в бледской Приставе рядом с постройкой, которая возвышалась над землей (очевидно, старая альпийская традиция), находилась квадратная постройка, которая, хотя и соответствует по форме, величине и внутреннему устройству славянским полуземлянкам, тем не менее, не вкопана в землю, а представляет собой обычную наземную постройку[49]. Очевидно, что среда Валашской равнины, где жили славяне, описываемые Прокопием, была существенно иной, чем та, которую предлагал славянам альпийский Блед. В связи с этим становится совершенно ясным, что историю (южных) славян невозможно понять без обращения к истории влахов, вследствие чего именно изучение влахов, которыми до сих пор сильно пренебрегали, составляет *desiderata* будущих исследований.

3.2. Косезы

Особенностью южной части восточно-альпийского региона в конце Средневековья был особый социальный слой эдлингов (*Edling, Edlinger*), лично свободных людей, которые со своими небольшими земельными владениями непосредственно подчинялись местному герцогу. Населенные пункты с немецким названием *Edling* имеют словенское название *Koseze* / *Kazaze*[50]. В связи с этим в историографии долгое время велась дискуссия, до сих пор так и незавершенная, о возможной связи позднесредневековых (XIII/XIV и XV в.) эделингов с косезами, будто бы являвшимися в раннее Средневековье

[45] См.: *Баран Я. В.* Слов'янська община (за матеріалами поселення Рашків I) // Проблемі походження та історичного розвітку слов'ян. Збірник наукових статеї, присв'ячоний 100-річчю з дня народження Віктора Платоновіча Петрова. Київ; Львів, 1997. С. 176.

[46] См.: *Profantová N.* Chronologie osídlení areálu v historických souvislostech // Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách. Praha, 2005. S. 214.

[47] *Grafenauer B.* Poljedelski obdelovalni načini. S. 239.

[48] *Pleterski A.* Sebenjski zaklad. S. 257–281.

[49] *Pleterski A.* Zgodnjesrednjeveška naselbina na Blejski Pristavi. Najdbe. S. 122–126.

[50] См., например: *Vilfan S.* Kmečko prebivalstvo po osebnem položaju // Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II: Družbena razmerja in gibanja. Ljubljana, 1980. S. 320–321.

особым социальным слоем или некой племенной группой, давшей позднее свое имя социальному слою. Так как письменные источники в XV в. в Бледском углу упоминают многочисленных эдлингов, микрорегиональный анализ делает возможным по крайней мере применительно к этому конкретному пространству дать ясный ответ на вопрос о возможном раннесредневековом источнике эдлингов[51]. Ответ состоит в том, что в случае с бледскими эдлингами речь идет о социальном слое, который сформировался в позднем Средневековье, имел гетерогенное происхождение и не обладал здесь какой-либо раннесредневековой традицией в качестве социально-правовой группы.

Разумеется, данный вывод противоречит концепции Бого Графенауэра. В своей монументальной монографии о Карантании он пытался доказать, что она была первым славянским государством, причем делал это в соответствии с известным теоретическим положением, гласившим, что государство возникает вследствие появления антагонистических социальных классов — эксплуататоров и эксплуатируемых. В соответствии с данным определением основным и решающим признаком появления государства должно быть наличие аппарата насилия, а именно специальных подразделений вооруженных людей, служивших орудием государственной власти[52]. Это орудие Б. Графенауэр усматривал в косезах, и, хотя они не фигурируют в качестве социального слоя в раннем Средневековье, исследователь проецировал их позднейший статус в VIII столетие, устанавливая тем самым структурированность, необходимую в рамках вышеприведенного представления о сущности государства[53]. Очевидно, что проблему косезов и формирования государственности необходимо будет рассмотреть заново.

3.3. Само

Само и Карантания. В качестве первого важного, как в политическом, так и в военном отношении, славянского политического формирования можно рассматривать державу Само (623–658). Единственный письменный источник, который прямо связывает восточно-альпийский регион с Само — трактат «Обращение баваров и карантанцев» (*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*), написанный спустя более чем двести лет после смерти Само[54]. Речь идет о крайне тенденциозном сочинении, которое появилось в 870[55] или, возможно, даже в 878 г.[56] для защиты прав церковной юрисдикции Зальцбургского архиепископства в связи с учреждением архиепископии, возглавляемой св. Мефодием. Неизвестный автор, который был мастером в подтасовке информации[57], сообщает, что Само был князем у карантанцев (*Conversio, c. 4*). В историографии в этом нередко видели свидетельство того, что карантанцы были частью племенного союза

[51] *Pleterski A.* Nevidna srednjeveška Evropa: Župa Bled. S. 125–127

[52] *Grafenauer B.* Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952. S. 14.

[53] Ibid. S. 557–558

[54] См.: *Lošek F.* Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und der Brief des Erzbischofs Theotmar von Salzburg. Hannover, 1997.

[55] Аргументы в пользу данной датировки см.: *Lošek F.* Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum... S. 6; *Wolfram H.* Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weißbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Ljubljana, 2012. S. 27.

[56] Данную датировку отстаивает А. Шницер: Schnizer A. Die Karantanenmission — ein Rekonstruktionsversuch. Diplomarbeit. Wien: Universität Wien, Katholisch-Theologische Fakultät, 1997.

[57] *Pleterski A.* Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih // ZČ. 1998. Letnik 52. S. 250.

Само. Однако, такому пониманию противоречит то, что происходило во время нападения франкского короля Дагоберта на Само и его славян.

Материалы раскопок крупнейшего из баварских некрополей — Альтенердинга (к северо-востоку от Мюнхена) — показывают, что в период между 630 и 640 гг. (вероятно, ближе к 630 г.) альтенердингские воины участвовали в самом худшем из своих сражений. Смертность молодых людей достигла тогда вершины. На ощущение чрезвычайной угрозы указывает наблюдение, что на войну были отправлены — вопреки установленным правилам — даже необученные юноши[58].

Единственное военное событие, которое должно быть при этом принято во внимание, исходя из сообщений письменных источников, — это война франков и их союзников со славянами, возглавлявшимися Само. Решающим в ней было сражение между австразийцами и славянами при Вогастисбурге в 631/632 г. Однако, бавары не были специально отмечены как участники войны. Вследствие этого возможны две совершенно противоположные реконструкции событий. В рамках первой из них сообщение «Так называемой хроники Фредегара» о том, что бавары должны были по франкскому повелению за одну ночь умертвить 9000 болгар, бежавших к ним от аваров, можно интерпретировать в том смысле, что они были частью франкского плана поиска союзников против опасного для них славянского племенного союза с Само во главе[59]. Победу при Вогастисбурге славяне использовали для последующего грабежа франкских территорий: *Winidi in Toringia et relequos vastandum pagus in Francorum regnum inruunt* (*Fredegarii Chronicon IV, c. 68*). В соответствии с предложенной реконструкцией событий мы должны были бы допустить возможность, что хронист баваров причислил к австразийцам. Кроме того, не исключено, что бавары при Вогастисбурге на самом деле не сражались, а разместились по краям от славян, которые в грабительском походе приближались к Альтенердингу.

На вероятность иного хода событий указал Ханс-Дитрих Каль. Он усомнился в существовании франкского приказа об убийстве болгар, которое, с его точки зрения, было бы просто неосуществимо по причинам логистики. Поэтому он предложил иное объяснение, согласно которому бавары, которые неоднократно проявляли себя антифранкски настроенными, находились в упомянутой войне на стороне славян. Правда, он обращает внимание на то, что источники не сообщают о франкских репрессиях, которые бы могли обрушиться на баваров вследствие нарушения ими вассальных обязательств[60]. В связи с этим следует отметить, что смертность гражданского населения Альтенердинга в этот период не увеличилась, что может говорить о том, что либо враги не достигли края, либо они не убивали безоружных. Если задаться вопросом, кто все-таки осмелился поставить под угрозу важный военный форпост в центре Баварии — войско славян в грабительском походе или совершавшая карательную операцию армия франков, то гораздо более вероятной представляется вторая возможность, а соответственно реконструкция событий, предложенная Х.-Д. Калем.

[58] *Losert H., Pleterski A.* Altenerding in Oberbayern: Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren. Berlin, 2003. S. 645.

[59] См.: *Wolfram H.* Baiern und das Frankenreich // Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488–788 / Hrsg. von H. Dannheimer und H. Dopsch. München, 1988. S. 132.

[60] *Kahl H.-D.* Die Baiern und ihre Nachbarn bis zum Tode des Herzoges Theodo (717/18) // Die Bayern und ihre Nachbarn. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1988. S. 185–188.

Такая интерпретация, разумеется, не означает, что бавары находились в союзе со всеми славянами, которые ни тогда, ни позднее не являли собой никакого политического единства. Факт сражения баварского герцога Гарибальда II со славянами при Агунте в Восточных Альпах (*Paulus Diaconus, Historia Langobardorum, liber IV: c. 39*) не означает поэтому, что он не мог находиться в хороших отношениях со славянами, проживавшими к северу от Дуная. На присутствие славян в Альтенердинге указывают также погребения с куриными костями, полностью отличающиеся от местных обычаев захоронения. Но они были тогда совершенно обычными для славян в австрийском Подунавье[61]. Также здесь была обнаружена керамика с золотой слюдой, фрагмент которой встречается в Альтенердинге в материалах погребения 999[62]. Между тем, разбитая посуда в инвентаре погребений обычна для славян Верхней Австрии[63]. Существование баварско-славянского сотрудничества могло бы прояснить и явление, на которое обратил внимание Ханс Лозерт, — появление во второй половине VII в. среди баварских погребений к северу от Дуная многочисленных погребений с кремацией, которые можно связать со славянскими мигрантами[64]. С этого времени начался процесс расселения славян среди баваров, который оставил следы также в топонимике[65].

Итак, с одной стороны, материалы археологических раскопок указывают на союз баваров со славянами Само, с другой стороны, письменные источники описывают военные столкновения баваров со славянами в Восточных Альпах. Это не удается совместить с информацией трактата «Обращение баваров и карантанцев» о том, что Само был князем карантанцев, вследствие чего этому утверждению нельзя доверять. Его появление можно объяснить задачами, стоявшими перед автором трактата, стремившимся представить перечень заслуг баваров и Зальцбургского (архи)епископства перед Карантанией. Тому факту, что в VII в. бавары и восточноальпийские славяне смотрели друг на друга через острие ножа, хорошо «соответствовало» утверждение, что князем карантанцев был Само, с которым бавары, очевидно, действительно сотрудничали. Чтобы не оставалось никаких сомнений, в продолжении сочинения под названием *Gesta Dagoberti* повторяется несомненно ложное утверждение, что Дагоберт подчинил себе славян Само[66]. Поэтому в том, что касается правления Само в Карантании, трактату не следует верить. Само определенно не был карантанским князем!

Интронизация Само. Несмотря на то, что племенной союз Само не охватывал Восточных Альп, его пример важен для понимания тогдашней славянской политической организации. Хотя ее описание, содержащееся в в «Так называемой хронике Фредегара», довольное скромное, оно все же дает важную информацию о том, как он стал славянским «королем» (*rex*) (*Fredegarii Chronicon IV, c. 48*). Само был избран (*eum eligunt*) жупаном или князем (что было бы его наиболее вероятным титулом на славянском

[61] См.: *Tovornik V.* 1) Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gusen und Auhof bei Perg in Oberösterreich. Teil I: Gusen // Archaeologia Austriaca 1985. Vol. 69, S. 165–250; 2) Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gusen und Auhof bei Perg in Oberösterreich. Teil 2: Gusen // Archaeologia Austriaca. 1986. Vol. 70, S. 413–484.

[62] *Losert H., Pleterski A.* Altenerding in Oberbayern... S. 652.

[63] Ibid.

[64] См.: *Losert H.* 1) Zur Deutung der Brandgräber in einigen merowingerzeitlichen Friedhöfen Mittel- und Unterfrankens // Die Welt der Slaven. 1991. Bd. 36. (N.F. 15), 365–392; 2) Die slawische Besiedlung Nordostbayerns aus archäologischer Sicht // Vorträge 11. Niederbayerischer Archäologentag. S. 230–233.

[65] См.: *Bauer R.* Beiträge der Ortsnamenforschung zur Klärung der Siedlungsgenese süddeutscher Altsiedelräume // Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie. 1999. Bd. 17. S. 148, 150.

[66] *Wolfram H.* Conversio Bagoariorum et Carantanorum... S. 116.

языке) благодаря качествам, которые он продемонстрировал в сражениях с аварами. То были его *utilitas* и *consilium*, благодаря которым славяне регулярно побеждали. Если эти слова мы переведем как «способность» и «совет», необязательно, что этим мы точно описали бы качества Само. Конечно, речь шла и о его интеллектуальных способностях и о воинской доблести. Но не следовало бы оставлять без внимания вероятность того, что *utilitas* могла означать также его магическую силу, в которую бы могли поверить сражавшиеся вместе с ним воины. Не вызывает сомнений и его мужская сила — у Само было 12 жен и 37 детей. Таким образом, Само обладал интеллектуальной, магической (?) и физической силой, а также чрезвычайной сексуальной энергией, то есть всем тем, что соответствовало критериям выбора властителя в архаическом обществе, установленным В. Я. Проппом (см. выше). Благодаря наличию у Само всех этих качеств славяне его и избрали. То, что он при этом происходил не из их страны, было при этом совершенно неважно. Важно было лишь то, что он был самым лучшим. Данный пример поэтому никоим образом не может рассматриваться как доказательство пресловутого славянского «безначалия», но наоборот свидетельствует о наличии эффективной системы выбора. Правда и то, что подобная система не признавала передачи власти по наследству. Каждый кандидат должен был самостоятельно доказать свою пригодность. То, что такую систему не понимали внешние наблюдатели, оставившие нам свои описания раннеславянского общества, конечно же, является проблемой сегодняшних интерпретаторов, а не проблемой ранних славян.

3.4. Интронизация герцогов Каринтии

Избрание Само можно рассматривать как парадигму развития славянских жуп и княжеств в дохристианский период, конечно, при условии, что наши вышеприведенные рассуждения хотя бы в общем верны. В такой ситуации всегда желателен еще какой-либо позитивный пример. Все говорит в пользу того, что такой пример представляет обряд интронизации герцогов Каринтии (в прошлом — князей Карантании). Об этом обряде и карантанской политической организации существует исключительно обширная библиография[67]. Письменные источники подробно описывают процедуру интронизации начиная с XI в. и позднее. Поэтому мы знаем, что обряд с течением времени претерпел ряд изменений, пока совершенно не отмер. Для обсуждения истоков славянской государственности, конечно, важна его старейшая документированная форма[68].

Описание сосредоточено на определении правовых отношений между свободными крестьянами Каринтии с одной стороны, герцогом с другой стороны и Священной Римской империей с третьей стороны. То есть описывается состояние, которое было уже результатом включения Карантании во Франкскую империю. Между тем, изучение элементов обряда интронизации, их символики и последовательности ясно обнаруживает следы древней индоевропейской идеологии властных отношений. В связи

[67] См. наиболее обстоятельные монографические исследования: *Grafenauer B.* Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952; Kahl H.-D. Der Staat der Karantanen. Fakten, Thesen und Fragen zu einer frühen slawischen Machtbildung im Ostalpenraum (7.-9. Jh.). Ljubljana, 2002. Новейший обзор исследований см.: *Dopsch H.* Der Kärntner Fürstenstein im Spiegel der mittelalterlichen Schriftquellen // Der Kärntner Fürstenstein im Bild. Darstellungen eines europäischen Rechtsdenkmals / Hrsg. von Sabine Nikolay. Klagenfurt; Ljubljana, 2010. S. 215–260.

[68] См.: *Grafenauer B.* Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev. S. 172–174.

с этим аналогии можно обнаружить у всех индоевропейцев, причем хронологически они достигают эпохи древнеиндийской Ригведы[69]. Кажется, что карантанский обряд весьма походил на то, как осуществлялся ритуал интронизации в древней ирландской Темре (*Temair*, англ. *Tara*).

Единого подробного описания ирландского обряда не существует. Кроме того, с течением времени обряд, конечно, изменялся, в том числе под влиянием христианизации. Однако, если рассматривать отдельные описания как фрагменты целого и попытаться определить их общий источник, а также учесть возможные изменения в процессе развития, то можно реконструировать его структуру и основные правила[70]. В обряде было задействовано несколько арен, причем все они были отделены друг от друга (дорога, вода, лес). Начинался обряд с избрания кандидата. Видение во сне, имевшее при этом решающее значение, вероятнее всего, было словом бога-быка. У кандидата были компаньоны (3, 4, 6), сводные братья, побратимы[71]. Он должен пройти испытания, чтобы подтвердить свой статус. Происходит его поединок с ближайшим сородичем. В реальной средневековой исторической форме то было просто сценой, которую разыгрывали кандидат и вершитель обряда, которые стояли каждый на своем камне или около него и наносили символические удары. Следующим актом являлся священный брак с Властью в образе лошади. Символическое совокупление превращало ее в красавицу. Кандидат и Власть сменяли одежды. Кандидат получал напиток власти в сосуде (роге). Прежде чем он мог разделить его с другими, его превосходство должно было быть признано. При этом речь шла не просто о разделении власти, но также о разделении пищи, плодородия. Правитель у индоевропейцев, да и не только у них, был в первую очередь ответственен за обеспечение пищей (и тем самым за жизнь) всего общества, как в своем подробном анализе показал Яцек Банашкевич[72].

В Каринтии при выборе руководителя обряда и при подтверждении кандидата в герцоги были важны следующие качества: что он хороший, разумнейший — *wisost* (*consilium* у Само!), полезный — *nütz* (*utiltas* у Само!). Его переодевали в платье синего и красного цветов, что характеризует его как наряд для свадьбы, после чего он должен быть оседлать неукрощенную кобылу (более подробное описание этого действия опущено). Затем его вели к камню интронизации на Госпосветском поле (нем. *Zollfeld*, к северу от Целовца (Клагенфурта)). Он троекратно объезжал камень, что также являлось важным элементом свадебных обрядов (такой камень, например, до середины

[69] См.: *Goldmann E.* Die Einführung der deutschen Herzogsgeschlechter Kärntens in den slovenischen Stammesverband (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte 68). Breslau, 1903; Graber G. Der Eintritt des Herzogs von Kärnten am Fürstenstein zu Karnburg. Wien, 1919; *Banaszkiewicz J.* Podanie o Piascie i Popielu: studium porownawcze nad wczesnosredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986. S. 42–55; *Kahl H.-D.* Das Fürstentum Karantanien und die Anfänge seiner Christianisierung // Karantanien und der Alpen-Adria-Raum im Frühmittelalter. Wien; Köln; Weimar, 1993. S. 54–55; *Pleterski A.* 1) Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov. (Zbirka Zgodovinskega časopisa, 17). Ljubljana, 1997; 2) Die Kärntner Fürstensteine in der Struktur dreier Kultstätten // Der Kärntner Fürstenstein im Europäischen Vergleich: Tagungsbericht Symposium Gmünd 20. bis 22. September 1996 / Hrsg. von A. Huber. Gmünd, S. 43–119; *Třeštík D.* Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «starým pověstem Českým». Praha, 2003. S. 101–167.

[70] См.: *Pleterski A.* Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov. S. 31.

[71] Моника Кропей в своем анализе подобных компаньонов из числа людей и животных в словенских сказках установила, что в некоторых примерах речь идет о космических силах: *Kropej M.* Pravljica in stvarnost: odsev stvarnosti v slovenskih ljudskih pravljicah in povedkah ob primerih iz Štrekljeve zapuščine. Ljubljana, 1995. S. 160.

[72] *Banaszkiewicz J.* Podanie o Piascie i Popielu... S. 40–61.

XIX в. находился на поле у деревни Путгартен неподалеку от святилища Свантевита на острове Руян/Рюген[73]). Позднейшие описания также сообщают, что у камня он получал удар, а затем пил воду из шапки, садился на камень и принимал власть[74]. Все это достаточно ясно показывает, что обряд интронизации воспроизводил свадебный ритуал, который ежегодно возобновлялся в мире богов — *hieros gamos*[75]. Поэтому из сказанного вполне можно заключить, что славянская государственность коренилась в общем индоевропейском наследии, и что сакральные корни карантанской интронизации происходили еще из эпохи до прихода славян в Восточные Альпы.

Обряд, посредством которого карантанцы в середине VIII в. поставили своим князем Горазда (eum ducem fecerunt) (Conversio, c. 4), не мог быть существенно иным по своей форме, чем тот, что существовал в XI столетии. Это также относится к критериям выбора кандидата, которые и в XI в. были подобны тем, что существовали в VII в. при избрании Само. Избран был именно тот, кто был по мнению тех, кто принимал решение, наилучшим. Иного мнения придерживается Петер Штих, который полагает, что княжеская власть в Карантании в середине VIII в. уже была наследственной, основываясь в данном случае на информации, что в качестве князей друг за другом следовали Борут, а затем его сын Горазд и племянник Хотимир. Поэтому, по его мнению, карантанцы князя свободно не выбирали[76]. Однако, такой трактовке можно не без оснований возразить. Если бы была княжеская власть в Карантании уже тогда наследственной, мы были бы вправе ожидать какой-либо информации о наличии родственных связей между последующими правителями, а такой информации у нас нет. Поэтому стоит задаться вопросом: возможно ли в некоторых случаях наследование должностей родственниками там, где еще не вошел в силу принцип наследственной власти?

При выборе князя или жупана было, разумеется, важным и то, что сейчас принято именовать социальными связями. Хотя должность правителя не была наследственной и кандидат должен был отвечать целому ряду требований, социальные связи его семьи и приятелей могли также иметь определенное влияние. Так, вряд ли является простым совпадением, что Джордж Буш старший, а затем его сын Джордж Буш младший оба стали президентами Соединенных Штатов Америки. Однако, этот факт абсолютно не является доказательством какой-либо наследственности поста президента в этом государстве. Показательно при этом, что в Исландии, где в Средние века споры разрешались публично, а судебные разбирательства регулировались нормами права, не было, однако, безразлично, сколько и каких друзей имела каждая из сторон, участвовавших в споре (об этом подробно рассказывает «Сага о Ньяле»).

Таким образом, если о первых трех известных по именам князьях Карантании мы знаем, что они были родственниками, это еще не значит, что тогда там уже вплотную подошли к наследственности княжеской власти. К таким результатам могли привести и два отдельных избирательных процесса.

[73] См.: *Meier J.* Der Brautstein. Frauen, Steine und Hochzeitsbräuche. Bern, 1996. S. 9.

[74] См.: *Pleterski A.* Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov. S. 33–41.

[75] См.: *Belaj V.* Hod kroz godinu. Pokušaj rekonstrukcije prahrvatskoga mitskoga svjetonazora. Zagreb, 2007; *Katičić R.* Zeleni lug. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga, 2010.

[76] *Štih P.* O modernem (ne)razumevanju in (ne)poznavanju stare zgodovine na primeru ustoličevanja koroških vojvod // Stiplovškov zbornik / Ur. D. Nećak (Historia 10). Ljubljana, 2005. S. 39.

3.5. Славянские княжества в Восточных Альпах

С точки зрения географов эпохи высокого Средневековья Карантания охватывала пространство между Чехией и Хорватией. Это обстоятельство решающим образом повлияло на географические представления позднейших историографов о первоначальном территориальном охвате Карантании. В результате утвердился стереотип, согласно которому Карантания имела подобный территориальный охват с момента своего возникновения. Этот стереотип, конечно, находится в противоречии с представлением о поэтапном развитии государственности у славян в остальной Европе. Он противоречит и форме сакральных элементов власти, как они описаны выше, и картине, которая вырисовывается из данных археологических, лингвистических и письменных источников.

Социальная дифференциация в Восточных Альпах (см. выше применительно к Бледской жупе) превратила жупанов в мощный верхний слой социума. В эпоху христианизации начала развиваться церковная организация, жупаны и князья стали возводить так называемые «частные церкви». Для их постройки и обслуживания были необходимы средства и покровительство светского правителя. Средневековая доктрина, согласно которой разделение на воюющих, молящихся и трудящихся (*bellatores, oratores et laboratores*) происходит от Бога и установлено по Его воле, означало, что правитель не зависит от выбора людей. Эта христианская идеология помогала укреплять властную мощь верхнего социального слоя. Это обусловило тот факт, что первые церкви, воздвигнутые в славянских землях, находились в центрах политической и экономической мощи. В результате локализовать такие центры в Восточных Альпах позволяют обнаруженные раскопками элементы каменного церковного убранства, включая детали, украшенные характерным для этой эпохи плетеным орнаментом[77]. Хотя уже в первой половине IX в. часть жуп и княжеств в Восточных Альпах была преобразована в имперские графства, письменные источники свидетельствуют о том, что для жупанов существовала возможность влиться в ряды знати нового государственного организма. Поэтому можно говорить о том, что, по крайней мере, до середины X в. концентрация частных церквей отражает древнейшее состояние распределения политической власти.

Карта расположения таких церквей на территории античной Эмоны и Внутреннего Норика показывает четыре группы, которые находятся в центрах отдельных римских *civitates* — Теурнии (*Teurnia*), Вируна (*Virunum*), Флавии Сольвы (*Flavia Solva*) и Эмоны (*Emona*). С одной стороны, такое расположение свидетельствует о том, что географическое, инфраструктурное и экономическое наследие античности было весьма сильным, повлияв на формирование позднейших славянских княжеств, составленных из отдельных жуп. С другой стороны, эти четыре ядра сами по себе свидетельствуют о существовании четырех княжеств. Письменные источники позволяют их частично идентифицировать. Так, на бывшей территории, относившейся к Эмоне, в начале IX в. существовало княжество Карниола, на территории, относившейся к Вируну, — Карантания, на территории Теурнии и частично Агунта — Либурния (эволюция названия: Teurnia > Tiburnia > Liburnia > Lurna > Lurn). С территорией, относившейся к Флавии Сольве, связано племенное имя дулебов (*Dudlebi*). Таким образом, первоначальную Карантанию, охватывавшую небольшую территорию, мы не можем

[77] См.: *Karpf K.* Frühmittelalterliche Flechtweksteine in Karantanien. Marmorne Kirchenausstatungen aus tassilonisch-karolingischer Zeit. Innsbruck, 2001.

отождествлять с позднейшей гораздо более крупной Карантанией, когда ее название в IX в. заместило прежний Внутренний Норик[78]. В этом смысле позднейшую большую Карантанию следует считать созданием «имперской бюрократии», а не результатом самостоятельного политического развития славян в Восточных Альпах[79].

Только признав, что рядом с (малой) Карантанией в конце VIII в. существовало еще княжество Либурния, можно объяснить информацию, согласно которой в районе Мильштатского озера (Верхняя Каринтия, некогда территория Теурнии) правил дукс Домициан, который, вероятно, был основателем первых двух монастырей в славянском мире — женского в Мильштате (Millstatt) и мужского в соседнем Мольцбихле (Molzbichl), с которыми можно связать также древнейшие известные тексты на славянском языке — Фрейзингские отрывки[80]. Этого правителя трактат «Обращение баваров и карантанцев» не упоминает среди карантанских князей. Конечно, это можно трактовать в том смысле, что Домициан был будто бы лишь локальным жупаном на территории Карантании, но почему тогда ни один из карантанских князей не упоминается в связи с такими же акциями? Иметь два монастыря в 60 км от центра своей державы, а в самом центре ни одного, достаточно странно. Кроме того, экономическая мощь локального жупана, насколько ее можно реконструировать, была явно недостаточна для строительства и обслуживания двух монастырей. Гораздо менее натянутым выглядит объяснение, что Домициан был правителем отдельного княжества Либурнии.

В действительности, единственным основанием для интерпретации, согласно которой Карантания уже в VIII в. охватывала все пространство бывшего Внутреннего Норика[81], является известная фраза из трактата «Обращение баваров и карантанцев» (с. 4): «*Qui venientes Carantanis dedicaverunt ibi ecclesiam sanctae Mariae et aliam in Liburnia civitate seu ad Undrimas et in aliis quam plurimis locis*». Даже если прав Фриц Лёшек, полагающий, что мы должны *Carantanis* в духе испорченной средневековой латыни понимать как место, куда приходят христианские священники, то есть «к карантанцам»[82], это никоим образом не может означать, что они тогда освятили три церкви и что все эти три церкви находились в Карантании. Подробный анализ соответствий и структуры упомянутого отрывка и трактата в целом показал, что единственный адекватный структуре перевод следующий: «Когда те пришли, они освятили карантанцам (или, если прав Ф. Лёшек: «Когда те пришли к карантанцам, они освятили там…») церковь святой Марии и другую на земле (в области) Либурнии или (то есть точнее) *ad Undrimas* и в других весьма многих местах»[83]. Священники, таким образом, освятили две церкви, одну у карантанцев (скорее всего, Госпа Света/Maria Saal), другую *ad Undrimas*

[78] *Wolfram H.* Conversio Bagoariorum et Carantanorum... S. 149.

[79] См.: *Pleterski A.* Spuren slawischer Fürstentümer im Ostalpenraum // Karantanien, Mutter von Kärnten und Steiermark / Hrsg. von W. R. Baier und D. Kramer. Studia Carinthiaca. 2003. Vol. XXII. S. 25–36.

[80] См.: *Pleterski A.* 1) Arheologija in nastanek Brižinskih spomenikov // Zbornik Brižinski spomeniki / Ur. J. Kos et al. Ljubljana, 1996. S. 27–42; 2) Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov. S. 42–50; *Kahl H.-D.* Der Millstätter Domitian. Abklopfen einer problematischen Klosterüberlieferung zur Missionierung der Alpenslawen Oberkärntens (Vorträge und Forschungen Bd. 46). Stuttgart, 1999.

[81] См. новейший пример подобной интерпретации: *Wolfram H.* Conversio Bagoariorum et Carantanorum... Karte 1.

[82] *Lošek F.* Salzburg als Zentrum der frühmittelalterlichen lateinischen Literatur // Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo: začetki slovenske etnogeneze: Anfänge der slowenischen Ethnogenese / Ur. R. Bratož. Ljubljana, 2000. S. 741.

[83] *Pleterski A.* Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih. S. 249–273.

на территории Либурнии. Предположение Х.-Д. Каля, что речь идет о нынешней церкви св. Лаврентия в Альтхофене близ *Maria Pfarr* в Лунгау хорошо аргументировано. Важно и то, что эта церковь стоит на древнем пути из Зальцбурга в Карантанию, по которому должны были тогда проходить миссионеры[84].

Справедливости ради, следует отметить, что под словами *Liburnia civitate* необязательно подразумевалась только территория княжества Либурнии. Историю значения слова *civitas* в раннее Средневековье, прежде всего в Восточно-Франкском королевстве, проследил Вальтер Шлезингер. Он показал, что с эпохи поздней античности преобладающим значением было относящееся к церковному центру и находящейся в его юрисдикции территории. Позднее термин стал означать также город или крепость, причем и в этом случае значение термина могло распространяться на всю соответствующую область[85]. В этом свете выражение *Liburnia civitate* вполне могло относиться ко всей территории епископии Теурнии, а не только непосредственно к княжеству Либурнии. Автор «Обращения баваров и карантанцев», таким образом, имел в виду центральную восточно-альпийскую епископию, которая в «Житии св. Северина» Евгиппия (с. 21, 2) в V в. именовалась митрополией Норика (*metropolis Norici*)[86]. Это был бы сильный аргумент в борьбе за церковную юрисдикцию в Восточных Альпах, который бы предполагал, что Зальцбург взял на себя функции Теурнии. Если бы ссылка на него касалась положения в IX в., то автор трактата должен был ее связать с Карантанией, которая тогда (в IX в.) уже означала прежний Внутренний Норик (см. выше). Все это привело к появлению позднейших представлений средневековых и позднейших авторов, считавших древней Теурнией/Либурнией руины Вируна в центре Карантании [87]. Однако, подобное понимание никак не доказывает, что Карантания уже в VIII в. охватывала то же пространство, что и столетие спустя, и также не отрицает существование славянского княжества Либурнии. Скорее оно его усиливает подчеркиванием важности территории Теурнии/Либурнии. Поэтому позднейшую ситуацию с большой Карантанией не следует механически экстраполировать на VIII столетие.

Между тем, после того как мы показали возможность существования четырех восточно-альпийских княжеств в VIII в., приобретает дополнительную актуальность вопрос и об организации соседних территорий. Применительно к пространству на севере известно, что территорией у Дуная владели авары (что бы в данном случае это название ни означало), граничившие непосредственно с баварами. Где на востоке начиналась настоящая Авария, мы не знаем. Мы должны допустить возможность того, что и на территории Аварии могли существовать жупы как формы базовой территориальной организации, но, конечно, они не могли объединяться в княжества. Это могло произойти только после франкского уничтожения Аварии как политического образования. Пожалуй, это лучшее объяснение произошедшему вскоре внезапному появлению

[84] *Kahl H.-D.* Der Staat der Karantanen... S. 342–343.

[85] *Schlesinger W.* Burg und Stadt // Aus Verfassungs- und Landesgeschichte. Festschrift zum 70. Geburtstag von Theodor Mayer dargebracht von seinen Freunden und Schülern. Bd. I. Zur allgemeinen und Verfassungsgeschichte / Hrsg. von H. Büttner, O. Feger und B. Meyer. Konstanz, 1954. S. 143-150, особенно 144 и146.

[86] *Bratož R.* Evgipij, življenje svetega Severina. Ljubljana, 1982. S. 242, 363–364 (см. также: Житие святого Северина (с приложением оригинального латинского текста) / Перевод с латыни, вступ. статья, комментарии А. И. Донченко. СПб., 1998. С. 254, 329. — *примеч. переводчика*).

[87] См.: *Pleterski A.* Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih. S. 264–266.

на рубежах прежней Аварии ряда славянских княжеств со своими князьями, вступившими в междоусобные конфликты.

Весьма вероятно, что сеть жуп существовала также и на юге. Сформировались ли здесь также особые княжества, из письменных источников не известно, археологически же раннесредневековые поселения на этой территории еще слабо изучены.

4. Позднейшая судьба жуп и княжеств

В период своего существования жупа Блед входила в состав славянского княжества Карниола[88]. В соответствии с концепцией В. Фритце (см. выше), это княжество можно рассматривать как первую или вторую стадию интеграции жуп. Когда Карл Великий завоевал паннонскую Аварию, он подчинил себе также Карниолу, однако, каких-либо структурных изменений в ее устройстве сквозь призму жупы Блед не обнаруживается. Перелом произошел только во время ее включения в состав Священной Римской империи во второй половине X столетия. Тем самым Карниола разделила судьбу соседних Карантанского, Либурнского и Дулебского княжеств, уже в первой половине IX в. административно перестроенных по системе графств. Включение восточно-альпийского региона в состав Священной Римской империи прервало самостоятельное перерастание фрактального жупного устройства во всеобъемлющую политическую единицу. Если бы развитие было беспрепятственным, то оно, возможно, привело бы к появлению в Восточных Альпах королевства Карантании (или королевства с другим названием), но этого не произошло. Х.-Д. Каль говорит поэтому об «обезглавленном этногенезе» (*geköpfte Ethnogenese*)[89]. Из-за этого и первоначальный обряд интронизации карантанских князей, а позднее герцогов Каринтии, приобрел к концу Средневековья необычную форму, выглядевшую очень архаично, и потому привлекавшую внимание. Так, французский философ и юрист Жан Боден в своей работе «Шесть книг о государстве» 1576 года включил описание этого обряда, служившего ему примером договора о переносе суверенитета народа на монарха, в свою договорную теорию происхождения государства. Этот пример стал известен и использовавшему книгу Бодена Томасу Джефферсону, автору американской «Декларации независимости»[90]. Это интересный пример того, какой резонанс получило то, что некогда происходило в каждой славянской жупе.

Существовало ли в раннее Средневековье в действительности название «жупа Блед», мы не можем с точностью установить, ввиду отсутствия современных письменных источников. Хотя данное название является в сущности техническим термином, существуют указания на возможность его бытования в прошлом. В соседнем микрорегионе Бохинь, который демонстрирует очень близкое Бледу структурное развитие, слово «жупа» еще сохранилось в живой речи[91]; также здесь зафиксирована традиция, что был Бохинь некогда «областью, которая сама управлялась». Слово «область» (*dežela*) — это юридичееский термин, который происходит от той же основы, что и слова «держава»[92].

[88] О Карниоле см.: *Štih P.* Kranjska (Carniola) v zgodnjem srednjem veku // Zbornik Brižinski spomeniki. S. 13–26.

[89] *Kahl H.-D.* Der Staat der Karantanen... S. 401.

[90] См.: *Štih P.* O modernem (ne)razumevanju in (ne)poznavanju stare zgodovine... S. 33–42.

[91] См.: *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. S. 767.

[92] См.: *Škrubej K.* Ritus gentis Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva. Ljubljana, 2002. S. 176–182.

В связи с этим примером кажется, что понятие *dežela* в раннее Средневековье относилось к жупе. Представляется поэтому, что бохиньская традиция — это показатель слабо известного до сих пор развития. На это указывает и появление с XII в. деревенских жупанов[93]. Хотя между ними как низшими чиновниками в рамках земельной вотчины и жупанами раннесредневековой жупы не видно функциональной связи, все же нельзя исключать того, что речь могла идти о каком-либо пережитке раннеславянской жупы. Другими словами, она могла часть своих структур сохранить на уровне сельских общин[94]. Это могло бы быть основой прочной идентичности сельского населения, которая была относительно независима от неоднократных изменений в идентичности социальных элит. Если это, действительно, было так, то перед нами появляется канал, сквозь который до нас могут дойти в виде народной традиции следы далекого прошлого, которые еще не удалось распознать.

SUMMARY

An extremely interesting framework for the issue discussed here is provided by the monumental research of Vladimir J. Propp on the historical roots of fairytale, where he demonstrated the connection between ancient rituals and traditions from all over the world and Russian folktales. While the latter are representatives of all fairy tales, they are certainly connected with Slavic conceptual world. Structural agreements discovered by Propp mostly indicate living conditions in societies dependent on natural forces, where the main means of controlling the natural environment are magic. The same conditions influenced the ruling of such societies.

It can be assumed that individual *župas* were basic political building blocks of the Slavic world. *Župas* shared a similar structure, similar language, law, customs and rituals, all of these being preconditions for the impression of Slavic unity held by all the authors who described the Slavs. Despite such an impression, the Slavs were never a homogeneous whole – at best they were a group of identical constituent parts. The appropriate mathematical metaphor might be that this is a fractal society. The metaphor compares *župas* to fractals of some kind, for župas not only share the same structure, but moreover, what can be found on the level of each *župa* can also be observed when separate župas group into larger territorial units.

Written records clearly prove the existence of *župas* and *župans* and their autonomy in the early stages after the settlement of the West and South Slavs. Therefore, in the fractal sense, each *župa* is a true *pars pro toto* of the Slavs as a whole. Understanding the life of a *župa* is a precondition to understanding the life of the Slavs. The example of the Early Slavic *župa* Bled (north-western Slovenia) indicates that the Slavs there adopted some elements of dwelling and kitchen culture, farming tools and agricultural techniques from the autochthonous Vlachs, which enabled immediate permanent division and individual ownership of arable land. Connected to this was an autochthonous development of social differentiation.

A peculiar feature of the south-eastern alpine region at the end of the Middle Ages is a special social class of *edlings* (*kosezi*), personally free people, who were, together with the little property they had, subject directly to the Prince of the Land. Since there are many *edlings*

[93] См.: *Pleterski A.* Nevidna srednjeveška Evropa: Župa Bled. S. 129–130.

[94] См.: *Vilfan S.* Soseske in druge podeželske skupnosti // Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II: Družbena razmerja in gibanja. Ljubljana, 1980. S. 19–58.

mentioned in the records of the 15th century in the Bled area, the microregional analysis was able to give a clear answer to the question about the potential early mediaeval origin of *edlings*. At Bled, *edlings* are a social class of heterogeneous origin, formed in the Late Middle Ages. At least there, *edlings* are a socio-legal group with no early mediaeval tradition.

It can be still considered that the earliest known Slavic state formation which held both political and military importance was the one under the leadership of Samo (623–658). Confrontation of written and archaeological sources indicates that Samo had no connection with Carantania in the eastern Alps. He was a man of intellectual, magical(?) and physical power, of extraordinary sexual energy, which all perfectly corresponds to the criteria of choosing the ruler as determined by Propp. Samo was chosen by the Slavs because of such characteristics. From Carantania, the ceremony of inauguration of Carantanian princes is known. It resembled the wedding which happens every spring in the world of gods — *hieros gamos*. Based on comparisons with other Indo-European peoples the conclusion can be drawn that Slavic statehood originates in the common Indo-European heritage, while the sacral roots of the Carantanian inauguration ceremony originate from the time before the Slavic settlement in the Eastern Alps.

For high mediaeval geographers, Carantania covers the territory between Bohemia and Croatia. This was decisive for how later historians, until the present day, have perceived the original extent of Carantania. The stereotype has been established that such was the extent of Carantania from its very beginning. This view, of course, contradicts the gradual state development in other Slavic parts of Europe. It contradicts the form of sacral elements of government, it contradicts the image indicated by archaeological, linguistic and written sources. The map of new early mediaeval churches in the territory of former Roman Emona and *Noricum Mediterraneum* shows four groups, located in the centres of individual Roman *civitates*: Teurnia, Virunum, Flavia Solva, Emona. On one hand, this image speaks for the fact that the geographic, logistic and economic heritage of the Roman times was strong enough to have influenced the formation of later Slavic principalities, which consisted of individual *županas*. On the other hand, these four cores indicate four principalities: Liburnia (not to be confused with the Liburnia at the Adriatic coast), Carantania, Carniola, Dudlebian principality.

While Charlemagne was conquering the Pannonian Avaria, he also subjugated the early mediaeval Carniola. From the perspective of *župa* Bled, however, no interventions in its organisational structures can be observed. The break only happened in the second half of the 10th century when Carniola was wholly incorporated into the Holy Roman Empire. Carniola thus shared the fate of the neighbouring principalities of Carantania, Liburnia and the Dudlebian principality, which were administratively reorganized into a system of counties in the first half of the 9th century. When the territory of the Eastern Alps was included in the mediaeval Holy Roman Empire, the autonomous development of the fractal organisation of *županas* into an independent integral administrative unit was interrupted. An uninterrupted development in the Eastern Alps might have led to a kingdom of Carantania (or a kingdom of a different name), but that did not happen.

Данные о статье

Автор: Андрей Плетерский, доктор археологии, доктор истории, научный советник Института археологии Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств в Любляне, профессор Отделения археологии философского факультета Люблянского университета (Словения), pleterski@zrc-sazu.si

Заголовок: Становление славянской государственности в Восточных Альпах

Резюме: Теоретические рамки проблемы, рассматриваемой в статье, определены в работах В. Я. Проппа. Он описал условия жизни в социумах, тесно связанных с природой, в которых в качестве главного средства контроля над природной средой выступала магия. Те же самые условия влияли и на характер управления в таких обществах. Можно полагать, что базовыми элементами политического устройства ранних славян являлись отдельные жупы. Имея характер фрактала, каждая жупа поистине являла собой *pars pro toto* славянского мира в целом. В статье рассматривается показательный пример такой раннеславянской жупы — жупа Блед (в северо-западной Словении). Автор также рассматривает характер славянских княжеств, существовавших в раннее Средневековье в регионе Восточных Альп — Либурнии, Карантании, Карниолы и княжества дулебов.

Ключевые слова: ранние славяне, Восточные Альпы, раннее Средневековье, жупа, Карантания, Карниола, славянская мифология.

Information about the article:

Author: Andrej Pleterski, Ph. D. in Archaeology, Ph. D. in History, scientific advisor of the Institute of Archaeology of the Scientific Research Center of Slovenian Academy of Sciences and Arts, lecturer at the Department of Archaeology, Faculty of Arts, University of Ljubljana (Slovenia), pleterski@zrc-sazu.si

Title: The making of Slavic statehood in the East Alpine Region

Summary: The framework for the issue discussed in the article is provided by the works by Vladimir Ya. Propp. He described the living conditions in societies dependent on natural forces, where the main means of controlling the natural environment were magic. The same conditions influenced the character of rule in such societies. It can be assumed that individual *župas* were basic political units of the early Slavic world. In the fractal sense, each *župa* is a true *pars pro toto* of the Slavs as a whole. The illustrative example of the early Slavic *župa* Bled (in north-western Slovenia) is discussed in the article. The author also discusses the character of Slavic principalities that existed in the East Alpine Region in the early Middle Ages, that are Liburnia, Carantania, Carniola, and Dudlebian principality.

Keywords: early Slavs, East Alps, Early Middle Ages, *župa*, Carantania, Carniola, Slavic mythology.

Список использованной литературы (References):

Banaszkiewicz, Jacek. *Podanie o Piascie i Popielu: studium porownawcze nad wczesnosredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. 205 s.

Baran, Jaroslav Volodimirovič. Slov'jans'ka obschina (za materialami poselennja Rashkiv I), in *Problemi pohodzhennya ta istorichnogo rozvitku Slov'jan*, *Zbirnik naukovih statej, prisvjačenij 100-riččju z dnja narodžennja Viktora Platonoviča Petrova*. Kijiv; L'viv, 1997. S. 176–183.

Bauer, Reinhard. Beiträge der Ortsnamenforschung zur Klärung der Siedlungsgenese süddeutscher Altsiedelräume, in *Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie.* 1999. Bd. 17. S. 143–159.

Belaj, Vitomir. *Hod kroz godinu. Pokušaj rekonstrukcije prahrvatskoga mitskoga svjetonazora*. Zagreb: Golden marketing–Tehnička knjiga, 2007. 486 s.

Biermann, Felix. Eine frühslawische Siedlung bei Passow, Lkr. Uckermark, in *Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie*. 2010. Bd. 41/42. S. 239–296.

Bratož, Rajko. *Evgipij, življenje svetega Severina*. Ljubljana: Univerza Edvarda Kardelja v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Znanstveni inštitut, 1982. 474 str.

Curta, Florin. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 463 str.

Dinić, Mihajlo. Krepitev in širjenje srbske fevdalne države. Utrditev fevdalnega reda in državne neodvisnosti, in Bogo Grafenauer, Dušan Perović, Jaroslav Šidak (ed.). *Zgodovina narodov Jugoslavije. Prva knjiga: Do začetka XVI. Stoletja*. Ljubljana, 1953. S. 316–328.

Dopsch, Heinz. Der Kärntner Fürstenstein im Spiegel der mittelalterlichen Schriftquellen, in Nikolay, Sabine (ed.) *Der Kärntner Fürstenstein im Bild. Darstellungen eines europäischen Rechtsdenkmals*. Klagenfurt/Celovec; Ljubljana/Laibach, 2010. S. 215–260.

Engel, Franz. Grenzwälder und slawische Burgwardbezirke in Nordmecklenburg, in Ludat, Herbert (ed.). *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder.* Giessen, 1960. S. 125–140.

Fritze, Wolfgang H. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat, in Ludat, Herbert (ed.), *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder*. Giessen, 1960. S. 141–219.

Giesler, Jochen. Zur Archäologie des Ostalpenraumes von 8. bis 11. Jahrhundert, in *Archäologisches Korrespondenzblatt.* 1980. Bd. 10. S. 85–98.

Goldmann, Emil. *Die Einführung der deutschen Herzogsgeschlechter Kärntens in den slovenischen Stammesverband* (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte. Bd. 68*)*. Breslau, 1903. 247 s.

Graber, Georg 1919, *Der Eintritt des Herzogs von Kärnten am Fürstenstein zu Karnburg*. (Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch–historische Klasse, Sitzungsberichte 190/5). Wien: Hölder, 1919. 138 str.

Grafenauer, Bogo. *Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev*. (Dela 1. razreda SAZU 7). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1952. 624 str.

Grafenauer, Bogo. Poljedelski obdelovalni načini, in *Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zv. I: Zgodovina agrarnih panog.* Ljubljana, 1970. 225–250.

Hardt, Matthias. Supan, in *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte*. Berlin, 1998. Bd. V. S. 84–88.

Hardt, Matthias. Das «slawische Dorf» und seine kolonisationszeitliche Umformung nach schriftlichen und historisch-geographischen Quellen, in: *Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie.* 1999. Bd. 17. S. 269–291.

Kahl, Hans-Dietrich. Die Baiern und ihre Nachbarn bis zum Tode des Herzoges Theodo (717/18), in Wolfram, Herwig; Schwarcz, Andreas (ed.). *Die Bayern und ihre Nachbarn. Teil 1*. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften, Bd. 179. Veröffentlichungen der Kommission für Frühmittelalterforschung. Bd. 8). Wien, 1985. S. 159–225.

Kahl, Hans-Dietrich. Das Fürstentum Karantanien und die Anfänge seiner Christianisierung, in *Karantanien und der Alpen-Adria-Raum im Frühmittelalter*, Wien; Köln; Weimar, 1993. S. 37–99.

Kahl, Hans-Dietrich. *Der Millstätter Domitian. Abklopfen einer problematischen Klosterüberlieferung zur Missionierung der Alpenslawen Oberkärntens*. (Vorträge und Forschungen 46). Stuttgart: Jan Thorbecke Verlag, 1999. 118 str.

Kahl, Hans-Dietrich. *Der Staat der Karantanen. Fakten, Thesen und Fragen zu einer frühen slawischen Machtbildung im Ostalpenraum (7.-9. Jh.). = Država Karantancev. Dejstva, teze in vprašanja o zgodnji slovanski državni tvorbi v vzhodnoalpskem prostoru (7.-9. stol.)*. (Situla 39. Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo. Začetki slovenske etnogeneze. = Slowenien und die Nachbarländer zwischen Antike und Karolingischer Epoche. Anfänge der slowenischen Ethnogenese). Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2002. 562 str.

Karpf, Kurt. *Frühmittelalterliche Flechtweksteine in Karantanien. Marmorne Kirchenausstatungen aus tassilonisch-karolingischer Zeit*. (Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie 8). Innsbruck: Wagner, 2001. 153 str.

Katičić, Radoslav. *Božanski boj. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga, Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 2008. 378 s.

Katičić, Radoslav. *Zeleni lug. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Matica hrvatska Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga, 2010. 492 s.

Katičić, Radoslav. *Gazdarica na vratima. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine*. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Matica hrvatska Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga, 2011. 284 s.

Klejn, Lev S., *Arheološka tipologija*. Ljubljana: Založba ŠKUC, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1988. 577 s.

Knific, Timotej. Arheološki sledovi blejskih prebivalcev iz pozne antike in zgodnjega srednjega veka, in: Dežman, Jože (ed.). *Bled tisoč let. Blejski zbornik 2004*. Radovljica, 2004. 93–117.

Krawarik, Hans. *Siedlungsgeschichte Österreichs: Siedlungsanfänge, Siedlungstypen, Siedlungsgenese*. (Geographie 19). Wien; Berlin: Lit-Verlag, 2006. 624 str.

Kropej, Monika. *Pravljica in stvarnost: odsev stvarnosti v slovenskih ljudskih pravljicah in povedkah ob primerih iz Štrekljeve zapuščine*. (Zbirka ZRC 5). Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, 1995. 280 str.

Kumer, Zmaga. *Od Dolan do Šmohora*. Celje: Mohorjeva družba, 1981. 143 str.

Leben-Seljak, Petra 1996, *Antropološka analiza poznonatičnih in srednjeveških grobišč Bleda in okolice*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Biotehniška fakulteta, Oddelek za biologijo, 362 s.

Leben-Seljak, Petra. Etnogeneza Slovencev: rezultati antropoloških raziskav. The ethnogenesis of the Slovenes: the results of the anthropological researches, in Bratož, Rajko (ed.), *Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo. Začetki slovenske etnogeneze = Slowenien und die Nachbarländer zwischen Antike und karolingischer Epoche. Anfänge der slowenischen Ethnogenese*, Situla 39, Ljubljana, 2000, 549–558.

Lošek, Fritz. *Die* Conversio Bagoariorum et Carantanorum *und der Brief des Erzbischofs Theotmar von Salzburg*. (Monumenta Germaniae Historica. Studien und Texte 15). Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1997. 184 str.

Lošek, Fritz. Salzburg als Zentrum der frühmittelalterlichen lateinischen Literatur, in Bratož, Rajko (ed.). *Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo: začetki slovenske etnogeneze.* (Situla 39; Razprave I. razreda Slovenske akademije znanosti in umetnosti 18). Ljubljana: Narodni muzej Slovenije; Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2000. S. 731–748.

Losert, Hans. Zur Deutung der Brandgräber in einigen merowingerzeitlichen Friedhöfen Mittel- und Unterfrankens. – *Die Welt der Slaven.* 1991. Bd. 36. N.F. 15. S. 365–392.

Losert, Hans. Die slawische Besiedlung Nordostbayerns aus archäologischer Sicht, in *Vorträge. Niederbayerischer Archäologentag.* 1993. Bd. 11. S. 207–270.

Losert, Hans. *Moinvinidi*, *Radanzvinidi* und *Nabavinida*. Geschichte und Archäologie der Slawen in Bayern, in Biermann, Felix; Kersting, Thomas; Klammt, Anne (ed.). *Siedlungsstrukturen und Burgen im westslawischen Raum.* Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. 2009. Bd. 52. Langenweissbach. S. 219–294.

Losert, Hans; Pleterski, Andrej. *Altenerding in Oberbayern: Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren*. Berlin: Scrîpvaz-Verlag; Ljubljana: Založba ZRC, 2003. 684 str.

Meier, John. *Der Brautstein. Frauen, Steine und Hochzeitsbräuche*. – Bern: Edition Amalia, 1996. 158 s.

Pleterski, Andrej. Sebenjski zaklad, in *Arheološki vestnik.* 1987. Letnik 38. S. 237–330.

Pleterski, Andrej. The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system, in *Światowit.* 1995. Vol. 40. S. 113–143.

Pleterski, Andrej. Arheologija in nastanek Brižinskih spomenikov, in Janko Kos et alii (ed.) *Zbornik Brižinski spomeniki*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1996. S. 27–42.

Pleterski, Andrej. *Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov*. (Zbirka Zgodovinskega časopisa, 17). Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije in ZRC SAZU, 1997. 58 str.

Pleterski Andrej. Die Kärntner Fürstensteine in der Struktur dreier Kultstätten, in Huber, Axel (ed.) *Der Kärntner Fürstenstein im Europäischen Vergleich: Tagungsbericht Symposium Gmünd 20. bis 22. September 1996*. Gmünd: Axel Huber, 1997. S. 43–119.

Pleterski, Andrej. Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih, in *Zgodovinski časopis.* 1998. Letnik 52. S. 215–277.

Pleterski, Andrej. Die altslawische župa – der Staat vor dem Frühstaat, in Kóčka-Krenz, Hanna; Łosiński, Władysław (ed). *Kraje słowiańskie w wiekach średnich: profanum i sacrum*. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1998. S. 79–81.

Pleterski, Andrej. Sclavinia und Germania – Brezelfibeln und Töpfe, in Ericsson, Ingolf; Losert, Hans (ed.). *Aspekte der Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit: Festschrift für Walter Sage* (Bamberger Schriften zur Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit. Bd. 1). Bonn, 2003. S. 363–372.

Pleterski, Andrej. Spuren slawischer Fürstentümer im Ostalpenraum / Sledovi slovanskih kneževin v vzhodnih Alpah, in Baier, Wilhelm Richard; Kramer, Diether (ed.). *Karantanien, Mutter von Kärnten und Steiermark*. *Studia Carinthiaca.* 2003. Vol. XXII. S. 25–36.

Pleterski, Andrej. *Kuhinjska kultura v zgodnjem srednjem veku / Küchenkultur im Frühen Mittelalter*. Ljubljana: Založba ZRC, 2008. 162 str.

Pleterski, Andrej. *Zgodnjesrednjeveška naselbina na Blejski Pristavi. Najdbe.* (Opera Instituti archaeologici Sloveniae 14). Ljubljana: Založba ZRC, 2008. 274 str.

Pleterski, Andrej. O The Making of the Slavs iznutri, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. Vol. 2(4). S. 33–36.

Pleterski, Andrej. *Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas.* (Opera Instituti archaeologici Sloveniae 19). Ljubljana: Založba ZRC, 2010. 261 str.

Pleterski, Andrej 2011, *Nevidna srednjeveška Evropa : Župa Bled*. – Dela Inštituta za arheologijo 1, Ljubljana: Založba ZRC, 174 str. http://iza.zrc-sazu.si/Si/Dela/Zupa_Bled.pdf.

Profantová, Naďa. Chronologie osídlení areálu v historických souvislostech, in *Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách.* Praha, 2005. S. 208–225.

Propp, Vladimir Jakovljevič. *Historijski korijeni bajke*. (Biblioteka raskršća). Sarajevo: Svjetlost, 1990 552 s.

Šantek, Goran Pavel. *Anthropos religiosus. Antropološko-religijski ogledi*. Zagreb: Ibis grafika, 2011. 118 s.

Schnizer, Andreas. *Die Karantanenmission — ein Rekonstruktionsversuch*. Diplomarbeit, Wien: Universität Wien, Katholisch-Theologische Fakultät, 1997. 118 s.

Smiljanić, Franjo. *Studije o srednjovjekovnim slavenskim / hrvatskim institucijama*. (Posebna izdanja Odjela za povijest Sveučilišta u Zadru, Knjiga 3). Zadar: Sveučilište u Zadru, Odjel za povijest, 2010. 144 str.

Snoj, Marko. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga, 1997. 900 s.

Škrubel, Katja. *Ritus gentis Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva*. Ljubljana: Založba ZRC, 2002. 248 s.

Šribar, Vinko. *Blejski otok – oris zgodovine*. Bled: Zavod za pospeševanje turizma na Bledu, 1971. 48 s.

Štih, Peter. Kranjska (Carniola) v zgodnjem srednjem veku, in *Zbornik Brižinski spomeniki.* Ljubljana, 1996. S. 13–26.

Štih, Peter. O modernem (ne)razumevanju in (ne)poznavanju stare zgodovine na primeru ustoličevanja koroških vojvod, in Nećak, Dušan (ed.) *Stiplovškov zbornik* (Historia 10). Ljubljana, 2005. S. 33–42.

Štih, Peter. Slovansko, alpskoslovansko ali slovensko? O jeziku slovanskih prebivalcev prostora med Donavo in Jadranom v srednjem veku (pogled zgodovinarja), in *Zgodovinski časopis*. 2011. Letnik 65. S. 8–51.

Štular, Benjamin. *Mali grad: visokosrednjeveški grad v Kamniku – Mali grad: high medieval castlein Kamnik. – Opera Instituti archaeologici Sloveniae 15*, Ljubljana: Založba ZRC, 2009. 253 str.

Toporov, Vladimir Nikolaevič. *Predzgodovina književnosti pri Slovanih, poskus rekonstrukcije*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za etnologijo in kulturno antropologijo, 2002 (Zupaničeva knjižnica 9). 158 str.

Tovornik, Vlasta. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gusen und Auhof bei Perg in Oberösterreich. Teil I: Gusen, in *Archaeologia Austriaca.* 1985. Bd. 69. S. 165–250.

Tovornik, Vlasta. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gusen und Auhof bei Perg in Oberösterreich. Teil 2: Gusen, in *Archaeologia Austriaca.* 1986. Bd. 70. S. 413–484.

Třeštík, Dušan. *Mýty kmene Čechů (7.–10. století). Tři studie ke «starým pověstem Českým»*. Praha: Lidové Noviny, 2003. 291 str.

Vansina, Jan. *Oral tradition as history*. London: Currey, Nairobi: Heinemann Kenya, 1985. 258 s.

Vilfan, Sergij. Kmečko prebivalstvo po osebnem položaju, in *Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II.* Ljubljana, 1980. S. 279–353.

Vilfan, Sergij. Soseske in druge podeželske skupnosti, in in *Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev. Zgodovina agrarnih panog. Zv. II.* Ljubljana, 1980. S. 9–74.

Vinšćak, Tomo. *Tibetski buddhizam i bön*. Zagreb: Ibis grafika, 2011. 140 s.

Schlesinger, Walter. Burg und Stadt, in *Aus Verfassungsgeschichte und Landesgeschichte. Festschrift für Thomas Mayer.* Konstanz, 1954. S. 97–150.

Wolfram, Herwig. Baiern und das Frankenreich, in Dannheimer, Hermann; Dopsch, Heinz (ed.) *Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488–788.* München, 1988. S. 130–135.

Wolfram, Herwig. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weißbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien.* (Dela I. razreda Slovenske akademije znanosti in umetnosti 38; Zbirka Zgodovinskega časopisa 44). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti; Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 2012. 419 str.

ББК 63.3(2)41; УДК 94(47) _ (470.4)

И. Л. Измайлов

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ: ОТ ПЛЕМЕНИ К ГОСУДАРСТВУ

Процессы сложения средневекового Булгарского государства в последнее время все больше привлекают внимание исследователей. Объясняется это как недостаточной изученностью всего комплекса вопросов по данной теме в регионе, так и сложностью путей генезиса средневекового государства и разных типов феодальных структур. Особый интерес в этой связи вызывает история Булгарского государства, так как именно оно обеспечило прорыв Волго-Уральского региона к цивилизации и стало своего рода «ареалообразующим фактором» в социальной, культурной и этнополитической истории региона[1].

Булгары на Волге: первые среди равных. Говоря о начальном этапе становления Булгарского государства необходимо иметь в виду два важных обстоятельства: булгары, пришедшие в Среднее Поволжье, спасаясь от вторжения хазар, имели длительные традиции государственности; этнокультурная и этнополитическая обстановка во второй половине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье была довольно сложной и не совсем ясной. Эти обстоятельства, как можно предполагать, сыграли важную роль в возвышении булгар и в формировании нового государства на берегах Волги.

Как известно, держава Кубрата, известная византийским источникам как «Великая Болгария»[2], возникает на основе более ранних потестарно-политических структур, созданных различными кланами кочевых народов. Хотя «Великая Болгария» существовала исторически недолго, однако в этот период у правящей элиты сформировалось особое этнополитическое самосознание, так как после распада политического объединения и переселения в иные регионы проживания различные группы болгар и на новой

[1] *Кузеев Р. Г.* Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н.э. до XVI в. Препринт. Уфа, 1987. С. 2, 28.

[2] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. С.113.

родине сохраняли свой этноним и характерные элементы духовной культуры, в том числе, видимо, династийную историю («Именник болгарских ханов»). Факт дисперсного расселения болгар достаточно хорошо зафиксирован письменными источниками, а также сходством археологических материалов, обнаруженных в Нижнем Подунавье, Паннонии, Среднем Поволжье, Подонье и Северном Кавказе.

Булгарские племена, возможно, возглавлявшиеся *котрагами*, обитавшими по правобережью Среднего Дона, переселившись в Поволжье в конце VII в., оказались в окружении близкого по языку тюркского населения, которое пришло сюда несколько ранее[3]. Археологическими свидетельствами переселения булгар в Волго-Камье являются Бураковское погребение, погребения Шиловского, Брусянского и Новинковского могильников, имеющие аналогии в памятниках Северного Причерноморья (Малая Перещепина) и Болгарии (Мадара)[4]. Особенно выразительно Бураковское погребение, которое имеет все черты сходства с «Перещепинским кладом» (возможно, погребением Кубрата или кого-то из его ближайших наследников): в обоих случаях это одиночное захоронение, совершенное, очевидно, по обряду кремации покойного, в могилу которого был положен богатый погребальный инвентарь — оружие (мечи и кинжалы), конское снаряжение (стремена, уздечка с драгоценными накладками), парадный пояс с золотой гарнитурой и другие украшения. Все это заставляет думать, что мы имеем дело с однопорядковым в социальном плане явлением и, следовательно, вожди булгар, пришедших на Волгу, имели достаточно высокий социальный статус, возможно, даже являлись потомками Кубрата. Однако в Среднем Поволжье им не сразу удалось занять главенствующее положение.

Первоначально булгары заняли территорию вдоль Волги от Самарской Луки до устья Камы, вытеснив или подчинив себе какие-то балто-славянские родовые группы (именьковская культура). Несколько восточнее в степном Заволжье и Южном Урале исследователи локализуют легендарную прародину венгров — «Magna Hungaria»[5]. Эта общность, очевидно, не представляла собой этнополитического единства, а была конгломератом племенных объединений.

Есть основания полагать, что территория Среднего Поволжья была освоена огурскими племенами еще ранее. По данным сочинений арабо-персидских авторов, кроме булгар, среди них отмечаются группы *берсула* (*барсил*), *эсегел*, а также более мелких родовых групп — *сувар* (*савир*), *баранджар*. Таким образом, население будущей Волжской Булгарии кроме булгар включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огурский (савиры/сувары), центральноазиатский (эсегели/чигили) компоненты[6].

Названия этноплеменных объединений зафиксировала арабо-персидская традиция уже в начале X в. Эта информация сохранялась практически в неизменном виде вплоть

[3] *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 100–176; *Генинг В. Ф.* Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С. 13; *Казаков Е. П.* Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. 1999. № 1/2. С. 23–38.

[4] *Багаутдинов Р. С., Зубов С. Э., Богачев А. В.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. С. 15–164.

[5] *Халикова Е. А.* Magna Hungaria // ВИ. 1975. № 7. С.37–42; *Седов В. В.* Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 336–239; *Kristo G.* Hungarian history in the ninth century. Szeged, 1996. P. 31–41; *Иванов В. А.* Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

[6] *Golden P.* Khazar studies. A historic-philological inquiry into origins of the Khazars. Vol. 1-2. Budapest, 1980. P. 86–89.

до конца X в., когда была вытеснена другой, более актуальной и достоверной. Самым ранним свидетельством о составе населения Среднего Поволжья следует, очевидно, считать сообщение Ибн-Русте: «Они (булгары) — трех разрядов. Один разряд из них *б.р.сула* (берсула), другой разряд — *ас.к.л.* (эсегел), и третий — булгары; средства существования каждого из них в одном месте»[7]. В несколько дополненном и уточненном виде это известие сохранилось в анонимном персидском источнике второй половины X в. «Худуд ал-Алам»: «Их (булгар, хотя в тексте ошибочно речь идет о буртасах — *И. И.*) три группы: *бахдула*, *ишкиль* и *булгар*; все находятся в войне друг с другом; когда же появляется враг, они становятся друг другу друзьями»[8]. Из этого отрывка можно сделать вывод, что все население Среднего Поволжья входило в состав трех крупных этноплеменных объединений, из которых только одно было действительно булгарским, а все другие имели иное происхождение. В этой связи представляется весьма неверным называть все эти объединения «булгарскими», как это часто встречается в исторической литературе. Не имея дополнительных данных пока трудно судить об их характере, но, скорее всего, они представляли собой надплеменные образования типа древнерусских «племенных княжений».

Возникает вопрос, ситуация какого периода описывается в этом отрывке? Этнополитическая ситуация в Среднем Поволжье в 922 г. достаточно подробно описана Ибн-Фадланом, у которого приводятся абсолютно другие реалии, в частности, объединение эсегел подчиняется правителю булгар Алмышу. Следовательно, ситуация с тремя независимыми этноплеменными объединениями, только одно из которых является собственно булгарами, должна относиться к более раннему времени, очевидно, не позднее начала X в. Очевидно, что и для компиляции Ибн-Русте этот пассаж был уже архаичным, поскольку соседствует с современными данными о двух городах — Болгаре и Суваре, где живут мусульмане. Это известие стало определяющим для последующих мусульманских историко-географических сочинений (ал-Балхи, ал-Истахри, ал-Марвази, «Худуд ал-Алам», Исхак ибн ал-Хусейна и др.). Иными словами, на начальном этапе формирования Булгарского государства, собственно булгары, переселившиеся в Среднее Поволжье, столкнулись с группами огуро-тюркских племенных групп, с которыми начали борьбу за гегемонию. В результате различных военно-политических коллизий во второй половине IX в. здесь складывается три сильных этнополитических объединения — булгары, эсегел и берсула. Именно между ними разгорелась борьба за гегемонию.

Кроме мусульманской традиции, сохранились и другие сведения о населении Среднего Поволжья. Русские летописи фиксируют ряд названий булгар, некоторые из которых можно интерпретировать как племенные обозначения более раннего времени. В описании похода 1183 г. в Ипатьевской летописи читается, что русские войска «поидоша на конех в землю Болгарьску к Великому городу серьбреных болгар»[9]. Еще ранее «сребреныя Болгары» упомянуты в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха среди народов, с которыми воевал Владимир Святославич[10].

[7] *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. СПб., 1869. С. 22; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 28.

[8] *Бартольд В. В.* Введение к изданию «Худуд ал-Алам» // *Он же.* Сочинения. Т. VIII. М., 1962. С. 545.

[9] ПСРЛ. Т. II. Стб. 625.

[10] Память и похвала Владимиру Иакова мниха // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. М., 1988. С. 290; *Богуславский С. А.* К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру» // Известия ОРЯС АН СССР. 1925. Т.XXIX. С. 141–153.

Вопрос о том, что из себя представляло объединение серебряных булгар, достаточно сложен. Возможно, оно было ядром формировавшегося в X в. Булгарского государства с центром в городе Биляр, как полагал еще А. Х. Халиков[11]. Однако для XII в. говорить о племенном делении булгар вряд ли возможно, учитывая уровень их социального развития. Вполне вероятно, что в данном случае под Серебряной Булгарией надо понимать какую-то центральную историческую область или даже эмират в составе Булгарии.

Под этим же годом в ряде летописей фиксируется сообщение, несомненно, восходящее к владимирскому своду 1189 г.[12], но наиболее полно сохранившееся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. По этим сведениям, булгарское войско, собранное из разных областей страны для отпора русскому вторжению, состояло из ополчения «из города Собекуля и из Челмата»[13], которое «совокупишася со иными Болгары зовемими Темтюзи»[14], а также пришедшей им на помощь коннице из «Торцьского города»[15]. Некоторые историки склонны видеть в них локальные племена булгар, хотя летописец в рассказе об этом событии везде четко акцентирует внимание на то, что все эти названия относятся именно к городам («окольнии же городе Болгарьским», «болгаре же из города...»[16]). Скорее всего, здесь речь идет о городских или территориальных феодальных ополчениях, выступивших на помощь своему суверену. Недаром летописец подчеркивает, что все они «болгаре», только из разных областей или владений (бекств), хотя при этом нельзя исключать, что названия эти восходят еще к ранним родоплеменным названиям. В целом же все эти сообщения только подтверждают мысль, что для русских все население Булгарии было единым этнополитическим организмом, что особенно четко фиксируется для конца XII – начала XIII в.

Кроме этих этнонимов, некоторые историки пытаются сконструировать некую общность под названием «нукратских булгар», якобы восходящую к *берсула* и идентичную «серебряным болгарам» («нократ» — по-персидски «серебро»). Данная гипотеза, возникшая под воздействием «яфетической» теории Н. Я. Марра («Бер»=берсула, «сер»=«серебро»)[17], уязвима для критики. Данное название никак не может быть связано ни с серебром, ни с булгарами ни с точки зрения филологии (происхождение татарского названия гидронима Вятка (*Нукрат суы*) восходит к названию Новгорода (*Нукрат*), которому принадлежали Вятские земли[18]), ни с точки зрения истории, поскольку не фиксируется ни в одном средневековом источнике. Попытки же конструирования неких «нукратских/серебряных булгар»[19], якобы живших по Вятке и Каме, несостоятельны, поскольку в русских источниках «серебряные булгары» отмечаются только под этим названием и в районе Биляра («Великого города» русских летописей).

Анализ названий племенных групп Среднего Поволжья, сохранившихся в арабо-персидской историко-географической традиции, позволяет говорить о том, что все эти

[11] *Халиков А. Х.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 78, 79.
[12] *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 91.
[13] ПСРЛ. Т. I. С. 390.
[14] ПСРЛ. Т. II. Стб. 625, 626.
[15] ПСРЛ. Т. I. С. 390.
[16] ПСРЛ. Т. I. С. 390; ПСРЛ. Т.II. Стб. 625, 626.
[17] *Греков Б. Д., Калинин Н. Ф.* Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 107.
[18] *Добродомов И. Г.* К вопросу о «серебряных булгарах» // ДГВЕ. 1992–1993. М., 1995. С. 149–154.
[19] *Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 15.

группы были не этнополитическими объединениями, а отдельными родами, отколовшимися от основной массы своего племени. Очевидно, в Среднем Поволжье мы имеем дело с довольно уникальной ситуацией. Основу населения формирующегося государства составляло не отдельное племя в традиционном смысле этого понятия, т.е. объединение, члены которого связаны общностью происхождения, внутренними кровнородственными связями и устойчивым этнонимом — одним из главных индикаторов этноплеменной самоидентификации, а довольно дисперсные коллективы, отброшенные в результате военно-политических событий на периферию цивилизации и за пределы степи. Здесь они вступили уже в новые взаимодействия и образовали новые объединения, включившие в свой состав группы весьма разнородного происхождения. Все это позволяет сделать вывод, что те группы населения, которые фиксируются позднее письменными источниками, были объединениями не кровных родственников, а территориально-политическими общностями. Только весьма условно их можно называть «племенами» или «союзами племен». Для обозначения их можно было бы использовать тюркский термин «эль», обозначавший государство, во главе которого стоит правящее племя или клан. Именно такими этнополитическими образованиями были общности, зафиксированные арабо-персидской традицией в X в.

Постепенно, к началу X в. булгары сумели одержать верх и подчинить или связать союзническими отношениями все население Среднего Поволжья. К сожалению, детали этого процесса скрыты от нас в глуби веков, но этапность его очерчивается достаточно отчетливо. Приход группы булгар из Подонья во главе с кланом, верхушка, которого, имела, очевидно, родственные связи с правящим родом хана Кубрата Дуло, и, видимо, называла себя «серебряными булгарами», дабы отличить от других групп болгар (или протоболгар) в Подонье, Северо-Западном Предкавказье и на Дунае, вызвал цепную реакцию социальных изменений. В силу своей знатности и родовитости, этот клан булгар сначала объединил ряд огуро-тюркских групп, а затем начал борьбу с двумя другими крупными объединениями племен — *берсула* и *эсегел* — за власть и гегемонию. Не исключено, что в этой борьбе булгарам оказали поддержку хазары, которым, очевидно, легче было опереться на родственных булгар, чтобы подчинить своей власти Среднее Поволжье. Как бы то ни было, но в начале X в., когда арабо-персидские письменные источники начинают фиксировать обстановку в Поволжье, булгары уже являются главенствующим родом и центром объединения местных племен. Нам не известно имя правителя, при котором произошло это объединение, но уже при отце Алмыша Шилки (Силки) это было свершившимся фактом.

О характере этого этнополитического объединения можно только догадываться, но явно, что структурно и типологически оно было близко к тюркским государствам Восточной Европы. Иными словами, булгары, как родовая группа или клан стали господствующим племенем и сформировали военно-служилую элиту общества. Представители других этноплеменных групп с момента вхождения в булгарский эль становились зависимым населением. Даже прежняя племенная аристократия стояла рангом ниже булгарской знати и включиться в элиту могла, очевидно, только породнившись с булгарами. Видимо, именно с этого момента принадлежность к клану булгар стала означать более высокий социальный статус.

Булгары и русы на Великом Волжском пути. К началу X в. это государство переживает период бурного роста и укрепления своей экономической и военно-политической

мощи. Способствовало этому несколько внешних факторов. Одним из них стало возникновение и функционирование Великого Волжского пути.

Среднее Поволжье долгие века располагалось в стороне от бурно развивавшихся цивилизаций Азии и Европы. Тягучая размеренная жизнь его населения, жившего в «четвертом мире», лишь спорадически прерывалась переселениями новых племен и разнообразилась торговыми контактами с более развитыми южными народами, доносившими до них отголоски иных культур. Однако в конце IX в. традиционная история Поволжья, как периферии цивилизации, была сломана и создалась совершенно новая политическая и культурно-историческая ситуация. Возникло государство, образовалась целая сеть городских поселений, стали регулярными торговые связи со странами Европы и Азии, ислам стал государственной религией. Иными словами, Среднее Поволжье стало неотъемлемой частью культурной ойкумены.

Толчком и катализатором этих социальных изменений в булгарском обществе стали военные и торговые походы викингов. Нельзя не заметить, что именно этот период истории у многих народов наполнен бурными процессами сложения средневекового общества: возникают и расцветают города, появляется письменность, утверждаются мировые религии и устанавливаются обширные торговые связи. Никогда еще мир не был связан так крепко торговыми путями как в IX–X вв., когда в регулярный товарообмен были втянуты практически все народы от Англии на западе до Китая на востоке и от Прикамья на севере до Индии на юге. Достаточно вспомнить о многочисленных кладах этого времени, включающих сотни и тысячи монет, как пунктиром очерчивающих торговые пути. Особенно тесно были связаны между собой страны Северной и Восточной Европы, которые, сохраняя присущие им традиции, впитывали новые элементы культуры. Именно тогда сходные вещи, украшения, орнаментальные мотивы и композиции, особенно оформляющие военный быт и определяющие социальный престиж владельца, распространяются от берегов «Туманного Альбиона» до Булгарии. Не всегда все новшества этого периода можно связать прямо с присутствием скандинавов-викингов, но роль их в распространении новых элементов культуры и в налаживании регулярного обмена между разными частями Европы, особенно на начальных этапах, очень велика.

Проблема контактов и взаимовлияния булгар и скандинавов в эпоху раннего средневековья привлекает внимание исследователей уже с первых публикации сведений арабо-персидских источников, в которые содержали упоминания о «русах» в Поволжье. Долгое время вопрос о характере этих отношений решался в рамках «норманнской» теории. Отрывочность исторических и археологических материалов, отсутствие комплексного подхода к его осмыслению приводили историков к прямо противоположным взглядам на эту проблему. Ряд зарубежных авторов (А. М. Тальгрен, Т. Арне и др.) считали, что скандинавы активно влияли на народы Среднего Поволжья, тогда как в советской историографии их роль совершенно отрицалась.

Для Волжской Булгарии, как и для других регионов Северной и Восточной Европы «эпоха викингов» была временем возникновения государства, сложения нового этноса и бурного развития городов. Именно на фоне трансформации племенных отношений и созидания нового социального организма происходили булгаро-скандинавские контакты. Долгое время влияние Балтийско-Волжской магистрали на историю рассматривались исключительно в торгово-хозяйственном плане или как поле этнокультурных

контактов. Только сравнительно недавно, благодаря трудам А. Н. Кирпичникова, Г. С. Лебедева, В. А. Булкина, В. Я. Петрухина и других, было обращено внимание на колоссальное значение, которое она имела для становления государств и формирование новых этнополитических общностей[20].

Очевидно, что развитие и резкое увеличение товарооборота по волго-балтийскому пути было вызвано пересечением его с другой важнейшей торговой магистралью древности и средневековья — Великим Шелковым путем. Причем северное ответвление этого пути проходило по степям Южного Урала и выходило в Среднее Поволжье. Основными товарами, которые перемещались по нему, были шелк, благовония, пряности, пушнина, серебро, пленники и многое другое. Выгода от торговых операций обеспечивалась тем, что стоимость товаров на разным концах этой магистрали достигала 300%. При таких расчетах никакие издержки и опасности не могли остановить движение товаров по караванным и речным путям. Огромный объем торговых операций демонстрируют цепочки кладов монет по всему протяжению Волжского пути, а огромное количество кладов серебряных монет найденных в Скандинавии явно указывает на колоссальный поток серебра в одну сторону и других товаров, прежде всего мехов и рабов в обратном направлении[21].

Вместе с тем, значение протяженных торговых путей не ограничивалось экономической сферой. Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т. п. Путь обрастал сложной инфраструктурой: системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени втянутой в функционирование торгового пути, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекал округу в сферу своей деятельности, т.е. играл консолидирующую роль и представлял собой более или менее широкую зону.

В этой зоне протекание большинства экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли и ею стимулировалось. Участие в ней и тем более возможность установить контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как общества в целом, так и нобилитета, приводя к иерархизации знати. С другой — вызывало перемещение знати к ключевым пунктам пути и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах торговых путей

[20] *Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В., Булкин В. А., Назаренко В. А.* Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. 1980. Вып.160. С. 24–38; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского периода) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189–297; *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.

[21] *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989; *Мельникова Е.А.* Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999. С. 80–87.

создавались предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связей с торговой магистралью.

Важным свидетельством формирования и территориального распространения зоны Балтийско-Волжского пути являются клады арабских серебряных монет IX в. Они концентрируются вдоль рек, образовывавших Балтийско-Волжский путь, на участке от Ярославля до Финского залива, т.е. от земли мери до земли чуди, а также в важнейших центрах пути (в Ладоге, Тимереве) или поблизости от них. Тем самым они обрисовывают тот же самый регион, что и письменные источники. Ниже Ярославля по Волге клады отсутствуют полностью, а их цепочка на юг по Волго-Окскому междуречью и их концентрация в Верхнем Подонье отмечают основное направление движения восточного серебра — по Дону. Единственное исключение составляет клад из 150 дирхемов, найденный у с. Старое Альметьево (так называемый клад «Элмед») близ Билярска (Татарстан), в котором присутствуют две монеты с граффити[22]. Одно из них идентично скандинавской благопожелательной руне ***s*** («солнце»)[23]. Иными словами, этот клад прежде, чем попасть в землю, побывал в руках скандинава и был закопан, вероятно, с особой сакральной целью. Клады этого же времени открыты и в Верхнем Прикамье (Лелеки, Ягошур и Лесогур).

Кроме монетных кладов и рунических знаков, на присутствие в Среднем Поволжье дружин скандинавских викингов указывают и другие археологические материалы. С одной стороны, используя характерный облик скандинавских древностей можно определить некоторые механизмы этнической консолидации и ассимиляции в этом регионе в IX–X вв., а с другой, выявление археологических находок, связанных с торгово-дружинным слоем *русов*, дает возможность оценить реальный вклад викингов в процесс сложения средневекового Булгарскою государства, его институтов и культуры.

Благодаря археологическим раскопкам А. И. Стоянова, П. А. Пономарева и Н. П. Лихачева в 1870, 1882 и 1893 гг., им удалось выявить и исследовать курганный могильник близ с. Балымеры с остатками кремации умерших, сопровождаемых набором вещей североевропейского и местного облика[24]. Всего археологи в разные годы вскрыли 15 курганов, в том числе один с богатым набором оружия и украшений. Материалы данного могильника неоднократно анализировались и описывались (Н. П. Лихачев, А. А. Штукенберг, Б. Пошта, А. А. Спицын). Исследователями сделан вывод о несомненном скандинавском влиянии на характерные элементы погребального обряда этого могильника, а также об их принципиальной близости обряду похорон *руса*, описанного в «Записке» Ибн-Фадлана. Было указано также на ряд могильников Восточной Европы (Гнездово, Михайлово, Тимерово и др.), аналогичных по всему комплексу погребальных обрядов и инвентаря Балымерским курганам. Археологические и исторические аналогии и сопоставления позволили сделать вывод, что этот могильник, как и ряд

[22] *Кропоткин В. В.* Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань, 1986. С. 40.

[23] *Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1989. С.47, Рис. 7, *2*.

[24] Наиболее полная сводная работа об этих исследованиях: *Штукенберг А. А.* Древняя курганная могила около деревни Белымер (Булымер) в Спасском уезде Казанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1893. Т. X. Вып. 2. С. 155–160.

других, оставлен русами — смешанным славяно-финно-скандинавским слоем воинов и торговцев, среди которого ведущую роль играли викинги-шведы[25].

Новые виды вооружения, не известные у булгар в VIII–IX вв., демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы, характерных для феодальных обществ. Среди этого набора выделяются каролингские мечи, как редкое и дорогое оружие, использовавшееся, в основном, знатью и воинами-профессионалами. Кроме того, выделяется ряд находок, связанных со скандинавским костюмом (равноплечные фибулы, кольцевидные фибулы с длинными иглами и др.). Некоторые из этих предметов, как часть сакрализованного комплекса личных вещей и оберегов женского костюма, не могли служить предметом торговли и, несомненно, связаны с присутствием в Среднем Поволжье женщин скандинавского происхождения[26].

Картографирование этих находок, прежде всего предметов передового вооружения и социально престижных деталей костюма и снаряжения дружинников демонстрирует, что все они концентрируются близ раннегородских центров Булгарии: Болгар, Биляр, Балымер, городищ у сел Старая Майна, Старые Нохраты и других[27]. Иными словами, Балымерские курганы и комплекс других находок позволяет маркировать не столько этнокультурные контакты, сколько социальную поляризацию общества и становление новой дружинной культуры, ориентирующейся на более престижные предметы быта, прежде всего, военное снаряжение.

Включение в крупномасштабную международную торговлю служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие прибавочного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение объема собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно ускорение социальных процессов.

Таким образом, в социально-политической жизни Среднего Поволжья, как и севера Восточной Европы, в IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль Балтийско-Волжского пути, открытие и функционирование которого являлось результатом деятельности скандинавских купцов и воинов. В зоне пути возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной дифференциации в среде местных разноэтничных племен, укрепляются старые и возникают новые потестарные институты. Наконец, благодаря ей консолидируются обширные территории, на которых в середине IX в. возникают первые раннегосударственные образования, во главе одного из которых, с центром в Ладоге, становится скандинав Хрёрек (Рюрик), видимо, предводитель одного из отрядов викингов. Тогда же в Среднем Поволжье складывается держава, во главе которой становится эльтебер клана булгар Шилки, а позднее его сын Алмыш.

[25] Рассмотрение этого памятника в контексте археологии Северной Европы см.: *Измайлов И. Л.* Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 70–86.

[26] *Измайлов И. Л.* «Русы» в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999. С. 94–100.

[27] Там же. С. 96–98.

Население Среднего Поволжья: кочевники и земледельцы. Совсем недавно считалось, что тюркоязычные кочевники Восточной Европы – это, прежде всего скотоводы, совершающие постоянные меридиональные перекочевки. По мнению целого ряда отечественных исследователей, таковыми были аланы, болгары, хазары. Между тем, как изучение модели функционирования кочевого и полукочевого общества, так и анализ данных письменных источников и археологических данных, заставляет полагать, что хазарская экономика базировалась не только и не столько на кочевом скотоводстве. Скрупулезный анализ всех данных относительно хазарской экономики провел Т. С. Нунан[28], который убедительно доказал, что основой экономики Хазарского каганата было развитое земледелие, включающее даже на периферии государства такие трудоемкие и специфические виды, как виноградарство, разнообразное ремесло, комплексное скотоводческое хозяйство и торговля, включая внутреннюю и международную. Весьма выразительны сведения письменных источников, которые рисуют картину живописной земледельческой округи, простиравшейся между основными городами хазар в Прикаспии и Нижнем Поволжье. Об этом ясно и неоднократно писали арабские авторы, начиная с Ибн-Хорддбеха и ал-Балхи, а также и сами хазары. Так, каган Иосиф в письме иудейскому единоверцу в Испанию писал, что летом большинство жителей Итиля проживает в своих загородных домах, занимаясь выращиванием урожая, а сами свои земли описывал, как «плодородные и богатые», состоящие из полей, виноградников, садов и парков[29].

Но не стоит думать, что земледелие процветало только в Предкавказье и Нижнем Поволжье. Существуют веские доказательства процветающего земледелия в Подонье, где на целом ряде археологических памятников (Саркел, Правобережное Цимлянское и Маяцкое городища и др.) были обнаружены пахотные орудия, серпы и мотыги. На ряде памятников обнаружены остатки зерновых ям с семенами пшеницы, мякины и проса. О развитом и высокопродуктивном скотоводстве стойлового, а не кочевого типа свидетельствую остатки костей на многих памятниках салтово-маяцкой культуры в Подонье. Это, прежде всего, кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней, которые в процентном отношении ко всем находкам костей достигаю 10 %. Развитое ремесленное производство доказывают весьма унифицированные находки украшений, деталей костюма и поясная гарнитура, характерыне для всего ареала этой государственной культуры Хазарского каганата. Не менее выразительна и отличительна также продукция других ремесел, особенно круговых гончарных сосудов и широкий ассортимент железных изделий, включая оружия, всадническое снаряжение и сельскохозяйственные орудия. Все эти данные, которые хорошо известны благодаря широким археологическим исследованиям различных регионов Хазарского каганата, не оставляют никаких сомнений, что основу его экономики составляло не кочевое скотоводство, а комплексное хозяйство с упором на развитое земледелие и ремесленное производство.

Судя по этим данным, огуро-болгарское население, оставшееся под властью хазар, также процветало. «Черная Болгария», включавшая земли Приазовья и Подонья, была одним из самых экономически развитых регионов Хазарии. Многочисленные археологические памятники, часть из которых хорошо изучена, не оставляет сомнений, что

[28] *Noonan Th.* 1) The Khazar economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1997. Vol. IX. P. 253–318; 2) What can archaeology tell us about the economy of Khazaria // The archaeology of the steppes. Methods and strategies. Napoli, 1994. P. 331–345.

[29] *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 84–85, 102–103.

основу его составляло земледельческое население, имевшее навыки ремесленного производства и участия в мировой торговле.

Однако процветанию Хазарского каганата внезапно пришел конец. Принятие иудаизма и последовавшие за этим междоусобные войны и мятежи, привели к дестабилизации обстановки на обширных территориях юга Восточной Европы. Самым страшным ударом, который фактически разрушил единство Хазарии стало наступление печенегов. Все это привело к постепенному запустению степных районов Подонья и Предкавказья. Очевидно, что часть этого оседлого населения погибла в огне набегов, часть вынуждена была в условиях политической нестабильности перейти к кочевому образу жизни, фактически сливаясь с печенегами, а затем и кыпчаками. Однако часть переселилась в более северные регионы – главным образом в Волжскую Булгарию. Если верны сведения археологов, изучавших салтово-маяцкие памятники, то следует предположить, что уже с конца IX в. на Среднюю Волгу устремляется потом беженцев, имевших навыки оседлого земледелия и ремесленного производства. Придя на новую родину, они продолжали развивать свои прежние традиции жизни, быта и производства. Не удивительно, что среди находок в булгарских могильниках (Большетарханский VIII–IX вв. и Танкеевский IX–X вв.) от трети до половины посуды составляют круговые горшки, выполненные в салтовских традициях. На ряде памятников VIII–X вв. (Новинковский, Большетарханский, Танкеевкий могильники) обнаружены земледельческие орудия — наральники, серпы, косы, мотыжки и др., которые свидетельствуют о занятиях населения. Эти материалы заставляют считать, что предшествующее, жившее довольно дисперсно земледельческое население, оставившее памятники именьковской культуры, было довольно быстро растворено среди оседлых земледельческих переселенцев с юга, принесших новые более прогрессивные традиции земледелия и ремесленного производства, в частности, гончарного, вытеснившего примитивные горшки именьковской культуры.

Скорее всего, именно это население стало в конце IX – начале X в. основой оседлого населения формирующихся протогородов, возникающих в этот период в зоне Великого Волжского пути. Археологически эти памятники чрезвычайно сложно выявить, поэтому ранние слои не выявлены не на всех памятниках. Однако в Болгаре близ Иерусалимского оврага обнаружены остатки раннего поселения, датируемого монетами начала X в. Ранние слои, хотя и не такие выразительные обнаружены также при раскопках Билярского городища и ряда сельских поселений в Нижнем Прикамье[30].

Не удивительно, что фиксируемые письменными источниками сведения об оседлом населении, указывают на их южное происхождение, так Ибн-Фадлан отметил, что встретил в Булгарии группу «домочадцев» — баранджар, живших оседло и имеющих деревянную мечеть. Их наименование явное указание на место их родины – первую столицу Хазар город Беленджер (Баранджар). На занятия населения указывают и письменные источники, так Ибн-Фадлан писал: «Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень / у них/ в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял берет это для самого себя»[31].

[30] *Халиков А. Х.* О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3. С. 83–89; *Хлебникова Т. А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. М., 1987. С. 32–88; *Хлебникова Т. А., Казаков Е. П.* К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 100–136; *Хузин Ф. Ш.* Булгарский город в X – начале XIII в. Казань, 2001.

[31] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 136.

Таким образом, можно сказать, что экономическим фоном становления Булгарского государства стало не только функционирование Великого Волжского пути и караванного пути в Хорезм, приведшего к резкому обогащению булгарской клановой аристократии, но и массовый приток родственного тюркского населения из районов Подонья, Приазовья и Северного Кавказа. В условиях этого хозяйственного подъема происходило становление Булгарского государства, формировалась его правящая структура и слой военно-служилой знати.

Алмыш и его держава. Ведущей силой в процессах социальной трансформации потестарного общества следует признать военно-служилое сословие, формирующиеся из дружин племенных вождей. Уже на поздних стадиях развития родового общества дружину отличает ее постоянный характер и относительная независимость от потестарно-политических структур. В процессе становления феодального общества, именно она маркирует появление новых социальных структур, являясь их военно-политической основой и. обуславливая тем самым военно-служилый характер новой власти[32].

Для истории Булгарии этот вопрос практически не разработан, хотя многие исследователи на основе анализа письменных источников, пришли к выводу, что к концу IX в. у булгар была развитая дружинная организация, и стало складываться государство[33]. Однако выяснить конкретные ступени и формы перехода от племенной дружины к средневекомому военно-служилому сословию историкам не удалось. Это удалось сделать, только проанализировав вооружение и его распределению у булгарского населения Среднего Поволжья. Как показывает анализ булгарских погребений VIII–X вв., в них явно выделяются группы по различному набору сопровождавшего умершего оружия. Учитывая, что все могильники оставлены племенами, ставшими основой будущего Булгарского государства и находившимися примерно на одной стадии социально экономического развития, их можно использовать для обобщенной характеристики истории булгарской дружины в целом

Всего в раннебулгарских могильниках VIII–X вв. вскрыто до 1600 погребений, среди которых более чем в 100 найдены предметы вооружения. Анализ набора оружия ранних булгар показывает, что большинство из воинов было всадниками и почти все они имели метательное вооружение. Более определенно группы погребенных разделяются по набору оружия ближнего боя. Первая группа имела комплекс вооружения, который состоял из сабель или копий, метательного оружия и конского снаряжения (в Большетарханском и Танкеевском могильниках процент таких погребений составляет от 6 до 10%). Вторая группа — с боевыми топорами или иногда с кистенями и с метательным оружием, а также с конским снаряжением. Третья, самая многочисленная, группа, составлявшая в разных могильниках от 50 до 90%, имела на вооружении метательное оружие, а также иногда конское снаряжение.

Вполне возможно, что на такое распределение оружия оказало искажающее влияние наличие большого числа ограбленных погребений, хотя есть основания считать более важными факторами религиозные и социальные причины. Вообще, для памятников

[32] Изучение вопроса о дружине и ее роли в генезисе феодализма на примере Руси см.: *Горский А. А.* 1) Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9. С.17-28; 2) Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.

[33] *Смирнов А. П.* О возникновении государства волжских булгар // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 99–112*; Греков Б. Д.* Волжские болгары в IX-X веках // ИЗ. 1945. № 14. С. 24-33; *Халиков А. Х.* Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 88–103.

салтовского типа (как и для ранних булгар) характерен небольшой набор погребального оружия, поэтому очевидна связь каждого предмета вооружения с социальным рангом умершего. Сакрализация определенного вида оружия в качестве показателя статуса воина в дружинной организации, показывает, с одной стороны, древность расслоения войска (так как оно успело закрепиться в погребальном культе), а с другой — далеко зашедший процесс выделения профессиональных воинов в особый воинский контингент. Разумеется, для разных племен VIII–X вв. он был неравномерен, но, несмотря на некоторые различия, в целом определенно указывает на существование у раннебулгарских племен конных дружин, отличавшихся от остальной части войска вооружением, и, видимо, способом комплектования.

Новый этап в развитии дружины несомненно связан с коренными переменами в булгарском обществе, которые были вызваны устойчивым экономическим подъемом, возникновением городов и торгово-ремесленных поселений, включением Среднего Поволжья в мировую торговлю по Волжско-Балтийскому торговому пути и сложением булгарского государства. Только на археологическом материале проследить процесс эволюции дружины очень сложно, так как параллельно со становлением государства в культуру булгар, в том числе и погребальную обрядность, активно внедрялся ислам. Материалы из раскопок ряда могильников (Танкеевский, Тетюшский) позволили Е. А. Халиковой прийти к выводу о прекращении функционирования языческих погребальных обрядов в конце X – начале XI в. Однако, городские могильники — в первую очередь билярские — с самого начала своего существования были мусульманскими, что позволяет, наряду с другими фактами, говорить об исламизации социальных верхов, в том числе и дружины, уже с начала X в.[34] Продолжающие существовать языческие некрополи (Танкеевка, Тетюши), причем без резких изменений в обрядности, видимо, указывают на то, что племенные группировки, их оставившие, в течение X в. находились вне магистрального развития булгарского общества.

Небольшой, но достаточно эффектный материал, характеризующий булгарскую дружину X в., дают раскопки поселений. Наиболее выразительными являются находки предметов вооружения (сабли и их части, наконечники копий, боевые топоры, булавы, кистени, остатки защитного доспеха и т.д.), которые особенно часто встречаются в Билярском, Болгарском, Алексеевском, Валынском, Хулашском, Золотаревском, Балымерском городищах, а также в ряде селищ, преимущественно из находящихся в приустьевой части Камы. Особо следует выделить из этого традиционного набора вооружения предметы, которые, ввиду их отсутствия в материалах VIII–IX вв., можно рассматривать как новое явление в военной структуре.

В первую очередь, это относится к находкам мечей. Все они довольно компактно концентрируются в западном и центральном Закамье. Из Болгарского городища происходит меч и два наконечника ножен, из Билярского — навершие меча и два наконечника ножен. Два меча из так называемого Староальметьевского клада, скорее всего, также происходят из Билярского городища. Еще одна находка меча, из с. Салманы, происходит, видимо, из какого-то из близлежащих поселений. Другой меч происходит из Балымерского кургана, который располагался в непосредственной близости от Балымерского городища. Два обломка меча встречены на территории торгово-ремесленных

[34] *Халикова Е. А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань, 1986. С. 68–76, 88–93.

поселений на Нижней Каме. Кроме того, местонахождение двух мечей установлено как центральная Булгария. Таким образом, находки мечей, вместе с другим оружием, явно концентрируются вокруг раннегородских центров — Биляра, Болгара, Балымера, что определенно указывает на сосредоточение в них дружин[35]. Вместе с мечами и их фурнитурой на этих же поселениях встречены другие предметы дружинного вооружения западного облика — полушаровидные умбоны от круглых щитов, широкие удлиненно-треугольные копья, шпоры — что является свидетельством определенного западного импульса в булгарском войске.

Показательно, что подобная концентрация социально престижных изделий характерна и для Руси, и для Венгрии в период становления государственности[36]. Этот процесс объективно связан с консолидацией дружинных элементов на базе ранних городов. В Булгарии X в. они были, прежде всего, центрами политической власти — резиденциями князей и их дружин. Некоторые данные об этом дают арабо-персидские источники, которые, видимо, для первой половины X в. отмечают наличие двух городов — Болгара и Сувара. В этих городах «живут ... мусульмане, по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными»[37], в некоторых источниках речь идет о «конных воинах»[38]. Есть основания полагать, что города Болгар и Сувар были центрами государственных образований со своей военной административной структурой, на что указывает факт чеканки собственной монеты с именем своего правителя.

Важной функцией городов, обусловленной наличием там двора правителя и его дружины, было также потребление, переработка и распределение прибавочного продукта (через ремесло и торговлю) для удовлетворения потребностей военно-феодальной знати. Изъятие этого прибавочного продукта и накопление богатств дружинной знати происходило посредством захвата военной добычи и ренты-налога. Восточные источники неоднократно сообщают о войнах булгар с буртасами и другими соседями. Ибн-Фадлан прямо пишет о характере взаимоотношений между правителями и его войском: «если же он предложит отряду /совершить/ набег на одну из стран, и он награбит, то он /царь/ имеет долю вместе с ними»[39]. Несомненно, как это было в случае с буртасами, покоренные племена облагались данью.

Другим способом получения части прибавочного продукта был налог. По данным разных источников правитель получал «с каждого дома шкуру соболя», подать со свадьбы и десятину от всех привозных товаров[40]. Кроме того, по словам Ибн-Русте, «подать царю своему платят они лошадьми и другим»[41]. В первой половине X в., в период зарождения государственности, вероятно, существовало «полюдье», т.е. регулярный объезд территории государства и сбор дани, за счет которой кормился правитель и его

[35] *Измайлов И. Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X-XIII в. Казань; Магадан, 1997. С. 131–138.

[36] *Bakay K.* Archaologische Studien zur frage der Ungarischen staatsgrundung // Acta Archaeologica. 1967. T. 19. Fasc. 1/2. S. 105–173; *Эрдели И.* Вооружение древних венгров как источник по истории основания Венгерского государства // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 14–15; *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского периода) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189–297.

[37] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 36, 37.

[38] *Бартольд В. В.* Введение к изданию «Худуд-ал-Алам» // *Он же.* Сочинения. Т. VIII. М., 1962. С. 545.

[39] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана ... С.136.

[40] Там же. С. 136.

[41] *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах… С.24.

дружина[42]. Интересно указание отрывок в этом смысле географа ал-Истахри, писавшего около 950 г.: «Дома у них (булгар. — *И. И.*) деревянные, живут в них зимой, а летом располагаются в шатрах»[43]. Очевидно, что все население булгарских городов не могло на лето переселяться в кочевые станы. Определенно речь идет о социальных верхах общества, которые сохраняли традиции кочевания, как привилегию правящего клана булгар. Подобные традиции тюркской знати хорошо известны в средневековой Евразии от Анатолии до Китая, но наиболее близкий к описанному по времени и типологически образ жизни аристократии существовал у сельджуков на Ближнем Востоке и в Передней Азии[44]. Не исключено, что это также позволяет говорить о существовании вплоть до середины X в. практики, восходящей к полюдью.

Наличие регулярной налоговой системы, связанной с землей (единица обложения — «дом»), свидетельствует о превращении военно-дружинной знати в корпоративного земельного собственника, реализующего свое верховное право земельной собственности. Судя по данным арабо-персидской историко-географической традиции, система налогов и податей в державе Алмыша базировалась на верховном праве на всю территорию государства. Очевидно, что в основе этого права лежало завоевание или в том или ином виде присоединение земель соседних племен. Получается, что держава Алмыша во главе с родом булгар создавалась как племенное объединение, которое, расширяясь и включая в свое подданство все новые и новые общины, превратилось в государство, где этот клан стал коллективным владетелем всех земель, чье право владения персонифицировалось в личности вождя-правителя.

Структура власти в булгарском государстве по сведениям Ибн-Фадлана выглядит следующим образом. Правитель булгар Алмыш имел титул «ильтебер («эльтебер, малик Булгара»), что показывает его зависимость от хазарского кагана[45], и был правителем своей державы. Именно ему принадлежала вся высшая политическая и административно-судебная власть в стране. Она основывалась на его суверенном праве на владение всей землей, которая находилась в его подчинении. С полной очевидностью это подтверждают сведения Ибн-Фадлана. В источнике говорится о том, что Алмыш приказал группе сувар (саван) и эсегел переселиться в район реки Джавашир, причем, когда среди них возникло некоторое возмущение, Алмыш пригрозил применить военную силу и добился подчинения. Хотя этот отрывок, из-за дефекта текста, довольно неоднозначен, но он указывает, что правитель имел право на перераспределение своих земель и перемещение различных племен, еще недавно (эсегел) самостоятельных и враждебных. О верховной собственности правителя булгар на землю государства указывает и регулярные дани со всего населения, а также таможенные и другие сборы.

В непосредственном подчинении Алмыша находились четыре «царя» (малика). Некоторые историки предпочитают видеть в этих правителях предводителей подчиненных булгарам племен и при этом предпочитают не замечать, что число покоренных племен (два племени: эсегел и берсула) не совпадает с числом «царей», априори полагая, что

[42] О практике этой ранней формы налогообложения у тюркских народов см.: Полюдье: всемирно-историческое явление / Под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. М., 2009. С. 257–315.

[43] *Якубовский А. Ю.* К вопросу об исторической топографии Итиля и Булгар в IX и X веках // СА. 1948. Т. X. С. 269.

[44] *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. С. 76–111.

[45] *Смирнова О. И.* К имени Алмыша, сына Шилки, царя булгар // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 249–251.

недостающие два правителя являются вождями неких других племен, не упомянутых в источниках. Однако представляется, что это не совсем корректная интерпретация источников, поскольку подчиненные «цари» (малики), например, малик эсегел упомянуты в другом месте. Не исключая версии (поскольку терминология у Ибн-Фадлана несколько путаная), что эти малики, действительно, были вождями покоренных племен, можно предположить, что это все же правители несколько иного рода, нежели племенные «цари». Дело в том, что они вместе с дружиной Алмыша («его сотоварищами» или «братьями») участвуют во встрече посольства и последующим приеме в шатре эльтебера. В этой связи кажется более убедительным предположить, что эти четыре малика — управители четырех крыльев государства. Подобная традиция известна у тюрко-монгольских народов еще с хуннских времен и была характерна для многих народов, включая сяньби, ухуаней, тоба, жуаньжуаней, тюрок и позднее монголов и татар[46]. Обычно эти правители крыльев являлись ближайшими родственниками правителя и представителями его клана. В этой связи понятно, почему эти управители вместе с дружиной выполняют поручения эльтебера и являются его ближайшим окружением на пиру.

Далее, рангом ниже были «куввады»/«предводители». Историки почти единодушно считают, что под этими «предводителями» следует понимать высший слой служилой дружинной знати (используя древнерусскую терминологию их можно назвать «боярством»), которая выполняла основные командные и управленческие функции. Кроме них при ставке правителя неоднократно отмечались слуги. Сведения о них, кроме Ибн-Фадлана, сообщают и другие арабо-персидские авторы, указывая, что «царь булгар по имени Алмыш исповедует ислам; у него сородичи числом 500»[47]. Вполне вероятно, что это сообщение — компиляция из различных мест сочинения Ибн-Фадлана, но оно может быть также истолковано, как свидетельство о военных слугах — дружине, живущей при правителе. Среди функций этой дружины, по сведениям того же Ибн-Фадлана, можно указать участие в пирах и аудиенциях, сопровождения правителя в поездках по стране и на войне.

Судя даже по этим отрывочным данным, уже в начале X в., Булгария являлась потестарным государством, объединенным верховной военно-политической и административно-судебной властью одной булгарской династии, но с частичным сохранением зависимых племенных вождей. Несомненно, что уже в это время начался процесс активного формирования аппарата государственной власти, основу которого составляла военно-дружинная знать. Булгары в этот период имели довольно развитую дружинную организацию, которая кроме чисто военных, выполняла и ряд других, в том числе и дипломатических, функций, т. е. была зародышем государственного аппарата. Дальнейшее развитие булгарской дружины, видимо, шло в сторону дальнейшей поляризации и выделения знати, которая создавала свои дружины.

Не вдаваясь в дискуссию о характере феодализма в Восточной Европе, необходимо сказать, что изучение истории Булгарии заставляет склоняться к мысли о ведущей роли государства и его структур в процессе феодализации. Грань между родовым и феодальным обществами была размыта, но, если она проявлялась, то только в установлении

[46] *Трепавлов В. В.* Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 169–189.

[47] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе… С.26.

надплеменной власти и новых механизмов управления. По форме управление эльтебера Алмыша, видимо, мало отличалось от действий племенных правителей. Но между ними видна и принципиальная разница. В прежней потестарной структуре роды были условно равны между собой, тогда как в новой политической системе ведущую роль играл только род булгар. Булгары, судя по сведениям Ибн-Фадлана, были не только самым знатным и правящим родом, но и выполняли функцию военно-служилого сословия. Постепенно все другие племенные вожди и их роды либо были включены в состав булгар, либо деклассировались, превратившись в податное сословие, либо были уничтожены.

Важнейшим шагом на пути консолидации общества было принятие ислама булгарами в качестве государственной религии. Следует акцентировать внимание на том, что процесс возвышения государства булгар шел практически одновременно с внедрением ислама. Уже в IX в. ислам проникает в среду населения Среднего Поволжья и в начале X в. его, очевидно, принимает Алмыш и булгарская знать. Верхушка булгар принимает ислам под влиянием государства Саманидов, хотя нельзя исключить участие в этом мусульманской гвардии Итиля. Уже в 920-е гг. ислам становится государственной религией, о чем свидетельствуют арабо-персидские авторы и факт начала чеканки монет по мусульманским образцам. Мусульманами являлось, судя по данным археологии, практически все городское население[48]. Язычниками до определенной поры оставались некоторые подчиненные племена, но они были оттеснены на периферию общественной жизни и постепенно исламизировались. Уже в конце X в. прекратили функционирование все языческие могильники на территории Булгарии[49].

По мере усиления экономической власти и военной мощи, а также на фоне ослабления власти Хазарского каганата, росло стремление эльтебера Алмыша добиться независимости от хазарских каганов, которым он вынужден был платить дань и отдать в заложники своих детей (сына и дочь). В 912/3 г. булгары поддержали мусульман Итиля, подстрекаемых Саманидами, в разгроме похода русов на Каспий, хотя правители хазар пытались договориться с ними. Этот шаг показывает, что булгары пытались поставить под свой контроль стихию варяжских дружин, совершавших походы по Волге, а также их стремление заручится поддержкой мусульман в противоборстве с Хазарией. Новым шагом на пути признания независимости стал обмен посольствами между Булгарией и Багдадским Халифатом в 921–922 гг., когда произошло дипломатическое признание нового мусульманского государства на севере ойкумены. Дальнейшие шаги Булгарского государства показывают, что его правители фактически добились независимости от хазарских каганов, но до определенного времени формально находились в орбите их власти.

Образование единого государства. Дальнейшее становление Булгарского государства и его институтов слабо документировано письменными источниками. В реконструкции событий можно в определенной мере опираться на нумизматический материал. Монеты свидетельствуют, что в 930–940-е гг. после смерти сына и наследника Алмыша, Микаила ибн Джафара, Булгария распалась на два владения — Болгарский и Суварский (видимо, во главе с племенем сувар) эмираты. Восточные источники ста-

[48] *Измайлов И. Л.* 1) Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. С.549-556; 2) Ислам в Волжской Булгарии // Восток (Oriens). 2009. № 1. С. 5–12.

[49] *Халикова Е. А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986.

бильно упоминают два города, Болгар и Сувар, а монеты чеканятся в каждом из них отдельно. Например, ал-Истахри (930–933 гг.) писал: «Булгар — имя города, и они (булгары) мусульмане, в (городе) соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей»[50]. Очевидно, без новых источников мы не сможем достаточно отчетливо понять, являлись ли эти города центрами независимых владений, либо это были центры крупных земель, как, например, Киев и Новгород на Руси.

Однако нет никаких оснований видеть в этом распаде стремление сувар сохранить язычество, как полагали А. П. Ковалевский, В. Ф. Каховский, В. Д. Димитриев[51], поскольку восточные источники особо подчеркивают, что в обоих городах есть мечети и живут там «воители за веру». По монетам выделяется династия Ахмедидов (Микаил, Талиб, Мумин) из Сувара (948–976 гг.). Очевидно, на этот период пришлись какие-то взаимоотношения с русами, атаковавшими прикаспийские провинции Халифата в 944/5 гг., и столкновения с русами в 965–968 гг., зафиксированные у ал-Истахри и Ибн-Хаукаля. Возможно, и в том и другом случае булгары не смогли противостоять движению флота русов по Волге или эти походы шли в обход булгарских земель через бассейн Дона и Нижнюю Волгу.

Разгром Хазарского каганата войсками Святослава в 965–968 гг. привел к усилению правителя Болгарского эмирата Мумина ибн ал-Хасана (возможно, потомок Алмыша), который подчинил Сувар и стал чеканить монеты исключительно в Болгаре (976–980/1 гг.). Сувар, вероятно, становится какой-то административно-территориальной единицей (вилайет) единого государства. Так, около 980 г. в Среднем Поволжье возникло единое Булгарское государство. Этот новый этап в истории Булгарского эмирата характеризовался территориальным расширением, укреплением авторитета эмирской власти и утверждением исламской идеологии, окончательным преодолением племенного партикуляризма, созданием общегосударственных институтов власти и утверждением феодальных отношений, основанных на государственной собственности на землю.

Единое государство смогло создать эффективную военно-политическую систему, которая смогла противостоять укрепляющейся Киевской Руси. Булгарский эмират выдержал противоборство с Киевом и утвердил свой авторитет на международной арене подписанием договора о мире с киевским князем Владимиром I (985 г.). Примерно в конце X в. Булгария подчиняет земли буртас в Посурье и становится одним из ведущих средневековых государств Восточной Европы. К этому времени относится полное утверждение ислама на всей территории Булгарии, где прекращают функционировать все языческие могильники.

Таким образом, можно сказать, что процесс складывания государственности у булгар прошел несколько этапов. С приходом булгар на Волгу в конце VII в. они стремились к воссозданию своей государственности, но этот процесс протекал медленно, поскольку проходил в условиях подчинения Хазарскому каганату. Однако по мере ослабления вла-

[50] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе… С.37.

[51] См.: *Ковалевский А. П.* Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954; *Димитриев В. Д., Паньков И. П.* Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истерии Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 52–84; *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965; *Димитриев В. Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и Чуваши. Чебоксары, 1984. С. 23–58.

сти хазар и резкого увеличения международной торговли по Великому Волжскому пути в IX в. булгары постепенно устанавливают свою гегемонию над населением Среднего Поволжья в противоборстве с двумя другими племенными объединениями. В начале X в. начался новый этап складывания основ булгарского государства. В этот период походил активный рост городов и международной торговли по Великому Волжскому пути и произошло принятие ислама в качестве государственной религии. Булгары во главе с эльтебером Алмышем становятся верховным корпоративным земельным собственником, реализуя это право через ренту-налог, а также военно-служилым сословием в новом государстве. Около 922 г. состоялось и дипломатическое признание Булгарии — она обменялась посольствами с Багдадским Халифатом. Развиваются города как политические, административные и торгово-ремесленные центры. В этот период в состав булгарской элиты, включается целый ряд иноэтничных (славянских, финно-угорских и скандинавских) элементов и вырабатывается своя синкретичная культура. Но уже в 940-е гг. происходит формирование двух эмиратов, Булгарского и Суварского, внутри которых укрепляются институты государственной власти и распространяется ислам. Разгром Хазарского каганата (около 980 г.) привел к усилению булгар, объединившихся в единое Булгарское государство. Булгарский эмират становится средневековым государством с соответствующими институтами и политической и административно-правовой системой.

Информация о статье:

Автор: Измайлов Искандер Лерунович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального центра археологических исследований им. А. Халикова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Татарстан, Россия, ismail@inbox.ru

Заголовок: Становление средневековой Булгарии: от племени к государству

Резюме: Статья посвящена одному из важнейших аспектов истории волжских булгар — становлению государственности. Автор доказывает, что этот процесс протекал медленно, поскольку проходил в условиях подчинения Хазарскому каганату. В начале X века волжские булгары во главе с эльтебером Алмышем создали свое государство, которое в 940-е гг. распалось на два эмирата – Булгарский и Суварский, внутри которых укрепляются институты государственной власти и распространяется ислам. Окончательное становление единого Булгарского государства относится уже к 80-м гг. X в.

Ключевые слова: Волжская Булгария, эльтебер Алмыш, Булгарский эмират, Суварский эмират, военно-служилый слой.

Литература, использованная в статье:

Агаджанов, Сергей Григорьевич. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. Москва: Наука, 1991. 303 с.

Афанасьев, Геннадий Евгеньевич. Донские аланы. Социальные структуры алано-асо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. Москва: Наука, 1993. 184 с.

Багаутдинов, Риза Салихович; Зубов Сергей Эдгардович; Богачев, Алексей Владимирович. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.

Бартольд, Василий Владимирович. Введение к изданию «Худуд ал-Алам» // Бартольд, Василий Владимирович. Сочинения. Т. VIII. Москва: Наука, 1962. С. 504–545.

Богуславский, Сергей Александрович. К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру» // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. 1925. Т. XXIX. С. 141–153.

Генинг, Владимир Федорович. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Отв. ред. Халиков, Альфред Хасанович. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 4–15.

Генинг, Владимир Федорович; Халиков, Альфред Хасанович. Ранние болгары на Волге. Москва: Изд-во АН СССР, 1964. 221 с.

Горский, Антон Анатольевич. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 17–28.

Горский, Антон Анатольевич. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). Москва: «Прометей» МГПИ, 1989. 124 с.

Греков, Борис Дмитриевич. Волжские болгары в IX–X веках // Исторические записки. 1945. № 14. С. 3–37.

Греков, Борис Дмитриевич; Калинин, Николай Филиппович. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 97–185.

Димитриев, Василий Дмитриевич. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и Чуваши. Чебоксары: Чувашский НИИЯЛИЭ, 1984. С. 23–58.

Димитриев, Василий Дмитриевич; Паньков, Иван Петрович. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истерии Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1958. С. 52–84.

Добровольский, Игорь Георгиевич; Дубов, Игорь Васильевич; Кузьменко, Юрий Константинович. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. 192 с.

Добродомов, Игорь Георгиевич. К вопросу о «серебряных булгарах» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. Москва: Наука, 1995. С. 149–154.

Дубов, Игорь Васильевич. Великий Волжский путь. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. 256 с.

Заходер, Борис Николаевич. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. Москва: Наука, 1967. 212 с.

Иванов, Владимир Александрович. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.

Измайлов, Искандер Лерунович. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских булгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. Халиков, Альфред Хасанович. Казань: ИЯЛИ КФАН АН СССР, 1984. С. 99–107.

Измайлов, Искандер Лерунович. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X-XIII в. Казань; Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов, Искандер Лерунович. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этносоциальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков: матер. междунар. симпозиума. Казань: «Мастер Лайн», 1999. С. 94–100.

Измайлов, Искандер Лерунович. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного симпозиума по вопросам археологии и истории, 11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы / Ред. коллегия: Кирпичников, Анатолий Николаевич; Носов, Евгений Николаевич; Сакса, Александр Иванович. Санкт-Петербург: ИПК «Вести», 2000. С. 70–86.

Измайлов, Искандер Лерунович. Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 549–556.

Измайлов, Искандер Лерунович. Ислам в Волжской Булгарии // Восток (Oriens). 2009. № 1. С. 5–12.

Казаков, Евгений Петрович. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. Халиков, Альфред Хасанович. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 76–88.

Казаков, Евгений Петрович. О взаимодействии волжских булгар с тюркоязычным населением юго-восточной Европы в IX–XI веках (по археологическим данным) // Казаков, Евгений Петрович. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. С. 167–176.

Казаков, Евгений Петрович. Культура ранней Волжской Болгарии. Москва: Наука, 1992. 335 с.

Казаков, Евгений Петрович. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica (Казань). 1997. № 1. С. 33–53.

Казаков, Евгений Петрович. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. 1999. № 1/2. С. 23–38.

Каховский, Василий Филиппович. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1965. 484 с.

Кирпичников, Анатолий Николаевич; Дубов, Игорь Васильевич; Лебедев Глеб Сергеевич. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского периода) // Славяне и скандинавы. Москва: Прогресс, 1986. С. 189–297.

Кирпичников, Анатолий Николаевич; Лебедев, Глеб Сергеевич; Дубов, Игорь Васильевич; Булкин, Василий Александрович; Назаренко, Владимир Александрович. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1980. Вып. 160. С. 24–38.

Кобищанов, Юрий Михайлович (ред.) Полюдье: всемирно-историческое явление. Москва: РОССПЭН, 2009. 791 с.

Ковалевский, Андрей Петрович. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1956. 256 с.

Ковалевский, Андрей Петрович. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары: Чувашский НИИЯЛИЭ, 1954. 64 с.

Коковцов, Павел Константинович. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград: Academia, 1932. 170 с.

Кропоткин, Владислав Всеволодович. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. Халиков, Альфред Хасанович. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 38–62.

Кузеев, Раиль Гумерович. Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н. э. до XVI в. Препринт доклада. Уфа, 1987. 67 с.

Лебедев, Глеб Сергеевич. Эпоха викингов в Северной Европе. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.

Лимонов, Юрий Александрович. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Ленинград: Наука, 1967. 199 с.

Мельникова, Елена Александровна. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань: «Мастер Лайн», 1999. С. 80–87.

Мерперт, Николай Яковлевич. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань: Изд-во Государственного музея Татарской Республики, 1957. 37 с.

Петрухин, Владимир Яковлевич. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: «Русич»; Москва: «Гнозис», 1995. 320 с.

Седов, Валентин Васильевич. Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1987. С. 336–339.

Смирнов, Алексей Петрович. О возникновении государства волжских булгар // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3). С. 99–112.

Смирнова, Ольга Ивановна. К имени Алмыша, сына Шилки, царя булгар // Тюркологический сборник. 1977. Москва: Наука, 1981. С. 249–255.

Трепавлов, Вадим Винцерович. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». Москва: Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 169–189.

Фахрутдинов, Равиль Габдрахмнович. Очерки по истории Волжской Булгарии. Москва: Наука, 1984. 216 с.

Халиков, Альфред Хасанович. О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1973. № 3. С. 83–89.

Халиков, Альфред Хасанович. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. Москва: Наука, 1987. С. 88–103.

Халиков, Альфред Хасанович. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. 220 с.

Халикова, Елена Александровна. Magna Hungaria // Вопросы истории. 1975. № 7. С. 37–42.

Халикова, Елена Александровна. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

Хвольсон, Даниил Авраамович. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. Санкт-Петербург, 1869. 212 с.

Хлебникова, Тамара Александровна; Казаков, Евгений Петрович. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 100–136.

Хлебникова, Тамара Александровна. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар / Отв. ред. Федоров-Давыдов, Герман Алексеевич. Москва: Наука, 1987. С. 32–88.

Хузин, Фаяз Шарипович. Булгарский город в X – начале XIII в. Казань: «Мастер Лайн», 2001. 480 с.

Штукенберг, Александр Антонович. Древняя курганная могила около деревни Белымер (Булымер) в Спасском уезде Казанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1893. Т. X. Вып. 2. С. 155–160.

Чичуров, Игорь Сергеевич. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука, 1980. 215 с.

Эрдели, Иштван. Вооружение древних венгров как источник по истории основания Венгерского государства // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 14–15.

Якубовский, Александр Юрьевич. К вопросу об исторической топографии Итиля и Булгар в IX и X веках // Советская археология. 1948. Т. X. С. 255–270.

Bakay, Kornél. Archaologische Studien zur frage der Ungarischen staatsgrundung // Acta Archaeologica. 1967. T.19. Fasc.1/2. S. 105–173.

Noonan, Thomas. The Khazar economy // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1997. Vol. IX. P. 253-318.

Noonan, Thomas. What can archaeology tell us about the economy of Khazaria // The archaeology of the steppes. Methods and strategies. Napoli, 1994. P. 331–245.

Golden, Peter. Khazar studies. A historic-philological inquiry into origins of the Kazars. Vol. 1–2. Budapest: Academiai Kiado, 1980. 292 p.

Kristo, Gula. Hungarian history in the ninth century. Szeged, 1996. 231 p.

Information about the article:

Author: Izmailov, Iskander Lerunovich, Ph. D. in History, National Center for Archaeological Studies named after A. Halikov, Institute of History named after Shigabatdin Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Tatarstan, Russia, ismail@inbox.ru

Title: The making of the Volga Bulgaria: from tribes to a state

Summary: The article is devoted to one of the most important aspects of the Volga Bulgars' history, that is the formation of statehood. The author argues that the process of making the Volga Bulgar state proceeded slowly, because of the Volga Bulgars' subjection to the Khazar qaganate. In the early 10th century the Bulgar state emerged with *ilteber* Almush at the head of it. However, in the 940s the state disintegrated, breaking down into two polities, that were the Bulgar and Suvar emirates, in which state institutions were strengthened and the process of Islamization intensified. The final formation of the united Bulgar state can be dated to the 980s.

Keywords: Volga Bulgaria, ilteber Almush, Bulgar emirate, Suvar emirate, warrior elite.

References:

Agadzhanov, Sergei Grigor'evich. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednyaya Aziya v XI–XII vv.* [*The Seljuk state and Central Asia from 11th to the 12th centuries*]. Moskva: Nauka, 1991. 303 p.

Afanas'ev, Gennadii Eugen'evich. *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-aso-burtasskogo naseleniya basseina Srednego Dona* [*The Don Alans. Social structures of Alanic-As-Burtas population of the Middle Don basin*]. Moskva: Nauka, 1993. 184 p.

Bagautdinov, Riza Salihovich; Zubov, Sergei Edgardovich; Bogachev, Alexei Vladimirovich. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya)* [*Proto-Bulgarians on the Middle Volga (on the origins of the history of the Volga-Kama Tatars)*]. Samara: «Polden'. XXII vek», 1998. 286 p.

Bartol'd, Vasilii Vladimirovich. Vvedenie k izdaniyu «Hudud al-Alam» [Foreword to the publication of «Hudud al-Alam»], in Bartol'd, Vasilii Vladimirovich. *Sochineniya. T. VIII* [*Works. Vol. VIII*]. Moskva: Nauka, 1962. P. 504–545.

Boguslavskiy, Sergei Alexandrovich. K literaturnoi istorii «Pamyati i pohvaly knyazyu Vladimiru» [On the literary history of «The memory and praise for Prince Vladimir»], in *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN SSSR*. 1925. T. XXIX. P. 141–153.

Gening, Vladimir Fedorovich. Nekotorye voprosy periodizatsii etnicheskoi istorii drevnih bolgar [Some questions of the periodization of the early Bulgars' ethnic history], in Halikov, Al'fred Hasanovich (ed.). *Rannie bolgary v Vostochnoi Yevrope* [*The early Bulgars in Eastern Europe*]. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1989. P. 4–15.

Gening, Vladimir Fedorovich; Halikov, Al'fred Hasanovich. *Rannie bolgary na Volge* [*The early Bulgars on the Volga*]. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1964. 221 p.

Gorskiy, Anton Anatol'evich. Druzhina i genesis feodalizma na Rusi [*Družina* and the genesis of feudalism in Russia], in *Voprosy istorii*. 1984. No. 9. P. 17–28.

Gorskiy, Anton Anatol'evich. *Drevnerusskaya druzhina (K istorii genezisa klassovogo obschestva i gosudarstva na Rusi)* [*The Old Russian družina (On the history of the genesis of class society and state in Russia*]. Moskva: «Prometei» MGPI, 1989. 124 p.

Grekov, Boris Dmitrievich. Volzhskie bolgary v IX–X vekah [The Volga Bulgars in the 9th to the 10th centuries], in *Istoricheskie zapiski*. 1945. No. 14. P. 3–37.

Grekov, Boris Dmitrievich; Kalinin, Nikolai Filippovich. *Bulgarskoye gosudarstvo do mongol'skogo zavoyevaniya* [*The Bulgar state before the Mongol conquest*], in Materialy po istorii Tatarii. Kazan', 1948. T. 1. S. 97–185.

Dimitriev, Vasilii Dmitrievich. O poslednih etapah etnogeneza chuvashei [On the last stages of the Chuvash ethnogenesis], in *Bolgary i chuvashi* [*The Bulgars and the Chuvashs*]. Cheboksary: Chuvashskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury, istorii i etnografii, 1984. S. 23–58.

Dimitriev, Vasilii Dmitrievich; Pan'kov, Ivan Petrovich. Naselenie Chuvashskogo Povolzhya v sostave Bulgarskogo gosudarstva [The population of the Chuvash Volga region within the Bulgar state], in *Materialy po istorii Chuvashskoi ASSR*. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1958. Vyp. 1. S. 52–84.

Dobrovol'skii, Igor' Georgievich; Dubov, Igor' Vasil'evich; Kuz'menko, Yurii Konstantinovich. *Graffiti na vostochnyh monetah: Drevnyaya Rus' i sopredel'nye strany* [Graffiti on oriental coins: Old Rus' and neighbouring countries]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1989. 192 s.

Dobrodomov, Igor' Georgievich. K voprosu o «serebryanyh bulgarah» [On the question of the «Silver Bulgars»], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoi Yevropy. 1992–1993*. Moskva: Nauka, 1995. S. 149–154.

Dubov, Igor' Vasil'evich. *Velikii Volzhskii put'* [*The Great Volga Route*]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1989. 256 s.

Zahoder, Boris Nikolayevich. *Kaspiyskii svod svedenii o Vostochnoi Yevrope* [*The Caspian collection of information on Eastern Europe*]. T.II. Moskva: Nauka, 1967. 212 s.

Ivanov, Vladimir Alexandrovich. *Drevnie ugro-mad'ary v Vostochnoi Yevrope* [*The early Ugro-Magyars in Eastern Europe*]. Ufa: Gilem, 1999. 123 s.

Izmailov, Iskander Lerunovich. Pohod russkih knyazei na Velikii gorod v 1183 g. i nekotorye voprosy taktiki oborony volzhskih bulgar [The campaign of Russian princes against *Velikii gorod* in 1183 and some questions of the Volga Bulgars' defensive tactics], in Halikov, Al'fred Hasanovich (ed.). *Arheologicheskie pam'yatniki Nizhnego Prikam'ya* [*Archaeological monuments of the Lower Kama region*]. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1984. S. 99–107.

Izmailov, Iskander Lerunovich. *Vooruzhenie i voyennoye delo naseleniya Volzhskoi Bulgarii X–XIII vv*. [*The armament and art of war of the inhabitants of the Volga Bulgaria in the 10th to the 13th centuries*]. Kazan'; Magadan: Severo-vostochny nauchny tsentr Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, 1997. 212 s.

Izmailov, Iskander Lerunovich. «Rusy» v Srednem Povolzhye (etapy bulgaro-skandinavskih etno-sotsial'nyh kontaktov i ih vliyanie na stanovlenie gorodov i gosudarstv) [«The Rus» in the Middle Volga

region (the stages of Bulgar-Scandinavian ethno-social contacts and its influence on the making of towns and states)], in *Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzhya IX–XII vekov: materialy mezhdunar. simpoziuma* [*International contacts, trade routes and towns in the 9th to the 12th century Middle Volga region: The materials of the international symposium*]. Kazan': «Master Lain», 1999. S. 94–100.

Izmailov, Iskander Lerunovich. Balymerskii kurgannyi mogil'nik i yego istoriko-kul'turnoye znacheniye [The Balymer barrows and their historical and cultural significance], in Kirpichnikov, Alexandr Nikolayevich; Nosov, Yevgenii Nikolayevich; Saksa, Alexandr Ivanovich (ed.). *Slavyane, finno-ugry, skandinavy, volzhskie bulgary. Doklady Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma po voprosam arheologii i istorii 11–14 maya 1999 g., Pushkinskie Gory* [*Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars. Papers of the International Scientific Symposium on archaeology and history, May 11–14, 1999, Pushkinskie Gory*]. Sankt-Peterburg: IPK «Vesti», 2000. S. 70–86.

Izmailov, Iskander Lerunovich. Islam i musul'manskaya kul'tura v Volzhskoi Bulgarii [Islam and Moslem culture in the Volga Bulgaria], in *Istoriya tatar s drevneyshih vremen. V 7-mi tomah. T. II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step'* [*The history of the Tatars from the ancient times. In 7 volumes. Vol. II. The Volga Bulgaria and the Great Steppe*]. Kazan': Izdatel'stvo «RuhIL», 2006. S. 549–556.

Izmailov, Iskander Lerunovich. Islam v Volzhskoi Bulgarii [Islam in the Volga Bulgaria], in *Vostok (Oriens)*. 2009. No. 1. S. 5–12.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. O rannih kontaktah volzhskih bulgar so slavyanami i povolzhskimi finnami po arheologicheskim materialam [On the early contacts of the Volga Bulgars with the Slavs and the Volga Finns according to the archaelogical evidence], in Halikov, Al'fred Hasanovich (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i Rus'* [*The Volga Bulgaria and Rus'*]. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1986. S. 76–88.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. O vzaimodeistvii volzhskih bulgar s tyurkoyazychnym naseleniyem Yugo-Vostochnoi Yevropy v IX–XI vekah (po arheologicheskim dannym), in Kazakov, Yevgenii Petrovich. *Bulgarskoye selo X–XIII vekov nizoviy Kamy* [*The 10th to 13th century Bulgar villages in the Lower Kama region*]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1991. S. 167–176.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii* [*The culture of the early Volga Bulgaria*]. Moskva: Nauka, 1992. 335 s.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. Volzhskaya Bulgariya i finno-ugorskii mir [The Volga Bulgaria and the Finno-Ugrian world], in *Finno-Ugrica* (Kazan'). 1997. Nr. 1. S. 33–53.

Kazakov, Yevgenii Petrovich. Novye arheologicheskiye materialy k probleme rannei tyurkizatsii Uralo-Povolzhya [New archaeological materials on the problem of early türkisization of the Volga-Ural region], in *Tatarskaya arheologiya*. 1999. Nr. 1/2. S. 23–38.

Kahovskiy, Vasilii Filippovich. *Proishozhdenie chuvashskogo naroda. Osnovnye etapy etnicheskoi istorii* [*The origins of the Chuvash people. The main stages of the ethnic history*]. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1965. 484 s.

Kirpichnikov, Anatolii Nikolayevich; Dubov, Igor' Vasil'evich; Lebedev, Gleb Sergeevich. Rus' i varyagi (russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo perioda [Rus' and the Varangians (Rus'-Scandinavian relations of pre-Mongol period)], in *Slavyane i skandinavy* [*Slavs and Scandinavians*]. Moskva: Progress, 1986. S. 189–297.

Kirpichnikov, Anatolii Nikolayevich; Lebedev, Gleb Sergeevich; Dubov, Igor' Vasil'evich; Bulkin, Vasilii Alexandrovich; Nazarenko, Vladimir Alexandrovich. Russko-skandinavskie svyazi epohi obrazovaniya Kievskogo gosudarstva na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Russian-Scandinavian contacts of the period of the making of the Kievan state in the light of current archaeological research], in *Kratkie soobscheniya Instituta arheologii AN SSSR*. 1980. Vyp. 160. S. 24–38.

Kobischanov, Yurii Mihailovich (ed.) *Poludie: vsemirno-istoricheskoye yavleniye* [*Poludie: a world-wide historical phenomenon*]. Moskva: ROSSPEN, 2009. 791 s.

Kovalevskii, Andrei Petrovich. *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [*Ahmed Ibn-Fadlan's book on his travelling to the Volga region in 921–922*]. Har'kov: Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1956. 256 s.

Kovalevskii, Andrei Petrovich. *Chuvashi i bulgary po dannym Ahmeda Ibn-Fadlana* [*The Chuvashs and the Bulgars according to Ahmed Ibn-Fadlan's data*]. Cheboksary: Chuvashskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury, istorii i etnografii, 1954. 64 s.

Kokovtsov, Pavel Konstantinovich. Yevreisko-hazarskaya perepiska v X v. Leningrad: Academia, 1932. 170 s.

Kropotkin, Vladislav Vsevolodovich. Bulgarskie monety X veka na territorii Drevnei Rusi i Pribaltiki [The 10th century Bulgar coins in the territory of Old Rus' and the Baltic region], in Halikov, Al'fred Hasanovich (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i Rus'* [*The Volga Bulgaria and Rus'*]. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1986. S. 38–62.

Kuzeev, Ravil' Gumerovich. *Problemy etnicheskoi istorii narodov Srednego Povolzhya i Yuzhnogo Urala s serediny vtoroi poloviny I tysyacheletiya n.e. do XVI v.* [*Problems of the ethnic history of the peoples of the Middle Volga and Southern Ural regions from the second half of the 1st millenium AD to the 16th century*]. Ufa, 1987. 67 s.

Lebedev, Gleb Sergeevich. *Epoha vikingov v Severnoi Yevrope* [*The Viking Age in Northern Europe*]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1985. 286 s.

Limonov, Yurii Alexandrovich. Letopisanie Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi [The Vladimir-Suzdal' Rus' Chronicle writing]. Leningrad: Nauka, 1967. 199 c.

Mel'nikova, Yelena Alexandrovna. Baltiysko-Volzhskii put' v rannei istorii Vostochnoi Yevropy [The Baltic-Volga route in the early history of Eastern Europe], in *Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzhya IX–XII vekov: materialy mezhdunar. simpoziuma* [*International contacts, trade routes and towns in the 9th to the 12th century Middle Volga region: The materials of the international symposium*]. Kazan': «Master Lain», 1999. S. 80–87.

Merpert, Nikolai Yakovlevich. *K voprosu o drevneishih bolgarskih plemenah* [*On the question of the earliest Bulgar tribes*]. Kazan': Izdatel'stvo Gosudarstvennogo muzeya Tatarskoi respubliki, 1957. 37 s.

Petruhin, Vladimir Yakovlevich. *Nachalo etnokul'turnoi istorii Rusi IX–XI vekov* [*The beginning of the ethno-cultural history of Rus' in the 9th to 11th centuries*]. Smolensk: «Rusich»; Moskva: «Gnozis», 1995. 320 s.

Sedov, Valentin Vasil'evich. Vengry v Vostochnoi Yevrope [The Magyars in Eastern Europe], in *Finno-ugry i balty v epohu srednevekovya* [*The Finno-Ugrians and the Balts in the Middle Ages*]. Moskva: Nauka, 1987. S. 336–339.

Smirnov, Alexei Petrovich. O vozniknovenii gosudarstva volzhskih bulgar [On the emergence ot the state of the Volga Bulgars], in *Vestnik drevnei istorii*. 1938. Nr. 2 (3). S. 99–112.

Smirnova, Ol'ga Ivanovna. K imeni Almisha, syna Shilki, tsarya bulgar [On the name of Almush, Shilki's son, the ruler of the Bulgars], in *Tyurkologicheskii sbornik*. 1977. Moskva: Nauka, 1981. S. 249–255.

Trepavlov, Vadim Vintserovich. Traditsii gosudarstvennosti v kochevyh imperiyah (ocherk istoriografii) [Traditions of statehood in nomadic empires (a historiographical essay)], in Mongolica. K 750-letiyu «Sokrovennogo skazaniya» [Mongolica. To 750th anniversary of «The Secret History of the Mongols». Moskva: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1993. S. 169–189.

Fahrutdinov, Ravil' Gabdrahmanovich. *Ocherki po istorii Volzhskoi Bulgarii* [*Essays on the history of the Volga Bulgaria*]. Moskva: Nauka, 1984. 216 s.

Halikov, Al'fred Hasanovich. O stolitse domongol'skoi Bulgarii [On the capital of pre-Mongol Bulgaria], in *Sovetskaya arheologiya*. 1973. Nr. 3. S. 83–89.

Halikov, Al'fred Hasanovich. Velikoye pereselenie narodov i yego rol' v obrazovanii varvarskih gosudarstv, in Ot doklassovyh obschestv k ranneklassovym. Moskva: Nauka, 1987. S. 88–103.

Halikov, Al'fred Hasanovich. *Tatarskii narod i yego predki* [*The Tatar people and its ancestors*]. Kazan', 1989. 220 s.

Halikova, Yelena Alexandrovna. Magna Hungaria, in *Voprosy istorii*. 1975. No. 7. S. 37–42.

Halikova, Yelena Alexandrovna. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv.* [*Moslem burial grounds of the Volga Bulgaria from the 10th to the early 13th century*]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1986. 160 s.

Hvol'son, Daniil Avraamovich. *Izvestiya o hazarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah* [*The data on the Khazars, Burtas, Bulgars, Magyars, Slavs, and Rus'*]. Sankt-Peterburg, 1869. 212 s.

Hlebnikova, Tamara Alexandrovna; Kazakov, Yevgenii Petrovich. K arheologicheskoi karte rannei Volzhskoi Bolgarii na territorii TASSR [On the archaeological map of the early Volga Bulgaria in the territory of TASSR], in *Iz arheologii Volgo-Kamya* [*From the archaeology of the Volga-Kama region*]. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala AN SSSR, 1976. S. 100–136.

Hlebnikova, Tamara Alexandrovna. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Bolgarskogo gorodischa. Stratigrafiya. Topografiya [The history of the archaeological research of Bolgar. Stratifraphy. Topography], in Fedorov-Davydov, German Alexeevich (ed.). *Gorod Bolgar* [*The town of Bolgar*]. Moskva: Nauka, 1987. S. 32–88.

Huzin, Fayaz Sharipovich. *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII v.* [*Bulgar town from the 10th to the early 13th century*]. Kazan': «Master Lain», 2001. 480 s.

Shtukenberg, Alexandr Antonovich. Drevnyaya kurgannaya mogila okolo derevni Belymer (Bulymer) v Spasskom uyezde Kazanskoi gubernii [The ancient mound burial near the village of Belymer (Bulymer) in Spasskii district of Kazan' region], in *Izvestiya obschestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete.* 1893. T. X. Vyp. 2. S. 155–160.

Chichurov, Igor' Sergeevich. *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviarii» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarii* [*Byzantine historical works: Chronografia of Pheophanes, Breviarium of Nicephorus. Texts, translation, commentary*]. Moskva: Nauka, 1980. 215 s.

Erdely, Istvan. Vooruzhenie drevnih vengrov kak istochnik po istorii osnovaniya Vengerskogo gosudarstva [The armament of the early Magyars as a source on the history of the formation of the Hungarian state], in *Uralo-altaistika. Arheologiya. Etnografiya. Yazyk* [*Uralo-Altaic Studies. Archaeology. Ethnography. Language*]. Novosibirsk: Nauka, 1985. S. 14–15.

Yakubovskii, Alexandr Yur'evich. K voprosu ob istoricheskoi topografii Itil'a i Bulgar v IX i X vekah [On the question of the historical topography of Itil' and Bolgar in the 9th and 10th centuries], in *Sovetskaya arheologiya*. 1948. T. X. S. 255–270.

Bakay, Kornél. Archaologische Studien zur frage der Ungarischen staatsgrundung, in *Acta Archaeologica*. 1967. T. 19. Fasc.1/2. S. 105–173.

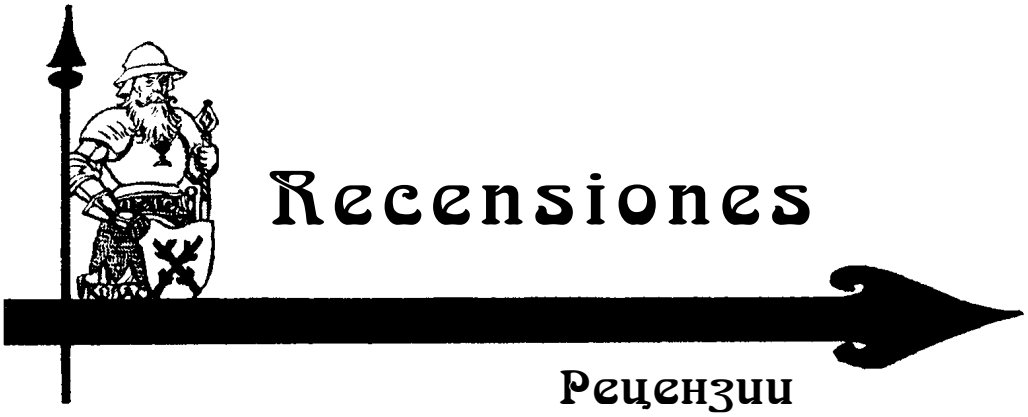
Golden, Peter. *Khazar studies. A historic-philological inquiry into origins of the Kazars. Vol. 1–2.* Budapest: Academiai Kiado, 1980. 292 p.

Kristo, Gyula. *Hungarian history in the ninth century*. Szeged, 1996. 231 p.

Noonan, Thomas. The Khazar economy, in *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1997. Vol. IX. P. 253–318.

Noonan, Thomas. What can archaeology tell us about the economy of Khazaria, in *The archaeology of the steppes. Methods and strategies*. Napoli, 1994. P. 331–245.

ББК 63.3(0)4; УДК 94(4) 04/14



А. К. Шагинян

Андрей Юрьевич Митрофанов. «Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV–XI в.). Москва: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2010. 432 с. (с французским резюме). (Серия «Материалы по истории церкви». Книга 45).

Монография А. Ю. Митрофанова посвящена сложнейшим историко-юридическим и социальным проблемам, обусловившим становление корпуса канонического права в раннесредневековую эпоху. Выбор темы исследования, ее научное обоснование, точное определение предмета и объекта исследования предполагают наличие у автора соответствующего высокого уровня подготовки в области знаний, как древних языков, так и новых. Указанные обстоятельства также предполагают наличие у него необходимой эрудиции в области раннесредневековой палеографии, кодикологии, дипломатики, а также владение приемами иных вспомогательных исторических дисциплин, связанных с историей тогдашнего права. Автору присуща также увлеченность избранной проблематикой исследования, выдающая в нем уже сформировавшегося ученого в области истории христианской мысли, церковных институтов и отношений церкви и государства в раннее средневековье.

Характеризуя структуру рецензируемой монографии, состоящей из девяти глав, необходимо отметить четкий и логический метод рассуждения и исследования, которому неукоснительно следует ее автор. Он последовательно рассматривает основные этапы развития и становления канонического права, начиная с IV в., выявляя различия в кодификации канонического права на византийском Востоке и латинском Западе, во многом предопределившие великую схизму 1054 г. и последующее разделение христианских церквей на две ветви.

В обширном «Введении» (С. 13–41) автор характеризует актуальность избранной темы и обосновывает необходимость ее исследования, выдвигая ряд хорошо продуманных научных аргументов. При этом он подробно останавливается на проблеме генезиса юридической теории «симфонии властей». С точки зрения А. Ю. Митрофанова, данная теория, сформулированная византийским императором Юстинианом I Великим (527–565) в VI «Новелле», адресованной константинопольскому патриарху Епифанию (520–535), в действительности была предопределена задолго до его обширных преобразований. Она стала логическим следствием конкретной протекционистской политики позднеримской государственной власти по отношению к христианской Церкви, начавшейся после знаменитого Медиоланского (Миланского) эдикта 313 г. и отразившейся в 16-й книге «Кодекса Феодосия» — византийского императора Феодосия II (408–450).

Поэтому автор прав, говоря о невозможности рассмотрения теории «симфонии» в качестве универсальной идеологической модели отношений церкви и государства, оторванной от социально-политических реалий Поздней Римской империи. Последующая рецепция теории «симфонии», проявившаяся в фактическом ее заимствовании авторами византийского сборника «Эпанагога» (конец IX в.), влияние теории «симфонии» на соотношение церковных и гражданских установлений, формировавших средневековые армянские «Судебники» Мхитара Гоша (1120/30–1213) из исторической Великой Армении и Смбата коннетабля (1208–1276) из Киликийского Армянского королевства, подтверждают тезис А. Ю. Митрофанова о неразрывной связи между теорией «симфонии» и породившей ее позднеримской государственной системой. Как в Византийской империи времен Армяно-Македонской династии (867–1056), так и в Киликийской Армении времен династии Рубинидов (1080–1219) и Хетумидов (1219–1342) «симфоническая» модель отношений церкви и государства, унаследованная от позднеримского права, серьезно корректировалась с учетом местных общественно-политических реалий.

Исследуя генезис теории «симфонии» священства и царства, автор монографии успешно продолжает научную традицию, основа которой была заложена еще в работах отечественного богослова, авторитетного историка Церкви Ф. А. Курганова (1844–1920). Каноническое право предстает в представленном исследовании в качестве широкого понятия, объемлющего как юридические документы, изданные полномочной церковной властью (Римскими епископами, соборами), так и гражданское, в первую очередь императорское законодательство, описывающее положение христианской церкви в позднеримском и ранневизантийском обществе. Изучение этого права, по мнению А. Ю. Митрофанова, способствует исследованию влияния римской правовой культуры на обширных просторах, раскинувшихся на трех континентах от берегов Атлантического океана на Западе до долины Евфрата на Востоке уже после крушения единого «*pax romana*». Однако не следует ему забывать тот факт, что в этот ареал «римского мира» в 72 г. н.э. окончательно были включены мало-армянские земли к западу от

Верхнего Евфрата, а после 387 г. – еще и западные области Великой Армении к востоку от Верхнего Евфрата.

Затем автор подводит читателя к первой главе (стр. 42–84) основного текста своей монографии, которая называется «Церковно-юридическая (каноническая) литература «до псевдо-исидоровского» периода и динамика ее развития (IV–VIII вв.)». Она представляет собой подробный анализ формирования источниковедческой базы исследования, — тех юридических памятников обозначенного периода, которые легли в основу корпуса канонического права христианской церкви в раннее средневековье, и в значительной степени остаются таковой до сих пор. Здесь А. Ю. Митрофанов исследует проблему формирования таких древнейших кодексов канонического права, как «Антиохийская Синтагма», «Испанское Собрание» св. Исидора Севильского, «Codex Vetus romanus» и т.д. При этом он характеризует акты соборов и постановления различных авторитетов (Римских епископов, отцов церкви, императоров), которые оказали влияние на последующую эволюцию раннесредневековых систематических сборников канонического права, а именно «Византийского Номоканона из 50 титулов» (VII в.), «Армянской книги канонов» (720 г.) и «Псевдо-Исидорова собрания» (849–852 гг.).

Вторая глава (С. 85–161) «Научная традиция изучения церковно-юридической литературы раннего средневековья» посвящена подробному обзору и анализу историографии, связанной с исследованием памятников канонического права. Как пишет автор рецензируемой монографии, историографическая традиция изучения памятников канонического права берет свое начало в трудах гуманистов Николая Кузанского и Лоренцо Валлы, а затем плодотворно развивается в эпоху Реформации и Контрреформации в качестве архивно-антикварного дискурса в трудах Ж. Сирмонда, Ц. Бароний, Ф. Лаббе, Х. Жюстелля и Г. Бевереджа. Критическая методология применялась к памятникам канонического права раннего средневековья по мере развития архивных и текстологических навыков исторического исследования. Труды Л. Дюшена, Э. Бабюта, К. Турнера, Э. Шварца знаменовали собой подлинный расцвет историко-правового направления в изучении истории христианской церкви, ставшего знаковым для развития медиевистики на рубеже XIX и XX в.

Как показал А. Ю. Митрофанов, традиции, заложенные перечисленными учеными, получили свое органическое продолжение во второй половине XX в., в исследованиях Ш. Мунье, А. Сцуроми, М. Петолетти. Отдельный раздел второй главы посвящен сложной и временами драматической истории отечественной историко-правовой школы, представители которой в лице В. Н. Бенешевича и других посвятили себя исследованию истории канонического права.

Третья глава (С. 162–203) «Развитие идеи первенства Римского епископа в ранневизантийскую эпоху и “геласиевская” экклесиология» представляет собой исследование генезиса доктрины примата Римского епископа в IV–V вв. В ней сопоставление широкого круга правовых источников позволяет автору сделать вывод о становлении папского примата на латинском Западе в указанную эпоху как о свершившемся факте, игнорировавшемся на византийском, армянском и сирийском Востоке.

Небольшая четвертая глава (С. 204–209) «Папа Геласий (492–496) и проблема рецепции римского церковного права», призвана выявить и продемонстрировать внутреннюю логику церковно-общественного движения, которое привело к возвышению Римской кафедры в условиях остготского нашествия в конце V в. А. Ю. Митрофанов прихо-

дит к выводу о решающем значении протомонофизитской стратегии византийского императора Анастасия I (491–518) для возрождения папского авторитета в Италии при Геласии I (492–496).

Следующая, пятая по счету глава (С. 210–241) называется «Древнейшие сборники церковного права в ранневизантийскую эпоху и “Квеснеллово Собрание”». Она принадлежит, на наш взгляд, к числу наиболее удачных разделов рецензируемой книги. Ее автор осуществил подробный анализ рукописной традиции «Квеснеллова Собрания» — правового кодекса Римской церкви, созданного при папе Геласии и включавшего древнейший корпус латинского канонического права — *Codex Vetus romanus*. Исследовав древнейшие списки этого памятника, такие, как Аррасский кодекс 644 из библиотеки аббатства святого Вааста, Айнзидельнский кодекс 191 из библиотеки киновии Святой Марии Отшельников и ряд других списков, А. Ю. Митрофанов, в Приложении к своей монографии решил представить критический текст *Codex Vetus romanus* — этого важнейшего памятника канонического права IV в.

Сравнительно небольшая шестая глава (С. 242–263): «Динамика церковно-государственных отношений в IV–V вв. и их значение для “геласиевского возрождения”» посвящена генезису протекционистской политики позднеримской государственной власти и ее значению для развития канонического права и его кодификации.

Следующая, седьмая глава (С. 264–278) «Влияние “геласиевского возрождения” на эволюцию римского церковного права» представляет собой исследование и анализ истории и кодификации канонического права на латинском Западе, преимущественно в Италии, Галлии и Испании в период, последовавший вслед за знаменитыми реформами римского аббата VI в. Дионисия Малого, но предшествовавший составлению «Псевдо-Исидоровых декреталий».

Восьмая по счету глава (С. 279–302) называется «Итоги кодификации церковного права в постисидоровский период: “Собрание канонов” Ансельма Луканского». Она посвящена исследованию рукописной традиции «Собрания канонов» Ансельма, епископа Луканского (1036–1086), ставшего главным юридическим источником для составления прославленного Декрета Грациана в 40-х гг. следующего, XII века.

Наконец, девятая глава (С. 303–319) «Римское церковное право и византийский “Номоканон”» представляет собой сопоставление принципов и методов формирования латинских «собраний» канонов предграциановской эпохи (XI в.) и византийского Номоканона из 14 титулов (IX в.).

Заключительный раздел книги (С. 320–331), где содержатся основные выводы ее автора, озаглавлен «Историческое и правовое значение кодификации церковного права в раннее средневековье». Эти выводы дают возможность представить модель периодизации развития и кодификации канонического права в период раннего средневековья, проследить развитие канонического права в более поздние эпохи.

Мы считаем, что А. Ю. Митрофанов выполнил исследование, чрезвычайно важное для современного византиноведения и медиевистики, в значительной степени продолжив дело дореволюционных отечественных историков права и выведя текстологическое изучение источников канонического права на уровень, позволяющий делать важные исторические обобщения. Вместе с тем нам бы хотелось высказать ему несколько предложений и возражений и, наконец, задать вопросы, ответы на которых мы так и не смогли обнаружить в рецензируемой книге.

1. Исследуя динамику соборного движения в раннехристианской церкви (IV–VI вв.), А. Ю. Митрофанов неоправданно, как нам кажется, ограничивается упоминанием лишь тех церковных соборов, которые созывались в пределах единой Римской империи, а затем тех двух империй и этнонациональных государств, которые возникли после ее распада. При этом, он, совершенно, игнорирует целый ряд соборов Армянской церкви того периода, когда между Армянской церковью и восточными греческими патриархатами все еще сохранялось евхаристическое и молитвенное общение. Ему следовало бы включить в индекс восточных церковных соборов позднеримской эпохи (глава первая, стр. 72–75) упоминание о Первом Армянском национально-церковном соборе, созванном велико-армянским архиепископом св. Нерсэсом I (353–373) и царем Аршаком II (350–ок. 368) в Аштишате в 356 г., определившего не только принципы внутреннего устройства Армянской церкви на основе канонов Никейского Вселенского собора 325 г., но и присоединившегося к осуждению арианской ереси. А. Ю. Митрофанов мог бы также упомянуть Валаршапатский собор 366 г., созванный теми же лидерами Великой Армении, который ознаменовал автокефалию Армянской церкви от греческих митрополитов Кесарии Каппадокийской. Кроме того, следовало бы упомянуть II Аштишатский собор 435 г., подтвердивший осуждение Нестория и его учителей, Шахапиванский собор 444 или 446 г., утвердивший значительное число значимых для Армянской церкви постановлений. II Валаршапатский собор 491 г. с участием не только армянских, но и иберийских и албанских епископов, признавший «Энотикон» или «Акт единения», предложенный византийским императором Зеноном (474–491), который позволил после халкидонского раскола 451 г. стимулировать церковное общение между греками и армянами.

Кстати, последнее обстоятельство во многом «компрометировало» константинопольского патриарха Евфимия (490–496) в глазах римского папы Геласия I, канонической и политической позиции которого посвящена целая глава (четвертая) рецензируемой книги. Список церковных соборов, созванных в Армении в обозначенный период, на этом не исчерпывается. В Двине – тогдашней столице Персидской Армении – было созвано еще два собора — в 506 и 554 гг. и вновь с участием не только армянских, но и иберийских и албанских епископов. На них армянский католикосат, под церковно-канонической юрисдикцией которого на правах ограниченной автокефалии находились также престолы сопредельных стран Южного Кавказа (Иберии и Албании), осудил халкидонскую формулировку «символа веры», выработав официальный догмат собственный веры, которому он придерживается до настоящего времени[1].

2. Упоминая армянского архиепископа Аристакэса (глава первая, стр. 68), принимавшего участие в работе Никейского собора 325 г., А. Ю. Митрофнов ограничился ссылкой на критическое издание подписей участников собора Гельцера, Хильгенфельда и Гюнтца. К сожалению, он не упомянул хорошо известное науке предание Агафангела — автора так называемой «Первой Истории Армении», важное для понимания причин быстрой внутриармянской рецепции никейских канонов уже в 356 г. в вышеупомянутом Аштишате. Кроме того, по свидетельству Агафангела, Аристакэс был рукоположен в архиепископы Великой Армении только после возвращения из Никеи,

[1] Подробнее об этом см.: *Шагинян А.К.* Раннесредневековая Армянская церковь в контексте борьбы между халкидонитами и антихалкидонитами на Христианском Востоке // Религиоведение. № 3. 2008. С. 63–77.

а на тот момент Армянскую церковь все еще возглавлял основоположник и отец этого Аристакэса — св. Григор Просветитель.

3. Отмечая принятие правил «Антиохийской синтагмы» «Армянской книгой канонов», А. Ю. Митрофанов ограничился лишь ссылкой на критическое издание, подготовленное В. Акопяном еще в 1960-е гг. (глава первая, стр. 68). Стоило бы упомянуть, что эта книга канонов в ее окончательной редакции была сформирована и утверждена сравнительно поздно – на VI Двинском соборе 720 г. по благословению католикоса Йовханнэса III Одзнеци (717–728). Как отметили выше, в эту эпоху Армянская церковь давно и уже окончательно порвала с византийской традицией. В то же время перевод постановлений Первых трех Вселенских Соборов (Никейского, 325 г., Константинопольского, 381 г. и Эфесского, 431 г.), а также правил «Антиохийской синтагмы» с древнегреческого языка на древнеармянский язык грабар, как верно отмечает А. Ю. Митрофанов, был предпринят еще в первой половине V в. Доподлинно известно, что до изобретения алфавита Месропом Маштоцем в 405 г. армянские епископы использовали древнегреческий или сирийский текст соборных постановлений.

4. Перечисляя в третьей главе народы Христианского Востока, отпавшие от Кафолической церкви (стр. 166), А. Ю. Митрофанов забывает перечислить армян и народов Южного Кавказа (иберов и албанцев). Перечисляя там же поместные церкви Востока, «…имеющие апостольское происхождение в той же степени, что и Римская…», он забывает упомянуть и Армянскую Апостольскую церковь, которая, доказано, возводит начало к апостольской эпохе, когда Фаддей и Варфоломей в велико-армянском городе Аштишат в 68 г. учредили кафедру[2]. Поэтому авторитетный раннехристианский теолог Тертуллиан (155/65–220/40), перечисляя в книге «Против иудеев» (197 г.) народы, исповедующие христианство, упоминает среди них и армян. И поэтому «отец церковной истории» Евсевий Кесарийский (ок. 263–340) под 251–255 гг. упоминает о письме Александрийского епископа Дионисия «О покаянии к братьям в Армении, где епископом был Мехружан».

5. Предпринятое А. Ю. Митрофановым исследование рукописной традиции «Собрания канонов» Ансельма, епископа Луканского, все еще оставляет без ответа вопрос относительно того, насколько широко тот допускал возможность применения «справедливой войны» против схизматиков (глава 8, С. 298), обоснованной в 13-й книге этого сборника. Как убедительно доказал автор А. Ю. Митрофанов, «Собрание канонов» Ансельма Луканского оказало определяющее влияние на рецепцию канонического права в первой половине XII в. вплоть до Декрета Грациана. (Об этом мы уже писали выше.) Однако хочется спросить у коллеги, находила ли ансельмовская идея «справедливой войны» против схизматиков свое практическое применение в этот период за пределами католической Европы, в частности, влияла ли она на сложные отношения между первыми крестоносцами и византийцами, описанные в «Алексиаде» византийской царевной Анной Комниной, или, скажем, на отношения между крестоносцами и киликийскими армянами? Каков был в целом характер реальной правоприменительной практики, проистекавшей из церковно-юридических сборников в ранее средневековье?

6. Упоминая в различных разделах комментарии патриарха Антиохийского Вальсамона (1193–1199) на Номоканон и Синтагму, подробное рассмотрение которых, впрочем,

[2] Подробнее об этом см.: *Гуайта Дж.* 1700 лет верности. История Армении и её Церкви / Пер. с итал. Л. Харитонова, А. Рыжевской и С. Капелюшникова. М., 2002. С. 41–70.

выходит за хронологические рамки рецензируемой книги, автор отмечает различную методологию Грациана и Вальсамона, обусловленную различным пониманием ими принципов церковной организации. Однако, по нашему глубокому убеждению, он оставляет открытым важный вопрос: допустимо ли сопоставление известных антилатинских выпадов Вальсамона и антиармянских правил Трулльского собора 692 г., ставшего, по словам кардинала Питры, основой византийской церковной дисциплины?

Высказанные замечания и рекомендации, а также озвученные вопросы ни в коей мере не умаляют значение выполненного А. Ю. Митрофановым исследования. Монография А. Ю. Митрофанова «Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV–XI вв.)» должна быть признана оригинальным и важным исследованием, ценным вкладом в отечественную медиевистику.

Данные о статье

Работа выполнена на средства гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД-1664.2012.6, проект: «Раннесредневековая география стран Южного Кавказа (Закавказья) и Армянского нагорья».

Автор: Шагинян Арсен Карапети, профессор кафедры истории народов стран СНГ Исторического факультета СПбГУ, Полномочный представитель ректора Ереванского государственного университета в Санкт-Петербурге и Северо-Западном ФО РФ, доктор исторических наук a_shaginyan@mail.ru

Заголовок: Андрей Юрьевич Митрофанов. «Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV–XI в.)». Москва: Изд-во Крутицкого подворья, 2010. 432 с. (с французским резюме). (Серия «Материалы по истории церкви». Книга 45).

Резюме: Рецензия на книгу Андрея Юрьевича Митрофанова по раннесредневековому церковному праву и его кодификации. По мнению рецензента, монография должна быть признана оригинальным и важным исследованием, ценным вкладом в отечественную медиевистику.

Ключевые слова: Папство, Римская церковь, Квеснеллово Собрание, Собрание Ансельма Луккского, Поздне-Римская империя, Ранняя Византия

Список использованной литературы:

Гуайта, Джованни. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви. Москва: FAM, 2002. 416 с.

Митрофанов, Андрей Юрьевич. Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV–XI в.). Москва: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2010. 432 с.

Шагинян, Арсен Карапети. Раннесредневековая Армянская церковь в контексте борьбы между халкидонитами и антихалкидонитами на Христианском Востоке // Религиоведение. 2008. № 3. С. 63–77.

Information about the article:

The study was carried out on the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – Doctors of History МД-1664.2012.6, project: “The Early Medieval Geography of the Southern Caucasus (Transcaucasia) and the Armenian Highland’s Countries”

Author: Shahinyan, Arsen, Department of History of CIS countries’ people, Faculty of History, Saint-Petersburg State University, Professor, Representative of the President of Yerevan State University in Saint-Petersburg & North-West Federal District of the Russian Federation, Doctor of History a_shaginyan@mail.ru

Title: Andrew Mitrophanoff. «The Church Law and its Codification in the Early Middle Ages (4-11 Centuries)». Moscow: Izd-vo Krutickogo podvorya, 2010 – 432 p. (with French summary) – (Series “The materials on the history of the church”. The 45-th book).

Abstract: The review on the book of Andrew Mitrophanoff about early medieval **c**hurch law and its codification. According to the reviewer's opinion, this monograph should be recognized as an original and important study, a valuable contribution to the Russian medieval studies.

Key words: Papacy, Roman Church, Quesnelliana Collection, Collection of Anselme of Lucca, Last Roman Empire, Early Byzantium.

References:

Guaita, Govanni. *1700 let vernosti. Istoriya Armenii i ee Cerkvi* [*1700 years of faithfulness. The History of Armenia and its Church*]. Moskva: FAM, 2002. 416 s.

Mitrophanoff, Andrew Yur'evich. *Cerkovnoe pravo i ego kodifikaciya v period rannego srednevekov'ya (IV–X I v.)* [*The Church Law and its Codification in the Early Middle Ages (4-11 Centuries)*]. Moskva: Izd-vo Krutickogo podvor'ya. Obshestvo lyubitelei cerkovnoi istorii, 2010. 432 s.

Shahinyan, Arsen Karapeti. Rannesrednevekovaya Armyanskaya cerkov' v kontekste bor'by mezhdu chalkidonitami i antichalkidonitami na Christianskom Vostoke [The Early Medieval Armenian Church in the context of the struggle between Chalkedonians and Anti-Chalkedonians at the Christian Orient], in *Religiovedenie*. 2008. Nr. 3. S. 63–77.

ББК 63.3(2)Укр.; УДК 94(477)

А. В. Блануца

Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст. Київ: Темпора, 2012. XXII + 450 с., іл. ISBN 978-617-569-060-4

Оригинальное название монографии Виталия Михайловского сразу вызывает интерес не только специалистов по проблематике генезиса украинской шляхты, но и широкого круга читателей. Автор обосновывает первую часть названия тем, что подольская шляхта «в результате специфики обитания на Кордоне стала сообществом эластичным, чем выделялась среди других привилегированных корпораций того времени». С этим можно полностью согласиться ввиду того, что на сегодня существуют лишь более-менее удовлетворительные наработки из истории волынской шляхты, шляхты центральной Украины и Галиции, зато мало освещены проблемы развития привилегированных корпораций Киевщины и Северщины. Эти регионы по большей части исследовались современными историками в территориальном аспекте, в частности, в трудах Е. Русиной и П. Кулаковского. Поэтому как следует классифицировать киевскую и северскую шляхту, которая также развивалась на Кордоне, — вопрос открытый.

Структурно книга состоит из введения, шести разделов, выводов, послесловия, дополнений, и двух аннотаций (на английском и польском языках). Во вступительном слове автор сообщает читателям, что книга написана в антропологическом ключе и должна донести всю полноту информации о подольской шляхте периода позднего средневековья — раннего Нового времени, от самых ранних письменных упоминаний о первых обладателях Западного Подолья и до времени смерти последнего монарха из династии Ягеллонов — Сигизмунда II Августа.

Первый раздел традиционно посвящен анализу историографии и источников исследования, последние детально охарактеризованы по типам. Дальше идут основные разделы книги, которые струтурированы по хронологическому принципу. Во втором разделе о Подольском княжестве во времена владычества братьев Кориатовичей конца 40-х годов XIV ст. – в 1394 г. автор делает попытку очертить княжеское окружение.

Отдельный параграф этого раздела посвящено краковскому воеводе и старосте Спитку из Мельштина, новому князю на Подолье на протяжении 1395–1399 гг.

Далее следует раздел о временах инкорпорации Подолья в первой трети XV в. в состав Польского королевства, когда начался процесс укоренения шляхты в местную привилегированную корпорацию. Особое внимание сосредоточено на взаимоотношениях короля Ягайла и великого князя литовского Витовта в борьбе за Подолье в первой трети XV ст. Отдельно реконструирован и проанализирован персональный состав слуг и подданных обоих властителей. Четвертый раздел посвящен подольской шляхте во второй четверти XV в., когда делает успешную карьеру семья господ из Бучача. Здесь указан персональный состав их слуг и клиентов.

Пятый раздел охватывает период второй половины XV – первой половины XVI в., период массового прилива служебной шляхты, которая органично вливалась в местную привилегированную подольскую корпорацию. Здесь показано на конкретных примерах карьеры именитых родов, урядников разных статусов и рангов. Например, автор указывает на феномен рода Ярмолинских, примеры служебных лифтов из мещан в шляхту, развитие и укрепление иностранных служебных шляхтичей, реанимационные процессы рода Лянцкоронских на востоке Польского королевства и т.д. Последний же раздел монографии является своеобразным аккордом, итогом в исследовании подольской шляхты, отмеченной как «эластичное сообщество». В последнем подразделе показана структура подольского шляхетского сообщества (высшие урядники, средняя и мелкая шляхта и их слуги) по материалам поборовых реестров Подольского воеводства в 1563 и 1565 гг.

В выводах исследователь коротко обобщает свои наработки, после чего идет послесловие Наталии Яковенко с символическим названием «Именитые и безыменные на окраине Европы». В дополнениях автор публикует итинерарии высших подольских урядников (воевод, кастелянов и старост) отмеченного времени, а также 44 фотографии, которые преимущественно сделаны самим В. Михайловским.

Обобщая, можно назвать книгу Виталия Михайловского исчерпывающим источником по истории подольской шляхты двух сложных веков украинской истории.

Данные о статье:

Автор: Блануца, Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Украины средних веков и раннего нового времени Института истории Украины Национальной академии наук Украины, Киев. an_blan@mail.ru

Заголовок: Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст. Київ: Темпора, 2012. xxii + 450 с., іл. ISBN 978-617-569-060-4.

Резюме: В обзоре работы киевского историка Виталия Михайловского представлены новейшие проблемы генезиса подольской шляхты конца средневековья – раннего Нового времени.

Ключевые слова: эластическая общность, подольская шляхта, князья Кориатовичи, Кордон, Королевство Польское, Великое княжество Литовское.

Information about the article:

Author: Blanutsa, Andrey Vasilievich, Ph. D. in History, Institute of History of National Academy of Science of Ukraine, Kiev. an_blan@mail.ru

Title: Mihailovs'kii V. Elastichna spil'nota. Podil's'ka shlyahta v drugii polovini XIV – 70th rokah XVI st. Kiiv: Tempora, 2012. xxii + 450 s., il. ISBN 978-617-569-060-4 (review).

Abstract: In the review is presented actual problems of genesis of the gentry of Podilia region from the late Middle Ages to the Early Modern Time.

Key words: elastic community, nobles of Podilia, princes from dynasty of Koriatovych, border, Kingdom of Poland, Grand Duchy of Lithuania.

ББК 63.3(2)Укр.; УДК 94(477)

В. П. Кононенко

Пилип Орлик: життя, політика, тексти: Матеріали Міжнародної наукової конференції “Ad fontes” до 300-річчя Бендерської конституції 1710 р. Київ, НаУКМА, 14–16 жовтня 2010. / Нац. ун-т «Києво-Могилян. акад.»; ред.-упор. Н. Яковенко. Київ.: Унів. вид. «Пульсари», 2011. 295 с. ISBN 978-617-615-0015.

Многим украинским, и не только украинским историкам, биография и деятельность Филиппа Орлика представляются уже достаточно изученной и, главное, политизированной темой, которая не представляет особого научного интереса. Это мнение основано на том, что «Договора и постановления» 1710 г. в качестве одной из наиболее важных составляющих казацкого мифа стали краеугольным камнем модерного украинского национального проекта. Поскольку столпы украинской национальной идеи детально изучались в историографии с момента их развития, то это представление вполне закономерное, но в отношении к деятельности украинского интеллектуала и политика ложное[1].

Понятно, что Украина раннего нового времени не укладывается в исследовательские модели изучения западноевропейской истории. Более того, украинское государство (Войско Запорожское, Малая Русь, Украина, Гетманщина, Гетманат) имело много отличий и от других регионов Центральной Европы: оно была одновременно частью «Византии после Византии (Byzance après Byzance) и милитарных степных обществ, о чем прямо свидетельствует наиболее распространенное самоназвание государства. Запутанность и переплетенность политических и правовых традиций, которые послужили истоками «Договоров и постановлений» 1710 г. и основой творчества Филиппа Орлика вообще, делает проведение исследования последнего очень непростой задачей. Однако, рассмотрение Бендерской конституции 1710 г. в рамках понятий, в которых

[1] Примером того, что «Договора и постановления» 1710 г. относятся к малоизученной теме, есть издание юбилейного тома «Пактов и конституций» Украинского казацкого государства», в котором не нашлось места современному историческому анализу текста документа.

осмысливалась тогдашняя общественно-политическая жизнь, — очень актуальная тема для понимания многих сюжетов истории раннего нового времени не только Украины, но и всей Центрально-Восточной Европы.

Появление на свет «Материалов Международной научной конференции “Ad fontes”» (к 300-летию Бендерской конституции) о жизни Филиппа Орлика, представило много интересных интерпретаций деятельности избранного в эмиграции гетмана и связанных с ним сюжетов. В первой рубрике, посвященной биографии украинского гетмана, Владимир Александрович представил графические портреты сверстников Филиппа Орлика, Татьяна Лютая провела генеалогические исследования семейства Мазепы, Оксана Прокопюк та Максим Яременко изучили начало карьеры будущего гетмана в качестве кафедрального писаря, Валентина Соболь проанализировала интересные ведомости из дневника Орлика за 1724 г., а Татьяна Таирова-Яковлева рассмотрела вопрос личной религиозности гетмана-изгнанника.

Свидетельством того, что политический наставник Филиппа Орлика — Иван Мазепа — пытался в своей политике проводить умеренную модернизацию государственных структур Гетманщины, стало выше указанное исследование Татьяны Лютой. Согласно данным украинского исследователя, гетман давал земли старшине и Церкви, но не своим родичам. В этом Иван Мазепа отличался от своего предшественника — Ивана Самойловича, который злоупотреблял своей властью для обогащения своего клана. Из последних выше приведенных статей также следует принадлежность Филиппа Орлика к оригинальному типажу светского интеллектуала, заинтересованного религиозными вопросами. К примеру, в своем дневнике эмиграционный гетман с большим интересом сравнивал греческое пасхальное богослужение с украинским и очень интересовался темой о схождении благодатного огня в Иерусалиме.

В другой части издания помещены материалы об интеллектуальном и культурном аспекте жизни Филиппа Орлика. Джованна Броджи Беркофф представила интересное исследование о религиозной и светской традиции написания панегириков при дворе Ивана Мазепы. Елена Дзюба рассмотрела вопрос наличия книг Юстуса Липсия в библиотеках могилянских профессоров как источника формировании политических взглядов Филиппа Орлика. Лариса Довга проанализировала использование термина «отчизна» в проповедях церковных интеллектуалов Киевской митрополии второй половины XVII в. Ярослав Затылюк исследовал представления светской элиты времен Филиппа Орлика о предках «казацкого малороссийского народа» и о киево-русском наследстве. Игорь Захара в своей статье отметил высокий уровень преподавания философии в Киево-Могилянской Академии. Петр Кроль изучил деятельность Филиппа Орлика и восприятие «Договоров и постановлений» 1710 г. в польской историографии. Сергей Серяков проанализировал первые модернизационные изменения в Виленской иезуитской академии в 1680-е гг., когда в ней учился будущий гетман.

В этой рубрике особенно интересным представляется изучение Ярослава Затылюка «модели» истории казацких интеллектуалов, которая, как известно, игнорирует прошлое Киевской Руси. Этот вопрос стал ключевым для русистов в их исследованиях исторических нарративов второй половины XVII в. Однако решение этой проблемы с «киево-русской» перспективы – задача не из легких, поскольку первая редакция так называемой «Летописи Грабянки» (1670-е гг.) и «Летопись Самовидца» (1703 г.) были написаны людьми с церковной элиты. Следовательно, традиционная интерпретация,

согласно которой казацкие произведения не представляли киево-русского прошлого, поскольку не были членами церковного клира, оказывается ложной.

По нашему мнению, ключевым в казацкой историографии есть вопрос выбора «значимого» прошлого. Для поколения, которое в 1670-е гг. вошло в творческую стадию своей жизни, этим прошлым стала Хмельниччина с хронологически глубокой «хазарской» легендой, похожей на центральноевропейские мифологемы. Следовательно, модель светской истории Гетманщины была закономерной в развитии украинского общества, а не уникальным явлением. То, что светская элита на Правобережье прямо, а на Левобережье косвенно (что подчеркивает исследователь), противилась политическим реалиям, которые истекали из исторической модели «Синопсиса», свидетельствует об этом (исследование Я. Затылюка).

В другой статье этой рубрики итальянская исследовательница Дж. Броджи Беркофф обратила внимание на двор гетмана Ивана Мазепы и рассмотрела его как основной фактор централизации политической власти и формировании светской культуры. Она пришла к выводам, что гетманский двор не преуспел ни в первом, ни во втором. Нужно отметить, что многие историки пытаются сравнивать европейские модели развития с украинскими реалиями, не замечая специфики регионов, составляющих современную Украину. К примеру, немало явлений, схожих с западноевропейскими, в украинской истории раннего нового времени имели другие культурные и цивилизационные причины своего возникновения.

В следующей рубрике представлены статьи о политическом контексте того времени: Ирины Дмитришин о мазепинцах на французской службе, Алексея Сокирко относительно сведениях о Филиппе Орлике в документах из фонда канцелярии генерал-адмирала Федора Апраксина Российского государственного архива Военно-морского флота, Владимира Пришляка об общих страницах биографий Орлика и Апостола.

В разделе, посвященном Бендерской конституции 1710 г., Александр Галенко представил свое видение истоков идей Филиппа Орлика с перспективы степных политических традиций, Виктор Горобец проанализировал идеальную модель Гетманщины согласно «Договорам та постановлениям», Гари Маркер на основе изучения латинской терминологии текста «Pacta et Constitutiones» аргументировал ее принадлежность к «средневековым конституциям»[2]. Также Мирослав Трофимук представил информацию о находках текстов конституции, а Виталий Щербак проанализировал место «Договоров и постановлений» в украинской политической мысли и государственной практике.

Особый интерес вызвало видение «Договоров и постановлений» Александром Галенко в контексте степных традиций отношений между правителями и элитой. Однако, создание этой модели без внимательного изучения традиций договоров между элитой Войска Запорожского и монархами Центрально-Восточной Европы от Зборовских пактов и всех следующих постановлений, статей и конституций делает этот подход односторонним.

[2] На сегодняшний день исследователи располагают аутентичными полными документами конституции 1710 г.: староукраинским оригиналом («Договоры и постановлєля правъ и вольностєй войсковых межи яснєвєлможнымъ єго милостию паномъ Филлипомъ Орликомъ новоизбраннымъ Войска Запорожского гетманом…») и оригинальной копией («Pacta et Constitutiones legum libertaumque Exercitus Zaporoviensis…») – перевода на латынь. См.: *Німчук В.* «Договори і постанови прав і вольностей військових…» 1710 року з погляду історії української мови // «Пакти і конституції» Української козацької держави (до 300-річчя укладнення) / Відп. ред. В. Смолій; упорядники М. Трофимук, Т. Чухліб. Львів, 2011. С. 27–30.

В издании также помещен текст Джованни Манискалко Базиле, согласно которому, договорной стороной в Бендерской конституции 1710 г. выступали Бог, шведский король, гетман, генеральная старшина Гетманщины и верхушка Войска Запорожского Низового. С этой перспективы анализа «Договоров и постановлений», на наш взгляд, открывается возможность исследования этого документа как проекта «завета» между Богом и эмиграционной элитой, которая собралась в Бендерах. Интересно, что такое рассмотрение вкладывается в концепцию «заветных» наций Энтони Смита, согласно какой в раннее новое время возникло два варианта таких обществ (монархический и республиканский). В раннее новое время, как считает известный исследователь, были настолько крепкими связи, порожденные религиозными взглядами и обрядами, что можно говорить о существовании «национализма, основанного на завете». Более того, в этой форме национализма можно увидеть первую стадию позднейших светских национальных движений[3]. Украинским реалиям 1710 г. тоже были присущи черты республиканской нации, элита которой «уложила» завет с Богом. В случае победы над Петром I, она обязывалась хранить чистоту киевского Православия и древние права и вольности, остановить автократические влияния Москвы на украинских гетманов и внедрять в жизнь обществ Гетманщины и Запорожья лучшие «договора и постановления».

Согласно жанру обзора, мы не можем рассмотреть все работы представленного издания, и все-таки надеемся, что наша информация о статьях, посвященных Филиппу Орлику и его деятельности, привлечет внимание исследователей не только украинской тематики раннего нового времени, но и всех интересующихся историей модернизации Центрально-Восточной Европы XVIII в.

Данные о статье

Автор: Кононенко, Василий Петрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины. kononenkovp@ukr.net

Заголовок: Пилип Орлик: життя, політика, тексти: Матеріали Міжнародної наукової конференції “Ad fontes” до 300-річчя Бендерської конституції 1710 р. Київ, НаУКМА, 14–16 жовтня 2010 / Нац. ун-т «Києво-Могилян. акад.»; ред.-упор. Н. Яковенко. Київ.: Унів. вид. «Пульсари», 2011. 295 с. ISBN 978-617-615-0015.

Резюме: В обзоре представлены материалы международной конференции «Филипп Орлик: жизнь, политика, тексты», посвященной 300-летию Бендерской конституции 1710 г.

Ключевые слова: Филипп Орлик, Бендерская конституция 1710 г., Украина, Гетманщина.

Литература, использованная в статье:

Німчук Василь. «Договори і постанови прав і вольностей військових…» 1710 року з погляду історії української мови // «Пакти і конституції» Української козацької держави (до 300-річчя укладнення) / Відп. ред. Валерий Смолій. Львів: Світ, 2011. С. 27–60.

Сміт Ентоні. Культурні основи націй. Ієрархія, заповіт і республіка. Наукове видання. Київ: Темпора, 2009. 311 с.

Information about the article:

Author: Kononenko, Vasilij Petrovich, Ph. D. in History, Institut of History of National Academy of Science, Kiev, Ukraine. kononenkovp@ukr.net

[3] *Сміт Е. Д.* Культурні основи націй. Ієрархія, заповіт і республіка. Наукове видання. Київ: Темпора, 2009. С. 172–173, 176.

Title: Pilip Orlik: zhittya, politika, teksti: Materiali Mizhnarodnoi naukovoi konferencii "Ad fonts" do 300-richchya Benders'koi konstitucii 1710 r. Kiiv, NaUKMA, 14–16 zhovtnya 2010 / Nac. un-t «Kiivo-Mogilyan. akad.»; red.-upor. N. Yakovenko. Kiiv.: Univ. vid. «Pul'sari», 2011. 295 s. ISBN 978-617-615-0015.

Abstract: In review have been analyzed papers of the International Conference «Philip Orlik: life, politics, text» dedicated to the 300th anniversary of the Bender's Constitution of 1710 year.

Key words: Philip Orlik, Bender's Constitution of 1710 year, Ukraine, Hetmanate.

References:

Nimchuk, Vasil'. „Dogovori i postanovi prav i vol'nostei viis'kovih" 1710 roku z poglyadu istorii ukrains'koi movi [„Treaties and laws of military freedom" in 1710 with a view to the history of Ukrainian language], in Smolii, Valerii (ed.). *„Pakti i konstitucii" Ukrains'koi kozac'koi derzhavi (do 300-richchya ukladnennya)*. L'viv: Svit, 2011. S. 27–60.

Smit, Entoni. *Kul'turni osnovi nacii. Ierarhiya, zapovit i respublika* [*Cultural basis of Nations: hierarchy, heritage and commonwealth*]. Naukove vidannya. Kiiv: Tempora, 2009. 311 s.

ББК 63.3(2)Укр.; УДК 94(477)

Т. Г. Таирова-Яковлева

Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии , 2009. 168 с. ISBN 978-5-91041-047-7.

Попытки вытащить из небытия забытые события далекого прошлого и превратить их в поле боя современных историков — лично у меня вызывают искреннее удивление. Как может человек XXI века воспринимать своей личной обидой или радостью сражения, победы или поражения более чем трехвековой давности? Тем не менее, стоило одним отметить нелепый юбилей битвы, которая не имела никакого глобального значения для исторических судеб Украинского гетманства и России, как вторые яростно бросились в бой, находя нелицеприятные аргументы для своих оппонентов.

В таком личностно-эмоциональном подходе тонет научная составляющая исследований — и это явно видно на примере рецензируемой работы И. Б. Бабулина.

Любая историческая работа начинается с обзора историографии и источников. В небольшой книге, представляющей собой, по сути, брошюру, сделать развернутый анализ работ предшественников, разумеется, невозможно. Однако хотя бы дать представление об основных школах и истории развития исторической науки рассматриваемого периода — необходимо. Тогда вряд ли бы возникло впечатление, что украинские исследователи записаны в огульные «враги». И. Б. Бабулин заявляет, что русскую армию украинские историки называют «оккупационной» — но такая лексика присутствует в политизированной публицистике, но вовсе не в академической украинской науке.

Бабулин пишет: «В 90-е годы прошлого века, на волне националистической истерии в украинской исторической науке, многие видные исследователи (В. А. Смолий, В. С. Степанков, Ю. А. Мыцык, О. М. Апанович и др.) ранее прилежно освещавшие события с марксистко-ленинских позиций, вдруг неожиданно изменили свои взгляды и стали украинскими самостийниками и “патриотами”» (С. 45). Честно говоря, мне не ясно, почему у И. Б. Бабулина слово патриоты взято в кавычки. Или он не считает возможным существование украинского патриотизма? Вообще, человеку не самого

юного возраста, не подобало бы упрекать коллег в следовании «марксистко-ленинским позициям». Как известно, не было ни единого историка от студента до академика, который не был бы вынужден им следовать в советские времена. Но в отношении светлой памяти Олены Апанович такое обвинение звучит особенно некорректно, и я не могу не вступиться за ее честь.

Следует напомнить, что еще в 1972 г. О. М. Апанович, известная исследовательница казацкой эпохи, была уволена из института истории АН УССР с формулировкой «за пропаганду буржуазно-националистических идей и дружеские отношения с репрессированными диссидентами», вместе с такими выдающимися историками, как О. С. Компан и Я. И. Дзира. Карьера ее была навсегда сломана, она писала только «в стол». Восстановлена она была в институте только в 1994 г., незадолго до смерти, и упрекать ее в «прилежном следовании марксистко-ленинским позициям» — как минимум нелепо.

Вообще, если обращаться к историографии, то представление о Конотопской битве, как серьезном поражении русского оружия, создали вовсе не украинские историки, но выдающийся русский исследователь С. М. Соловьев. Он писал: «В печальном платье вышел Алексей Михайлович к народу, и ужас напал на Москву… в августе по государеву указу люди из всех чинов спешили на земляные работы для укрепления Москвы. Сам царь с боярами часто присутствовал при работах; окрестные жители с семействами, пожитками наполняли Москву, и шел слух, что государь уезжает за Волгу, за Ярославль»[1]. Бабурин, правда, вскользь упоминает, что «Соловьев не понял», что траур был вызван не числом погибших, а скорбью по гибели молодых дворян, и упрекает выдающегося историка в отсутствии «должного исследования документальных источников» (С. 140). Позволю себе однако согласиться с Соловьевым — траур (не важно, из-за количества или «качества» погибших), паника в Москве и личное участие царя в строительстве укреплений в столице — явления крайне редкие для царствования Алексея Михайловича и свидетельствующие, что современники видели в поражении под Конотопом печальное, серьезное и опасное событие.

Думается, что слишком категоричным звучит и следующее заявление: «Анализ работ Костомарова приводит к выводу о том, что он часто грешил простым переписыванием (компиляцией) малодостоверных источников без должного критического анализа» (С. 45). Историческая наука конечно не стоит на месте, и историки XIX в. иначе относились к источникам, чем это принято в XXI в. По сравнению с В. Н. Татищевым Костомаров был уже образцом источниковеда. Бабулин не учитывает и тот факт, что Костомарову были доступны многие источники, которые к настоящему моменту утрачены — например, казацкое собрание Публичной библиотеки, частные собрания Киева, многие фонды московских архивов и др. Наконец, Бабулин почему-то пользовался современным научно-популярным изданием произведения Н. И. Костомарова, в котором отсутствуют ссылки на источники, имеющиеся в прижизненных изданиях трудов ученого[2].

Вообще, заметно слабое знание Бабулиным историографии вопроса, особенно иноязычной. Он ссылается на статьи П. Кролля и А. Бульвинского, а их монографии[3]

[1] *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга VI. История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 11. С. 50.

[2] *Костомаров Н. И.* Гетманство Выговского // Костомаров Н. И. Монографии и исследования. СПб., 1872. Т. II.

[3] *Kroll P.* Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczą pospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa, 2008; *Бульвінський А. Г.* Українсько-російські взаємини 1657–1659 рр. в умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ, 2008.

посвященные данному вопросу и раскрывающие его значительно шире, обходит молчанием.

Автор демонстрирует также весьма странный и выборочный подход к источникам. Он считает наиболее достоверными сведения о потерях русской армии, сохранившиеся в материалах Разрядного приказа в фондах РГАДА, где, по его мнению, «зафиксированы действительно реальные потери каждого воинского соединения» (С. 146). Однако эти данные должны быть подкреплены другими, нередки случаи, когда воеводы искажали информацию в своих отчетах. Они часто преувеличивали собственные успехи или наоборот – сглаживали неудачи. Яркий тому пример — отписки В. Б. Шереметева из-под Чуднова, буквально накануне капитуляции. Из них можно предположить, что воеводе удавалось добиться значительных успехов в стычках с татарами и поляками. К тому же в РГАДА документы, к сожалению, сохранились отрывочно, часто не хватает отдельных листов или они рассыпаны по разным фондам. Только привлечение всего комплекса источников и их критический анализ может позволить восстановить более-менее объективную картину событий.

При этом Бабулин очень пренебрежительно относится к польским источникам и малороссийским летописям. На протяжении всего текста Бабулин заочно спорит с С. Величко, автором известной казацкой летописи. При этом он дает такую характеристику данного источника: «Речь идет о Летописи Самойло Величко, который сам не мог быть очевидцем данного происшествия, поскольку в то время еще не родился. Добавим также то, что его летопись была написана не ранее начала XVIII века» (С. 45-46). Однако первый том летописи С. Величко, в котором содержится описание битвы под Конотопом, является переводом на украинский язык знаменитого польского произведения С. Твардовского «Wojna domowa». Об этом прямо говорит сам С. Величко, а пользовался он этим источником (с дополнениями различных документов и казацких летописей) именно потому, что не жил во времена Б. Хмельницкого и «Руины»[4]. Поэтому критика Бабуриным Летописи Величко как исторического источника некорректна («Красивая сказки Величко о казаках, взятых Пожарским в ходе погони… скорее всего, сочинены самим летописцем. Напомним, Величко не был свидетелем данного события и писал свою историю, добавляя вымышленные эпизоды, вымышленных лиц и вымышленные речи спустя шестьдесят лет после сражения» — С. 85).

Строго относясь к украинским и польским нарративным источникам, Бабулин почему-то доверяет литературному сочинению Эвлии Челеби, которое представляет собой описание путешествий, полное фантазий и художественных вымыслов автора.

Изучая исключительно военный аспект событий и не затрагивая социально-политические процессы, Бабулин, тем не менее, предлагает собственную концепцию происходивших событий. Он пишет: «События на Украине 1658-1659 гг., связанные с изменой гетмана Войска Запорожского И. Выговского, следует расценивать как казацкий мятеж подданных русского царя — гетмана и части старшины Войска Запорожского». В качестве аргумента Бабулин ссылается на летопись С. Величко (С. 42), о которой он ранее столь пренебрежительно отзывается. Давайте разберемся в самом понятии «казацкий мятеж».

Кто были сторонники И.Выговского? Старшина, казаки большинства полков (за исключением полтавского и миргородского), мещане, шляхта, духовенство. Значит,

[4] *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII. Киев, 1848. Т. 1. С.449-450.

мятеж уже не только «казацкий». Какими были требования «мятежников»? Они просили увеличения жалования или «вольностей» казакам? Нет, они пытались создать «Княжество Руськое» в качестве равноправной части «триединой» Речи Посполитой, с собственным сеймом, монетой и т.д. Они добивались от поляков права создавать академии и школ, уничтожения церковной унии (Гадячский договор). На переговорах с русскими они пытались добиться отмены воеводского правления, самостоятельной церкви, права на внешнеполитические контакты и на Белоруссию (Жердовские статьи 1659 г.)[5]. Так как же можно говорить о казацком мятеже? Вообще, достаточно прочитать обращение к европейским народам Ивана Выговского[6], чтобы понять, что термин Бабулина «казацкий мятеж» не имеет ничего общего с реалиями данных событий XVII в..

Пренебрежительное отношение к польским нарративным источникам и трудам своих предшественников приводит в работе Бабулина к ошибкам и неточностям. Например, говоря об одном из эпизодов битвы, он отвергает возможность существования Стефана Гуляницкого, и заявляет об его участии в битве: «Фантастический рассказ В. Коховского, повторенный Н. И. Костомаровым». Между тем у В. Коховского, современника и официального историка польского короля Яна Казимира, располагавшего уникальными документами и свидетельствами очевидцев, речь идет о «полковнике Гуляницком»[7] (но не Стефане!), а в Войске Запорожском действительно имелся Иван Гуляницкий — в разное время полковник нежинский, корсунский и стародубский[8].

Отбрасывая возможность появления достоверных фактов у Коховского, Бабулин без колебания приводит цифру казацкого войска как 16 000 человек (С. 70) — ссылаясь на А. Бульвинского. Но тот в свою очередь цифру взял у Н. И. Костомарова[9], а последний — у В. Коховского[10].

Главный упор в своем исследовании Бабулин делает на уточнении цифр погибших в сражении (с русской стороны). Для начала, он подсчитывает силы, принимавшие участие в сражении, и приводит цифру: 28 600 русских войск под командой А. Н. Трубецкого (С. 69). Группа Куракина — три полка Ф. Ф. Куракина, С. Р. Пожарского и С. П. Львова, по его данным, «вряд ли могла превышать 5 тыс. человек» (С. 66). В сводном отряде Пожарский, попавший в окружение, имел «не более 6 тыс. человек» (С. 88).

Итак, в окружение попало 6 тыс. человек (берем цифры, которые Бабулин считает достоверными), из них примерно 3,5 тыс. — из полков Пожарского и Львова. Из различных источников мы знаем, что из окружения «мало насилу кто ушел». Большинство пленных, включая весь командный состав, были перебиты по приказу хана. Как пишет сам Бабулин, «лишь считанные единицы из пленников смогли позднее вернуться в Россию, большинство умерли в тяжелых условиях крымской неволи» (С. 110).

Теперь берем те цифры потерь, которые приведены в списках Разрядного приказа, и которые Бабулин считает «точными данными». Потери полков Пожарского и Львова

[5] *Яковлева (Таирова) Т. Г.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1998. С. 341–343.

[6] Архив Юго-Западной России, изданный Временной комиссиею для разбора древних актов. Ч. III. Т. VI. Киев, 1877. № CXXVII. С. 361–369.

[7] *Kochowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza. T. II. Poznan, 1859. S. 24.

[8] *Gajecky G.* The Cossack Administration of the Hetmanate. Cambridge, 1978. P. 613; *Кривошия В. В.* Українська козацька старшина. Київ, 1997. С. 48 и др.

[9] *Бульвінський А.* Конотопська битва 1659 р. // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 81.

[10] *Kochowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza. T. II. S. 22.

(«побито и в полон поймано») составляют там (по двум разным копиям списков) соответственно 256 (289) и 191 (277) человек. Итого 566. Возникает вопрос: а где еще 3,5 тысячи человек, которые тоже, как мы знаем, погибли или попали в плен? Данные Разрядного приказа явно не соотносятся с известными нам потерями Пожарского. Кроме того, общие потери в битвах под Конотопом и при дальнейшем отступлении русских войск указаны в Разрядном приказе как 4179 (4769) человек, а только в разъезде Пожарского погибло или попало в плен около пяти с половиной тысяч. Становится очевидно, что перед нами не «точные сведения», а лишь фрагментарные, относящиеся к каким-то отдельным периодам Конотопской эпопеи и явно не учитывающим разгром отряда Пожарского.

Очень много усилий Бабулин тратит на доказательства того, что «именно крымские татары, а не казаки Выговского разгромили отряд Пожарского». (С. 93). Следует заметить, что такая постановка вопроса неверна. Украинские казаки и их старшина не были во время Конотопской битвы «неактивными» и «неэффективными», они, напротив, предпринимали серьезные меры для прекращения кровопролития. В разгар сражения вся старшина во главе с «гетманом северским» Г. Гуляницким, генеральным обозным Т. Носачем, генеральным судьей Г. Гапановичем, знаменитыми полковниками И. Богуном, П. Дорошенко, М. Ханенко, О. Гоголем и др. призвали союзного с А. Н. Трубецким И. Беспалого остановить военные действия. Они писали: «дивуемся тому не по малу», что «доброволне в неволю поддаетесь и с нами, братьею своею, с которыми вместе хлеб ели есте и против всякого неприятеля стояли, войну ведете и на своих же кровных ближних наступаете»[11]. Две недели позже аналогичные послания были направлены старшиной уже Трубецкому и царю с открытым заявлением: «мы, православными будучи… не желаем кровопролития»[12]. И ведь эти последние послания были уже после поражения армии Трубецкого! Именно это группа старшины затем свергнет И. Выговского с гетманства и начнет переговоры с царем. Об этих политических перипетиях Т. Г. Таирова (Яковлева) подробно писала еще 14 лет назад[13].

На наш взгляд, следует спорить не о том кто кого победил и сколько при этом погибло, но о причинах, почему началось кровопролитие — всего через пять лет после Переяславской рады, какие ошибки лидеров обеих сторон привели к этому и какие из этого можно сделать исторические выводы.

Данные о статье:

Автор: Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран народов СНГ исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета tatyak@webplus.mail.ru

Заголовок: Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии , 2009. 168 с. ISBN 978-5-91041-047-7.

Резюме: В рецензии приводится анализ книги И. Б. Бабулина «Князь Семен Пожарский и Конотопская битва», критикуется источниковедческий подход автора, ведется полемика по ряду концептуальных и фактологических выводов автора, в частности, о численности русских войск в битвах под Конотопом, достоверности польских источников и др.

Ключевые слова: Украина, Украинское гетманство, история казачества.

[11] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 15. СПб., 1892.№ 9. С. 405.

[12] Там же. № 10. С. 417.

[13] *Яковлева (Таирова) Т.Г.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. С. 337–339.

Литература, использованная в статье:

Бабулин Игорь Борисович. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. Санкт-Петербург.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с.

Бульвінський Андрій. Конотопська битва 1659 р. // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 76–83.

Бульвінський Андрій. Українсько-російські взаємини 1657-1659 рр. в умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ: без издательства, 2008. 680 с.

Костомаров Н. И. Гетманство Выговского // Костомаров Н. И. Монографии и исследования. Т. II. Санкт-Петербург: Тип. Т.Т.Стасюлевича, 1872. 367 с.

Кривошия Володимир Володимирович. Українська козацька старшина. Київ: Укртиппроект, 1997. 103 с.

Соловьев Сергей Михайлович. Сочинения. Книга VI. История России с древнейших времен. Т. 11. Москва: Мысль, 1991. 672 с.

Яковлева (Таирова) Татьяна Геннадьевна. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ: Основи., 1998. 448 с.

Gajecky George. The Cossack Administration of the Hetmanate. Cambridge: Harvard university press, 1978. 789 p.

Kroll Piotr. Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzecząpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa: Wydawnictwo Warszawskiego Uniwersitata, 2008. 452 p.

Information about the article:

Author: Tairova (Yakovleva) Tatiana Gennadievna, Doctor of History, professor of the Historical Department, St. Petersburg State University, tatyak@webplus.mail.ru

Title: Babulin I. B. Knyaz' Semen Pozharskii i Konotopskaya bitva. Sankt-Peterburg: Obshestvo pamyati igumenii Taisii , 2009. 168 s. ISBN 978-5-91041-047-7 (review).

Abstract: In the article there is the analyses of the book by I. B. Babulin «Kniaz Semen Pozharskij i Konjtopskajabitva", of its main mistakes (to author's opinion), particularly in the approach to the sources (the quantity of losses during the battle, authentic Polish sources, etc.).

Key words: Ukraine, Ukrainian Hetmanate, Cossack's history.

References:

Gajecky, George. *The Cossack Administration of the Hetmanate*. Cambridge: Harvard university press, 1978. 789 p.

Kroll, Piotr. *Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna mitdzy Rzeczipospoliti a Moskwe w latach 1658–1660*. Warszawa: Wydawnictwo Warszawskiego Uniwersitata, 2008. 452 p.

Babulin, Igor' Borisovich. *Knyaz' Semen Pozharskii i Konotopskaya bitva* [Prince Semen Pozharskk and Konotop battle]. Sankt-Peterburg.: Obshestvo pamyati igumenii Taisii, 2009. 168 s.

Bul'vins'kii, Andrii. Konotops'ka bitva 1659 r. [Konotop battle of 1659], in *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*. 1998. Nr. 3. S. 76 –83.

Bul'vins'kii, Andrii. *Ukrains'ko-rosiis'ki vzaemini 1657–1659 rr. v umovah civilizacijnogo rozmezhuvannya na shodi Evropi* [Ukrainian-Russia relations in 1657-1659 in the terms of civilization division in the Eastern Europe]. Kiev: S. N., 2008. 680 s.

Kostomarov, Nikolaj. Getmanstvo Vygovskogo [The Vyhovsky's hetmanate], in Kostomarov, Nikolaj. *Monografii i issledovaniya.* T. II. Sankt-Peterburg: Tip. T. T. Stasyulevicha, 1872. 367 s.

Krivoshiya, Volodimir Volodimirovich. *Ukrains'ka kozac'ka starshina* ["The Ukrainian Cossack elite"]. Kiev: Ukrtipproekt, 1997. 103 s.

Solov'ev, Sergei Mihailovich. *Sochineniya. Kniga VI. Istoriya Rossii s drevneishih vremen*. [The History of Russia from the ancient times] T. 11. Moskva: Mysl', 1991. 672 s.

Yakovleva (Tairova), Tat'yana Gennad'evna. *Get'manshina v drugii polovini 50-h rokiv XVII stolittya. Prichini i pochatok Ruini* [*The Ukrainian hetmanate in the second part of 50th of the XVII century. The reasons and the beginning of Ruin*]. Kiev: Osnovi., 1998. 448 s.

Список сокращений

ААЭ	—	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией
АИ	—	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссией.
АМГ	—	Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук.
БС	—	Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979
ДАИ	—	Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
НИС	—	Новгородский исторический сборник
НОЛД	—	Новгородское общество любителей древности
ОР РГБ	—	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва)
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)
ПИВЕ	—	Памятники истории Восточной Европы
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РГБ	—	Российская государственная библиотека
РИБ	—	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.
РИО	—	Русское Императорское историческое общество.
РК	—	Разрядная книга.
СГГД	—	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел.
ЦГИА Украины в г. Львове	—	Центральный государственный исторический архив Украины во Львове.
ЧОИДР	—	Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете
AV	—	Arheološki vestnik. Ljubljana.
EAA	—	Eesti Ajalooarhiiv (Исторический Архив Эстонии, Тарту).
RA	—	Riksarkivet, Stockholm.
RA, NOA	—	Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (документы Новгородского оккупационного архива в Стокгольме).
RR	—	Riksregistraturet.
SSBP	—	Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.
ZČ	—	Zgodovinski časopis. Ljubljana.